

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ.
ПОЛИТОЛОГИЯ

Tomsk State University Journal
of Philosophy, Sociology and Political Science

Научный журнал

2023

№ 72

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-30316 от 16 ноября 2007 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере массовых
коммуникаций, связи и охраны культурного наследия

Подписной индекс 44046 в объединенном каталоге
«Пресса России»

Журнал включен в БД Emerging Sources Citation Index (Web of Science
Core Collection) и в «Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные
научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук»
Высшей аттестационной комиссии
(№ 1528)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Суровцев В.А. (Томск, Россия) – главный редактор, доктор филос. наук, профессор. E-mail: surovtsev1964@mail.ru; **Рыкун А.Ю.** (Томск, Россия) – зам. главного редактора (социология), доктор соц. наук, профессор. E-mail: a_gukun@mail.ru; **Агафонова Е.В.** (Томск, Россия) – ответственный секретарь, кандидат филос. наук, доцент. E-mail: agaton@ Rambler.ru; **Сухушина Е.В.** (Томск, Россия) – ответственный секретарь (социология), кандидат филос. наук, доцент. E-mail: elsukhush@inbox.ru; **Скочилова В.Г.** (Томск, Россия) – ответственный секретарь (политология), кандидат филос. наук. E-mail: veronassk@gmail.com; **Борисов Е.В.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Оглезнев В.В.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Сыров В.Н.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Черникова И.В.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Ладов В.А.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Южанинов К.М.** (Томск, Россия) – кандидат филос. наук, доцент; **Щербинина Н.Г.** (Томск, Россия) – доктор полит. наук, профессор; **Кашпур В.В.** (Томск, Россия) – кандидат соц. наук, доцент

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Химма Кеннет Э. (Университет Вашингтона, Сиэтл, США); **Ренч Томас** (Технический университет, Дрезден, ФРГ); **Шефлер Уве** (Технический университет, Дрезден, ФРГ); **Васильев В.В.** (Московский государственный университет, Москва, Россия); **Микиртумов И.Б.** (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия); **Целищев В.В.** (Институт философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия); **Днев В.С.** (Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия); **Джонсон Марк С.** (Университет Висконсина, Мэдисон, США); **Балцер Харли С.** (Университет Джорджтауна, США); **Чалаков Иван** (Университет Пловдива, Болгария); **Вавилина Н.Д.** (Новый сибирский университет, Новосибирск, Россия); **Константиновский Д.Л.** (Институт социологии РАН, Москва, Россия); **Черныш М.Ф.** (Институт социологии РАН, Москва, Россия); **Ярская-Смирнова Е.Р.** (Государственный университет – Высшая школа экономики, Москва, Россия); **Малинова О.Ю.** (Институт информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия); **Соловьев А.И.** (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия); **Чахор Рафал** (Нижнесилезская высшая школа предпринимательства и техники, Польша); **Шестопап Е.Б.** (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия); **Шуберт Клаус** (Вестфальский университет им. Вильгельма, Мюнстер, ФРГ)

EDITORIAL BOARD:

Surovtsev V.A. (Tomsk, Russia) – Editor-in-Chief; **Rykun A.U.** (Tomsk, Russia) – Deputy Editor-in-Chief (Sociology); **Agafonova E.V.** (Tomsk, Russia) – Executive Editor; **Sukhushina E.V.** (Tomsk, Russia) – Executive Editor (Sociology); **Skochilova V.G.** (Tomsk, Russia) – Executive Editor (Political Science); **Borisov E.V.** (Tomsk, Russia); **Ogleznev V.V.** (Tomsk, Russia); **Syrov V.N.** (Tomsk, Russia); **Chernikova I.V.** (Tomsk, Russia); **Ladov V.A.** (Tomsk, Russia); **Uzhaninov K.M.** (Tomsk, Russia); **Shcherbinina N.G.** (Tomsk, Russia); **Kashpur V.V.** (Tomsk, Russia)

EDITORIAL COUNCIL:

Himma K.E. (University of Washington, Seattle, USA); **Rentsch T.** (Technical University Dresden, Germany); **Scheffler U.** (Technical University Dresden, Germany); **Vasilyev V.V.** (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); **Mikirtumov I.B.** (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia); **Tselishchev V.V.** (Institute of Philosophy and Law of SB RAS, Novosibirsk, Russia); **Diev V.S.** (Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia); **Johnson M.S.** (University of Wisconsin, Madison, USA); **Balzer H.S.** (Georgetown University, USA); **Tchalakov I.** (University of Plovdiv, Bulgaria); **Vavilina N.D.** (New Siberian Institute, Novosibirsk, Russia); **Konstantinovskiy D.L.** (Institute of Sociology, Moscow, Russia); **Chernysh M.F.** (Institute of Sociology, Moscow, Russia); **Iarskaia-Smirnova E.R.** (National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia); **Malinova O.Y.** (Institute of Information on Social Sciences of RAS, Moscow, Russia); **Soloviov A.I.** (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); **Czachor R.** (Lower Silesian University of Entrepreneurship and Technology, Polkowice, Poland); **Shestopal E.B.** (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); **Shubert K.** (Westphalian Wilhelm University, Muenster, Germany)

СОДЕРЖАНИЕ

ОНТОЛОГИЯ, ЭПИСТЕМОЛОГИЯ, ЛОГИКА

Мёдова А.А. Проблема образа: феноменологический контекст.....	5
Сахарова А.В. Между доверием и пониманием: зачем нужна популяризация науки.....	16

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Лященко М.Н. Оптимистическая телеология благоустройства Аристотеля и базовая концепция одиночества.....	25
Тетерин А.Ю. Фигура дьявола в контексте метафизики и политической философии Спинозы.....	34
Яковлев В.В. К необходимости переоценки британского деизма XVII–XVIII вв.: положение Джозефа Валигора.....	43
Ястреб Н.А. Рефераты и банкеты: форма и содержание философских диспутов политических ссыльных в Вологде в начале XX в.	57

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Ардашкин И.Б. «Социальный поворот» в теориях терминологического планирования: социолингвистические и социосемантические аспекты.....	64
Горбачева А.Г., Пестунов А.И. О метафорическом понятии «умного» устройства и его применимости в философско-антропологических исследованиях.....	81
Долгих А.Ю. Utopia et criminalia	94
Иванов А.Г. Характеристика работы постпамяти: между индивидуальным травматическим опытом и медиастратегией	109
Мельников М.В. Национализация и приватизация коллективной памяти о культурных травмах: социофилософские аспекты изучения.....	122
Нефедова Л.К., Руди А.Ш. Устойчивость архетипа ребенка в культуре.....	131
Петров В.В. За пределами Болони: перспектива развития отечественных университетов в условиях локализации	142
Ростова Н.Н. Философские истоки постгуманизма: к проблеме нечеловеческого	151

СОЦИОЛОГИЯ

Кашпур В.В., Барышев А.А., Сербина Г.Н., Барышев Г.А. Монотематический экстремизм в зеркале научных публикаций.....	163
Литвинцев Д.Б. Жилищная антиутопия в современном обществе: социологический диагноз.....	180
Марсавина А.В. Критерии эффективности деятельности организаций высшего образования по содействию в трудоустройстве лиц с инвалидностью	190
Мухарямова Л.М., Заляев А.Р. Covid-19 в России: анализ кейсов региональных политик здравоохранения	202
Натсак О.Д. Гендерный анализ законодательного органа Республики Тыва в сравнительном контексте с субъектами Сибирского федерального округа	212
Рахманов А.Б. Винтовки Маузера, пулеметы Максима, пушки Круппа, коммуникативная связность и концепция легитимного господства Макса Вебера. Часть первая.....	230

ПОЛИТОЛОГИЯ

Мухаметов Р.С. Институт сопредседателей в Российских политических партиях.....	241
Петухов А.Ю., Полевая С.А., Каминченко Д.И. Влияние современных СМИ на политические ценности индивида на примере RT и ВВС	253

CONTENTS

ONTOLOGY, EPISTEMOLOGY, LOGIC

Medova A.A. The problem of image: Phenomenological context	5
Sakharova A.V. Between trust and understanding: Why popularize science?	16

HISTORY OF PHILOSOPHY

Lyaschenko M.N. Aristotle's optimistic teleology of well-being and the basic concept of loneliness	25
Teterin A.Yu. The figure of the devil in the context of Spinoza's metaphysics and political philosophy	34
Yakovlev V.V. On the need to reassess British deism of the 17th–18th centuries: Joseph Waligor's provisions	43
Yastreb N.A. Reports and banquets: Forms and content of philosophical debates of political exiles in Vologda at the beginning of the 20th century	57

SOCIAL PHILOSOPHY AND PHILOSOPHY OF HUMANITY

Ardashkin I.B. "Social turn" in theories of terminological planning: Sociolinguistic and sociosemantic aspects	64
Gorbacheva A.G., Pestunov A.I. On the metaphorical concept of a "smart" device and its applicability in philosophical and anthropological studies	81
Dolgikh A.Yu. Utopia and criminality	94
Ivanov A.G. Characteristics of the work of postmemory: Between individual traumatic experience and media strategy	109
Melnikov M.V. Nationalization and privatization of the collective memory of cultural trauma: Socio-philosophical aspects of the study	122
Nefedova L.K., Rudi A.Sh. Stability of the archetype of the child in culture	131
Petrov V.V. Outside Bologna: National universities' development perspective in the localization context	142
Rostova N.N. Philosophical origins of posthumanism: On the problem of the non-human	151

SOCIOLOGY

Kashpur V.V., Baryshev A.A., Serbina G.N., Baryshev G.A. Single-issue extremism in the mirror of scientific publications	163
Litvintsev D.B. Housing dystopia in modern society: A sociological diagnosis	180
Marsavina A.V. Effectiveness criteria of higher education institutions' activities in the field of employment support for disabled people	190
Mukharyamova L.M., Zalyaev A.R. COVID-19 in Russia: Case analysis of regional health policies	202
Natsak O.D. Gender analysis of the legislative body of the Republic of Tuva in a comparative context with the subjects of the Siberian Federal District	212
Rakhmanov A.B. Mauser rifles, Maxim machine guns, Krupp cannons, communication connectivity and Max Weber's theory of legitimate domination. Part One	230

POLITICAL SCIENCE

Mukhametov R. S. The institution of co-chairs in Russian political parties	241
Petukhov A.Yu., Polevaia S.A., Kaminchenko D.I. The influence of modern media on the political values of the individual: On the example of RT and BBC	253

ОНТОЛОГИЯ, ЭПИСТЕМОЛОГИЯ, ЛОГИКА

Научная статья
УДК 165.62
doi: 10.17223/1998863X/72/1

ПРОБЛЕМА ОБРАЗА: ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Анастасия Анатольевна Мёдова

*Сибирский государственный университет науки и технологий
имени академика М.Ф. Решетнева, Красноярск, Россия
Красноярский государственный педагогический университет имени В.П. Астафьева,
Красноярск, Россия, amedova@list.ru*

Аннотация. Метод сравнительно-контекстуального анализа позволяет автору констатировать, что традиционные для проблемы образа гносеологический и эстетический контексты не актуальны для феноменологии, в то время как описания образа, сделанные Гуссерлем в семантическом и интенционально-онтологическом контекстах, парадоксальны. Образ в этих контекстах не есть ни представление, ни остаточный след восприятия, ни этап познания, ни результат работы воображения, ни способ хранения информации в памяти, кроме этого, он находится за пределами семантических отношений. Проведённое исследование выявляет уникальность интерпретации образа Гуссерлем, унаследованную последующей феноменологией.

Ключевые слова: образное сознание, интенциональный объект, символ, репрезентация, Э. Гуссерль

Для цитирования: Мёдова А.А. Проблема образа: феноменологический контекст // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 72. С. 5–15. doi: 10.17223/1998863X/72/1

ONTOLOGY, EPISTEMOLOGY, LOGIC

Original article

THE PROBLEM OF IMAGE: PHENOMENOLOGICAL CONTEXT

Anastasia Anatolievna Medova

*Reshetnev Siberian State University of Science and Technology,
Krasnoyarsk, Russian Federation
Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev,
Krasnoyarsk, Russian Federation, amedova@list.ru*

Abstract. The author elaborates the phenomenological notion of image via a two-sided comparative analysis with its general lexical meaning on the one hand and most typical philosophical approaches to the problem of an image on the other. The article aims at fixing the contexts in which Husserl considered image to emphasize the peculiarity of the phenomenological interpretation of an image. In philosophy, the problem of mental imagery initially arises in the context of problems of perception and imagination. In contrast, in

phenomenology, image is not a perceptual remnant but the “essentially otherwise organized sensation” or sensation of the other level. The understanding of image as the effect of the work of productive and reproductive imagination is no less widespread. However, Husserl persistently differentiates imagination (*Phantasie*) and imaginative consciousness (*Bildbewusstsein*). They are two different types of intentionality. Imagination does not need the perceptual impetus and does not confine to spatial determined objects whereas imaginative consciousness is genetically visual and provoked by a perception of a material carrier of image. The question on the reality of mental imagery is quite typical for philosophical discourse, as well as the answer to it: images do not have the status of real objects. In Husserl, acts of the imaginative consciousness do not intend the objects in their actual givenness though at the same time intentional objects of the imaginative consciousness are conditioned by real material objects, picture, and what is pictured. It is not its carrier (painting, photo) that is perceived as an image, it is not the subject of a picture either. Image in phenomenology is a “gap” between a material carrier and a pictured object into which the image-object emerges. Thus, the phenomenological solving of the question on the ontological status of image is not trivial: this status is many-leveled. In the semantic context, images are conceived as signs or symbols. This context is deeply elaborated, but Husserl’s treatment of image contrasts the common tendency again. Image is void of meaning because imaginative intention eliminates semantic intention. One can say the same concerning aesthetic perception. The consciousness of images is a “non-direct” modified perception of objects beyond the limits of their sensual given, which does not have to be implemented in the aesthetic modus as in the case when we see people in a photograph. The method of comparative contextual analysis reveals that epistemological and aesthetic contexts are traditional for the problem of image but are not relevant for phenomenology. The latter considers the problem of image in intentional-ontological and semantic contexts, and here Husserl’s conclusions are deeply original. Image is not a representation, not a remnant of perception, not a stage of knowledge, not a result of the work of imagination, not a way of saving information in memory, it is beyond aesthetic experience and semantic relations. It can be argued that Husserl discovers the context for the unique interpretation of image, which is possible only in phenomenology.

Keywords: imaginative consciousness, intentional object, symbol, representation, Edmund Husserl

For citation: Medova, A.A. (2023) The problem of image: phenomenological context. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 72. pp. 5–15. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/72/1

Понятие «образ» имеет значительный, до сих пор неисчерпанный объяснительный потенциал для таких наук, как искусствоведение, культурология, семиотика, психология, социология, философия, информатика, когнитивистика. Актуальность проблемы образа для столь различных наук указывает на то, что контексты разработки данного понятия могут принципиально расходиться. Понятие «образ» находится в числе лидирующих по объему и содержательной разнородности своего наполнения. Но отказаться от работы с его инвариантом было бы ошибочно; в результате такого отказа понятие потеряет всякую смысловую определенность, «раздробившись» во множестве дискурсов. Поэтому работа с понятием «образ» ставит перед исследователем двоякую задачу: анализ его специфики должен сопровождаться постоянным удержанием его содержательного ядра. В этой связи наиболее адекватным методом разработки понятия «образ» представляются сравнительные исследования бытования данного понятия, как междисциплинарные, так и в рамках одной науки или теории.

В русле поставленной задачи мы обратимся к особенностям интерпретации образа в феноменологии Э. Гуссерля, показав ее специфичность на фоне обобщающего инвариантного значения этого понятия и тех философских

трактовок, в которых образ понимается как этап познавательного процесса, результат эстетического опыта или ментальное содержание. Методом исследования является контекстуальный анализ. Мы обратимся к основным содержательным контекстам, в которых происходит философская разработка проблемы образа: гносеологическому, онтологическому, эстетическому, семантическому. Итогом работы является демонстрация инородности феноменологической постановки проблемы образа традиционным философским контекстам, что влечет за собой создание уникальной концепции образа.

1. Содержательный инвариант лексемы «образ»

Прежде чем обратиться к феноменологической интерпретации образа, закономерно уточнить его значение для понимания того, что именно интерпретируется. Оптимальный способ решения этой задачи, не уводящий в русло той или иной научной теории, – это этимологический анализ.

Русское слово «образ» является аналогом английского «*image*», которое в свою очередь происходит от латинского *imago*. В латинском языке слово *imago* имеет несколько групп значений: 1) изображение, изваяние, картина; 2) изображение, описание; 3) вид, зрелище; 4) образ, подобие, тень, призрак; 5) отражение, копия, эхо, отголосок; 6) вид, видимость; 7) мысленный образ, представление, понятие, идея [1. С. 491]. Опираясь на лексикографию слов «образ», «*imago*» и задействовав также значение греческого слова «*εἶδος*», мы можем выделить ряд содержательных констант этого понятия, имеющих философские следствия.

1. Образ, даже будучи запечатленным, воплощенным в материи, есть элемент сознания.

2. Образ является «заместителем» объекта, он имеет оригинал.

3. Доступность образа иной природы, чем доступность его объекта (оригинала): он реализуется без непосредственной представленности оригинала.

4. Природа образа – эмпирическая (наиболее распространена трактовка образа как репрезентации чувственных данных).

5. Образ генетически визуален, и, следовательно, пространствен. Аудиальные, перцептивные, обонятельные образы представляют собой экстраполяцию визуального образа на другие модальности восприятия.

6. Несмотря на эмпирическое происхождение, образ обобщен в отличие от конкретных результатов восприятия или фиксации. Образу свойственна целостность, он не фрагментарен.

7. Абстрактно-конкретная природа образа ставит его в тесную связь с понятием, не случайно во многих языках слова *видеть* и *понимать* синонимичны. Этот аспект иллюстрирует этимология греческого слова «*εἶδος*» (*εἶδος*), изначально употреблявшегося в значениях *то, что видимо, форма, очертание, фигура* [2. Р. 482] и лишь затем приобретшего значение *идея*.

8. Образ потенциально эстетичен: каждый образ, в отличие от понятия, содержит возможность оформления в эстетическом модусе.

2. Постановка проблемы образа в феноменологии Э. Гуссерля

Философские интерпретации образа в целом сосредоточены вокруг первой, четвертой, седьмой и восьмой содержательных констант понятия, выделенных выше. Концепт образа вошел в философский дискурс вместе с про-

блемой воображения, сама же проблема воображения традиционно включена в контекст изучения познавательных способностей. Воображение изначально представлялось как остаточные образы, производные от восприятия. Начало этой трактовке в Новое время положили учения Т. Гоббса и Д. Юма. Альтернативный взгляд на воображение как на базовую способность к синтезу предложил И. Кант. Коль скоро воображение есть способность к априорным созерцаниям (AA, V, 190) [3. S. 190], образ не обязательно является воспроизведением или отражением объектов, имеющих в памяти; сознание может самостоятельно конструировать образы. Открытием Канта стало концептуальное различие репродуктивной и продуктивной способности воображения, что нашло продолжение в современных философских теориях репрезентационализма и конструктивизма. С точки зрения проблемного ракурса в философии отчетливо прослеживаются два подхода к рассмотрению образа: в контексте проблемы познания (этот подход типичен, к примеру, для философии символических форм Э. Кассирера и российского неомарксизма) и в контексте описания процессов ментальной деятельности, что характерно для когнитивных наук и аналитической философии.

В феноменологии проблема образа вписана в ее основную топику конститутивной деятельности сознания. Гуссерль уделял серьезное внимание воображению, начиная с «Логических исследований» (*Logische Untersuchungen*, 1900/1901) и вплоть до посмертно опубликованной работы «Опыт и суждение» (*Erfahrung und Urteil. Untersuchungen zur Genealogie der Logik*, 1939). Но при всем этом образ (*Bild*) нельзя назвать одним из основных феноменологических понятий. Не случайно Гуссерль использовал для обозначения работы воображения слово «*Phantasie*» вместо более употребимого со времен Канта немецкого слова «*Einbildungskraft*», содержащего корень *Bild* – картина, изображение. В термине «*Phantasie*» отсутствует намек на то, что воображение действует посредством ментальных образов (*Bilder*), поэтому этот термин обладал преимуществом для Гуссерля [4. P. 70].

Здесь мы встречаем первую отличительную особенность феноменологического подхода Гуссерля – *образ не рассматривается как результат работы воображения*. Воображение (*Phantasie*) есть иной, самостоятельный тип интенционального акта, отличный от создания образов (*Bildbewusstsein*), восприятия или воспоминания. Феноменологический интерес сосредоточен на различии модусов интенции: чем отличается данность сознанию одного и того же объекта, допустим, ландшафта, в актуальном восприятии, памяти, фантазировании или же когда он представлен на картине как пейзаж? Гуссерль пытается уловить ту модификацию перцептивного схватывания, которая превращает его в образное восприятие (*Bildauffassung*), в результате чего предмет дается в сознании аналогично случаю нормальной перцепции, но в то же время является как данный образно «и более не как он сам» [5. S. 491].

Начиная с гёттингенских лекций 1904 г. (HUA XXIII) проблема образа находит развитие в анализе соответствующего типа сознания – *Bildbewusstsein*. Немецкое существительное «*das Bild*» преимущественно употребляется в значениях *картина, рисунок, изображение, фотография, кадр, снимок*¹. Поэтому термин «*Bildbewusstsein*» несет заметный оттенок нагляд-

¹ К русскому значению «образ» ближе немецкое слово «*Gestalt*» – фигура, внешность, образ.

ности. Его можно перевести как образное сознание, но также как визуальное сознание. В переводах на английский язык этот термин фигурирует как *image-consciousness* [6] и как *depicting consciousness* – изображающее сознание [7. P. 202–203].

Образное сознание у Гуссерля – это род презентификации, вовлекающий в себя перцепцию, хотя восприятие и *Bildbewusstsein* суть два полностью различных конститутивных процесса. Сознание образов, рассматриваемое дескриптивно, представляет собой «существенно иначе устроенное ощущение» [8. S. 186]. При работе образного сознания предметность актуальной интенции не тождественна тому, что представлено на чувственном уровне. Например, цвета фотографии не представляют соответствующие цвета снятых предметов, но именно они являются данными восприятия. Серый цвет на фото, очевидно, не репрезентирует сам себя, он репрезентирует некую серую фигурку, которая тоже не самодостаточна как объект восприятия. Работа *Bildbewusstsein* заключается в образовании двойной интенции. Разглядывая фотографию как материальный объект, мы не наблюдаем собственно цвета фотографии, размеры ее фигур, двухмерность и т.п. Мы созерцаем сфотографированный объект. «Могу ли я вообразить, – спрашивает Гуссерль, – будто у меня есть такой сознательный образ, который вызван фотографией? Но это не сознательный образ, а скорее перцептивная видимость. Однако при восприятии она не характеризуется как видимость, потому что это восприятие неполагающее¹ (*setzungslos*), это восприятие с самого начала модифицированное» (HUA XXIII) [9. S. 474, *пер. автора*].

3. Проблема образа в интенционально-онтологическом контексте

Гуссерля, как и большинство его предшественников, интересует связь образа с ощущением и формы доступа сознания к образам. Но при этом возникает уникальный контекст исследования образа, возможный только в феноменологии. Мы назовем его интенционально-онтологическим, так как он связан с проблемой статуса реальности интенциональных предметов образного восприятия. До Гуссерля ответ на вопрос о том, насколько реален образ, казался очевидным – образ есть фикция, перцептивный осадок. Но феноменологический подход принципиально меняет ракурс этого вопроса, поскольку интенциональный предмет не может быть несуществующим; акт сознания не может быть направлен на ничто.

Конституируя предметность в регионе «материальная вещь», сознание имеет дело с чувственной схемой (*sinnlich Schema*), которая принадлежит сущности вещи и задана ей самой. Она «мотивирует возможные перцептивные процессы, которым я могу и должен отдаться в свободном оформляющем (*gestaltender*) воображении, если я хочу теперь прояснить значение соответствующих модусов определения вещи и, следовательно, содержание вещного бытия» (HUA IV) [10. S. 35, *пер. автора*]. Но данность вещи подразумевает не только наполнение ее чувственной схемы. Параллельно конституируется ее материальность, актуальная данность [10. S. 35–38]. Если понимать образ как заместитель объекта в шестом его лексическом значении

¹ Непологающий акт сознания – акт, не позиционирующий свой предмет как актуально данный.

(представление, понятие, идея), то, казалось бы, он и выступает результатом конститутивного оформления предметности. Но это не так, поскольку образно восприятие не сообщает своим объектам статус актуального присутствия.

Ключевой вопрос для понимания того, как *Bildbewusstsein* формирует свои объекты-образы, это вопрос о том, что является интенциональным предметом образного сознания и что предполагается как возможное исполнение этой интенции [9. S. 475]. Мы можем прибегнуть к редукции и попытаться воспринять картину или фотографию, как это делал бы представитель иной культуры, не знакомый с традицией создания художественных изображений, – как просто материальный предмет. Но мы не будем иметь никакого образного представления в таком случае [9. S. 141]. Очевидно, что образная интенция направлена не на изображение на материальном носителе. Но она направлена и не на изображенную предметность, во всяком случае, не прямым образом. Лицо на портрете предстает как присутствующее, но не как действительное [9. S. 43]. Гуссерль вписывает проблему образа в онтологический контекст нетривиально, спрашивая: *что* мы воспринимаем, когда видим изображение? Например, в случае бронзовой скульптуры лошади воспринимается бронзовый предмет или все же лошадь? На первый взгляд, эта постановка вопроса близка к эстетической, однако Гуссерля не интересует здесь возникновение эстетической модификации восприятия, его интересует модус полагания объекта-образа. И эту дискуссию он ведет предельно глубоко и детализированно, заходя значительно дальше, чем традиционное описание образа как иллюзорного объекта или недействительного восприятия. Данный образно предмет является «не как он сам», но Гуссерль не помещает образ и в пятое его лексическое значение (вид, видимость). Онтологический статус образа двойствен; это не продукт фантазии, но это и не форма самоданности вещи сознанию (*Dinggegebenheit*).

4. Асемантичность образа

Примечательно, что проблема образа изначально появляется у Гуссерля не в рамках анализа восприятия, а в семантическом контексте. Об образе впервые упоминается во втором томе «Логических исследований» (1901), посвященном проблеме образования значения языковых выражений, где Гуссерль активно выступает против того, чтобы рассматривать образ как средство понимания.

Он критикует точку зрения, согласно которой понять выражение означает обнаружить соотносящиеся с ним образы фантазии. Выражение может не сопровождаться образными представлениями и не потерять от этого значение. К примеру, чтобы понять, что речь идет о какой-то известной нам персоне, мы отнюдь не должны визуализировать ее облик. И напротив, привлечение наглядности, которая бы усилила интенцию значения слова или выражения, удастся лишь после некоторых усилий, а зачастую не удастся вовсе (LU I, § 17). Тем более неуместно говорить о наглядности, когда значение абсурдно, как, например, в выражении «замкнутая прямая»: наглядное мышление рисует здесь образ замкнутой кривой [5. S. 61–65].

Иными словами, интенция наделения значением не имеет ничего общего с наглядностью или образным мышлением, она не визуальна по своей природе. Это еще один уникальный для феноменологии пункт: образ не семантичен

для Гуссерля в отличие, например, от интерпретации его Кассирером [11]. Даже более того, он противоположен всякой семантике. Если у слова может быть образ, то это его непосредственное звучание, фонетическое своеобразие, уловимое лишь в словах незнакомого языка. Интенция, направленная на слово как чувственный комплекс или образ, несовместима с семантической интенцией, когда слово схватывается как символ; мы либо вслушиваемся в звучание слов, либо улавливаем их смысл. Это легко заметить при многократном повторении слова. Его смысл теряется, и на первый план выступает звучащая фонетика, т.е. семантическая интенция вытесняется образным сознанием.

В гёттингенских лекциях 1904/05 гг. Гуссерль вновь возвращается к идее несовместимости образного восприятия с символической интенцией. Чтобы углубиться в ход рассуждений Гуссерля, нужно ввести предлагаемое им различие между *Bildobjekt* (объект-образ), *Bild* (собственно изображение на материальном носителе) и *Bildsujet* (изображенный предмет, сюжет) [9. S. 18–21]. Во избежание эквивокаций мы будем использовать оригинальную терминологию без перевода.

Bildobjekt – это то, что должно быть воспринято на изображении, картине, фотографии; применительно к произведениям искусства мы назвали бы это художественным образом. Иногда Гуссерль называет *Bildobjekt* вымыслом (*Fiktum*) или видимостью (*Schein*). Объект-образ есть искомый результат работы образного сознания, отличный как от изображенных предметов (*Bildsujet*), так и от материального носителя – холста в раме, фотобумаги, книжных страниц с иллюстрациями и т.п. (*Bild*).

В семантическом контексте новый ракурс приобретает рефлексия подобия, которое востребовано образной интенцией. Символ или знак также имеют подобие в своей основе. Известно, что знаки ранней письменности, иероглифы, пиктограммы являлись схематическим изображением предметов. Сознание образов и сознание символов опосредствованы друг другом так же постоянно, как равенство и подобие [9. S. 142]. Но образная интенция требует для своего осуществления визуального подобия иначе, чем символическая. В отличие от образа связь символа с его значением может быть целиком конвенциональной. Их аналогия зачастую никак не показана, она лишь подразумевается. Мы можем представить некоторую шкалу схожести: до определенной степени подобия образа своему предмету он будет восприниматься как изображение, подобие ниже этой степени превратит визуализацию в знак, схему, иероглиф. Сознание является образным до тех пор, пока у нас есть *Bildobjekt* в появляющемся *Bildsujet*, визуализируемом хотя бы через некоторые моменты сходства. Но разница может оказаться настолько велика, что нас уже не будет беспокоить осознание того, что изображение не похоже на оригинал. Тенденция к отождествлению угаснет вместе с образной интенцией, ее заместит символическая интенция.

Итак, *Bildobjekt* не может быть символом или знаком. В случае знака мы воспринимаем нечто визуально, например слово или дорожный указатель, и внешние интенции присоединяются к этому изображению через простую смежность. Само изображение несущественно, оно есть лишь носитель значения. Но если воспринимается объект-образ, наша интенция не уходит «в сторону» или «сквозь» него, напротив, он дает присутствие изображенному

(Bildsujet), оформляет его существование, хотя и в особом неполагающем модусе. Изображение здесь не второстепенно, оно даже более существенно, чем изображенное. Образ не оставляет ничего «вовне себя», тогда как знак или символ ничего не оставляют «в себе», адресуя интенцию к референту.

Здесь вновь дает о себе знать расщепленность интенционального объекта образного восприятия: возникает как бы двойная интенция, сюжетная и образная. Первая из них схожа с символической тем, что реализуется оригиналом изображения. Например, она адресует к реальному пейзажу или персоне, если это портрет. Вопрос о том, куда адресует образная интенция, более сложен, но очевидно, что образная интенция противоречит семантической. Не обладает она и силой верификации, т.е. гносеологическим модусом; изображения, особенно художественные, не являются подтверждением существования изображенных объектов или указанием на них. Хотя фотографии, казалось бы, таковы, ничего не мешает заснять инсценированные отношения, несвойственную людям внешность и т.п. Если на известном фото Жан-Поль Сартр запечатлен с котом, это должно подтверждать существование кота данного внешнего вида, как и Жана-Поля Сартра (в известном смысле), но в целом констатация реальности является целью фотографирования не в большей степени, чем ее моделирование.

Этот момент приводит нас в самую сердцевину феноменологической проблематики образа: будучи в значительной степени независимым от оригинала, не отсылая к нему как к своему значению и не удостоверяя его, Bildobjekt, тем не менее, нуждается в Bildsujet. Bildobjekt и Bildsujet перетекают друг в друга, не смешиваясь, они осциллируют. Идея образа – это идея изображаемого им предмета. Их единство – образец мерцающего феномена Марка Ришира [12].

5. Уникальность феноменологической интерпретации образа

Очевидно, что феноменологическое понимание образа не вписывается в типичные контексты его рассмотрения. Оно не органично самому пространственному из них исторически первичному гносеологическому контексту, в котором образ трактуется как форма отражения реальности. В этом контексте, в частности в марксистско-ленинской теории, познавательное отношение субъекта к объекту описывается как отношение образа к действительности, опосредованное преобразовательной деятельностью [13. С. 16]. Термин «образ» применяется также к абстрактному мышлению. Мыслительные образы – это понятия, раскрывающие пространственные, временные, динамические структуры объектов и находящие выражение в схемах, графиках, уравнениях; еще более сложными познавательными образами являются научные гипотезы и теории [14. С. 111]. В данной парадигме образ обладает критерием истинности: по отношению к объекту любой образ может оказаться ложным, или относительной истиной, или абсолютной истиной [13. С. 19]. К образу в его феноменологическом прочтении, напротив, неприменим критерий истинности или ложности. Более того, Bildobjekt в известной степени есть отрицание своего оригинала: их схожесть часто бывает очень условной. Примечательно, что при этом не образуется никакой онтологической двойственности, никакого расщепления; явление остается единым. Bildobjekt и Bildsujet не отрицают

друг друга, поскольку существуют в разных формах данности. Например, если цвета изображения не аутентичны, цвет ощущается как «иное» цвета [9. S. 142].

Феноменологическое прочтение образа, предложенное Гуссерлем, чуждо проблематике познавательной деятельности, но равным образом оно чуждо и другому не менее распространенному контексту – эстетическому. Это вызвано тем, что эстетически могут восприниматься не только произведения искусства, но и актуально данные в простой перцепции объекты природы, люди и т.п., и, напротив, восприятие в образном сознании не обязательно сопровождается модификацией эстетического удовольствия. Образ в феноменологии – это скорее тип интенционального акта, презентация и ре-презентация одновременно, сопровождающаяся «косвенной» интенцией [9. P. 360]. Если в эстетической установке мы можем любоваться предметами, например облаками или цветами, в их непосредственной данности, то в образном сознании имеет место «подавленное» восприятие материальной основы и усматривание одного объекта в другом [6. P. XLV–XLVIII]; интенциональные предметности «вложены» друг в друга.

Семантический контекст, в котором впервые у Гуссерля появляется проблема образа, достаточно активно разрабатывается в связи с проблемой символа. Но в отличие от взглядов Кассирера и особенно от теории литургического символа [15; 16. С. 40; 17. С. 111], где символический образ предстает как сверхзнак или «тело» идеи, в феноменологии он чужд какой-либо символичности и не провоцирует семантическую интенцию.

Мы убедились, что понимание образа в феноменологии базируется на первых пяти выделенных нами содержательных константах этого понятия (см. пункт 1), но его трактовку можно назвать уникальной. Гуссерль отсекает все традиционные ходы: он не интерпретирует образ как форму хранения информации, т.е. как представление, дающее возможность обращаться к предмету в его актуальном отсутствии. Проблема образа не включена в феноменологии в традиционный контекст воображения, напротив, она всегда стоит особняком от проблем фантазии и памяти. Более того, сама логика феноменологического подхода предполагает анализ структуры воображения вне концептуальных рамок мысленных образов [18. P. 374]. Также чужд феноменологии дискурс, инициированный тезисом Канта о том, что воображение является необходимым компонентом восприятия, обеспечивающим синтез многообразия (A 120; AA IV, 079) [19. S. 79]. Это имело заметные последствия для философии, в частности, в обсуждении вопроса, зависит ли восприятие от мысленных образов, и если да, то какого типа эта зависимость [20, 21]. Но и этот вопрос не актуален для феноменологии, поскольку перцептивное и образное восприятия разворачиваются с ее точки зрения в принципиально различных модальностях.

Гуссерль, заложивший основы дальнейшего развития феноменологии, изъясил проблему образа из наиболее типичных для нее контекстов – гносеологического и эстетического. Образ в феноменологии не является ни этапом познания, ни специфическим ментальным образованием, это не результат восприятия, но и не результат освоения действительности. Образ – это модифицированное неполгающее восприятие, т.е. восприятие иного порядка.

Список источников

1. *Латинско-русский словарь*: Около 50 000 слов / сост. И.Х. Дворецкий. М. : Русский язык, 1976.
2. Liddell H.G., Scott R. *A Greek-English Lexicon*. Clarendon press, Oxford, 1996.
3. *Kant's Gesammelte Schriften. B. V. Kritik der praktischen Vernunft, Kritik der Urteilskraft*. Königlich-Preußische Akademie der Wissenschaften. Verlag von: Georg Reimer (Berlin), de Gruyter, 1913.
4. Jansen J. *Husserl // The Routledge Handbook of Philosophy of Imagination* / ed. A. Kind. 2016.
5. *Husserl E. Logische Untersuchungen. Zweiter Band – I. Teil: Untersuchungen zur Phänomenologie und Theorie der Erkenntnis*. Tübingen : Max Niemeyer Verlag, 1968.
6. *Husserl E. Phantasy, Image Consciousness, and Memory (1898–1925)* / translated by J.B. Brough. Dordrecht : Springer, 2005.
7. Moran D., Cohen J. *The Husserl Dictionary*. Continuum Philosophical Dictionaries. Continuum / Bloomsbury, 2012.
8. *Husserl E. Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie. Erstes Buch: Allgemeine Einführung in die reine Phänomenologie*. Max Niemeyer Verlag, Halle, 1913.
9. *Husserl E. (HUA XXIII) Phantasie, Bildbewusstsein, Erinnerung: Zur Phänomenologie der anschaulichen Vergegenwärtigungen*. Nijhoff, Den Haag, 1980.
10. *Husserl E. (HUA IV) Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie II: Phänomenologische Untersuchungen zur Konstitution*. Nijhoff, Den Haag, 1952.
11. *Cassirer E. Philosophie der symbolischen Formen. Dritter Teil. Phänomenologie der Erkenntnis*. Felix Meiner Verlag, Hamburg 2010.
12. *Richir M. Sur l'inconscient phénoménologique: Époque, clignotement et réduction phénoménologiques // L'art du comprendre*. Paris: Vrin, 1999. Vol. 8.
13. *Ленинская теория отражения: Истина как гносеологическая категория* : сб. науч. тр. Свердловск : УрГУ, 1983.
14. *Тюхтин В. Образ // Философская энциклопедия* : в 5 т. / под ред. Ф.В. Константинова. М. : Советская энциклопедия, 1967. Т. 4.
15. *Аверинцев С.С. Символ художественный // София-Логос. Словарь*. Киев : Дух і Літера, 2001.
16. *Лосев А.Ф. Миф – Число – Сущность*. М. : Мысль, 1994.
17. *Флоренский П.А. Богословские труды: 1902–1909*. М. : Изд-во ПСТГУ, 2018.
18. *Aldea A.S. Husserl's struggle with mental images: imaging and imagining reconsidered // Continental Philosophy Review*. 2013. 46 (3).
19. *Kant's Gesammelte Schriften. B. IV. Kritik der reinen Vernunft (1. Aufl. 1781)*. Königlich-Preußische Akademie der Wissenschaften. Verlag von : Georg Reimer (Berlin), de Gruyter, 1903.
20. *Strawson P.F. Imagination and Perception // Freedom and Resentment*. London : Methuen, 1974.
21. *Sellars W. The role of imagination in Kant's theory of experience // Categories: A Colloquium* / ed. H.W. Johnstone. University Park : Pennsylvania State University Press, 1978.

References

1. Dvoretzkiy, I.Kh. (1976) *Latinsko-russkiy slovar'* [Latin-Russian Dictionary]. Moscow: Russkiy yazyk.
2. Liddell, H.G. & Scott, R. (1996) *A Greek-English Lexicon*. Oxford: Clarendon.
3. Kant, I. (1913) *Kritik der praktischen Vernunft, Kritik der Urteilskraft*. Königlich-Preußische Akademie der Wissenschaften. Berlin: Georg Reimer, de Gruyter.
4. Jansen, J. (2016) *Husserl*. In: Kind, A. (ed.) *The Routledge Handbook of Philosophy of Imagination*. Routledge.
5. Husserl, E. (1968) *Logische Untersuchungen*. Vol. 2. Tübingen: Max Niemeyer Verlag.
6. Husserl, E. (2005) *Phantasy, Image Consciousness, and Memory (1898–1925)*. Translated by J.B. Brough. Dordrecht: Springer.
7. Moran, D. & Cohen, J. (2012) *The Husserl Dictionary*. Bloomsbury: Continuum.
8. Husserl, E. (1913) *Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie*. Vol. 1. Halle: Max Niemeyer Verlag.
9. Husserl, E. (1980) *Phantasie, Bildbewusstsein, Erinnerung: Zur Phänomenologie der anschaulichen Vergegenwärtigungen*. Den Haag: Nijhoff.

10. Husserl, E. (1952) *Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie II: Phänomenologische Untersuchungen zur Konstitution*. Den Haag: Nijhoff.
11. Cassirer, E. (2010) *Philosophie der symbolischen Formen*. Vol. 3. Hamburg: Felix Meiner Verlag.
12. Richir, M. (1999) Sur l'inconscient phénoménologique: Époché, clignotement et réduction phénoménologiques. *L'art du comprendre*. 8.
13. Loyfman, I.Ya. (ed.) (1983) *Leninskaya teoriya otrazheniya: Istina kak gnoseologicheskaya kategoriya* [Lenin's theory of reflection: Truth as an epistemological category]. Sverdlovsk: UrSU.
14. Tyukhtin, V. (1967) *Obraz* [Image]. In: Konstantinov, F.V. (ed.) *Filosofskaya entsiklopediya: v 5 t.* [An Encyclopaedia of Philosophy]. Vol. 4. Moscow: Sovetskaya enciklopediya.
15. Averintsev, S.S. (2001) *Sofiya-Logos* [Sophia-Logos]. Kyiv: Dukh i Litera.
16. Losev, A.F. (1994) *Mif – Chislo – Sushchnost'* [Myth – Number – Essence]. Moscow: Mysl'.
17. Florensky, P.A. (2018) *Bogoslovskie trudy: 1902–1909* [Theological Works: 1902–1909]. Moscow: St. Tikhon's Orthodox University.
18. Aldea, A.S. (2013). Husserl's struggle with mental images: imaging and imagining reconsidered. *Continental Philosophy Review*. 46(3).
19. Kant, I. (1903) *Kritik der reinen Vernunft* (1. Aufl. 1781). Berlin: Georg Reimer, de Gruyter.
20. Strawson, P.F. (1974) *Freedom and Resentment*. London: Methuen.
21. Sellars, W. (1978) The role of imagination in Kant's theory of experience. In: Johnstone, H.W. (ed.) *Categories: A Colloquium*. Pennsylvania State University Press.

Сведения об авторе:

Мёдова А.А. – доктор философских наук, профессор кафедры философии и социальных наук Сибирского государственного университета науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева, институт социального инжиниринга (Красноярск, Россия); профессор кафедры музыкально-художественного образования Красноярского государственного педагогического университета имени В.П. Астафьева (Красноярск, Россия). E-mail: amedova@list.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Medova A.A. – Dr. Sci. (Philosophy), professor at the Department of Philosophy and Social Sciences, Institute of Social Engineering, Reshetnev Siberian State University of Science and Technology (Krasnoyarsk, Russian Federation); professor at the Department of Musical and Artistic Education, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: amedova@list.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 17.02.2022;
одобрена после рецензирования 26.03.2023; принята к публикации 20.04.2023
The article was submitted 17.02.2022;
approved after reviewing 26.03.2023; accepted for publication 20.04.2023*

Научная статья

УДК 001

doi: 10.17223/1998863X/72/2

МЕЖДУ ДОВЕРИЕМ И ПОНИМАНИЕМ: ЗАЧЕМ НУЖНА ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ НАУКИ

Анна Владимировна Сахарова

*Межрегиональная общественная организация «Русское общество истории и философии
науки», Нижний Новгород, Россия*

*Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Россия, hanna.lazareva@gmail.com*

Аннотация. Ученые пытаются «одарить» общество знанием, однако при таком подходе мы сталкиваемся с «парадоксом экспертов»: научное значение исследования могут оценить только сами ученые. Исходя из этого, коммуникация науки и общества происходит не столько для передачи научного знания, сколько для развития доверия между учеными и обществом. Популяризация помогает науке и обществу сделать первый шаг навстречу друг другу, открывая новые возможности для обеих сторон.

Ключевые слова: научная коммуникация, популяризация науки, общественное понимание науки, эпистемология

Благодарности: исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, грант № 19-18-00494 (продление), <https://rscf.ru/project/19-18-00494/>

Для цитирования: Сахарова А.В. Между доверием и пониманием: зачем нужна популяризация науки // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 72. С. 16–24. doi: 10.17223/1998863X/72/2

Original article

BETWEEN TRUST AND UNDERSTANDING: WHY POPULARIZE SCIENCE?

Anna V. Sakharova

*Russian Society for History and Philosophy of Science, Nizhny Novgorod, Russian Federation
Lobachevsky University, Nizhny Novgorod, Russian Federation, hanna.lazareva@gmail.com*

Abstract. Science is complex and incomprehensible to society. At the same time, the price of misunderstanding between scientists and society can be incredibly high, both representatives of the scientific community and the public are aware of this. So, for the benefit of both parties, it is still necessary to try to build “bridges” between science and society. This communication, to be successful, must be initiated and supported by both parties. Scientists are trying to “gift” society with knowledge; however, with this approach, we are faced with the “expert paradox”: the scientific value of the study can only be truly appreciated by scientists themselves. A person who is not connected with science cannot really understand science and distinguish it from magic or pseudo-scientific delusions. Therefore, communication between science and society takes place not only and not so much to achieve understanding – then for what? For science, popularization serves not so much as a tool for transferring knowledge, but as a tool for building public confidence in science. Popularization helps science to take the first step towards society – by forming the society’s consent and desire to hear and listen to experts from the field of science, receive an education and systematically learn the skills of analysis and critical thinking in the future.

But what does society want from popular science? Does it really matter how a mobile phone works if it works, or how medicines work if they cure diseases? What society wants from science is not an explanation of specific practically applicable research. Society needs a truly royal gift from popular science – an opportunity to get closer to fundamental things and the idea of scientific truth and a great scientific discovery. For society, the popularization of science acts as a benefit in practical and socio-cultural aspects: as a condition for a prosperous life, an ethical guideline, and a source of intellectual tension. Science, explaining its achievements to society, invites it to trust science and climb at least to the first step of its “ivory tower” (which, however, now resembles more a tourist tower) to see the world in a slightly different, more rational perspective compared to ordinary one.

Keywords: scientific communication, popularization of science, public understanding of science, epistemology

Acknowledgments: The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 19-18-00494, <https://rscf.ru/project/19-18-00494/>

For citation: Sakharova, A.V. (2023) Between trust and understanding: why popularize science?. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 72. pp. 16–24. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/72/2

Введение

Представление об *особенной* сложности науки утвердилось в общественном сознании в начале XX в. в результате достижений физики этого периода. Символическую черту «понятной науки» подвел в 1919 г. Альберт Эйнштейн в интервью «New York Times» о теории относительности: «В лучшем случае мою теорию может понять только дюжина человек в мире» («At most, only a dozen people in the world can understand my theory») (цит. по: [1. P. 58]). Эти слова сейчас цитируются в разных вариантах и приписываются разным авторам, но продолжают появляться в разговорах о фундаментальных науках. Иными словами, где-то «в начале XX века растущая профессионализация и специализация заставили ученых воспринимать себя как особую группу, отделенную от простых обывателей» [2. С. 83].

Непринятый дар: Джеймс Линд и витамин С

Идея о разнице в представлениях, принятых в науке и обществе, не нова, и случаев, когда ученый не был услышан своими современниками, немало. Один из возможных примеров – история Джеймса Линда: в его случае провал внешней научной коммуникации привел к серьезным последствиям и человеческим жертвам. Врач Британского флота Джеймс Линд, живший в XVIII в., известен тем, что одним из первых провел серию клинических экспериментов, которые помогли ему выявить продукты, спасающие от цинги, частой болезни моряков в то время, уносящей множество жизней. Во время одного из плаваний Линду удалось провести серию экспериментов – кстати, это было одно из первых клинических испытаний в истории – и определить несомненную эффективность цитрусовых для лечения цинги.

После возвращения из плавания Линд выпустил «Трактат о цинге», в котором во всех подробностях описал, что нужно делать, чтобы спасти моряков. Однако убедить армейское командование и доказать, что его подход эффективен и позволяет избежать цинги у моряков, ему не удалось [3. P. 1–16]. Казалось бы, потенциальная польза (и своевременность) этого исследования была более чем очевидна, но в результате этого провала научной коммуника-

ции «потери британского флота от цинги значительно превысили потери от боевых действий» [4. С. 38].

Обществу (и в частности военно-морским властям) не удалось понять Линда, «дар» его исследования не был принят. Но можем ли мы ждать понимания науки от моряков XVIII в., если даже современные ученые за пределами своей узкой научной области могут оказаться бессильны?

Доверие без понимания: Лайнус Полинг и витамин С

Вспомним в этом контексте историю нобелевского лауреата Лайнуса Полинга. Полинг получил Нобелевскую премию по химии за исследование природы химической связи и Нобелевскую премию мира за деятельность против испытаний ядерного оружия. Однако в 1970 г. Полинг опубликовал книгу «Витамин С и простуда», где предлагал людям употреблять ежедневно огромные, во много раз превосходящие суточную норму дозы витамина С, а чуть позже выпустил книгу о том, что огромные дозы витамина С могут спасти от онкологических заболеваний. Медицинские эксперименты довольно быстро показали ошибочность этих убеждений, более того, исследования, которые проводились в созданном и контролируемом Полингом Институте ортомолекулярной медицины, также показали, что «лечение» витамином С не просто не помогает от рака, а увеличивает риск болезни.

Почему сам Полинг, знакомый с научным методом, блестящий ученый-химик, видя провальные эксперименты по использованию витамина С, не смог критически оценить ситуацию и признать, что с точки зрения науки его метод не работает?

Можно предположить, что, помимо некоторых когнитивных особенностей функционирования такого рода заблуждений (см., например: [5. Р. 505–518]), имело место и хотя бы отчасти повлияло то, что Полинг изначально все же был химиком, а не специалистом в области медицины. Здесь мы в очередной раз [6. С. 254–262; 7; 8. С. 108–112; 9. С. 20–29] можем поставить вопрос о том, как ученые, находящиеся в разных научных сферах, вообще могут общаться с друг другом и достигать взаимопонимания и как преодолеть этот разрыв. В этом случае можно поставить вопрос о том, как один ученый, работая в рамках нескольких научных направлений одновременно, может (а точнее, не может) справиться с этой проблемой «внутри собственной головы».

Мы можем рассматривать этот кейс как подтверждение тезиса об экстремальной сложности науки и о том, как легко попасть в когнитивную ловушку, даже имея невероятную (фактически максимальную из возможных) академическую подготовку.

Несмотря на то что репутация Полинга в научном сообществе к концу его жизни была крайне низкой, популярность его идей в общественном сознании до сих пор чрезвычайно высока: миф о том, что большие дозы витамина С помогают от различных болезней, распространен повсеместно. Общество не может разобраться в научных подробностях, но уверено, что нобелевский лауреат не может ошибаться.

В кейсе Лайнуса Полинга мы видим пример чрезвычайно успешной коммуникации: успешное продвижение ложной идеи привело в лучшем случае к финансовым потерям (покупка БАДов и витаминов), а в худшем – к потере здоровья, а возможно и жизнью. Успех коммуникации Полинга привел к

не менее разрушительным последствиям, чем провал научной коммуникации в случае Линда: в обоих случаях на кону были человеческие жизни, к сожалению, потерянные.

Парадокс эксперта: возможно ли понимание науки обществом?

Получается, что разобраться даже в какой-то одной научной области и отличить науку, какой она представляется ученым, от магии или околонуточных заблуждений для человека, не связанного с наукой, почти невозможно. По большому счету, возможность этого различения по сути (а не некритично опираясь, например, на авторитеты) очень элитарна и возможна разве что в рамках одной научной сферы. Какого же понимания мы ждем от общества и возможно ли оно в принципе? И что нужно сделать науке, чтобы такая коммуникация стала возможной?

Способно ли общество в полной мере принять «дар» знания и ответить науке если не пониманием, то хотя бы признанием его ценности? Как мы уже написали, ссылаясь на сложность и динамичность научного знания, в его «исконном», сугубо научном виде, не способно. Но тем не менее «дарение» [10. С. 443–452] происходит и оказывается возможным, если ученые пробуют объяснить его обществу [11. С. 302] и сделать еще один шаг в науке после самого научного исследования – шаг к коммуникации и взаимопониманию. Ни статьи, ни значимость научных проектов, ни даже прикладные результаты, которые можно использовать в повседневной жизни, как мы видим из истории Джеймса Линда, сами по себе не понятны обществу и нуждаются в объяснении, интерпретации и продвижении. Ученые (и научные коммуникаторы) «договариваются» с обществом о том, что считать наукой, а что вынести за ее пределы, пытаются объяснить, что «работает» с точки зрения науки, а что может навредить, – и все эти процессы происходят не внутри науки, а на поле внешней научной коммуникации.

Разные формы научной коммуникации работают с обществом по-разному. Образование и экспертиза – это формы коммуникации, которые происходят в заданных извне рамках, говоря метафорически, в специально отведенных для этого местах. Они в большей степени нацелены на восполнение дефицита знаний, в то время как основная задача популяризации науки – не столько научить и дать ответы на прикладные вопросы, сколько управлять кредитом доверия, который общество выдало науке с целью сделать свою жизнь лучше. Польза популярной науки, на первый взгляд, не так очевидна, как польза экспертизы и образования: зачем ученым говорить, рискуя оказаться неслышанными и непонятыми, а публике слушать, рискуя ничего не понять и зря потратить свое время?

Популяризация науки: от доверия к пониманию

В отличие от образования и экспертизы популяризация науки не привязана ни к месту (она может происходить где угодно – от научных лабораторий до уличных лекториев), ни к определенной форме (от научно-популярной статьи до Art&Science и научного волонтерства), ни к «нисходящим» отношениям от науки к «простым» людям (она может организовать диалог и дать возможность науке задавать вопросы обществу, а обществу – науке). В этом

и ее слабость (легко потерять «научность»), и ее сила (большой охват и разнообразие языков). Роли в этой коммуникации не так однозначно распределены, как в экспертизе и образовании: конечно, ученый так и остается экспертом, но происходит смещение акцентов и возрастают роль и степень участия общества в науке и роль научного коммуникатора.

Популяризация науки служит не столько инструментом передачи знания, сколько инструментом развития доверия между учеными и обществом. Посетители научно-популярной лекции не смогут рационально оценить рассказ спикера на предмет соответствия реальности: у них просто нет таких компетенций. И вряд ли читатель научно-популярной статьи действительно поймет теорию элементарных частиц с нуля. Популяризация помогает науке сделать первый шаг навстречу обществу – формируя у общества желание слышать и слушать научную экспертизу, получать образование и учиться навыкам критического мышления. Поэтому мы прощаем популяризации науки некоторую поверхностность и малую детальность, которые мы бы не простили при обучении или экспертизе.

Кейс Линда, упоминаемый выше, говорит не столько о дефиците знания у тех, кто ему не поверил, сколько о недостатке доверия между ученым и обществом: Линда не захотели услышать, не выдали ему «кредит доверия», не дали доказать свою правоту на практике.

Если наука сразу переходит к восполнению дефицита знаний публики, не заручившись доверием общества, то она может попасть в ситуацию, выраженную и осмысленную художественно в популярном фильме-катастрофе 2021 г. «Don't look up» («Не смотрите наверх»). Фильм является антиподом обычного голливудского фильма-катастрофы, в котором после обнаружения «угрозы» герой спасает планету под героическую музыку и всеобщее рукоплескание. В фильме «Don't look up» все происходит иначе: ученые-астрономы обнаруживают комету, рассчитывают траекторию ее движения и понимают, что совсем скоро она столкнется с Землей и уничтожит все живое. Это происходит в самом начале фильма, а все оставшееся время ученые пытаются при помощи рациональных аргументов и апелляции к здравому смыслу доказать правительству, обществу и корпорациям реальность угрозы, однако никто не воспринимает их всерьез из-за кризиса доверия к науке.

В фильме осуществляется попытка осмыслить опасность того, что наука окажется в ситуации Кассандры и будет предупреждать о беде, реальность которой очевидна с научной точки зрения, но знания о которой ученые не смогут донести до общества. Здесь же поднимается вопрос о роли ученых в обществе: исследователи, открытые к научной коммуникации и понимающие ее необходимость, хотят влиять на общественное мнение ради того, чтобы принести этому обществу пользу. Но готово ли общество их услышать? Воспринимает ли оно науку как «дар» и способно ли оно этот «дар» принять? Или общество воспринимает эту коммуникацию как еще одно развлечение?

Регулярная коммуникация с миром науки через популяризацию – даже без активного участия в процессе, просто в качестве слушателя лекций/видео/подкастов или читателя научно-популярных материалов – не сделает никого ученым, но может сделать ученых и науку более понятными и близкими. Обществу, в котором принято взаимодействие с наукой ради любопытства

или развлечения, проще «услышать» науку и доверять ей, когда она будет говорить о серьезных или сложных вещах, проще осуществлять с ней коммуникацию, когда то, что наука говорит, пугает (вспомним фильм «Don't look up»), когда то, что она говорит, кажется нереалистичным (как в кейсе с Джемсом Линдом) или когда нужно критично отнестись к тому, что говорит ученый (в лице Полинга, например).

Но какой запрос формирует само общество – к науке, ученым и популярной науке? Чего общество хочет от науки, наверное, в целом понятно: речь об улучшении качества и продолжительности жизни, различных материальных благах. Опрос PEW показал, что 79% людей считают, что наука делает жизнь проще и вносит положительный вклад в качество здравоохранения, питания и окружающей среды [12].

Однако это не объясняет, зачем обществу нужна популярная наука: не все ли равно, как работает мобильный телефон, если он работает, или как действуют лекарства, если они помогают от недугов? Тем более зачем людям знать и понимать что-то о черных дырах, теории элементарных частиц, далеких галактиках и другие фундаментальные и теоретические вопросы?

В популяризации науки как раз такие темы становятся самыми распространенными: наука (в целом) не отвечает на вопрос, какую таблетку выпить от простуды, самыми популярными темами часто оказываются фундаментальные темы и мегапроекты вроде Mars One, ЦЕРНа и LIGO, изучающие возможности полетов на Марс, элементарные частицы, историю Большого взрыва, гравитационные волны, черные дыры и пр. Короткая популярность «прикладных» историй про COVID-19 меркнет на этом фоне.

Запрос общества к популярной науке не в объяснении конкретных практически применимых исследований, а в возможности прикоснуться к научной «истине», проверенному знанию и радости от удавшегося исследования. Обществу от популярной науки нужен не просто дар, ему нужен «великий», воистину королевский дар – возможность приблизиться к самой идее научной истины и большого научного открытия. Нужны не научные нарративы – рассказы о различных научных фактах, а то, что за ними стоит – сама идея науки/истины/знания, идея понимания того, как устроен мир. Общество хочет, чтобы наука стала ближе и доступнее, но при этом нет потребности в десакрализации науки – специальный (а может, даже немного мистический?) ореол непонятности и непостижимости должен сохраняться.

Исходя из этого запроса, общество и формирует образ ученого, который будет «достоин» того, чтобы говорить с ним от имени науки, которого общество хочет видеть. Общество видит ученых как «особых» людей, как бы оно к ним ни относилось: и А. Флеминг, который изобрел антибиотики (полезные для общества), и Р. Оппенгеймер, создававший атомную бомбу (опасную для общества), и С. Хокинг, который исследовал черные дыры («бесполезное» в прикладном смысле), – для общества особенные. И эта особенная роль, этот образ «сверхчеловека» навязывается ученому обществом, а не привносится из научной среды (в научной среде образ ученого совсем иной). Общество видит его не просто как рассказчика – своеобразного Гомера от науки, который рассказывает сказки, но как Харона, который «знает дорогу» и может безопасно проводить туда, куда без него не попадешь, если, конечно, сможешь принять этот дар.

Отдельно может обсуждаться вопрос о мотивации самих ученых заниматься популяризацией науки: ведь, в отличие от образования и экспертизы, в наших нынешних реалиях это или совсем не оплачиваемый, или малооплачиваемый труд. Возможно, ученый принимает эту роль потому, что воспринимает свою профессию не просто как профессию, но как призвание: «Профессия ученого перестает быть особой профессией: в ней сливаются культурная социализация и культурная узость, политическая нейтральность и стремление к власти, возвышенность и корысть, истина и манипуляция фактами. Трудности научной профессии вынуждают ставить вопрос о формировании особой мотивации для занятий наукой, о моральных аргументах в пользу науки, о возрождении идеи „призвания ученого“» [13. С. 21]. А призвание ученого предполагает определенные социальные обязательства: готовность делиться знанием и использовать полученное знание для практической пользы. Если в науке движущая сила ученого – это признание профессионального сообщества, то в популяризации науки – это реализация социальной ответственности и признание широкой публики.

Выводы

Популяризация науки в форме внешней зоны обмена – интеракции ученых и обывателей по поводу значимых социальных проблем – показывает естественные возможности адаптации научного знания к социальным интересам и одновременно повышает интеллектуальный уровень последних.

Популяризация науки направлена в большей степени не на восполнение недостатка знаний и не на обучение критическому мышлению, а на формирование и поддержание доверия общества к науке, а общество со своей стороны формирует запрос не столько на конкретные знания, сколько на демонстрацию самой идеи научной истины и утверждение права на критическое мышление и рациональный скептицизм.

Наука и общество всегда пытаются договориться и никогда не могут завершить разговор, и в этом напряжении непонимания между ними содержится потенциал для развития их обоих. Наука всегда – вне зависимости от действий ее популяризаторов – окружена публичным пространством, которое в зависимости от ситуации задает ей вопросы, высказывает критические замечания, просит о помощи, обвиняет во всех грехах. Она всегда включена в коммуникацию: и агентами этой коммуникации выступают и сами ученые, и преподаватели, и специалисты по продвижению и PR, и научные журналисты, и профессиональные популяризаторы науки. Все они заняты (помимо основной деятельности или в ее рамках) тем, чтобы объяснить понятно и доступно, чем занимается наука, сформировать и поддерживать доверие к ней, чтобы однажды ее «пророчества» оказались услышанными, чтобы наука могла принести и практическую (от спасения жизней до улучшения скорости интернета), и этическую пользу – чтобы помочь обществу довериться науке и сделать шаг хотя бы на первую ступеньку своей «башни из слоновой кости» и увидеть мир немного в другой – более рациональной – перспективе, чтобы наука стала тем самым источником напряжения, когнитивного диссонанса, возмутителем спокойствия, потенциальным нарушителем социальной стабильности, позволяющим сделать шаг к оздоровлению и «интеллектуализации» общества.

Список источников

1. *Bucchi M.* Of deficits, deviations, and dialogues: theories of public communication of science // *Handbook of Public Communication of Science and Technology* / M. Bucchi, B. Trench (eds). London : Routledge, 2008. 263. P. 57–76.
2. *Догуды Ш.* Научная журналистика. Перспективы в цифровую эпоху // *Пособие по общественным связям в науке и технологиях* / под ред. М. Букки, Б. Тренча. М. : Альпина нон-фикшн, 2018. С. 81–108.
3. *Tulchinsky Th.H.* James Lind and Scurvy // *Case Studies in Public Health y* / ed. by Th.H. Tulchinsky. Academic Press, 2018. P. 1–16.
4. *Талантов П.В.* 0,05. Доказательная медицина от магии до поисков бессмертия. М. : АСТ : CORPUS, 2019. 560 с.
5. *Andrade G.* Medical conspiracy theories: cognitive science and implications for ethics // *Medicine, Health Care and Philosophy*. 2020. Is. 23. P. 505–518.
6. *Кун Т.* Структура научных революций: пер. с англ. / сост. В.Ю. Кузнецов. М. : АСТ, 2003. 605 с.
7. *Фейерабэнд П.* Избранные труды по методологии науки. М. : Прогресс, 1986. 542 с.
8. *Никифоров А.Л.* Философия науки: история и методология. М. : Дом интеллектуальной книги, 1998. 280 с.
9. *Дорожкин А.М.* Проблемы построения и типологии зон обмена // *Epistemology & Philosophy of Science*. 2017. № 4. С. 20–29.
10. *Fuller S.* Science as Gift, or Knowledge as the Offer That Cannot be Refused: Introducing Russian Science and Technology Studies // *Philosophy of the Social Sciences*. 2019. Is. 49(6). P. 443–452.
11. *Касавин И.Т.* Наука – гуманистический проект. М. : Весь Мир, 2020. 496 с.
12. *Public and Scientists' Views on Science and Society* // URL: <https://www.pewresearch.org/science/2015/01/29/public-and-scientists-views-on-science-and-society/> (accessed: 23.11.2022).
13. *Касавин И.Т.* Дилемма ученого: после Макса Вебера // *Вопросы философии*. 2019. № 7. С. 18–22.

References

1. Bucchi, M. (2008) Of deficits, deviations, and dialogues: theories of public communication of science. In: Bucchi, M. & Trench, B. (eds) *Handbook of Public Communication of Science and Technology*. London: Routledge. pp. 57–76.
2. Dogwood, Sh. (2018) Nauchnaya zhurnalistika. Perspektivy v tsifrovuyu epokhu [Scientific journalism. Perspectives in the digital era]. In: Bucchi, M. & Trench, B. (eds) *Posobie po obshchestvennyim svyazyam v nauke i tekhnologiyakh* [Handbook of Public Communication of Science and Technology]. Translated from English. Moscow: Al'pina non-fikshn. pp. 81–108.
3. Tulchinsky, Th.H. (2018) *Case Studies in Public Health*. Academic Press. pp. 1–16. DOI: 10.1016/C2015-0-01739-7
4. Talantov, P.V. (2019) *0,05. Dokazatel'naya meditsina ot magii do poiskov bessmertiya* [0.05. Evidence-based medicine from magic to the search for immortality]. Moscow: AST: CORPUS.
5. Andrade, G. (2020) Medical conspiracy theories: cognitive science and implications for ethics. *Medicine, Health Care and Philosophy*. 23. pp. 505–518. DOI: 10.1007/s11019-020-09951-6
6. Kuhn, T. (2003) *Struktura nauchnykh revolyutsiy* [The Structure of Scientific Revolutions]. Translated from English. Moscow: ACT.
7. Feyerabend, P. (1986) *Izbrannye trudy po metodologii nauki* [Selected works on the methodology of science]. Translated from German. Moscow: Progress.
8. Nikiforov A.L. (1998) *Filosofiya nauki: istoriya i metodologiya* [Philosophy of Science: History and Methodology]. Moscow: Dom intellektual'noy knigi.
9. Dorozhkin, A.M. (2017) Design – and typology problems of trading zones. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 4. pp. 20–29. (In Russian). DOI: 10.5840/eps201754462
10. Fuller, S. (2019) Science as Gift, or Knowledge as the Offer That Cannot be Refused: Introducing Russian Science and Technology Studies. *Philosophy of the Social Sciences*. 49(6). pp. 443–452.
11. Kasavin, I.T. (2020) *Nauka – gumanisticheskiy projekt* [Science is a humanistic project]. Moscow: Ves' Mir.

12. Pew Research Center. (2015) *Public and Scientists' Views on Science and Society*. [Online] Available from: <https://www.pewresearch.org/science/2015/01/29/public-and-scientists-views-on-science-and-society/> (Accessed: 23rd November 2022).

13. Kasavin, I.T. (2019) Dilemma uchenogo: posle Maksa Vebera [The scientist's dilemma: After Max Weber]. *Voprosy filosofii*. 7. pp. 18–22.

Сведения об авторе:

Сахарова А.В. – исследователь Межрегиональной общественной организации «Русское общество истории и философии науки» (Нижний Новгород, Россия); младший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Наука, технологии, общество» кафедры философии Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия); директор Парка науки Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия). E-mail: hanna.lazareva@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Sakharova A.V. – researcher, Russian Society for History and Philosophy of Science (Nizhny Novgorod, Russian Federation); junior research fellow, Science-Technology-Society Research Laboratory of the Department of Philosophy, Lobachevsky University (Nizhny Novgorod, Russian Federation); director of the Science Park of the Lobachevsky University (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: hanna.lazareva@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 20.02.2022;
одобрена после рецензирования 27.03.2023; принята к публикации 20.04.2023
The article was submitted 20.02.2022;
approved after reviewing 27.03.2023; accepted for publication 20.04.2023*

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Научная статья
УДК: 124.3:179
doi: 10.17223/1998863X/72/3

ОПТИМИСТИЧЕСКАЯ ТЕЛЕОЛОГИЯ БЛАГОУСТРОЕНИЯ АРИСТОТЕЛЯ И БАЗОВАЯ КОНЦЕПЦИЯ ОДИНОЧЕСТВА

Максим Николаевич Лященко

Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия, megamax82@rambler.ru

Аннотация. Представлена реконструкция одной из исходных концепций одиночества на ранних стадиях развития философского знания, фундирующего взгляд на одинокого человека как на сущее, не принимающее деятельного участия в благоустройении космоса. Предложенная модель не только расширяет горизонт сложившихся представлений об одиночестве в античный период, но и способствует формированию целостного взгляда на процесс его концептуально-смысловой эволюции.

Ключевые слова: одиночество, Аристотель, со-деятельность, телеология

Для цитирования: Лященко М.Н. Оптимистическая телеология благоустройства аристотеля и базовая концепция одиночества // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 72. С. 25–33. doi: 10.17223/1998863X/72/3

HISTORY OF PHILOSOPHY

Original article

ARISTOTLE'S OPTIMISTIC TELEOLOGY OF WELL-BEING AND THE BASIC CONCEPT OF LONELINESS

Maxim N. Lyaschenko

Orenburg State University, Orenburg, Russian Federation, megamax82@rambler.ru

Abstract. The paper presents the reconstruction of one of the original concepts of loneliness – “loneliness as a non-co-active being” – based on the analysis of a large and significant layer of philosophical culture – Aristotle’s philosophy, in which the explication of this phenomenon unfolds in a metaphysical and cosmological context that gives a real meaning to ethics and politics within which the anthropological issues initially developed. The reconstruction of loneliness proposed in the article is based on the connection between the teleological concept and the concept of *koinōnos* (κοινωνία) in Aristotelian philosophy that leads to the construction of Aristotle’s optimistic teleology of well-being, in which a person identifies himself/herself and the meaning of his/her life through integration into the universal process of active purposeful and rational co-participation in the well-being of the cosmos. Loneliness as a result of a person’s “turning-off” from co-participation in this

process is an indicator of the non-entelechy and lack of self-sufficiency of his/her being due to the inability to fulfill his/her destiny. As a result, a person has lost relations not only with the human race, but also with the cosmic Universe. Therefore, Aristotle does not associate loneliness with the "natural desire" to continue a person's life in posterity, which is characteristic to all living beings. The very place occupied by the individual in the society and the fulfillment of his/her destiny ensures his/her unity with both the polis and the cosmos giving him/her the opportunity to self-implement personally. In the article, the author pays attention to the insufficiently studied subject of slaves' loneliness touching on some existential aspects of their being. The author also characterizes the fate of the outcast who due to the "a-polis" existence appears to be a deeply lonely person completely unrelated to the cosmos. The presented reconstruction of loneliness is an attempt to expand the results of previous studies that fit into the rigid scheme of "loneliness – physical isolation" and "loneliness – solitude", and also an attempt to overcome the boundaries of the previous paradigm.

Keywords: loneliness, Aristotle, co-activity, teleology, purpose

For citation: Lyaschenko, M.N. (2023) Aristotle's optimistic teleology of well-being and the basic concept of loneliness. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 72. pp. 25–33. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/72/3

Несмотря на мнение некоторых исследователей о слабовыраженном познавательном интересе античных философов к одиночеству [1. С. 23], можно утверждать, что предметом философского рассмотрения оно становится у Аристотеля.

По всей видимости, обращение Аристотеля к проблеме одиночества – это результат, во-первых, драматического периода в истории древнегреческих полисов, которые вследствие завоевания Македонией утратили свою политическую независимость и «более не ощущались их жителями как самостоятельные единицы, как единое целое» [2. С. 172]; во-вторых, сложного и противоречивого процесса развития философско-рефлексивного мышления, которое вследствие сократовского антропологического поворота, вызванного к жизни кризисным состоянием раннегреческой натурфилософии, обратилось от изучения космоса как «фюсиса» (т.е. природного устройства вещей) к космосу как упорядоченному целому, взаимосвязанному с миром людей [3. С. 59]. С этого момента древнегреческие философы начинают понимать космос не только как физическую (или метафизическую) реальность, но и как реальность этико-политическую, включающую в себя «людей и их жизнь в полисе, которые образуют микрокосмос» [3. С. 62]. Таким образом, происходит вхождение человековедческой проблематики в орбиту познавательного интереса философии через этику и политику. Конечное основание этих низших родов знания¹ – в метафизике, поскольку «через» первоначала и первые причины «и на их основе познается все остальное» [5. С. 68].

В то же время М.Х. Хаджаров отмечает: «Для древнегреческого мышления не характерно было рассматривать человека в его индивидуальности и целостности. Как общество неотделимо от космоса, так и человек неотделим от общества» [6. С. 64]. Поэтому человек не обособляется как объект специального и самостоятельного рассмотрения в древнегреческой философии и не отрывается от космического порядка. Следовательно, реальный смысл этики

¹ С точки зрения Аристотеля, предмет их познания – человек «не есть высшее из всего в мире» [4. С. 179].

и нравственно-антропологических проблем может быть раскрыт с учетом космологического и метафизического контекстов.

Ошибочно полагать, что Сократ, с именем которого связывается антропологический поворот, отрицал существенную связь человека с космосом, как принято считать у антропологически ориентированных интерпретаторов его философии. Он, в отличие от «физиологов», разрабатывавших, очевидно, натуралистическую «антропологию», растворявшую человека в космосе как природном начале («фюсисе»), сосредотачивается на познании нравственной сферы человеческой жизни, смещая логическую акцентуацию в своих теоретических построениях с макрокосмоса на микрокосмос. Однако данная, условно говоря, этико-ценностная антропология позволила Сократу поставить и начать разрабатывать человековедческую проблематику. Ее «ядром» служил морально-нравственный идеал, ориентирующий человека на добродетельный образ жизни, заключающийся в осознании и реализации всеобщей необходимости внесения своего вклада в развитие и процветание полиса. Включенность в со-деятельность (*κοινωνος*)¹ через выполнение своего предназначения определяла суть бытия человека, смысл его существования.

В философии Платона и Аристотеля как «прямых продолжателей логико-философских и политико-теоретических достижений Сократа» [8. С. 125] масштабно развернуто обоснование деятельной природы человека через его со-участие во всеобщем благоустроении космического Целого. Преимущество у Аристотеля, как и у Платона, отдается интеллектуально-созерцательной активности как деятельности, в которой предельно полно раскрывается человеческая сущность [4. С. 281–283]. Предметно-материальной деятельности отводится «инструментальная» (вспомогательная) функция в самораскрытии человеческой природы. Она важна только с точки зрения того, насколько эффективно она обеспечивает возможность индивидам заниматься интеллектуальным трудом.

Вместе с тем заметим, что идея со-участия (со-трудничества), выраженная в понятии *κοινωνος*, увязывается в философии Аристотеля с всеобщей телеологической установкой, согласно которой строится рациональное объяснение мира: в мире как едином целесообразно упорядоченном «космическом хозяйстве» [9. С. 162] каждое сущее, определяемое формой как целью², соучаствует в его благоустроении, занимая определенное место в нем [5. С. 317]. В конечном счете, прекращение движения сущего к реализации собственной формы (= цели), собственного назначения, обуславливает одинокую природу его бытия, поскольку, переставая действительно включаться во всеобщее самодвижение космического Целого, сущее утрачивает онтологическую связь с ним.

Подобно космическому Целому полис как разумно устроенное хозяйство предопределяет «формы» человеческой деятельности (искусства, ремесла и пр.), которые в качестве целей задаются индивидам для исполнения своего назначения. Каждый человек сначала занимает свое место внутри данного порядка для выполнения собственного назначения как ближайшей цели³. Кроме того,

¹ Дж. Кэмпбелл отмечает, что термин «*κοινωνος*» выражает идею не общности одной личности с другой (или другими), а «соучастие в чем-то, в чем принимают участие также и другие» [7. Р. 1].

² «Цель подобно... первоначально, – пишет Аристотель – и всякая вещь существует ради нее» [4. С. 316].

³ Х. Мэй полагает, что призвание (назначение) – это стремление мастера «к конечной, наиболее реальной цели» [10. Р. 29–30].

каждый человек, занятый менее «благородной» деятельностью (например, ремесленник или земледelec), располагался ради другого человека (например, государственного мужа, военачальника), который занимается более «благородным делом», как отдаленной цели, поскольку «низшее всегда ради высшего» [4. С. 360].

Поэтому «ремесленник, занимающийся низким ремеслом, находится в состоянии... ограниченного рабства; раб является таковым уже по природе...» [4. С. 401]. Их телос (τέλος – завершение) лежит вне их самих [11. Р. 174–176]: у ремесленника в продукте [9. С. 159], т.е. в воплощенной в материи форме, а у раба в подчинении и служении господину (тому, кто ставит цели, являясь властным началом над ним). Раб «является орудием деятельности активной [πρακτικόν]» [4. С. 381], поскольку действия раба начинаются и заканчиваются внеположенными ему целями. Таким образом, действия раба, являясь по своей природе не само-цельными, служат проявлением бесконечного (потенциального, неоформленного) [12. С. 119]. Каждое такое действие само по себе – чистая потенция, в которой человеческий «разум» естественным образом (т.е. без помощи извне) не может найти предела (завершения), а значит, и начаться.

Становится понятным, почему раб должен жить в постоянном общении с господином [4. С. 401], который своей волей и сознательным выбором («стремящимся умом... или же осмысленным стремлением» [4. С. 174]) как формально-действующая причина активизирует деятельность раба (а точнее, способствует переходу разумных потенций в «инструментальное» мышление), которому «вообще не свойственна возможность решать» [4. С. 400], и направляет его для достижения внеположенной ему цели. Только тогда в нем проступают разумные («человеческие») черты и появляется смысл существования. Раб, видимо, тогда несчастлив и одинок, когда у него нет господина – «ради кого» жить и посредством кого быть причастным («на деле», а не в возможности) космическому Целому. Сами по себе рабы не могут быть счастливыми, равно как и нельзя представить «государство, состоящее из рабов...» [4. С. 460]. В этом аспекте Аристотель неуклонно следует Платону, только «стихийность» (потенциальность, материальность) в его смысловом реестре отводится рабам как сущему, неспособному самостоятельно оформиться и требующему исходной внешней причины для начала движения к цели (пределу).

В отличие от раба, который самостоятельно не может оформиться, самоосуществление изгой невозможно по причине его нахождения за пределами полиса как актуализированного разума. Вне полиса разум человека как форма по отношению к становлению перестает быть целью, ведь «дело – это цель, а деятельность – дело, почему и „деятельность“... нацелена на „осуществленность“ (εντελέχεια)» [5. С. 246]. Для Аристотеля это означает отсутствие всякого движения. В изоляции останавливается «естественное» движение сущего к сбыванию, оставляя бытие в самом себе. Потенции разума в таком состоянии остаются полностью и целиком не реализованными, а сущность – угнетенной.

Вследствие «а-полисного» существования изгой предстает глубоко одиноким человеком, всецело не причастным космосу. Отторгнутый от полиса, такой человек не может выполнить своего человеческого предназначения и

быть единым с человеческим родом. Кроме того, изолированный индивид оказывается лишенным возможности быть причастным к космосу не только через высшие формы бытия, занимаясь интеллектуальным трудом, ведь главная задача, стоящая перед ним, – уцелеть, но и подобно растениям и животным через размножение. Вероятность оставить потомство минимальна у человека, выпавшего за пределы полиса, как и выжить. Таким образом, он и не человек, и не зверь, и не бог. Он – ничто, т.е. «одинокая, всецело невыраженная потенция».

«Быть человеком или сбыться в качестве человека – значит разумно участвовать в жизни города» [9. С. 158] (= полиса), исполняя свое назначение. В процессе осуществления индивидом своего назначения диалектически единится отдаленная цель, выступающая в качестве актуальности ближайшей цели, с ближайшей целью, являющейся возможностью для отдаленной цели. В результате этого диалектического целе-единения не только сам процесс производства становится непрерывным и завершенным, но и образуется внутренняя связь между взаимодействующими индивидами. Исполнение своего назначения наилучшим образом¹, когда мастер в своей деятельности достигает высокого уровня мастерства (искусности), становясь добродетельным², соответствующим своему назначению, обеспечивало устойчивость и непрерывность этой связи. Соответственно, чем совершеннее деятельность мастера и изготовленный им продукт, тем глубже и интенсивнее его переживание единства с полисом и другими его членами. Поэтому нельзя согласиться с Е. Гарвером в том, что «совершенство изготовления не идет на пользу хороших ремесленников» [11. Р. 176]. Напротив, по мнению Аристотеля, от искусности мастера зависит не только то, будет ли его жизнь счастливой, а счастье полным и продолжительным, но и чувство нужности (пригодности), а следовательно, и ценность его личного бытия. В итоге достижение блага полиса – конечная цель и предназначение каждого гражданина [13. Р. 202].

Тогда каким образом, например, тот же ремесленник или земледelec имманентен космосу и не утрачивает связь с ним? Здесь имеются два взаимодополняющих варианта объяснения. Первый исходит из самого их опыта, непосредственно имеющего дело с природой и ее объектами (растениями, животными и пр.). Именно сама практика и полученный в ходе нее промежуточный продукт (древесина, шкура и т.д.) посредством ремесленника превращается в готовую вещь (т.е. приобретает форму), переходя уже в иную сферу – бытие человека, получая от него «новую» цель существования, заключающуюся в удовлетворении потребностей («надобностей») самого человека [4. С. 389]. Иначе говоря, люди, занимающиеся менее благородной деятельностью, обеспечивают непрерывность внутренней связи между природой и человеком, «наделяя» естественно существующее новыми искусственными формами.

Отсюда возникает второй вариант. Проводя сопоставление физики и искусства, Аристотель замечает, что «мы пользуемся всеми предметами, как если они существовали ради нас. В каком-то отношении ведь и мы [сами]

¹ Согласно Аристотелю, «цель означает... не всякий предел, но наилучший» [12. С. 86]. Так и «доблестный военачальник использует имеющееся у него войско наилучшим для введения войны способом, а хороший башмачник из полученных кож [всегда] делает самые лучшие башмаки, и точно так же все другие мастера» [4. С. 72].

² «Надо сказать, – пишет Аристотель, – между тем, что всякая добродетель и доводит до совершенства то, добродетелью чего она является, и придает совершенство выполняемому делу» [4. С. 85].

есть цель...» [12. С. 86]. Создавая предметы, конечно, мастер ориентируется, в первую очередь, на свои нужды и нужды других («ради людей»). Вкладывая цель («ради чего») в свое произведение, мастер подражает «божественному» в природе. Но создав продукт («наделив» его целью), являющий степень его мастерства (предел совершенства природы его искусства), мастер отпускает его в иной круг существования, т.е. туда, где он будет «использован» другими людьми в соответствии с его назначением. В то же время изготовленный мастером продукт (например, кифара), используемый другим человеком (кифаристом) по прямому назначению, позволяет ему не только выполнить свое предназначение (и по возможности «наилучшим образом»), т.е., по сути, сбыться, но и через осуществляемый акт-действие активно включиться в совместную деятельность, становясь сопричастным космосу как Целому. Совершенствоваться в своем «деле» – значит яснее обнаруживать в себе человеческую – разумную – «природу». А это значит – быть человеком, ощущать единство с человеческим родом.

В дальнейшем ход мысли Аристотеля, в сущности, воспроизводит в точности идею Платона, выраженную в его проекте «эйдетического»¹ государства, в котором на вершине социальной иерархии располагаются философы, продукт деятельности которых совершеннее всего – эйдосы, это «наилучшая цель» из всех актуальных и потенциальных целей человеческого искусства. Именно искусство созерцания, в опыте которого целостнее раскрывается сущее, обуславливает полноту переживания философом своего приобщения к «божественному». Отсюда следует, что философ является тем важным звеном, связующим всех граждан (или, возможно, даже все «человечество») с верховным совершенным Бытием (Демиургом) – Формой Форм.

В итоге Демиург как актуальная цель («как предмет желания и предмет мысли» [5. С. 309]) есть источник космического единства и гарант устойчивости связи между всем сущим через непрерывность движения, предохраняющий мир от гибели и распада. Таким образом, всеобщий характер телеологической установки (от Демиурга – единственной вечно актуальной цели – до конечной цели (опосредованной комплексом потенциальных целей) той или иной человеческой деятельности (совокупность взаимосвязанных действий и операций, выстраивающихся в единый процесс благодаря актуально заданной цели – формы как готового образца)) обеспечивает единство и взаимосвязь всего в космосе как едином вечно движущимся самоцельном Целом.

Заметим, что философия Аристотеля – это оптимистическая телеология благоустройства, в котором все «задействовано» посредством своей цели и своего назначения в космическом Целом. Поэтому человек в философии Аристотеля идентифицирует себя и смысл своей жизни через интеграцию во всеобщий процесс деятельного целерационального со-участия в благоустройении космоса.

Таким образом, одиноким человека следует признать в том случае, когда он переставал быть деятельным со-участником в благоустройении «космиче-

¹ Как подчеркивает С.С. Аванесов, «эйдос не отпускает от себя, его распоряжение осуществляется как необходимость... закон» [14. С. 23]. Поэтому более уместным видится применение термина «эйдетический», указывающий на то, что проект «государственного» устройства Платона является неким образом, имеющим силу закона, неуклонно следуя которому должно осуществляться строительство государства.

ского хозяйства», т.е. когда осуществляется переход от активного бытия-содействия к пассивному бытию-не-содействию. Онтологически одиночество является показателем неэнтелехийности и несамодостаточности человеческого бытия, которое Аристотель отнюдь не связывает с «естественным стремлением» продолжить себя в потомстве, свойственным всем живым существам [4. С. 68]. Но расположение одиночества в одном квалификационном ряду с бездетностью, уродливой внешностью и дурным происхождением оправданно [4. С. 68]. Их объединяет то, что они являются признаками антиэвдемонического модуса бытия человека, поскольку выступают индикаторами неполноты выраженности и, одновременно, незримости формы человеческого бытия.

Аристотелевская телеология принципиально отрицает позитивные коннотации одиночества и его корреляцию со свободой и счастьем. Напротив, согласно Аристотелю, одиночество служит проявлением несвободы и человеческого несчастья. Но если оптимизм аристотелевской философии призывал человека активно бороться с одиночеством, противостоять ему, то стоицизм, кроме мужественного смирения с ним, ничего другого человеку не предлагает. Одиночество (в стоицизме) фатально в плане бессилия человека перед внешней, отчужденной от его бытия силой (Фатумом, Роком), предопределяющей не только его личную судьбу, но и весь ход мировой истории. Стоицизм обосновывает мысль полного господства Целого над человеком как своей частью, отводя ему удел «рабского» существования. В конечном итоге, «навязанное» одиночество как актуальная необходимость («безапелляционный приговор») являет собой человека как совершенно пассивное существо.

В заключение хотелось бы отметить, что предложенная реконструкция концепции одиночества как пассивного бытия-не-содействия представляет собой, с одной стороны, попытку расширить результаты прежних исследований, которые укладываются в жесткую схему «одиночество – физическая изоляция» и «одиночество – уединение» [15–17], с другой – попытку преодоления границ прежней парадигмы, намечая только общие черты нового понимания одиночества в античной философии, и то на основе одного (хотя и значимого) пласта философской культуры – аристотелевской философии, активировавшей первоначальное движение рефлексивных интенций к означенному предмету и сыгравшей необычайно важную роль в историческом формировании представлений о данном феномене в дальнейшем – в Средневековье и эпоху Реформации.

Список источников

1. Пузанова Ж.В. Социологическое измерение одиночества : дис. ... д-ра социол. наук. М. : 2009. 298 с.
2. Джарман О.А. Некоторые аспекты культа правителя в эллинистическом культурном обществе // Христианское чтение. 2013. № 3. С. 165–234.
3. Zelinová Z. Plato's Socrates and a new interpretation of the kosmos // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2021. Т. 37, вып. 1. С. 53–63.
4. Аристотель. Сочинения : в 4 т. М. : Мысль, 1983. Т. 4.
5. Аристотель. Сочинения : в 4 т. М. : Мысль, 1976. Т. 1.
6. Хаджаров М.Х. Рациональность научного познания: соотношение общего и особенного. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1999. 142 с.
7. Panikulam G. Koinōnia in the New Testament: A Dynamic Expression of Christian Life. Rome : Biblical Institute Press, 1979. 149 p.

8. Нерсесянц В.С. Политическое учение Древней Греции. М. : Наука, 1979. 261 с.
9. Ахутин А.В. Понятие «природа» в Античности и в Новое время («фюсис» и «натура»). М. : Наука, 1988. 208 с.
10. May H. Aristotle's Ethics: Moral Development and Human Nature. London ; NY : Continuum, 2010. 189 p.
11. Garver E. Aristotle's Natural Slaves: Incomplete Praxeis and Incomplete Human Beings // Journal of the History of Philosophy. 1994. № 32 (2). P. 173–195.
12. Аристотель. Сочинения : в 4 т. М. : Мысль, 1981. Т. 3.
13. Trott A.M. Aristotle on the Nature of Community. New York : Cambridge University Press, 2014. 239 p.
14. Аванесов С.С. Вольная смерть. Ч. 1: Основания философской суицидологии. Томск : Том. гос. ун-т, 2003. 396 с.
15. Гагарин А.С. Одиночество как экзистенциал античной философии (от Эпикура до Плотина) // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2014. Т. 14, вып. 3. С. 22–32.
16. Кон И.С. В поисках себя: Личность и ее самосознание. М. : Политиздат, 1984. 342 с.
17. Гагарин А.С. Одиночество как экзистенциал античной философии (от Гесиода до Аристотеля) // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2014. Т. 14, вып. 1. С. 43–60.

References

1. Puzanova, Zh.V. (2009) *Sotsiologicheskoe izmerenie odinochestva* [Sociological Dimension of Loneliness]. Sociology Dr. Diss. Moscow.
2. Dzharman, O.A. (2013) Nekotorye aspekty kul'ta pravatelya v ellinisticheskom kul'turnom obshchestve [Some aspects of the ruler cult in the Hellenistic cultural society]. *Khristianskoe chtenie*. 3. pp. 165–234.
3. Zelinová, Z. (2021) Plato's Socrates and a new interpretation of the kosmos. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya*. 37(1). pp. 53–63.
4. Aristotle. (1983) *Sochineniya: V 4 t.* [Works: in 4 vols]. Vol. 4. Moscow: Mysl'.
5. Aristotle. (1976) *Sochineniya: V 4 t.* [Works: in 4 vols]. Vol. 1. Moscow: Mysl'.
6. Khadzharov, M.X. (1999) *Ratsional'nost' nauchnogo poznaniya: sootnoshenieobshchego i osobennogo* [Rationality of Scientific Knowledge: The Ratio of the General and the Special]. Saratov: Saratov State University.
7. Panikulam, G. (1979) *Koinōnia in the New Testament: A Dynamic Expression of Christian Life*. Rome, Biblical Institute Press.
8. Nersesyants, V. S. (1979) *Politicheskoe uchenie Drevney Gretsii* [The political doctrine of Ancient Greece]. Moscow: Nauka.
9. Akhutin, A.V. (1988) *Ponyatie "priroda" v antichnosti i v Novoe vremya ("fyusis" i "natura")* [The concept of "nature" in antiquity and modern times ("fusus" and "nature")]. Moscow: Nauka.
10. May, H. (2010) *Aristotle's Ethics: Moral Development and Human Nature*. London; New York: Continuum.
11. Garver, E. (1994) Aristotle's Natural Slaves: Incomplete Praxeis and Incomplete Human Beings. *Journal of the History of Philosophy*. 32(2). pp. 173–195.
12. Aristotle. (1981) *Sochineniya: V 4 t.* [Works: in 4 vols]. Vol. 3. Moscow: Mysl'.
13. Trott, A.M. (2014) *Aristotle on the Nature of Community*. New York: Cambridge University Press.
14. Avanesov, S.S. (2003) *Vol'naya smert'* [Free Death]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.
15. Gagarin, A.S. (2014) Oдиночество как экзистенциал античной философии (от Эпикура до Плотина) [Loneliness as an existential of ancient philosophy (from Epicurus to Plotinus)]. *Nauchnyy ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk*. 14(3). pp. 22–32.
16. Kon, I.S. (1984) *V poiskakh sebya: Lichnost' i ee samosoznanie* [In search of oneself: Personality and its self-consciousness]. Moscow: Politizdat.
17. Gagarin, A.S. (2014) Oдиночество как экзистенциал античной философии (от Гесиода до Аристотеля) [Loneliness as an existential of ancient philosophy (from Hesiod to Aristotle)]. *Nauchnyy ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk*. 14(1). pp. 43–60.

Сведения об авторе:

Лященко М.Н. – доцент, кандидат философских наук, доцент кафедры философии, культурологии и социологии Оренбургского государственного университета (Оренбург, Россия). E-mail: megamax82@rambler.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Lyaschenko M.N. – Cand. Sci. (Philosophy), docent, associate professor at the Department of Philosophy, Culturology and Sociology, Orenburg State University, Docent, Docent (Orenburg, Russian Federation). E-mail: megamax82@rambler.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 20.08.2022;
одобрена после рецензирования 27.03.2023; принята к публикации 20.04.2023
The article was submitted 20.08.2022;
approved after reviewing 27.03.2023; accepted for publication 20.04.2023*

Научная статья

УДК 1(091)

doi: 10.17223/1998863X/72/4

ФИГУРА ДЬЯВОЛА В КОНТЕКСТЕ МЕТАФИЗИКИ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ СПИНОЗЫ

Артем Юрьевич Тетерин

*Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия,
avronconst@gmail.com*

Аннотация. Представлен анализ фигуры дьявола в философских и политических трудах Спинозы. Нидерландский философ отрицает существование дьявола, но сохраняет за ним статус смутной идеи, которая обретает свое место и в политической философии.

Ключевые слова: Б. Спиноза, Бог, дьявол, философия, политика

Для цитирования: Тетерин А.Ю. Фигура дьявола в контексте метафизики и политической философии Спинозы // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 72. С. 34–42. doi: 10.17223/1998863X/72/4

Original article

THE FIGURE OF THE DEVIL IN THE CONTEXT OF SPINOZA'S METAPHYSICS AND POLITICAL PHILOSOPHY

Artyom Yu. Teterin

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, avronconst@gmail.com

Abstract. The Modernity, the formation of the “State of Modernity” that is taking place, is characterized not only by rationalism, but also by the rejection of appeals to, and outright denial of, supernatural entities and other prejudices. Benedict Spinoza along with other Modernity thinkers developed his metaphysics and political philosophy and at the same time denied the existence of the devil. Today the figure of the “devil” is not only a subject of historical and cultural research, but also a subject of philosophical reflection. A characteristic feature of philosophy of Modernity is that the proponents of rationalism did not provide sufficient justification for a complete rejection of belief in the supernatural. Keeping this in mind, it is necessary to define the significance of the “devil” in the metaphysics and political philosophy of the Dutch thinker. Spinoza argues that the existence of the devil is impossible, as he does not possess perfection and is opposed to God. The existence of the devil contradicts the world which God (One Substance) created. Thus Spinoza deprives the devil of his ontological status. For the Dutch philosopher, his discussion of the devil serves as an approach to the proof that the causes of imperfection are contained in man himself. Philosophy of Modernity “draws” its anthropology, in which the driving forces behind man are no longer hidden in the form of devils. The “Prince of Darkness” moves from the outer world to the inner world: he is an expression of the powerlessness and a symbol of the “dark” side of man, who is subject to various passions under the influence of affects. Ultimately, within the framework of political philosophy, Spinoza argues that man is subject to his passions and rarely lives according to the dictates of reason. However, life in the state implies the pursuit of freedom and the use of “free reason” to achieve peace. The multitude (*multitudo*) through its power ensures freedom and the formation of state power. In the end, this power is nothing but God’s help given to man. A person may achieve freedom only in the state (in the civil state). A human being must live in conformity with the general decrees

and be guided by his/her mind (to live in God). Therefore the “devil” represents only a vague idea, the position of a powerless man living in seclusion from the rest, unwilling to attain moral freedom and take the side of reason.

Keywords: Benedict Spinoza, God, devil, philosophy, politics

For citation: Teterin, A.Yu. (2023) The figure of the devil in the context of Spinoza’s metaphysics and political philosophy. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 72. pp. 34–42. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/72/4

Введение

Бenedикт Спиноза (1632–1677) известен своим «Политико-богословским трактатом» (1677), изданным после его смерти. В нем Спиноза рассуждает о политике и подвергает критическому анализу тексты Священного Писания, занимается поиском несоответствий библейских текстов, а этические и философские рассуждения о Боге становятся фундаментом для построения политической концепции, которую он излагает в «Политическом трактате» (1677). Спиноза преследует цель избавить сознание от суеверий [1. С. 546]. Одним из таких суеверий и несоответствий становится фигура дьявола, которую ранее Спиноза пытался отринуть в главе «О Боге, человеке и его счастье» (1658–1660) [2]¹.

Несмотря на свою непростую биографию, Спиноза поставлен в один ряд с другими мыслителями эпохи модерна, которые привнесли в философскую мысль свой «круг проблем, дилемм и противоречий, определивших не только ход развития ее самой, но и политической практики Современности» [3. С. 8].

Однако чем фигура дьявола привлекает внимание в контексте философии Спинозы?

Во-первых, если ранее дьявол выступал исключительно как предмет исторических и культурных исследований [4–6], то в последние десятилетия появляются тексты, авторы которых пытаются осмыслить дьявола с точки зрения философии. Например, в политической теологии можно выделить исследование по генеалогии дьявола в «Князе мира сего» А. Коцко («The Prince of This World», A. Kotsko) [7]; анализ интеллектуального противостояния о статусе сверхъестественного в человеческой жизни в эпоху Нового времени в исследованиях по истории философии [8], эпистемологии [9]; сравнение дьявола с понятием суверенитета и легитимности в политической философии [10]. Все эти работы объединяет тема осмысления этой фигуры в философской мысли.

Во-вторых, философия Спинозы – это часть философии Нового времени, когда происходит формирование «государства модерна». Для нового политического проекта были необходимы идеи о построении политического единства и прекращении гражданских войн, охвативших Европу. Чтобы добиться этих целей, с одной стороны, необходимо доминирование рационального мировоззрения, а с другой стороны, отказ от всевозможной апелляции и полного отрицания каких бы то ни было сверхъестественных сущностей и любого

¹ Нельзя считать, что борьба с суевериями то же самое, что борьба с религией у Спинозы. В своих текстах Спиноза проводит достаточно четкое различие между религией и суеверием: «...суеверие имеет своей основой невежество, а религия мудрость».

рода предрассудков [11]. Это делает фигуру дьявола не менее важной на фоне других идей, которые используются в политике.

В-третьих, философы Нового времени, проповедующие рациональное мировоззрение, так или иначе, не давали достаточного обоснования для полного отказа от веры в сверхъестественное [8. Р. 375–376]. К тому же Спиноза, который проповедовал рациональный и натуралистический взгляд на мир, по мнению некоторых исследователей, не допускал «существования политики и права вне богословия» [2. С. 51].

Исходя из этих положений, целью данной статьи является попытка определить значение дьявола в метафизике и политической философии Спинозы.

Основы метафизики Спинозы: дьявол, Бог и человек

В работе «О Боге, человеке и его счастье» Спиноза отрицает дьявола и говорит о невозможности его существования. В короткой главе XXV «О дьяволах»¹ Спиноза называет дьявола вещью, которая есть абсолютная противоположность Бога, следовательно, так называемое ничто. Если допустить существование дьявола, то его следует представлять как пассивное и несчастное существо, которое «не хочет и не делает ничего хорошего и таким образом всегда противодействует богу» [12. С. 81]. Далее Спиноза предлагает читателям молиться за его обращение [12. С. 81]², в конце концов, настаивая на невозможности существования дьявола, так как он не имеет ни толики совершенства и противопоставлен Богу.

Подобные суждения Спинозы следует объяснить через его концепцию Бога.

Во-первых, Бог есть бесконечная и совершенная субстанция, обладающая несчетным количеством атрибутов, выражающих вечную и бесконечную сущность Бога [13. С. 17]. Субстанция «есть существо, о котором утверждается, что оно все или имеет бесконечные атрибуты, из которых каждый в своем роде бесконечно совершенен» [12]. Субстанция в философии Спинозы объясняется как то, что существует само по себе и рождено из себя (*causa sui*), постигается через себя само и не нуждается в чем-либо еще для собственного постижения [14. С. 284]. К тому же если мы следуем этому описанию, то Бог не может быть ничем ограничен, потому что не существует ничего такого, что может его ограничить. Поэтому нет двух равных субстанций, иначе «одна необходимо должна была ограничивать другую и потому не могла бы быть бесконечной» [12. С. 16].

Во-вторых, «вне Бога нет ничего... – говорит Спиноза, – есть причина всех вещей постоянная (имманентная), а не переходящая» [13. С. 27], т.е. «кроме Бога нет и не может быть представлена никакая субстанция» [13. С. 18]. Если Бог ничем не ограничен, то он постоянно активен. Он утверждает свое вечное, неизменчивое и непрерывное существование, он никогда не

¹ На первый взгляд, может показаться незначительным, что Спиноза использует слово «дьявол» во множественном числе. Можно предположить, что это связано с его идеей о неограниченности Бога и о его «единственности».

² Идея молиться за дьявола, чтобы Бог мог простить и обратить его, не нова. Спиноза не первый, кто предложил эту идею. Вероятно, это тоже могло вызвать со стороны Церкви сильное неприятие, учитывая, что более тысячи лет назад на Константинопольском Вселенском соборе 553 г. была поставлена под сомнение доктрина Оригена «Апокоптасис» (с гр. «восстановление всего»), согласно которой после Судного дня дьявол будет прощен.

перестанет быть [15. Р. 60]. Так, каждая вещь зависима от Бога, или для каждой вещи характерна та причина, которой наделил ее всемогущий Бог [15. Р. 60]. При этом «Бог Спинозы» обладает телесной субстанцией (протяженностью) и эквивалентен природе [13. С. 56]. Из этого следует, что если бы Бог не был субстанцией, то не было бы места для существования его модусов. Немецкий идеализм, особенно в лице Гегеля, трактовал этот момент как «пантеизм» Спинозы [16]¹. Пантеизму Спинозы приписывают акосмизм (с гр. ἄκοσμος). Согласно этой концепции, не существует такого мира, который существовал бы автономно от Бога.

В-третьих, «Бога Спинозы» не следует рассматривать как персонифицированного Бога, ибо мы имеем дело с Богом обезличенным, но абсолютным и неопределенным (не поддающимся никакому определению), лишенным самости и не имеющим ничего общего с человеком [14. С 310]. В связи с этим будет заблуждением и ошибкой любая попытка наделить Бога человеческими характеристиками, которые активно использует христианство, например, говоря о любви Бога или его милосердии (ср.: «Но Ты, Господи, Боже щедрый и благосердный, долготерпеливый и многомилостивый, и истинный» (Псалтирь 85:15)). Наши суждения согласуются с данным пассажем из схолий «Этики»: «Некоторые воображают Бога наподобие человека, состоящим из тела и души и подверженным страстям. Но как они далеки от истинного понятия о Боге...» [13. С. 18].

Если мы следуем за Спинозой и соглашаемся с его «пантеизмом» или присутствием Бога во всем, то встает вопрос: как его концепция раскрывает вопрос об онтологическом статусе добра и зла? Здесь Спиноза полагает, что эти категории лишены какого-либо онтологического статуса. Добро и зло выступают «модусами мышления», которые формируются у человека, исходя из его субъективных представлений и оценочных суждений. Например, в «Этике», главе IV «О человеческом рабстве или силе аффектов» Спиноза излагает определения добра и зла, которые связаны с пользой и препятствием для нас пользоваться каким-нибудь добром [13. С. 213–214]. Поэтому «в естественном состоянии нет ничего такого, что по общему согласию было бы добро или зло, так как каждый, находящийся в естественном состоянии, заботится только о своей пользе и по своим понятиям и, руководствуясь только своей пользой, решает, что добро и что зло...» [13. С. 250]. О добре и зле, или хорошем и плохом, Спиноза размышляет в работе «О боге, человеке и его счастье», говоря о том, что между ними существуют только отношения, т.е. они существуют постольку поскольку сравниваются друг с другом: «Так, говорят, что человек дурен лишь по отношению к тому, кто лучше, или яблоко плохое в отношении к другому хорошему или лучшему» [12. С. 81]. В итоге следует сводить этические понятия к «мысленным существам», а не к «реальным».

¹ Спинозу, так же и других философов Нового времени, обвиняют в атеизме. Однако обвинения в атеизме того времени не следует смешивать с современными (отрицание всего трансцендентного и сакрального). Именно несоответствие с принципами христианской церкви о природе Бога становится краеугольным камнем обвинения. Другими словами, несогласие с представлениями о Боге, которые доминировали в XVIII в., становится основанием для объявления человека атеистом. О рецепции идей Спинозы в истории западной философии подробно говорится в работе: Крыштоп Л.Э., Малла М. Спиноза в зеркале классической и современной западной философии // Вестник РУДН. Серия: Философия. 2022. № 2. С. 402–417.

Наконец, кратко очертим место человека в философии Спинозы. Человек, в первую очередь, есть часть природы, потому что природа «всегда и везде одна и та же, и ее сила и способность действия всегда одинаковы; т.е. законы и правила природы, по которым все совершается и переходит из одних форм в другие, всегда и везде одни и те же, и поэтому существует только один способ понять природу всяких вещей, а именно – посредством общих законов и правил природы» [12. С. 120]. Поэтому понимать человека следует через исследование законов природы. К тому же человек понимается как частная вещь, которая есть состояние атрибутов Бога или так называемый модус (*modus*) – «то, что есть в другом, посредством чего оно также представляется» [12. С. 3], т.е. через Бога, который существует сам по себе и самодостаточен. Никто из людей не обладает собственной волей, он движим Богом, следовательно, несвободен. Это одна из теорем Спинозы, касающихся темы свободы воли, которую раскрывает философ в своем доказательстве: «Итак, во всяком случае, представляется ли воля конечной, или бесконечной, она требует причины, которой должна определяться к существованию и деятельности» [12. С. 38]. Однако у человека могут возникать иллюзорные ощущения свободы воли, потому что его душа подвержена страстям и аффектам.

Спиноза отрицает дьявола (дьяволов), так как Бог не может создать мир, который противоречил бы ему. Если Бог – первопричина, то дьявол должен обладать всеми противоположными характеристиками. Можно предположить, что дьявол должен играть роль непостоянства (изменчивости), отрицания этого мира, быть «ничем» или быть небытием. Непостоянство дьявол обретает еще и потому что в нем нет совершенства по сравнению с другими вещами [12. С. 82]. Философская система Спинозы отрицает дьявола, потому что не терпит каких-либо «темных пятен» или «пробелов» в мире всеединства. Но если «Бог Спинозы» вездесущ или присутствует во всем (пантеизм), то, как нам следует понимать «дьявола Спинозы»? На основе вышеприведенных трактовок Спинозой Бога дьявол, если мы признаем его существование в каком-то бы то ни было виде, не представляет собой той опасности, которую ему приписывали.

Рассуждения о дьяволе служат для Спинозы «мостом» к доказательству, что после того, как мы отринули дьявола, нам не остается ничего, кроме как заявить: «причины (или, выражаясь лучше, то, что мы называем грехами), мешающие нам достигнуть совершенства, лежат в нас самих» [12. С. 83]. В «Этике» Спиноза также обобщает это словом «зло», мешающим нам достичь образца человеческой природы [13. С. 212], и переходит к обсуждению аффектов. По сути, вышеуказанное описание дьявола (противоположность «Богу Спинозы») – не что иное, как менее отчетливая идея, которая не только способствует аффектам овладеть властью над душой [13. С. 121–122], но и является препятствием для так называемого становления человека свободно от «рабства аффектов», человека, который избрал «третий род» познания, позволяющий ему приблизиться к Богу, т.е. «к полному познанию сущности вещей» [13. С. 322]. В то же время благодаря данному роду познания «душа наслаждается этой божественной любовью и блаженством» [13. С. 333], которые не позволяют порождать несовершенные и смутные идеи. В свою очередь, рациональное познание служит залогом к преодолению аффектов.

Так, Князь тьмы исключается из реального мира, лишаясь онтологического статуса. Философия Нового времени формирует свою антропологию, где за человеком больше не скрываются потусторонние движущие силы в виде дьяволов. Можно добавить, что дьявол перемещается из реального («внешнего») мира в мир внутренний (мир человека), становясь символом «темной» стороны человека с его несовершенством и страстями¹.

Вместо заключения: дьявол и политическая философия Спинозы

Прежде чем говорить о политической философии Спинозы и месте дьявола в ней, стоит отметить, что многие произведения нидерландского мыслителя связаны друг с другом. Так, немецкий философ, Куно Фишер (1824–1907) считает, что «Этика» и «Богословско-политический трактат» тесно связаны друг с другом [14. С. 413]. Красной нитью через эти произведения проходит тема человеческой природы и его аффектов. Эти аффекты оказываются намного ближе к политической жизни и даже «всцело относятся к этой области» [14. С. 414]. В связи с этим мы будем периодически обращаться к политическим сочинениям Спинозы, а также к его «Этике».

Спиноза утверждает, что люди по своей природе эгоистичны, потому что «каждый влеком своею страстью (*voluptas*)» [17. С. 247]. Богословы, с точки зрения философа, не смогли объяснить влечение к страстям, опираясь на концепцию грехопадения, когда дьявол применил хитрость для искушения человека. Эту историю Спиноза подает в иной форме, заявляя, что человек всегда стремится сохранить свое бытие, но редко живет по предписанию разума. В случае с первым человеком история с дьяволом лишь символически намекает на то, что он не использовал разум в должной мере и точно так же, как современный человек, подвержен аффектам. Следовательно, «не во власти каждого человека всегда пользоваться своим разумом и быть на самой вершине человеческой свободы» [17. С. 247]. Однако государство, которое Спиноза называет *imperium*, стремится к свободе.

Суть свободы заключается в том, чтобы люди пользовались «свободным разумом», а также «не соперничали друг с другом в ненависти, гневе или хитрости и не относились враждебно друг к другу» [17. С. 221]. Люди не могут жить поодиночке и для этого объединяются в государство, потому что, полагаясь только на себя, их шансы на жизнь сокращаются. Разум – это фундамент для поддержания жизни государства, направленный на поиск мира и пресечение преступлений (нарушений права, так как вне права не существует преступления): «...государство будет наиболее мощным и наиболее справедливым, которое зиждется на разуме и направляется им» [17. С. 256]. В государстве, где люди отдают больше предпочтения разуму, граждане будут подчиняться верховной власти и в случае противоречивых решений этих властей будут опираться на разум, чтобы сохранить достигнутый мир, ибо «выбирать из двух зол меньшее также является законом разума» [17. С. 256].

Государственная власть, по Спинозе, определяется мощью народа/множества. В связи с этим множество не может быть исключено из политической

¹ Подобные суждения о дьяволе во многом схожи с тем, как его понимали евреи. В Ветхом Завете дьявола называют Сатаной («противник», «обвинитель», «враг» и т.д.), который чаще всего выступает не персонификацией зла, а противником, препятствием, которое имеет отношение к людям.

жизни. Пантеизм Спинозы дает то основание, что «все вещи уравниены своим субстанциальным тождеством с Богом...» [18. С. 308], и потому «множество органически входит в высшее, абсолютное единство» [18. С. 308]. В отличие от Гоббса, который видит опасность во множестве/толпе (*multitudo*) и желает обуздать эту силу, Спиноза сохраняет за множеством субъектность. Множество становится у него «данностью политической действительности» [19. С. 18]. Через мощь множества обеспечивается свобода, а также возникновение общего права и верховной власти.

Если дьявол ассоциируется у Гоббса с множеством и таким образом обретает негативные коннотации [20. С. 80], то для Спинозы множество не связано с дьяволом и носит конституирующий, т.е. позитивный, характер. Мир, который описывает нидерландский философ, есть Бог, он имманентная причина всего: «...бог имеет право на все, и право бога есть не что иное, как сама мощь бога, поскольку она рассматривается как абсолютно свободная... отсюда следует, что каждая естественная вещь имеет от природы столько права, сколько имеет мощи для существования и действия» [17. С. 246].

Понятие силы/мощи неразрывно связано с понятием множества (*multitudo*). Категория силы/мощи (*potentia*) ведет нас к Богу, а не к дьяволу, потому что бытие у Спинозы означает степень силы/мощи каждого существа, а эти существа являются выражением бесконечной силы Бога [21. Р. 162]. Так, множество выражает силу составляющих ее элементов (индивидуумов). Сила (*potentia*) множества увеличивается не благодаря стремлениям индивидуума сохранить свое бытие, а наоборот, сила умножается благодаря сотрудничеству и общности людей друг с другом. В этой силе люди избирают разум как основное средство адекватного познания реальности и становятся активнее. В конце концов, эта сила есть нечто иное, как помощь Бога, данная человеку, и действует она «через человеческую природу или через что-либо, находящееся вне человеческой природы» [17. С. 41].

Заключение

Таким образом, в контексте метафизики и политической философии дьявол по сравнению с Богом, становится выражением бессилия. В своем бессилии люди подвержены аффектам (смутным идеям) и попадают в состояние рабства (*servitus*). В предисловии к V главе «Этики» Спиноза заявляет, что его философская цель завязана на «способе или пути, ведущем (человека. – *Прим. мое*) к свободе» [13. С. 297]. У Спинозы бессилие ложится на «плечи» человека, ибо человек «позволяет управлять собой вещам... определяется ими к таким действиям, которых требует общее устройство внешних тел, а не к тем, которых требует сама его природа...» [13. С. 248]. Добиться свободы или нравственной свободы человек может только в государстве, в так называемом гражданском состоянии, в котором он живет согласно с общими постановлениями и руководствуется своим разумом, живя в Боге. Потому дьявол олицетворяет лишь смутную идею, состояние бессильного человека (подвергнутого аффектам), живущего в уединении, не желающего достигнуть нравственной свободы и не встать на сторону разума.

Список источников

1. Спиноза Б. Сочинения : в 2 т. СПб. : Наука, 1999. Т. II. 728 с.

2. *Апполонов А.В.* О понятиях «светское» и «религия» у Бенедикта Спинозы в контексте гипотезы Джона Милбанка о «конструировании» светского // Вестник ПСТГУ. Сер. I: Богословие. Философия. 2019. № 86. С. 50–64.
3. *Фетисов М.С.* Политическая теория и онтология революции: Ленин, Гоббс и Спиноза // Социология власти. 2017. № 4. С. 8–35.
4. *Мошембле Р.* Очерки по истории дьявола: XII–XX вв. / пер. с фр. Е.В. Морозовой. М. : Новое лит. обозрение, 2005. 584 с.
5. *Мишуа Ж.* Дьявол / пер. с фр. Н. Лебедевой. М. : АСТ, 2004. 158 с.
6. *Рассел Дж.Б.* Мефистофель. Дьявол в современном мире / пер. с англ. Г.С. Усова. СПб. : Евразия, 2002. 448 с.
7. *Kotsko A.* The Prince of This World. Stanford : Stanford University Press, 2016. 240 p.
8. *Jonathan I.* Israel Radical Enlightenment. Philosophy and the Making of Modernity. Oxford : Oxford University Press, 2002. 810 p.
9. *McCraw B., Arp R.* (ed.). Philosophical Approaches to the devil. New York : Routledge, 2016. 218 p.
10. *Monateri P.G.* Political Theology from Satan to Legitimacy // Polemos. 2022. Vol. 16, № 1. P. 9–23.
11. *Латур Б.* Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии / пер. с фр. Д.Я. Калугина. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в СПб., 2006. 240 с.
12. *Спиноза Б.* Сочинения : в 2 т. СПб. : Наука, 1999. Т. I. 489 с.
13. *Спиноза Б.* Этика. М. : АСТ, 2001. 336 с.
14. *Фишер К.* История новой философии: Бенедикт Спиноза : пер. с нем. М. : АСТ : Транзиткнига, 2005. 557 с.
15. *Astore R.A.* Spinoza on God, Affects, and the Nature of Sorrow // Florida Philosophical Review. 2017. Vol. 17, № 1. P. 59–77.
16. *Крыштон Л.Э., Малла М.* Спиноза в зеркале классической и современной западной философии // Вестник РУДН. Серия: Философия. 2022. № 2. С. 402–417.
17. *Спиноза Б.* Богословско-политический трактат / пер. с лат. М.М. Лопаткина, С.М. Роговина, Б.В. Чредина. М. : Академический проект, 2015. 486 с.
18. *Магун А.В.* Единство и одиночество : Курс политической философии Нового времени. М. : Новое лит. обозрение, 2011. 544 с.
19. *Третьяк А.Р., Тинус Н.Н.* Политическая логика «Multitudo» в работах Гоббса и Спинозы // Полития. 2019. № 4 (95). С. 6–24.
20. *Тетерин А.Ю.* Политическое значение фигуры дьявола в «Левифане» Томаса Гоббса // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 69. С. 76–83.
21. *Large W.* Spinoza for our time: Politics and modernity // Contemporary Political Theory. 2017. № 16. P. 161–164.

References

1. Spinoza, B. (1999a) *Sochineniya. V 2-kh tomah* [Works. In 2 vols]. Vol. II. Translated from Latin. St. Petersburg: Nauka.
2. Appolonov, A.V. (2019) O ponyatiyakh “svetskoe” i “religiya” u Benedikta Spinozy v kontekste gipotezy Dzhona Milbanka o “konstruirovani” svetskogo [On the concepts of “secular” and “religion” by Benedict Spinoza in the context of John Milbank’s hypothesis about the “construction” of the secular]. *Vestnik PSTGU. Seriya 1: Bogoslovie. Filosofiya – St. Tikhon’s University Review*. 86(1). pp. 50–64.
3. Fetisov, M. (2017) Politicheskaya teoriya i ontologiya revolyutsii: Lenin, Gobbs i Spinoza [Political Theory and Ontology of Revolution: Lenin, Hobbes and Spinoza]. *Sotsiologiya vlasti – Sociology of Power*. 29(4). pp. 8–35.
4. Mushemle, R. (2005) *Ocherki po istorii d'yavola: XII–XX vv.* [Essays on the History of the Devil: 12th – 20th century]. Translated from French by E.V. Morozova. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
5. Minois, J. (2004) *D'yavol* [Devil]. Translated from French by N. Lebedeva. Moscow: AST.
6. Russel, J. B. (2002). *Mefistofel'. D'yavol v sovremenom mire* [Mephistopheles: The Devil in the Modern World]. Translated from English by G.S. Usov. St. Petersburg: Evraziya.
7. Kotsko, A. (2016) *The Prince of This World*. Stanford, California: Stanford University Press.
8. Israel, J.I. (2002) *Radical enlightenment: Philosophy and the making of modernity 1650–1750*. Oxford: Oxford University Press. DOI:10.1093/acprof:oso/9780198206088.001.0001

9. McCraw, B. & Arp, R. (2016) *Philosophical Approaches to the Devil*. New York: Routledge.
10. Monateri, P.G. (2022) Political Theology from Satan to Legitimacy. *Polemos*. 16(1). pp. 9–23. DOI: <https://doi.org/10.1515/pol-2022-2002>
11. Latour, B. (2006) *Novogo vremeni ne bylo. Esse po simmetrichnoy antropologii* [There was no new time. Essay on symmetrical anthropology]. Translated from French by D.Ya. Kalugin. St. Petersburg: EUPRESS.
12. Spinoza, B. (1999b). *Sochineniya. V 2-kh tomah* [Works. In 2 vols]. Vol. II. Translated from Latin. St. Petersburg: Nauka.
13. Spinoza, B. (2001) *Etika* [Ethics]. Translated from Latin. Moscow: AST.
14. Fisher, K. (2005) *Istoriya Novoy Filosofii: Benedikt Spinoza* [History of the New Philosophy: Benedict Spinoza]. Translated from German. Moscow: Tranzitkniga.
15. Astore, R.A. (2017) Spinoza on God, Affects, and the Nature of Sorrow. *Florida Philosophical Review*. 17(1). pp. 59–77.
16. Krysh-top, L.E. & Malla, M. (2022) Spinoza v zerkale klassicheskoy i sovremennoy zapadnoy filosofii [Spinoza in the Light of Classical and Contemporary Western Philosophy]. *Vestnik RUDN. Seriya: Filosofiya – RUDN Journal of Philosophy*. 26(2). pp. 402–417.
17. Spinoza, B. (2015) *Bogoslovsko-politicheskiy traktat* [Tractatus theologico-politicus]. Translated from Latin by M.M. Lopatkin, S.M. Rogovin. Moscow: Akademicheskii proekt.
18. Magun, A.V. (2011) *Edinstvo i odinochestvo: Kurs politicheskoy filosofii Novogo vremeni* [Unity and Solitude: The Course of Political Philosophy in the Modern Age]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
19. Tretyak, A.R. & Tinus, N.N. (2019) Politicheskaya logika “Multitudo” v rabotah Gobbssa i Spinozy [Political logic of “Multitudo” in the works of Hobbes and Spinoza]. *Politiya – Politeia*. 4(95). pp. 6–24.
10. Teterin, A.Yu. (2022) The political significance of the figure of the devil in Thomas Hobbes’ *Leviathan*. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 69. pp. 76–83. (In Russian). DOI: [10.17223/1998863X/69/9](https://doi.org/10.17223/1998863X/69/9)
21. Large, W. (2017) Spinoza for our time: Politics and modernity. *Contemporary Political Theory*. 16(1). pp. 161–164. DOI: [10.1057/cpt.2015.64](https://doi.org/10.1057/cpt.2015.64)

Сведения об авторе:

Тетерин А.Ю. – магистр социологии, аспирант 2-го курса кафедры истории философии и логики философского факультета Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: avronconst@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Teterin A.Yu. – Master’s in Sociology, 2nd-year postgraduate student of the Department of History of Philosophy and Logic, Faculty of Philosophy, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: avronconst@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.02.2023;
одобрена после рецензирования 27.03.2023; принята к публикации 20.04.2023
The article was submitted 20.02.2023;
approved after reviewing 27.03.2023; accepted for publication 20.04.2023

Научная статья

УДК [1(1-87)+2(091)](410)

doi: 10.17223/1998863X/72/5

К НЕОБХОДИМОСТИ ПЕРЕОЦЕНКИ БРИТАНСКОГО ДЕИЗМА XVII–XVIII ВВ.: ПОЛОЖЕНИЯ ДЖОЗЕФА ВАЛИГОРА

Валентин Валентинович Яковлев

*Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия,
v-yakovlev@yandex.ru*

Аннотация. Выявлены следующие основные положения Дж. Валигора, обосновывающие необходимость переоценки британского деизма XVII–XVIII вв.: во-первых, многие деисты придерживались концепции не абстрактного и далекого, а действующего Бога; во-вторых, как само Просвещение не было однородным, так и английский деизм не был ни однородным, ни организованным движением; в-третьих, в Англии XVIII в. были мыслители, именовавшие себя христианскими деистами и провозгласившие, что чистым, первоначальным христианством являлся деизм.

Ключевые слова: Дж. Валигор, британский деизм, британский христианский деизм, Просвещение

Благодарности: автор выражает глубокую признательность Дж. Валигору, А.А. Полякову и Дж. Бёрчу¹ за ценные советы и замечания, полученные от них в ходе подготовки статьи.

Для цитирования: Яковлев В.В. К необходимости переоценки британского деизма XVII–XVIII вв.: положения Джозефа Валигора // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 72. С. 43–56. doi: 10.17223/1998863X/72/5

Original article

ON THE NEED TO REASSESS BRITISH DEISM OF THE 17TH–18TH CENTURIES: JOSEPH WALIGOR'S PROVISIONS

Valentin V. Yakovlev

*University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation,
v-yakovlev@yandex.ru*

Abstract. The article is dedicated to the problems of assessment and reassessment of British deism of the 17th–18th centuries. It is well known that the heritage of ideas of British deism of the Enlightenment (as well as interpretations, in general, of European deism of the Modern Period) was and still often is interpreted mainly under the sign of the search for secularist, antichristian, and atheistic – subversive – components of social activity and intellectual creativity of deists. It can be said that in these senses the stereotypical “intelligibility” of the ideas of the British deists of the 17th–18th centuries, starting from the same period, began to be perceived practically as the main and indisputable attribute of these ideas, which, unfortunately, allowed and allows considering their deep and comprehensive

¹ Joseph Waligore, PhD in philosophy, retired philosophy and religious studies professor at the University of Wisconsin-Stevens Point, USA; Андрей Андреевич Поляков – младший научный сотрудник Института философии РАН; Jonathan C.P. Birch, PhD in philosophy, teacher of philosophical theology and biblical studies at the University of Glasgow, Chief Philosophy Examiner for AQA, Scotland.

study redundant. Meanwhile, an unbiased acquaintance with the writings of many British deists of the Early Modern Period clearly indicates the ambiguity of their ideas due to the fact that these deists did not develop secularist and atheistic, but Christian – Protestant-polemical religious-philosophical and theological – discourses, although, as a rule, opposing such discourses of the main currents of Anglicanism. The Western, and the Anglophone in particular, historiography of British deism of the 17th–18th centuries quite expectedly was and remains more extensive and multifaceted than the Russian one. But, as shown in the article, even Western experts feel the need to overcome gaps and stereotypes in the interpretations of the ideas of British deists of the 17th–18th centuries. This, in the author's opinion, serves as a weighty argument in favor of the fact that the updating and a certain revision of research programs applied to Early Modern British deism can shed light on aspects of these ideas that previously escaped the professionals' attention and on the influence that they had on the religious-philosophical and theological views of insular, continental and North American thinkers of the entire Modern Period. The relevance of the consideration of Waligor's reasoning is explained by the following. Firstly, he is a scientist who purposefully studies the Christian – Protestant-polemical religious-philosophical and theological – components of the ideas of British deists of the 17th–18th centuries. This, secondly, allows seeing him as one of the most consistent supporters of the need to overcome gaps and stereotypes in the interpretations of religious-philosophical and theological ideas of British deists of the 17th–18th centuries, and, in total, the need to reassess British deism of the 17th–18th centuries. Thus, this article identifies Waligor's main provisions, justifying the need to reassess British deism of the 17th–18th centuries.

Keywords: Joseph Waligor, British Deism, British Christian Deism, Enlightenment

Acknowledgements: The author expresses his deep gratitude to Joseph Waligor, Andrey A. Polyakov and Jonathan C. P. Birch for valuable advice and comments received from them during the preparation of the article.

For citation: Yakovlev, V.V. (2023) On the need to reassess british deism of the 17th–18th centuries: Joseph Waligor's provisions. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 72. pp. 43–56. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/72/5

Введение

При осмыслении историко-социальных, историко-политических, историко-культурных процессов, явлений и фактов часто прибегают к макроисторическим универсализациям, предполагающим самые широкие обобщения. В частности, какому-то уникальному явлению придают качества явления закономерного, повсеместно распространенного и примерно одинакового в разных регионах по всевозможным характеристикам. Так происходит, например, с феодализмом – феноменом весьма полисемантическим даже для Европы. Но сейчас настолько привычно говорить о русском, японском, индийском и других «феодализмах», что никто практически и не задумывается об исконной проблематичности однозначного истолкования сущности, черт и аспектов собственно феодализма, распространенного в средневековой Западной Европе и считающегося, так сказать, «классическим».

Похожие прецеденты происходят и при осмыслении истории религиозно-философских и теологических идей. Яркий тому пример – интерпретации идейного наследия британского деизма XVII–XVIII вв. – раннего Нового времени или эпохи Просвещения. Общеизвестно, что они (как и интерпретации вообще европейского деизма Нового времени) осуществлялись и зачастую до настоящего времени осуществляются главным образом под знаком поиска секуляристских, антихристианских и атеистических – подрывных – составляющих общественной деятельности и интеллектуального творчества

дейстов. Как это ни парадоксально, истоки такого оценочного подхода нужно искать в оценках дейстов и деизма, производимых значительным числом англиканских священников и теологов, британских мыслителей, ученых, эрудитов и общественно-политических деятелей XVII–XVIII вв. – времени, когда выдвигание и распространение деистских идей на Британских островах были фактически противоправными проступками. К примеру, по верным комментариям современного российского знатока британского деизма А.А. Полякова, действие Акта о веротерпимости 1689 г. (Toleration Act) не распространялось на дейстов [1. С. 122], а принятый в 1697 г. Акт о более эффективном подавлении богохульства и нечестия (An Act for the More Effectual Suppressing of Blasphemy and Profaneness) методично использовался для предъявления деистам обвинений в богохульстве [2. С. 150–151]. Естественно поэтому, что мало кто из британцев в XVII–XVIII вв. решался открыто называть себя дейстом. Зачастую принадлежность тех или иных ранненовременно британских интеллектуалов к кругу деистских авторов устанавливалась опосредованно в разного рода публикациях современников. Можно сказать, что в указанных смыслах стереотипная «понятность» идей британских дейстов XVII–XVIII вв. начиная с этого же периода стала восприниматься практически как главный и неоспоримый атрибут данных идей, что, к сожалению, позволяло и позволяет считать их глубокое и всестороннее изучение избыточным. Между тем непредвзятое ознакомление с сочинениями многих британских дейстов раннего Нового времени со всей очевидностью свидетельствует о неоднозначности их идей, обусловливаемой тем, что эти дейсты разрабатывали отнюдь не секуляристские и атеистические, а христианские – протестантско-полемические религиозно-философский и теологический дискурсы, правда, как правило, оппонирующие подобным дискурсам основных течений англиканства.

Конечно, западная вообще и англоязычная в частности историография британского деизма XVII–XVIII вв. вполне ожидаемо была и остается более обширной и многогранной, чем отечественная. При этом нельзя не согласиться с Поляковым в том, что целый ряд британских ранненовременно мыслителей, так или иначе участвовавших в формировании деистского дискурса, до сих пор просто малоизвестен отечественным ученым [2. С. 155]. Тем не менее, как будет показано далее, даже западные специалисты ощущают необходимость преодоления пробелов и стереотипов в интерпретациях идей британских дейстов XVII–XVIII вв. Это, думается, служит весомым аргументом в пользу того, что обновление и определенный пересмотр применяемых к ранненовременно британскому деизму исследовательских программ могут пролить свет на ранее ускользавшие от внимания профессионалов аспекты и названных идей, и влияния, которое они оказывали на религиозно-философские и теологические воззрения островных, континентальных и североамериканских мыслителей всего Нового времени.

Таким образом, предлагаемая вниманию читателей работа имеет историографическо-источниковедческую и методологическую направленности. Уместно обратить внимание на то, что как в уже упомянутых, так и в других своих статьях Поляков произвел достаточно широкие историографические и источниковедческие экскурсы по проблемам ранненовременно британского деизма [3, 4]. Настоящая публикация не масштабна в таком ракурсе и

сфокусирована на осмыслении концептуальных положений лишь одного автора – американского независимого эксперта Джозефа Валигора (род. в 1956 г.). Не входя в круг самых известных знатоков деизма, Валигор, тем не менее, предстает весьма скрупулезным исследователем в области не только британского ранненовременного деизма, но и североамериканского деизма эпохи Просвещения [5, 6]. Актуальность соответствующих проблематике настоящей работы рассуждений Валигора объясняется следующим. Во-первых, он является ученым, целенаправленно изучающим христианские – протестантско-полемические религиозно-философские и теологические – компоненты идей британских деистов XVII–XVIII вв. А это, во-вторых, позволяет видеть в нем одного из наиболее последовательных сторонников необходимости преодоления пробелов и стереотипов в интерпретациях религиозно-философских и теологических идей британских деистов XVII–XVIII вв. и, суммарно, необходимости переоценки британского деизма XVII–XVIII вв.

Предметом изучения в данной работе является ряд значительно контрастирующих с традиционными представлениями о британском¹ (и европейском) деизме XVII–XVIII вв. концептуальных положений двух фундаментальных по охвату источников литературы, статей Дж. Валигора «The Piety of the English Deists: Their Personal Relationship with an Active God» [7] и «Christian Deism in Eighteenth Century England»² [8, 9]. Легко заметить, что интригу содержания этих публикаций очень точно обозначают уже их названия: встречающиеся там формулировки и словосочетания «благочестие деистов», «действующий Бог», «христианский деизм» явно конфликтуют с устоявшимся дискурсом рассуждений о деизме, хорошо отображенном, например, в следующем тезисе посвященной деизму словарной статьи д-ра филос. наук., проф. В.В. Соколова: «...[с]огласно Д.[еизму], Бог, сотворив мир, не принимает в нем к.[акого]-л.[ибо] участия и не вмешивается в закономерное течение его событий; это отличает Д.[еизм] от теизма» [10]³. И если исходить из такого рода суждений, то упомянутые формулировки и словосочетания надлежит сравнить, наверное, не иначе как с ироничной игрой слов. Но Валигор не собирался иронизировать. Он сделал, соответственно, благочестие британских деистов XVII–XVIII вв., британский христианский деизм XVIII в. предметами своих исследовательских поисков, явно позиционируя себя в качестве сторонника необходимости переоценки британского деизма раннего Нового времени. Таким образом, цель настоящей работы заключается в выявлении главных положений Джозефа Валигора, обосновывающих необходимость переоценки британского деизма XVII–XVIII вв. Задача работы состоит в проведении обзора содержащих эти положения материалов вышеуказанных статей Валигора.

¹ Валигор предпочитает использовать понятие «английский», а не «британский», что, думается, не вполне корректно. Среди островных англоязычных деистов раннего Нового времени (или тех, кого относят к таковым) встречались не только англичане по рождению. Например, Джон Толанд был ирландцем, а Томас Морган – валлийцем.

² Статья доступна только в электронной версии с не соответствующей печатному оригиналу пагинацией.

³ О сложностях и подходах в формулировании определений и в выявлении содержания деизма см. также словарную статью заведующего сектором философии религии Института философии РАН, д-ра филос. наук, проф. В.К. Шохина [11].

Благочестие английских деистов: их личные отношения с действующим Богом

Статья Дж. Валигора «The Piety of the English Deists: Their Personal Relationship with an Active God» содержит следующие тематические части: «Thoughts implanted into our minds by divine beings»; «Prayers and praying»; «Miracles»; «Christian revelation».

В начале статьи Валигор обратил внимание на существование устойчивых представлений об английских деистах. Так, большинство ученых считают, что они верили в «холодного, отстраненного Бога» («deity»), не связанного с сотворенным Им миром. Следуя Валигору, Дж.Р. Крэгг выразил распространённое мнение, отметив, что в понимании английских деистов Бог был «абстрактным и далеким», пребывал вне драмы человеческой истории и т.д. и т.п. [12. Р. 237]¹. По заявлению Дж. Валигора, в своей статье он оспаривает существующий консенсус относительно религиозных взглядов английских деистов и утверждает, что те стремились поддерживать благочестивые и личные отношения с Богом («deity»), который (сообразно с их позицией по вопросу) постоянно влиял на жизнь людей. Валигор находил этот свой аргумент релевантным описанным в обзоре Дж. Шихана идеям некоторых современных специалистов, ставящим под сомнение безальтернативность рассмотрения Просвещения как неотвратимого секуляризационного излома, в контексте которого атеизм парижских радикалов типа Гольбаха и Дидро нужно воспринимать наподобие маркера для определения сущности эпохи Просвещения [13]. По мысли Валигора, его аргумент основан на выводах Б. Янга [14. Р. 3, 14–15], Р. Портера [15. Р. 5–6] и других авторов о том, что английское Просвещение не было секулярным [7. Р. 181].

Как подчеркивал Валигор, в его статье демонстрируется, что значительное большинство английских деистов, сторонясь веры в «далекого, безличного Бога» («deity»), стремились поддерживать благочестивые и личные отношения с Богом («deity»), принимавшим активное участие в жизни людей [7. Р. 182, 184–197]. Показывается также, что многие деисты усердно молились Богу, некоторые из них полагали, что эти молитвы иницируют деяния Бога [7. Р. 182, 189–192], и почти все они верили в Бога («deity»), который постоянно влиял на события человеческой жизни посредством вселения мыслей в людские умы [7. Р. 182, 184–189], совершения чудес и ниспослания откровений [7. Р. 182, 192–197].

Дж. Валигор напомнил, что, согласно устоявшемуся мнению, подъем и процветание английского деизма приходится на период с опубликования в 1624 г. сочинения «De Veritate» Герберта из Чербери [16] до середины XVIII в. Вместе с тем Валигор предложил иметь в виду, что точно так же, как само Просвещение не было однородным, так и английский деизм не был ни однородным, ни организованным движением. Как ему представляется, если все-таки попытаться выделить объединяющую тему, то он сказал бы, что английские деисты в большинстве случаев акцентировали внимание на милосердии и справедливости Бога, а не на Его могуществе и всевластии. Они считали обязательным использование доводов своего разума и неподчинение

¹ Здесь и далее в существенно дополненном и переработанном виде воспроизводятся ссылки на литературу и источники, содержащиеся в рассматриваемых статьях Валигора.

авторитетам в областях религии или культуры. Многие из них выступали с нападками на верования и деятельность своих современников-христиан, потому что мыслили эти верования и деятельность неразумными. Однако, хотя деисты и критиковали некоторые аспекты существующих религиозных устоев, они оставались глубоко религиозными, продолжая верить в чудеса, во влияние Бога на жизнь людей, в важность молитвы.

В число английских деистов XVII–XVIII вв. Дж. Валигор включил всех мыслителей, слывших в то время деистами и опубликовавших множество разного рода сочинений. Этим критериям, по Валигору, соответствуют 16 персон: Herbert of Cherbury (Герберт из Чербери, 1583–1648), Charles Blount (Чарльз Блаунт, 1654–1693), John Toland (Джон Толанд, 1670–1722), Shaftesbury (Шафтсбери, 1671–1713), John Trenchard (Джон Тренчард, 1662–1723), Anthony Collins (Энтони Коллинз, 1676–1729), Thomas Gordon (Томас Гордон, ок. 1691–1750), William Wollaston (Уильям Волластон, 1659–1724), Bernard Mandeville (Бернард Мандевилль, 1670–1733), Thomas Woolston (Томас Вулстон, 1670–1733.), Thomas Morgan (Томас Морган, ок. 1671–1743), Thomas Chubb (Томас Чабб, 1679–1747), Conyers Middleton (Коньерс Миддлтон, 1683–1750), Bolingbroke (Боллингброк, 1678–1751), Henry Dodwell (Генри Додуэлл (младший. – В.Я.), ок. 1700–1784), Peter Annet (Питер Эннет, 1693–1769). Томаса Гоббса Валигор в список не включил, объясняя это тем, что новейшие специалисты весьма нечасто относят его к деистам¹.

Как верно отметил Дж. Валигор, согласно выводам многих современных исследователей, не все мыслители из этого списка в действительности были деистами. Наиболее часто эксперты отказываются признавать деистом Герберта из Чербери, так как обнаруживают в его идеях проявления весомого благочестия и веры в действующего Бога («deity») [7. P. 182]. На некоторые аспекты манифестации такой веры в размышлениях Чербери, в частности, указал Д. Пейлин [7. P. 182–183; 17. P. 137]. Но Валигор пообещал продемонстрировать в статье, что подавляющему большинству деистов была присуща вера в Бога («deity»), часто влияющего на повседневную жизнь людей. Следовательно, Чербери вполне оправданно причисляется к деистам, а нежелание Пейлина делать это лишь актуализирует рассматриваемую проблематику.

Со скепсисом Джозеф Валигор кратко проанализировал и концептуальный подход Д. Бермана, строящийся на выдвижении предположения о том, что некоторые деисты могли быть тайными атеистами, вынужденными из-за боязни преследований скрывать свои настоящие убеждения за построениями «теологической лжи» [18]. Валигор при этом соглашается с тем, что английский деист Джон Толанд действительно высказывался о неизбежности такого рода притворства [19. P. 68] и что некоторые деисты могли иногда подобным образом притворяться. Но аргументы Бермана о приверженности многих деистов атеизму все равно представляются Валигору неубедительными в связи со следующими обстоятельствами. Во-первых, упомянутые аргументы нередко основаны на мнениях о деистах их противников (но это не заслужива-

¹ Данные о годах жизни мыслителей в списке Валигора отсутствуют и добавлены автором настоящей работы. Валигор говорит о производимом им перечислении английских деистов в хронологическом порядке, но, как видно, этот принцип не вполне соблюдается. Надо сообщить также, что в списке не упоминаются Matthew Tindal (Мэтью Тиндал, ок. 1657–1733) и Thomas Amory (Томас Эмори, ок. 1691–1788), деистские воззрения которых Валигор будет изучать в статье «Christian Deism in Eighteenth Century England».

ющие доверия свидетельства, по Валигору). Во-вторых, деисты высказывали много суждений, которые не имели бы смысла, если бы они были атеистами. Здесь для примера Дж. Валигор сослался на суждение Бермана о другом деисте – Тиндале, как об атеисте [18. P. 77]. В противовес Валигор напомнил о наличии в сочинениях Тиндала патетически-восторженных размышлений о том, насколько сильно Бог любит и опекает людей. Далее ученый процитировал фрагмент, в котором Тиндал привел своеобразный перечень возвышенных чувств и ощущений, которые должны испытывать люди к Богу исходя из Его совершенств [20. P. 15]. Следуя Валигору, для атеистов нехарактерно такого вида восхваление Бога, а вот среди деистов оно не было чем-то из ряда вон выходящим.

Столь же необидительны для Дж. Валигора и аргументы Бермана, используемые им для обоснования принадлежности к атеистам и отдельно взятых деистов. В частности, Берман высказывает утверждение о том, что Коллинз, скорее всего, лгал, говоря о своей вере в Троицу. Согласно Берману, деисту ожидаемо свойственно как минимум отрицание христианских таинств («mysteries») или аспектов, догматов христианской веры, не поддающихся объяснению разумом аналогично Троице [18. P. 61]. Валигор видит проблему в том, что описываемые послышки Бермана ошибочны. Многие английские деисты и в самом деле отвергали таинства, однако почти половина из них таинства признавали [7. P. 183]. В число таких деистов Валигор включает Болингброка [21. P. 346, 371], Мандевила [22. P. 67], Чабба [23. P. 257–260], Вулстона [24. P. 1–3, 25–26], Шафтсбери [25. P. 315], Додуэлла [7. P. 183–184; 26. P. 69–70, 83–85].

Явный скепсис вызывает у Джозефа Валигора и другое умозаключение Бермана, в соответствии с которым враждебность к деистам со стороны их современников лучше всего объясняется косвенными ссылками самих деистов на свое скрываемое вхождение в состав атеистов [27. P. 163]. Валигор считает, что можно предложить более удачные толкования данной враждебности. Во-первых, деисты немилосердно высмеивали мнения своих противников. Во-вторых, деисты не проявляли почтение к авторитетным деятелям культуры, полагавшим, что они имеют на это право. В-третьих, деисты часто стремились показать, что верования, которые по всеобщему убеждению органично сочетаются друг с другом, на самом деле вообще несочетаемы. Некоторые деисты воспринимали естественную религию настолько самостоятельной, что богооткровенная религия мыслилась ими как избыточная. Другие деисты говорили, что выдвинутые в ходе протестантской Реформации на передний план тезис и доктрина *Sola Scriptura* конфликтуют с выказываемым Англиканской церковью пиететом к церковным Соборам и отцам Церкви. Были также деисты, объявлявшие, что библейские сообщения о чудесах не выдерживают проверки разумом. Как подытожил Валигор, мыслители всех упомянутых типов подрывали религиозный консенсус своего времени, но это не значит, что им не было свойственно благочестие [7. P. 184].

Христианский деизм в Англии XVIII в.

Придерживаясь в целом обозначенной проблематики, Валигор продолжил разработку обоснований необходимости переоценки британского деизма XVII–XVIII вв. в статье «*Christian Deism in Eighteenth Century England*». Эта

работа содержит следующие тематические части: «Reasons to believe these thinkers were sincerely stating their religious beliefs»; «The Christian deist view of natural religion»; «The Christian deists on prayer and direct divine inspiration»; «Can the Christian deists be excluded from the category of „Christian“?»; «Can the Christian deists be excluded from the category of „deists“?»

В начале статьи Валигор констатировал, что в Англии XVIII в. были мыслители, именовавшие себя христианскими деистами и провозглашавшие, что чистым, первоначальным христианством являлся деизм. Для примера ученый выборочно процитировал Эмори, сообщавшего, что он придерживается «первоначального христианства» – «чистого христианского деизма», проповеданного Господом («Lord of life and glory») [28. Р. 61; 29. Р. 380, 451]. Известны утверждения нескольких английских деистов о производимом ими восстановлении первоначального христианства, и некоторые знатоки называют этих деистов христианскими деистами: Валигор сослался тут на работы Дж. Израйля [30. Р. 124] и М. Паттисона [31. Р. 301]. Тем не менее значительное большинство исследователей сомневаются, что христианский деизм являлся жизнеспособной теологической альтернативой в XVIII в. Дж. Бёрн, например, и вовсе исходил из того, что словосочетание «христианский деизм» было «явным оксюмороном», считая, что мыслитель мог называть себя христианским деистом только из тактических соображений во избежание причисления к еретикам [32. Р. 111]. По замечанию Валигора, в своей статье он постулирует, что в Англии XVIII в. были мыслители, искренне позиционирующие себя как христиане и как деисты. Подразумевается также, что, не превратившись в организованное направление и не имея лидера, христианский деизм все-таки оказался весьма значимым теологическим движением.

Согласно Валигору, чтобы разобраться в том, как христианские деисты осуществляли идейный синтез христианства и деизма, нужно осознать, что «их деизм не был формой рационализма эпохи Просвещения». Эти деисты не приписывали науке и разуму такой высокой степени значимости, которая заставляла бы отвергать какие-нибудь истинные религиозные чувства [8. Р. 1]. Валигор предупредил, что он расходится во мнениях с авторами работ о христианском деизме – Х. Хиллербрандом [33; 34. Р. 219] и Дж. Вигелсуортом [35. Р. 31], которые, как ему видится, ошибочно сводят суть христианского деизма как раз к отражению просвещенческого рационализма, ставящего во главу угла науку [8. Р. 1–2]. Валигор в свою очередь полагает, что теология христианских деистов не основывалась на науке, и что они не отвергали сверхъестественное. Фундаментом их теологии была вера «в то, что Бог справедлив и милосерден к каждому человеку». И, отталкиваясь от этого, мыслители приходили к выводу о неизбежности пересмотра всех базовых доктрин христианства для того, чтобы отвергнуть те из них, которые конфликтуют с представлениями о справедливом милосердии Бога. Ведь в понимании христианских деистов подобные доктрины не принадлежат к вероучению истинного христианства и были сформулированы духовенством в целях упрочения собственных авторитета и власти. В силу того что христианский деизм имел своим основанием не науку, а своеобразные идеи о Боге, он был легитимной третьей системой воззрений между клерикальным христианством (христианством в истолковании каких бы то ни было священников или представителей духовенства) и секуляризмом (в виде атеизма или

ответвления деизма, продуцирующего образ бездействующего, самоустранившегося Бога).

Валигор подводит читателя к мысли о том, что на понятийно-смысловом уровне концепция «христианского деизма» хорошо коррелирует с выводами новейших исследований, направленных на переосмысление Просвещения и участия английских деистов в процессах этой эпохи. Вновь указав на обзор Дж. Шихана, Валигор акцентировал внимание на приводимых в нем убедительных доводах современных ученых в пользу того, что смысл размышлений и деятельности многих просветителей не вписывается в дискурс до недавнего времени обиходного нарратива о Просвещении как периоде великого перехода «от религиозных суеверий к рациональному, научному мышлению» [13]. В соответствии с версией Валигора, происходящие трансформации в стратегиях трактования Просвещения и английской культуры этой эпохи сподвигли некоторых экспертов на переоценку английского деизма. Например, такие специалисты, как Дж. Вигелсуорт [36. Р. 3], У. Хадсон [37] и сам Валигор [7], по его собственному признанию, выступают с заявлениями о том, что английский деизм правильнее воспринимать в качестве феномена английской религиозной культуры, а не в качестве элемента «антирелигиозного континентального Просвещения».

Дж. Валигор подчеркивает, что в статье он покажет, что практически все известные английские деисты верили в действующего Бога, совершающего чудеса и ниспосылающего откровения [8. Р. 2, 3–15]. В большинстве своем эти деисты даже верили в существование руководящего божественного озарения, или в то, что Бог управлял людьми посредством знамений, или в то, что Он «вселял мысли в умы людей» [8. Р. 2, 3–10 и др.]. Следовательно, согласно Валигору, формулируя определение, некорректно утверждать, что для деиста была характерна вера в «бездействующего, отстраненного Бога» («deity»). Лучше зафиксировать, что деистом являлся мыслитель, веривший в Бога и при этом обращавшийся к разуму для обоснования того, что в клерикальном христианстве сложились ошибочные интерпретации природы Бога и способов взаимодействия Бога с людьми. К тому же преобладающее большинство деистов называли истинной религией естественную религию (или религию природы, постигаемую людьми исключительно с помощью естественных средств (возможностей разума), а не в русле апелляции к сверхъестественному откровению), считая, что она адекватней религии, конституируемой клерикальными трактовками христианского откровения. Впрочем, Валигор (примерно так, как это было сделано в предыдущей статье) не преминул обратить внимание на то, что выпады деистов в адрес духовенства соседствовали с проявлениями глубокой религиозности в размышлениях многих из них.

Валигор думает, что категория «христианский деизм» утрачивает свой смысл, если допускать, что христианскими деистами могли именовать себя отрицающие базовые христианские доктрины притворщики-лицемеры, стремившиеся избежать преследований или социального ostracism за свои антихристианские убеждения при помощи ложных заверений в приверженности христианству. Вследствие этого, по мысли Валигора, христианский деист – это деист, не просто сообщавший о том, что он возрождает чистое христианство, но и на деле реализовывавший этот проект, сконцентрировавшись в

своих теологических сочинениях на собственных прочтениях христианского вероучения [8. Р. 2]. И если согласиться с таким определением, то целесообразно также прийти к выводу, что оно распространяется лишь на мыслителей, чистосердечно относивших себя к христианам [8. Р. 2–3].

Джозеф Валигор сообщил, что в статье он проанализирует идеи трех английских мыслителей XVIII в. – Томаса Моргана, Томаса Эмори и Мэтью Тиндала. Морган был священником, а по оставлении церковной деятельности стал врачом и писателем. Он объявил себя «христианским деистом» и высказал суждение о том, что христианский деизм – «это первоначальное, истинное и неоспоримое христианство», которое «для всего мира проповедали Христос и апостолы» [38. Р. 165, 439.]. Тиндал был юристом, писателем, оксфордским стипендиатом. Он не единожды сообщал в своих работах, что читатели и слушатели, соглашающиеся с его идеями, являлись «истинными христианскими деистами» [39. Р. 337, 340, 342]. Т. Эмори – весьма популярный в XVIII в. и позабытый теперь автор теологических романов, посвященных невероятно сложным богословским проблемам. По мнению Эмори, деизм являет собой истинное христианство: Валигор напомнил о цитировании в начале своей статьи и отметил также, что Эмори еще именовал себя «христианским деистом» [29. Р. 380.]. Резюмируя, выбор авторов Валигор объяснил тем, что только указанные английские мыслители XVIII в., не таясь, именовали себя христианскими деистами или утверждали, что их идеи принадлежат к кругу идей христианских деистов. Из чего следует, что они действительно были христианскими деистами XVIII в. и выдвигали в определенном смысле нормативные трактовки христианского деизма [8. Р. 3].

Заключение

Таким образом, опираясь на материалы проведенного обзора, можно выявить следующие главные положения Джозефа Валигора, обосновывающие необходимость переоценки британского деизма XVII–XVIII вв. Во-первых, Валигор выдвинул положение о том, что, многие деисты придерживались концепции не абстрактного и далекого, а действующего Бога. В контексте этого положения Валигор утверждает, что 1) значительное большинство английских деистов, сторонясь веры в далекого, безличного Бога, стремились поддерживать благочестивые и личные отношения с Богом, принимавшим активное участие в жизни людей; 2) многие деисты усердно молились Богу, некоторые из них полагали, что эти молитвы инициируют деяния Бога; 3) почти все они верили в Бога, который постоянно влиял на события человеческой жизни, вселяя мысли в людские умы, совершая чудеса и ниспосылав откровения.

Во-вторых, Валигор выдвинул положение о том, что как само Просвещение не было однородным, так и английский деизм не был ни однородным, ни организованным движением. В контексте этого положения Валигор отмечает, что 1) если попытаться выделить объединяющую тему, то лучше констатировать, что английские деисты в большинстве случаев акцентировали внимание на милосердии и справедливости Бога, а не на Его могуществе и всевластии; 2) многие английские деисты действительно отвергали таинства, некоторые деисты мыслили богооткровенную религию избыточной, другие деисты настаивали на более строгом соблюдении протестантской доктрины *Sola*

Scriptura, были также деисты, объявлявшие, что библейские сообщения о чудесах не выдерживают проверки разумом; 3) тем не менее, хотя многие деисты и критиковали некоторые аспекты существующих религиозных устоев, они оставались глубоко религиозными, продолжая признавать таинства, верить в чудеса, во влияние Бога на жизнь людей, в важность молитвы.

В-третьих, Валигор выдвинул положение о том, что в Англии XVIII в. были мыслители, именовавшие себя христианскими деистами и провозглашавшие, что чистым, первоначальным христианством являлся деизм. В контексте этого положения Валигор фиксирует, что 1) теология христианских деистов не основывалась на науке и они не отвергали сверхъестественное; 2) христианские деисты приходили к выводу о неизбежности пересмотра всех базовых доктрин христианства для того, чтобы отвергнуть те из них, которые конфликтуют с представлениями о справедливом милосердии Бога; 3) английский деизм правильнее воспринимать в качестве феномена английской религиозной культуры, а не в качестве элемента «антирелигиозного континентального Просвещения»; 4) деистом являлся мыслитель, веривший в Бога и при этом обращавшийся к разуму для обоснования того, что в клерикальном христианстве сложились ошибочные интерпретации природы Бога и способов взаимодействия Бога с людьми.

Список источников

1. Поляков А.А. Деизм и Герберт из Чербери в современной историографии // Христианское чтение. 2020. № 5. С. 110–123.
2. Поляков А.А. Деизм и религиозная толерантность: плюральная модель интерпретаций (рец. на кн.: *Atheism and Deism Revalued: Heterodox Religious Identities in Britain, 1650–1800* / ed. by W. Hudson, D. Lucci and J. R. Wigelsworth. Farnham: Ashgate, 2014. 265 p.) // Философия религии: аналитические исследования. 2019. Т. 3, № 2. С. 146–159. DOI: 10.21146/2587-683X-2019-3-2-146-159
3. Поляков А.А. Деисты и деизм в зеркале европейской религии и культуры XVI–XVIII веков // Вестник ПСТГУ. Сер. 1: Богословие. Философия. Религиоведение. 2019. Вып. 85. С. 122–133.
4. Поляков А.А. «Отец деизма»: проблемы исследования философии Герберта из Чербери // Культура и искусство. 2021. № 5. С. 12–24.
5. Waligore J. The Christian Deist Writings of Benjamin Franklin // The Pennsylvania Magazine of History and Biography. 2016. Vol. 140, is. 1. P. 7–28.
6. Waligore J. The Spirituality of the English and American Deists : How God Became Good. Lanham : Lexington Books, 2023. vii, 336 p.
7. Waligore J. The Piety of the English Deists: Their Personal Relationship with an Active God // Intellectual History Review. 2012. Vol. 22, is. 2. P. 181–197.
8. Waligore J. Christian Deism in Eighteenth Century England // International Journal of Philosophy and Theology. 2014. Vol. 75, is. 3. P. 1–18. URL: https://www.researchgate.net/publication/285522134_Christian_deism_in_eighteenth_century_England (accessed: 29.12.2022).
9. Waligore J. Christian Deism in Eighteenth Century England // International Journal of Philosophy and Theology. 2014. Vol. 75, is. 3. P. 205–222.
10. Соколов В.В. Деизм // Большая российская энциклопедия. Электронная версия (2016). URL: <https://old.bigenc.ru/philosophy/text/1944459> (дата обращения: 08.02.2023).
11. Шохин В.К. Деизм // Православная Энциклопедия. URL: <https://www.pravenc.ru/text/171587.html> (дата обращения: 08.02.2023).
12. Cragg G.R. The Church and the Age of Reason, 1648–1789. London : Hodder & Stoughton, 1962. 299 p.
13. Sheehan J. Enlightenment, Religion, and the Enigma of Secularization: A Review Essay // The American Historical Review. 2003. Vol. 108, is. 4. P. 1061–1080.
14. Young B.W. Religion and Enlightenment in Eighteenth-Century England : Theological Debate from Locke to Burke. Oxford : The Clarendon Press, 1998. ix, 259 p.

15. Porter R. The Enlightenment in England // The Enlightenment in National Context / ed. by R. Porter, M. Teich. Cambridge : Cambridge University Press, 1981. P. 1–18.
16. Herbert of Cherbury. De Veritate. 3rd ed. Bristol : J.W. Arrowsmith, 1937. 334 p.
17. Pailin D.A. Should Herbert of Cherbury be Regarded as a “Deist”? // Journal of Theological Studies. 2000. Vol. 51, is. 1. P. 113–149.
18. Berman D. Deism, Immortality and the Art of Theological Lying // Deism, Masonry and the Enlightenment : Essays Honoring Alfred Owen Aldridge / ed. by J.A.L. Lemay. Newark : University of Delaware Press, 1987. P. 61–78.
19. Toland J. Clidophorus // Tetrady mus. London Printed : And Sold by J. Brotherton..., 1720. P. 61–100.
20. Tindal M. Christianity as Old as the Creation. London : [s. n.], 1730. 442 p.
21. Bolingbroke H. St. J., Lord Viscount. The Philosophical Works : 5 Vol. London : [David Mallet], 1754. Vol. 2. [4]. 412 p.
22. Mandeville B. Free Thoughts on Religion, the Church, and National Happiness. London : Printed, and sold by T. Jauncy..., 1720. [2], xix, [3], 364, [12] p.
23. Chubb T. A Collection of Tracts on Various Subjects : 2 Vol. 2nd ed. London : Printed for T. Cox, 1754. Vol. 1. [xx], 390 p.
24. Woolston T. The Exact Fitness of the Time. London : Printed for J. Roberts, 1722. [2], ix, [1], 104 p.
25. Shaftesbury. Characteristicks of Men, Manners, Opinions, Times : 3 Vol. [London] : [Printed by John Darby], 1711. Vol. 3. 344, [72], 47 p.
26. Dodwell H. Christianity not Founded on Argument. London : Printed for T. Cooper, 1741. 118 p.
27. Berman D. Berkeley and Irish Philosophy. London : Continuum, 2005. x, 234 p.
28. Amory T. Memoirs of Several Ladies of Great Britain. London : Printed for John Noon, 1755. xxxi, [9], 527, [1] p.
29. Amory T. The Life of John Bunclie, Esq. : 2 Vol. London : Printed for John Noon, 1756. Vol. 1. ix, [7], 511, [1] p.
30. Israel J.I. Enlightenment Contested : Philosophy, Modernity, and the Emancipation of Man 1670–1752. Oxford : Oxford University Press, 2006. xxiv, 983 p.
31. Pattison M. Tendencies of Religious Thought in England, 1688–1750 // Essays and Reviews. 7th ed. London : Longman, Green, Longman, and Roberts, 1861. P. 255–330.
32. Byrne J. M. Religion and the Enlightenment : From Descartes to Kant. Louisville, KN : Westminster John Knox Press, 1997. xiii, 253 p.
33. Hillerbrand H.J. The Decline and Fall of the True Christian Church: The English Deist View // Zeitschrift für Religions-und Geistesgeschichte. 2008. Vol. 60, is. 2. P. 97–110.
34. Hillerbrand H.J. A New History of Christianity. Nashville, TN : Abingdon Press, 2012. xvii, 427 p.
35. Wigelsworth J.R. The Disputed Root of Salvation in Eighteenth-Century English Deism: Thomas Chubb and Thomas Morgan Debate the Impact of the Fall // Intellectual History Review. 2009. Vol. 19, is. 1. P. 29–43.
36. Wigelsworth J.R. Deism in Enlightenment England : Theology, Politics, and Newtonian Public Science. Manchester : Manchester University Press, 2009. ix, 238 p.
37. Hudson W. Enlightenment and Modernity : The English Deists and Reform. London : Pickering & Chatto, 2009. ix, 225 p.
38. Morgan T. The Moral Philosopher : 3 Vol. [1st Vol. is 2nd ed., correct.]. London : Printed for the author, 1738. Vol. 1. xii, [1], 14–450, [10] p.
39. Tindal M. Christianity as Old as the Creation. London : [s. n.], 1731. viii, 396 p.

References

1. Polyakov, A.A. (2020) Deizm i Gerbert iz Cherberi v sovremennoy istoriografii [Deism and Herbert of Cherbury in Modern Historiography]. *Khristianskoe chtenie*. 5. pp. 110–123.
2. Polyakov, A.A. (2019) Deism studies in modern literature (Hudson W., Lucci D. and Wigelsworth J.R. Atheism and Deism Revalued: Heterodox Religious Identities in Britain, 1650–1800. Farnham: Ashgate, 2014). *Filosofiya religii: analiticheskie issledovaniya – Philosophy of Religion: Analytical Research*. 3(2). pp. 146–159. (In Russian) DOI: 10.21146/2587-683X-2019-3-2-146-159
3. Polyakov, A.A. (2019) Deists and deism as reflected in European religion and culture of the 16th – 18th centuries. *Vestnik PSTGU. Seriya 1: Bogoslovie. Filosofiya. Religiovedenie – St. Tikhon's*

University Review. Theology. Philosophy. Religious Studies. 85. pp. 122–133. (In Russian) DOI: 10.15382/stur1201985.122-133

4. Polyakov, A.A. (2021) “Otets deizma”: problemy issledovaniya filosofii Gerberta iz Cherberi [“Father of Deism”: Problems in the Study of the Philosophy of Herbert of Cherbury]. *Kul'tura i iskusstvo.* 5. pp. 12–24.

5. Waligore, J. (2016) The Christian Deist Writings of Benjamin Franklin. *The Pennsylvania Magazine of History and Biography.* 140(1). pp. 7–28. DOI: 10.5215/pennmaghistbio.140.1.0007

6. Waligore, J. (2023) *The Spirituality of the English and American Deists: How God Became Good.* Lanham: Lexington Books.

7. Waligore, J. (2012) The Piety of the English Deists: Their Personal Relationship with an Active God. *Intellectual History Review.* 22(2). pp. 181–197.

8. Waligore, J. (2014) Christian Deism in Eighteenth Century England. *International Journal of Philosophy and Theology.* 75(3). pp. 1–18. [Online] Available from: https://www.researchgate.net/publication/285522134_Christian_deism_in_eighteenth_century_England (Accessed: 29th December 2022).

9. Waligore, J. (2014) Christian Deism in Eighteenth Century England. *International Journal of Philosophy and Theology.* 75(3). pp. 205–222.

10. Sokolov, V.V. (2016) *Deizm* [Deism]. [Online] Available from: <https://old.bigenc.ru/philosophy/text/1944459> (Accessed: 8th February 2023).

11. Shokhin, V.K. (n.d.) *Deizm* [Deism]. [Online] Available from: <https://www.pravenc.ru/text/171587.html> (Accessed: 8th February 2023).

12. Cragg, G.R. (1962) *The Church and the Age of Reason, 1648–1789.* London: Hodder & Stoughton.

13. Sheehan, J. (2003) Enlightenment, Religion, and the Enigma of Secularization: A Review Essay. *The American Historical Review.* 108(4). pp. 1061–1080.

14. Young, B.W. (1998) *Religion and Enlightenment in Eighteenth-Century England: Theological Debate from Locke to Burke.* Oxford: The Clarendon Press.

15. Porter, R. (1981) The Enlightenment in England. In: Porter, R. & Teich, M. (eds) *The Enlightenment in National Context.* Cambridge: Cambridge University Press. pp. 1–18.

16. Herbert of Cherbury. (1937) *De Veritate.* 3rd ed. Bristol: J.W. Arrowsmith.

17. Pailin, D.A. (2000) Should Herbert of Cherbury be Regarded as a “Deist”? *Journal of Theological Studies.* 51(1). pp. 113–149.

18. Berman, D. (1987) Deism, Immortality and the Art of Theological Lying. In: Lemay, J.A.L. (ed.) *Deism, Masonry and the Enlightenment: Essays Honoring Alfred Owen Aldridge.* Newark: University of Delaware Press. pp. 61–78.

19. Toland, J. (1720) Clidophorus. In: *Tetradymus.* London: J. Brotherton. pp. 61–100.

20. Tindal, M. (1730) *Christianity as Old as the Creation.* London: [s. n.].

21. Bolingbroke, H. (1754) *St.J., Lord Viscount The Philosophical Works.* Vol. 2. London: [David Mallet].

22. Mandeville, B. (1720) *Free Thoughts on Religion, the Church, and National Happiness.* London: T. Jauncy.

23. Chubb, T. (1754) *A Collection of Tracts on Various Subjects: 2 Vols.* 2nd ed. Vol. 1. London: T. Cox.

24. Woolston, T. (1722) *The Exact Fitness of the Time.* London: J. Roberts.

25. Shaftesbury. (1711) *Characteristics of Men, Manners, Opinions, Times.* Vol. 3. [London]: John Darby].

26. Dodwell, H. (1741) *Christianity not Founded on Argument.* London: Printed for T. Cooper.

27. Berman, D. (2005) *Berkeley and Irish Philosophy.* London: Continuum.

28. Amory, T. (1755) *Memoirs of Several Ladies of Great Britain.* London: Printed for John Noon.

29. Amory, T. (1756) *The Life of John Buncl, Esq.: 2 vols.* Vol. 1. London: Printed for John Noon.

30. Israel, J.I. (2006) *Enlightenment Contested: Philosophy, Modernity, and the Emancipation of Man 1670–1752.* Oxford: Oxford University Press.

31. Pattison, M. (1861) *Tendencies of Religious Thought in England, 1688–1750. Essays and Reviews.* London: Longman, Green, Longman, and Roberts. pp. 255–330.

32. Byrne, J.M. (1997) *Religion and the Enlightenment : From Descartes to Kant.* Louisville, KN: Westminster John Knox Press.

33. Hillerbrand, H.J. (2008) The Decline and Fall of the True Christian Church: The English Deist View. *Zeitschrift für Religions und Geistesgeschichte.* 60(2). pp. 97–110.

34. Hillerbrand, H.J. (2012) *A New History of Christianity*. Nashville, TN: Abingdon Press.
35. Wigelsworth, J.R. (2009) The Disputed Root of Salvation in Eighteenth-Century English Deism: Thomas Chubb and Thomas Morgan Debate the Impact of the Fall. *Intellectual History Review*. 19(1), pp. 29–43.
36. Wigelsworth, J.R. (2009) *Deism in Enlightenment England: Theology, Politics, and Newtonian Public Science*. Manchester: Manchester University Press.
37. Hudson, W. (2009) *Enlightenment and Modernity: The English Deists and Reform*. London : Pickering & Chatto., ix, 225 p.
38. Morgan, T. (1738) *The Moral Philosopher: 3 vols*. Vol. 1. London: Printed for the author.
39. Tindal, M. (1731) *Christianity as Old as the Creation*. London: [s. n].

Сведения об авторе:

Яковлев В.В. – доцент, доктор философских наук, доцент кафедры истории и мировой политики Института социально-гуманитарных наук Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). E-mail: v-yakovlev@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Yakovlev V.V. – Dr. Sci. (Philosophy), docent, associate professor at the Department of History and World Politics, Institute of Social Sciences and Humanities, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: v-yakovlev@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 16.02.2023;
одобрена после рецензирования 30.03.2023; принята к публикации 20.04.2023
The article was submitted 16.02.2023;
approved after reviewing 30.03.2023; accepted for publication 20.04.2023*

Научная статья

УДК 101.9

doi: 10.17223/1998863X/72/6

РЕФЕРАТЫ И БАНКЕТЫ: ФОРМА И СОДЕРЖАНИЕ ФИЛОСОФСКИХ ДИСПУТОВ ПОЛИТИЧЕСКИХ ССЫЛЬНЫХ В ВОЛОГДЕ В НАЧАЛЕ XX в.

Наталья Андреевна Ястреб

Вологодский государственный университет, Вологда, Россия, nayastreb@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются основные формы научной коммуникации русских философов и общественных деятелей Н.А. Бердяева, А.А. Богданова и А.В. Луначарского во время их пребывания в Вологодской ссылке в 1900–1905 гг. Выявлены две основные формы проведения мероприятий. Рефераты представляли собой научные доклады одного автора с последующим обсуждением. Банкеты, аналог современных круглых столов, были основной формой интеллектуальных дискуссий. Сделан вывод о том, что замкнутость круга ссыльных философов не позволила им изменить интеллектуальную среду города и породить в Вологде соответствующую интеллектуальную традицию.

Ключевые слова: вологодская ссылка, история русской философии, научная коммуникация, А.А. Богданов, Н.А. Бердяев, А.В. Луначарский

Для цитирования: Ястреб Н.А. Рефераты и банкеты: форма и содержание философских диспутов политических ссыльных в Вологде в начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 72. С. 57–63. doi: 10.17223/1998863X/72/6

Original article

REPORTS AND BANQUETS: FORMS AND CONTENT OF PHILOSOPHICAL DEBATES OF POLITICAL EXILES IN VOLOGDA AT THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY

Natalia A. Yastreb

Vologda State University, Vologda, Russian Federation, nayastreb@mail.ru

Abstract. The article considers the main forms of scholarly communication of Russian philosophers and public figures during their stay in the Vologda exile in 1900–1905. Political exile at the turn of the 20th century had a great influence on the intellectual life of Vologda. Exiled philosophers, writers, publicists not only served their sentences in the provincial town, but also had the opportunity to work, communicate, and hold discussions. The period of 1900–1905 was distinguished by the greatest rise in philosophical discussions. At that time, Nikolai Berdyaev, Anatoly Lunacharsky, Alexander Bogdanov, Sergei Suvorov, Aleksey Remizov, and Pavel Shchegolev were in political exile. The governor's attitude towards political exiles was rather liberal. They had access to all new books published in Russia. This contributed to forced but meaningful communication, active discussions and disputes on philosophical and social issues at the highest level. The work reveals two main forms of holding events by political exiles. Reports were speeches by one author followed by a discussion. The content of reports was mainly scholarly in nature and corresponded to the modern level of development of philosophy in the world at that time. Issues of materialism and idealism (Berdyaev), positivism, empirio-criticism (Bogdanov),

and aesthetics (Lunacharsky) were discussed. Berdyaev, Bogdanov, and Lunacharsky formed the basis of their scholarly publications. Banquets can be called an analogue of modern round tables. They were the main form of intellectual discussion among exiled Cadets, Social Revolutionaries, and Social Democrats. They discussed mainly social and political issues. The results of banquets were formalized as resolutions or petitions to various departments. The article concludes that the closed circle of exiled philosophers, despite the effectiveness of their philosophical work in exile, did not allow them to change the intellectual environment of the town and “Northern Athens” turned out to be a short period of epy flowering of philosophical discussions in Vologda.

Keywords: political exile, history of Russian philosophy, scientific communication, Alexander Bogdanov, Nikolai Berdyaev, Anatoly Lunacharsky

For citation: Yastrebnik, N.A. (2023) Reports and banquets: forms and content of philosophical debates of political exiles in Vologda at the beginning of the 20th century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 72. pp. 57–63. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/72/6

Политическая ссылка на рубеже XIX–XX вв. имела важнейшее значение для интеллектуальной жизни Вологды. Ссылные философы, писатели, публицисты не просто отбывали положенный срок в провинциальном городе, но имели при этом возможность работать, общаться и дискутировать. Для Вологды политические ссылные были своеобразным мостом, соединяющим город с западным миром, большой культурой, философией, искусством. Наибольшим подъемом философских дискуссий отличались 1900–1905 гг. В это время в политической ссылке одновременно находились Н.А. Бердяев, А.А. Луначарский, А.А. Богданов, С.А. Суворов, А.М. Ремизов, П.Е. Щеголев. Спокойная обстановка северного провинциального города, либеральное отношение к политическим ссылным со стороны губернатора, доступ ко всем книжным новинкам, издававшимся в России, в совокупности создали уникальные условия для «вынужденного», но содержательного общения, активных дискуссий и споров по поводу философских и социальных вопросов на самом высоком уровне. На короткий срок Вологда, «подстоличная Сибирь», превратилась, по меткому выражению А.М. Ремизова, в «Северные Афины», «и слава о ней гремела во всех уголках России, где хоть какая была и самая незаметная революционная организация, а где ее не было!» [1. С. 58].

Ссылка сама по себе может быть описана как универсальная метафора одиночества, извлечения из интеллектуального рая, помещения в неприемлемую действительность. Для философа это своеобразный вызов, обостряющий восприятие мира и самоанализ. Занятие философией в такой ситуации уже не просто работа или интеллектуальная привычка, это способ личностного выживания. Узость интеллектуального круга в совокупности с потребностью в дискуссии соединяет в одном интеллектуальном пространстве представителей противоборствующих подходов и традиций, которые в иных условиях, возможно, никогда бы не нашли общий язык. Результатами такой работы над собой закономерно становились изменения мировоззренческих и социально-политических взглядов. Наиболее ярким примером является Николай Александрович Бердяев, который, по меткому замечанию А. Луначарского, в Вологде начал переходить «от идеалистически окрашенного марксизма к сумеркам мистики, из которых вынырнул прямо в ночь философски интерпретированного православия» [2. С. 1].

В начале XX в. наблюдается структурирование самого круга политических ссыльных, обусловленное содержанием их философских и политических позиций. Н.А. Бердяев в своих воспоминаниях отмечает, что два противоположных лагеря ссыльных составляла «аристократия», включавшая самого Бердяева, А.М. Ремизова, П.Е. Щеголева, Б.В. Савинкова, О. Маделунга, и «демократия», возглавляемая А.А. Богдановым и А.В. Луначарским [3. С. 71]. «Аристократия» была более независима в своих суждениях от коллектива, более индивидуалистична и свободна в своей жизни, имела связи с местным обществом, главным образом земским, отчасти с театром. «Демократия» была лучше организована, внутри нее существовали иерархия и партийная дисциплина. Два этих круга достаточно плотно взаимодействовали между собой, несмотря на идеологические и мировоззренческие различия, граница между ними была очерчена тем фактом, что «одни издавали брошюры и создавали марксистские нелегальные ячейки, а другие – спорили о литературе и рассуждали о самоценности личности» [4]. При этом нелюбовь к действующему режиму и потребность в поиске новых смыслов и идей объединяли оба этих круга.

Политические ссыльные, хотя и находились вдалеке от столичных дискуссий, имели возможность читать всю литературу, выходящую в России. Книги, в том числе и по указанию губернатора, доставлялись в книжные магазины. По меткому выражению Ремизова, «между Парижем, Цюрихом, Женевой и Вологдой был подлинно „прямой провод“» [1. С. 239]. Круг чтения ссыльных составляли художественные произведения М. Горького, Л. Андреева, А.П. Чехова и других писателей того времени; газеты и журналы, в том числе ленинская «Искра», «Память», «Жизнь» и «Вопросы философии и психологии», только что изданные научные монографии и, конечно, запрещенные издания.

Основными формами организации интеллектуальной жизни были доклады, или рефераты, и банкеты. Рефераты представляли собой выступления одного автора, посвященные какой-либо общественно значимой теме или научной проблеме. Рефераты пользовались большой популярностью и собирали до 50–60 человек [5. С. 5]. После доклада назначался председатель, который вел прения. Как правило, один из слушателей выступал оппонентом, остальные задавали вопросы и участвовали в дискуссии. О содержании рефератов мы можем судить по воспоминаниям участников. И.Е. Ермолаев, студент фельдшерской школы (в дальнейшем – фельдшер и организатор первого в Вологде социал-демократического комитета), пишет в своих воспоминаниях: «...началась эпоха докладов или, как это тогда чаще называлось, рефератов» [5. С. 4]. А.А. Богданов выступал с рефератами на темы об энергетическом методе, историческом материализме, о «Познании с исторической точки зрения» и др. С.А. Суворов делал реферат «в духе критического позитивизма» [6. С. 32–33]. А.В. Луначарский, как человек необычайной работоспособности, читал рефераты, казалось, по всем актуальным тогда вопросам, таким как критика идеализма, позитивизм, позитивная эстетика, о вероятных перспективах революции, причем его ораторские способности покоряли практически всех ссыльных, включая кадетов, эсэров и социал-демократов. По воспоминаниям Ермолаева, реферат Луначарского «Позитивная эстетика» произвел ошеломительное действие на слушателей, в восприятии которых

«как будто ворвался луч света в кромешную тьму» [5. С. 9]. Хотя в основном рефераты посвящались научным и философским проблемам, в материалах, посвященных деятельности революционеров в вологодской ссылке, упоминаются рефераты о политической экономии и в целом на революционные темы, в том числе представленные на страницах «Искры» [7. С. 8; 53].

Однако наибольший интерес в среде ссыльных представляло противостояние Н.А. Бердяева и «демократов» А.А. Богданова и А.В. Луначарского. Бердяев и Богданов часто оппонировали друг другу, их полемика развернулась вокруг споров об историческом материализме, позитивизме и идеализме. Критический разбор позиций других ссыльных был, по-видимому, одной из наиболее популярных тем рефератов. Богданов в своих воспоминаниях пишет: «...затем я сделал ряд докладов об историческом материализме... Бердяев обычно оппонировал; он был тогда хороший оратор (лучше нас), но по научным знаниям стоял не высоко, а в философии хорошо знал лишь неокантианские школы (лучше нас), отнюдь не позитивные (попадал в неловкое положение по поводу Авенариуса и Маха)» [8]. Взаимная критика Н.А. Бердяева и А.А. Богданова из публичных и заочных вологодских споров перешла на страницы легальной печати. В октябре 1902 г. в журнале «Вопросы философии и психологии» была опубликована рецензия Бердяева на книгу Богданова «Познание с исторической точки зрения», в которой он выступил против применимости эволюционного подхода к изучению познания [9]. Богданов ответил в следующем номере, опубликовав свой отклик на рецензию, в котором показал некорректность и ограниченность представлений своего оппонента о содержании концепций Р. Авенариуса и Э. Маха [10].

Статья Луначарского «Трагизм жизни и белая магия», получившая большую известность, также была вначале рефератом, с которым он выступил на одном из собраний с целью критики позиции Н.А. Бердяева (который отказывался приходить на доклады Луначарского). В этом реферате, насколько мы можем судить по дошедшим до нас воспоминаниям и тексту, опубликованному в виде статьи, Луначарский называет белой магией идеализм Бердяева и близких ему философов и выступает против абсолютизации «трагизма жизни», «трагизма любви» и «трагизма сознания», преодоление которых видит в творческой деятельности и изменении условий существования людей [11]. По свидетельству И.Е. Ермолаева, статья была написана за 1 час 10 минут прямо в присутствии А.А. Богданова и самого Ермолаева [5. С. 8]. Со временем популярность Бердяева в кругу ссыльных стала падать, и он перестал участвовать в рефератах, тем не менее ситуация «вынужденного общения» стимулировала развитие концепций всех троих философов, которые при других условиях вряд ли настолько подробно исследовали бы работы друг друга.

После окончания ссылки Богданова, Бердяева и Луначарского традиция рефератов не прекратилась. Их тематикой стали в основном проблемы марксистской теории, однако были попытки обсуждения и нестандартных тем. Так, в воспоминаниях Ц.С. Зеликсон-Бобровской, отбывавшей ссылку в 1908–1910 гг., есть указание на обсуждение модной тогда «проблемы пола», причем «доклад на эту тему вызвал отрицательное отношение к докладчику, занимавшемуся такой противной дребеденью» [7. С. 77].

В 1903–1904 гг. начиналась эпоха банкетов, где выступали как либералы, так и социалисты, не особо еще подчеркивая то, что их разделяло. Если рефе-

рат подразумевал выступление одного участника и прения, то банкеты больше походили на круглые столы, на которых несколько участников высказывались по какому-либо вопросу, полемизируя друг с другом. Результатом банкета могли быть резолюции или ходатайства в различные ведомства. Если рефераты часто посвящались философским и научным проблемам, то банкеты были в значительной степени политизированы. К сожалению, судить о содержании банкетов на данный момент мы можем только по косвенным свидетельствам. П.Е. Ермолаев упоминает банкет, организованный либералами, в котором принимали участие в том числе представители земства, посвященный соотнесению идей либерализма и социализма и их влиянию на рабочих. Кадеты проводили наиболее «интеллигентные» банкеты, на которых, в частности, обсуждали перспективы принятия конституции. Социал-революционеры и социал-демократы проводили свои банкеты, посвященные политическим вопросам.

Банкеты и рефераты были настоящей «школой полемической борьбы» [4. С. 35]. Основными формами научной коммуникации были устные выступления, вопросы и диалоги. Философские дискуссии того времени действительно по форме напоминают устные полемики античных философов. Обостряется обсуждение полярных позиций, активизируется поиск аргументов и контраргументов. В отличие от письменной трансляции научного знания, когда дискуссия растягивается на годы, устная полемика запускает процесс производства знания здесь и сейчас. На первый план выходит способность слушать и слышать собеседника. Н.А. Бердяева очень расстраивал тот факт, что многие участники дискуссий не способны были услышать никого, кроме себя и своих союзников, и оставались глухи к аргументам оппонентов. Его оппоненты, Луначарский и Богданов, оказались убедительнее и нашли больший отклик в умах ссыльных, большинство из которых было увлечено марксистскими идеями. Хотя активное слушание, безусловно, культурно обусловлено социальными, классовыми, гендерными стереотипами и задается эпистемологическими установками, оно дает возможность осознать свою точку зрения, выявить собственные ошибки и предрассудки, запускает процесс эволюции взглядов. В этом плане показательны примеры Бердяева и Богданова. Первый перешел от марксизма к идеализму, второй, с одной стороны, значительно развил свои теоретические позиции в марксизме, с другой – нашел себя на литературном поприще. К концу срока ссылки Богданов уже был одним из наиболее читаемых и признанных авторов по гуманитарным наукам [12. С. 1111; 14]. Для Луначарского, для которого жизнь до ссылки состояла в накоплении знаний, именно «вологодский период явился началом активной отдачи этих знаний, началом его литературно-публицистической деятельности» [13. С. 606; 15].

Несмотря на активную общественную жизнь, ссыльные мало влияли на горожан и в основном общались между собой. Луначарский пишет, что ссыльные оказывали некоторое влияние на молодежь, особенно Н.А. Бердяев, но в целом «между городским населением, сравнительно малокультурным и глубоко обывательским, и высоко квалифицированной ссылкой связи было очень мало» [11. С. 2]. Хотя ссыльные философы вовлекали в свои дискуссии учителей и учащихся, все-таки они «не преследовали преимущественных целей работы среди коренных жителей губернии» [5. С. 16]. В результате «Се-

верные Афины» не смогли породить интеллектуальной традиции в Вологде и остались временным явлением в истории города. Окончанием эпохи «Северных Афин» можно считать Русско-японскую войну, которая изменила состав политической ссылки и обострила противоречия, развеяв атмосферу интеллектуальной жизни города. После 1905 г. меняется состав интеллектуальной среды и сама атмосфера ссылки Вологды, вместо философских научных вопросов обсуждаются политические проблемы, а результатом встреч становятся призывы к конкретным действиям.

Список источников

1. Ремизов А.М. Иверень: Загогулины моей памяти: Главы из книги // Север. 1991. № 4. С. 54–72.
2. Бердяев Н.А. Заметка о книге Богданова «Познание с исторической точки зрения» // Вопросы философии и психологии. 1902. Кн. IV (64). С. 839–853.
3. Бердяев Н.А. Самопознание (Опыт философской автобиографии). М. : Книга, 1991. 448 с.
4. Богданов А.А. К вопросу о новейших философских течениях (Отчет г. Бердяеву) // Вопросы философии и психологии. 1902. Кн. V (65). С. 1048–1059.
5. Богданов (Малиновский) А.А. Статьи, доклады, письма и воспоминания. 1901–1928 гг. М. : ИЦ «АИРО – XX», 1995. 252 с.
6. Богданов А.А. Автограф // РЦХИДНИ. Ф. 259. Оп. 1, Д. 4. ЛЛ. 1–4.
7. Ермолаев И. Мои воспоминания // Север: Орган научного северного краеведения. 1923. Кн. 3–4. С. 2–28.
8. Марксисты-ленинцы в вологодской ссылке (из истории вологодской политической ссылки. 1883–1914 гг) : сб. док. и материалов / отв. ред. В.А. Дмитриева ; отв. сост. Р.С. Мителькова. Архангельск : Сев.-Зап. кн. изд-во, 1977. 143 с.
9. Луначарский А.В. Трагизм жизни и белая магия // Образование. 1902. № 9, отд. 2. С. 109–128.
10. Луначарский А.В. Из вологодских воспоминаний // Север: Орган научного северного краеведения. 1923. Кн. 2. С. 1–5.
11. Тарутин А.А. К истории революционного движения и политической ссылки в Вологде: (По поводу «Воспоминаний» А.В. Луначарского и И.Е. Ермолаева) // Север: Орган научного северного краеведения. 1927. № 2 (6). С. 1–8.
12. Волкозюнова О.Д. Бердяев. М. : Молодая гвардия, 2010. 411 с.
13. Вологда в воспоминаниях и путевых записках, конец XVIII – начало XX в. / сост. М.Г. Ильющина ; ред. Н.Н. Белова. Вологда : Русь, 1997. 379 с.
14. Морозова А.Ю. Черный кот, розовые лягушки и «некрологи на память»: вологодская ссылка А.А. Богданова // Historia provinciae – журнал региональной истории. 2021. Т. 5, № 4. С. 1092–1142.
15. Кохно И.П. Вологодская ссылка Луначарского // А.В. Луначарский. Неизданные материалы / [АН СССР, Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького ; ред. Н.А. Трифонов]. М. : Наука, 1970. С. 603–619.

References

1. Remizov, A.M. (1991) Iveren': Zagoguliny moey pamyati: Glavy iz knigi [Iveren: Squiggles of my memory: Chapters from a book]. Sever. 4. pp. 54–72.
2. Berdyayev, N.A. (1902) Zаметка o knige Bogdanova "Poznanie s istoricheskoy tochki zreniya" [A note on Bogdanov's "Knowledge from a Historical Point of View"]. Voprosy filosofii i psikhologii. IV(64). pp. 839–853.
3. Berdyayev, N.A. (1991) Samopoznanie (Opyt filosofskoy avtobiografii) [Self-knowledge (Experience of philosophical autobiography)]. Moscow: Kniga.
4. Bogdanov, A.A. (1902) K voprosu o noveyshikh filosofskikh techeniyakh (Otchet g. Berdyayevu) [On the latest philosophical trends (Report to Mr. Berdyayev)]. Voprosy filosofii i psikhologii. V(65). pp. 1048–1059.
5. Bogdanov (Malinovskiy), A.A. (1995) Stat'i, doklady, pis'ma i vospominaniya. 1901–1928 gg. [Articles, reports, letters and memoirs. 1901–1928]. Moscow: ITs "AIRO – XX."

6. Bogdanov, A.A. (n.d.) *Автограф* [Autograph]. The Russian State Archive of Socio-Political History. Fund 259. List 1. File 4. pp. 1–4.
7. Ermolaev, I.V. (1923) *Мои воспоминания* [My memories]. *Sever: Organ nauchnogo severnogo kraevedeniya*. 3–4. pp. 2–28.
8. Dmitrieva, V.A. & Mitelkova, R.S. (eds) (1977) *Марксисты-ленинцы в вологодской ссылке (из истории вологодской политической ссылки. 1983 – 1914 гг)*. *Sbornik dokumentov i materialov* [Marxist-Leninists in Vologda exile (from the history of Vologda political exile, 1983–1914). Collection of documents and materials]. Arkhangelsk: Severo-zapadnoe kn. izd-vo.
9. Lunacharskiy, A.V. (1902) *Трагизм жизни и белая магия* [The tragedy of life and white magic]. *Образование*. 9. pp. 109–128.
10. Lunacharskiy, A.V. (1923) *Из вологодских воспоминаний* [From Vologda memories]. *Sever: Organ nauchnogo severnogo kraevedeniya*. 2. pp. 1–5.
11. Tarutin, A.A. (1927) *К истории революционного движения и политической ссылки в Вологде: (По поводу “Воспоминаний” А.В. Луначарского и И.Е. Ермолаева)* [On the history of the revolutionary movement and political exile in Vologda: (About the “Memoirs” by A.V. Lunacharsky and I.E. Ermolaev)]. *Sever: Organ nauchnogo severnogo kraevedeniya*. 2(6). pp. 1–8.
12. Volkogonova, O.D. (2010) *Berdyayev*. Moscow: Molodaya gvardiya.
13. Belova, N.N. (1997) *Vologda v vospominaniyakh i putevykh zapiskakh, konets XVIII – nachalo XX vv.* [Vologda in memoirs and travel notes, late 18th – early 20th centuries]. Vologda: Rus'.
14. Morozova, A.Yu. (2021) *Черный кот, розовые лягушки и “некрологи на память”: вологодская ссылка А.А. Богданова* [Black cat, pink frogs and “obituaries for memory”: A.A. Bogdanov’s Vologda exile]. *Historia provinciae – zhurnal regional'noy istorii*. 5(4). pp. 1092–1142.
15. Kokhno, I.P. (1970) *Vologodskaya ссылка Луначарского* [Lunacharsky’s Vologda exile]. In: Lunacharskiy, A.V. *Neizdannyye materialy* [Unpublished Materials]. Moscow: Nauka. pp. 603–619.

Сведения об авторе:

Ястреб Н.А. – доцент, доктор философских наук, директор института социальных и гуманитарных наук Вологодского государственного университета (Вологда, Россия). E-mail: nayastreb@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Yastrebn N.A. – Dr. Sci. (Philosophy), docent, director of the Institute of Social and Humanitarian Sciences, Vologda State University (Vologda, Russian Federation). E-mail: nayastreb@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 25.01.2023;
одобрена после рецензирования 27.03.2023; принята к публикации 20.04.2023
The article was submitted 25.01.2023;
approved after reviewing 27.03.2023; accepted for publication 20.04.2023*

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 304.444
doi: 10.17223/1998863X/72/7

«СОЦИАЛЬНЫЙ ПОВОРОТ» В ТЕОРИЯХ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ: СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И СОЦИОСЕМАНТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Игорь Борисович Ардашкин

*Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Томск, Россия,
ibardashkin@tpu.ru*

Аннотация. Исследуется тенденция в развитии терминологии и теорий терминологического планирования, обозначенная автором публикации как «социальный поворот». Констатируется, что сложившаяся ситуация в области терминологии является следствием общего положения дел в сфере семантики, связанной с появлением концепции Л. Витгенштейна «значение как употребление», которая привела к многочисленным дискуссиям в области аналитической философии и затронула соседние предметные области. Дискуссия может быть выражена в виде спектра взглядов на проблему значения как стабильного или динамического семантического элемента. Терминология же выступает такой практикой, в рамках которой происходит совмещение разных аспектов проблемы значения (стабильного и динамического) в процессе терминологической деятельности.

Ключевые слова: терминология, теории терминологического планирования, социальный поворот, семантика, социолингвистический подход, социосемантический подход

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект РНФ № 22-28-00061). «Смарт-технологии как фактор социальной политики и терминологического планирования: социолингвистический подход», <https://rscf.ru/project/22-28-00061/>

Для цитирования: Ардашкин И.Б. «Социальный поворот» в теориях терминологического планирования: социолингвистические и социосемантические аспекты // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 72. С. 64–80. doi: 10.17223/1998863X/72/7

SOCIAL PHILOSOPHY AND PHILOSOPHY OF HUMANITY

Original article

“SOCIAL TURN” IN THEORIES OF TERMINOLOGICAL PLANNING: SOCIOLINGUISTIC AND SOCIOSEMANTIC ASPECTS

Igor B. Ardashkin

*National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation,
ibardashkin@tpu.ru*

Abstract. The trend in the development of terminology and theories of terminological planning, designated by the author of the publication as a “social turn”, is studied. The “social turn” is understood as the study of the growing role of social factors in their influence on the implementation of terminological activities that affect all aspects of the latter: linguistic, semantic, communicative, etc. The article focuses on the linguistic and semantic aspects of terminological activities, which leads to the formation of new – sociolinguistic and sociosemantic – approaches in this area. The article aims to determine the presence and forms of manifestation of the “social turn” in the theories of terminological planning, as well as to clarify the degree of its influence on the semantic and linguistic aspects of terminological activities and theories of terminological planning. The author states that the current situation in the field of terminology is a consequence of the general state of affairs in the field of semantics associated with the emergence of Ludwig Wittgenstein’s concept of “meaning as use”, which led to numerous discussions in the field of analytic philosophy and affected neighboring subject areas (linguistics, semiotics, cognitive science, terminology, etc.). The range of approaches is so wide that it can be presented as polar in relation to the problem of the meaning of a linguistic expression by Vsevolod Ladov (Frege versus Wittgenstein), as a compromise for Jerrold Katz, as a diverse one for Valery Surovtsev (Frege and Wittgenstein deal with different aspects of the problem of meaning: in logic (a stable sign system) and in a social context (a dynamic and complex sign system)). Terminology is a practice whose framework includes a combination of different aspects of the problem of meaning (stable and dynamic), which have to be combined in the process of terminological activities. The general theory of terminology (Eugen Wüster) worked out a stable aspect of terminological planning quite qualitatively by forming a system for establishing meaning through a rigid scheme: one concept – one term. Whereas the dynamic aspect is missed in this theory, and its implementation is presented in other theories of terminological planning: the communicative theory of Maria Teresa Cabré, the sociocognitive theory of Rita Temmerman and Koen Kerremans, the frame theory of Pamela Faber, the socioterminological theory of Félix Gaudin. The sociolinguistic approach and its necessity are due to the variety of social factors influencing the language and the impossibility of presenting it within the framework of one theory. The sociosemantic approach is formed as a result of assessing the influence of social aspects on the semantic components of linguistic expressions (including terminological expressions). The key semantic unit in the terminology is the concept; therefore researchers first of all turn to this subject. The author states that the sociosemantic approach is still in its infancy and there are not so many works within its framework. Nevertheless, such semantic units as the “social concept” by Heribert Picht and the “nomadic concept” by Catherine Greene are analyzed, which outline the general characteristics of the influence of social factors on the domain of meanings (transdisciplinarity, interdisciplinarity, normativity, ideological and religious determinism, the presence of a life cycle concept, etc.). Thus, the presence of the indicated trend and the high degree of its influence on the subject of terminological activities and the content of theories of terminological planning are confirmed.

Keywords: terminology, theories of terminological planning, social turn, semantics, sociolinguistic approach, sociosemantic approach

Acknowledgments: The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 22-28-00061, <https://rscf.ru/project/22-28-00061/>

For citation: Ardashkin I.B. (2023) “Social turn” in theories of terminological planning: sociolinguistic and sociosemantic aspects. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 72. pp. 64–80. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/72/7

Введение

Активное развитие терминологии (как сферы профессиональной коммуникации, как сферы межкультурной коммуникации, как отдельной научной предметной области) и теорий терминологического планирования с середины XX в. связано с технологическими трансформациями способов функционирования общества и социальными следствиями данных изменений. Не секрет, что технологии и их применение, внедряемые в различные социальные практики, не только определяют характер жизнедеятельности общества, но и сами во многом зависят от специфики социальных отношений (ценностей, норм, традиций), сложившихся в различных социумах. Поэтому одна и та же технология, несмотря на универсальность ее разработки и характер эксплуатации, может по-разному функционировать в зависимости от того, насколько то или иное сообщество развито и готово ее применять.

Этот вопрос имеет лингвистическую и семантическую составляющие, так как понимание того, что из себя представляет современная технология, зависит от ее описания и сферы значений, представленных данным описанием, а также готовностью того или иного сообщества к восприятию и усвоению задаваемых значений.

В аналитической философии, когнитивной лингвистике и семантике относительно давно существует проблема того, как формируется значение языкового выражения, какие факторы влияют на последнее. Следует уточнить, что существуют разные подходы к проблеме установления значения языкового выражения, которые, в свою очередь, обусловлены разными способами трактовки взаимоотношений языка и реальности, разными целями рассмотрения данных взаимоотношений. В частности, можно выделить крайние позиции интерпретаций установления значения. Одна такая позиция может быть сформулирована следующим образом: значение языкового выражения имеет стабильное выражение и может объективно отражать характер взаимоотношений языка и реальности, что будет проявляться в устойчивости значения вне зависимости от контекста употребления последнего (Г. Фреге). Другая позиция может быть сформулирована так: значение языкового выражения не может обладать стабильностью, поскольку оно во многом зависит от контекста употребления, следовательно, значение устанавливается в момент его применения (Л. Витгенштейн). Конечно, данные формулировки позиций носят приблизительный характер и не уточняют многие нюансы представленных подходов, но автору важно продемонстрировать, насколько полярно может быть представлен этот вопрос, а также почему столь сложно он решается в различных сферах философского и научного знания, в том числе в теориях терминологического планирования.

Для сферы терминологии обозначенный аспект проблемы важен еще и по той причине, что практический формат ее функционирования существен-

но опережает теоретическое осмысление последней. Это значит, что разработка и внедрение технологий с соответствующим терминологическим обеспечением реализуется методом проб и ошибок, когда терминологическое несоответствие практикам применения выясняется уже в процессе ее эксплуатации, что часто приводит к необходимости коррекции использования самой технологии в зависимости от социальной практики.

Собственно, теории терминологического планирования и возникают как реакции на сложившиеся практики применения технологий с их терминологической составляющей как способы предусмотреть влияние социальных практик на сферу терминологии и значений последней с тем замыслом, что данная предварительная подготовка терминологической семантики позволит упростить характер внедрения, применения и эксплуатации технологий.

Такой тренд автор предлагает обозначить как «социальный поворот» в теориях терминологического планирования, а проблемой публикации считать поиск ответа на вопрос, имеет ли место и в каких формах проявляется указанный тренд в теориях терминологического планирования, а также в понимании того, в какой степени социальный поворот проясняет процессы семантического, лингвистического, коммуникативного содержания языковых выражений, в том числе в терминологии. Именно обозначенный ракурс исследования предполагает акцент на социосемантическом и социолингвистическом аспектах функционирования терминологической деятельности, посредством которых указанные аспекты выражают следствие социального поворота в области терминологического планирования.

Семантика и фактор социума

Семантика вне зависимости от того, в рамках какой области знаний рассматривается, имеет одну общую предметную сферу – сферу значений (от др.-гр. *σημαντικός* – обозначающий). В рамках семиотики речь идет о значении знаков и знаковых систем, в области философии – о значении понятий, суждений, умозаключений, в области лингвистики – о значении слов и языковых выражений, в области терминологии – о значении терминов (слов из профессиональных сфер) и терминологических выражений.

Поскольку в статье речь идет о теориях терминологического планирования, то семантический аспект нас будет интересовать в отношении языка и терминологии в их взаимодействии с реальностью. Во введении автор уже обозначил полярные подходы к пониманию того, что такое значение языкового выражения и какие имеются подходы в отношении его трактовок, точнее, каков диапазон этих трактовок.

В то же время автор хочет отметить, что в отношении обозначенной полярности трактовок не все так однозначно. Есть авторы, которые признают данную полярность в отношении значения языкового выражения, либо его стабильности, либо его нестабильности. Но есть авторы, которые не видят такой полярности, полагая, что эта полярность возникает несколько искусственно. Продемонстрируем эту разность подходов, чтобы показать неоднозначность решения проблемы значения языкового выражения на примере участников дискуссии «Языковое значение и лингвистический реализм в контексте аналитической философии», приведенной в одном из выпусков журнала «Праксема» в 2022 г.

В частности, В.А. Ладов ситуацию в области философской семантики рассматривает сквозь призму противостояния платонического и антиплатонического подходов, где платоническая тенденция выступает за тезис о стабильности и объективности значения языкового выражения, а антиплатоническая стремится утверждать обратное. В качестве представителей платонического подхода в области семантики выступают Г. Фреге, Д. Катц и др., а в качестве антиплатонического – поздний Л. Витгенштейн периода «Философских исследований» [1].

Данную ситуацию в области философской семантики В.А. Ладов так и описывает как противостояние указанных двух подходов. «Широко известный „семантический треугольник“ Г. Фреге (знак – смысл – референт) предполагал онтологические импликации платонизма, поскольку смысл знака здесь понимался в качестве идеальной, объективной сущности по аналогии с эйдосом Платона. Одним из наиболее принципиальных противников платонизма в традиции аналитической философии стал поздний Л. Витгенштейн, предложивший концепцию «значение как употребление», в которой полностью отрицалось представление о значении (смысле) как о некоторой устойчивой, неизменной, идеальной сущности» [2. С. 97].

По мнению В.А. Ладова, платонический подход в области философской семантики некоторое время недооценивался, потому что имел метафизический акцент и существенным образом критиковался по данной причине. Но уже в течении нескольких последних десятилетий к нему вновь проявляется интерес, что делает его достаточно конкурентоспособным по отношению к противоположному подходу. Одним из авторов, который актуализирует платонизм в области философской семантики, является американский философ и лингвист Дж. Катц.

Дж. Катц выступает за стабильность значения языкового выражения, но при этом он не отрицает того факта, что значение может меняться в зависимости от социального контекста его употребления. И в этом плане он не отрицает подход Л. Витгенштейна к значению как употреблению [3]. Дж. Катц не согласен в интерпретации В.А. Ладова в другом с Л. Витгенштейном, что язык не может иметь идеальную (стабильную и неизменную) грамматическую структуру. Как уточняет В.А. Ладов, «Катц не отрицает концепцию „значение как употребление“ позднего Витгенштейна. Он стремится совместить метафизические взгляды Фреге на уровне фиксации идеальных значений языковых выражений с прагматической деформацией этих значений на уровне реальных языковых практик, разнообразие которых и показал поздний Витгенштейн. Отношение смысла (идеального значения) и реального референта оказывается более сложным. Несколько огрубляя, можно было бы сказать, что у Дж. Катца, в отличие от Фреге, мы обнаруживаем не трехчленную, а четырехчленную семантику: знак – смысл-тип – смысл – произнесение – референт» [2. С. 105].

Тем самым, стабильность языкового значения в схеме Дж. Катца может сохраняться за счет дополнительного элемента как смысл-тип, который выступает результатом наличия такой лингвистической структуры, как фиксированный абстрактный смысловой уровень грамматических форм предложений языка. Именно этот структурный элемент придает стабильность значению языкового выражения и позволяет ему сохранить устойчивость вне зависимости от социального контекста.

Можно предварительно резюмировать, что для данной позиции в области семантики социум (социальный контекст употребления языкового выражения) выступает в качестве фактора изменчивости значения, а язык (грамматическая структура последнего), наоборот, выступает в качестве стабильного основания.

Обратимся к другому способу, который наиболее четко выражает В.А. Суровцев.

По мнению В.А. Суровцева, в области семантики нет такой полярности подходов в отношении стабильности значения языкового выражения, представленных противостоянием платонического и антиплатонического подходов. Концепция «значение как употребление» Л. Витгенштейна не направлена против платонизма и фрегеанства. Эти подходы решают разные задачи. Подход Г. Фреге связан с тем, чтобы уточнить связь между грамматической структурой языка и тем, как она влияет на значение языкового выражения. Для этого Г. Фреге и вводит элемент Sinn (смысл знака), чтобы показать, как в зависимости от различных языковых средств может меняться значение и, наоборот, как много языковых средств могут представить одно и то же значение [4, 5].

Как уточняет В.А. Суровцев, «основная задача Фреге сводится к тому, чтобы установить, какие грамматические формы и каким образом влияют на установление истинностного значения основной с его точки зрения логической категории, а именно мысли (Gedanke), являющейся разновидностью смысла (Sinn). Именно с этой точки зрения он рассматривает отношение наименования, поскольку определяющее значение здесь имеет вопрос о том, какой вклад различные элементы этого отношения вносят в установление истинностного значения целостной мысли. Здесь решается целый ряд вопросов, специфичных для традиционных теорий значения, вроде проблемы тождества или проблемы осмысленности пустых имен, т.е. знаков, не указывающих ни на какой реально существующий объект. Но вряд ли Витгенштейн пытается решить те же самые проблемы. У него совсем другой вопрос, и этот вопрос касается того, каким образом языковая деятельность вплетена в социальную практику. Здесь не идет речь о функционировании пустых имен, проблеме тождества или косвенных контекстов. Сам вопрос о характере функционирования языка относится совсем к другой теме» [6. С. 141].

Л. Витгенштейн, по мнению В.А. Суровцева, обращает внимание на то, как социальные практики влияют на языковую деятельность и, наоборот, как языковая деятельность влияет на социальные практики. А это совсем другой вопрос исследования, который не связан напрямую с тем, как языковые средства позволяют нам выражать то или иное значение языковых выражений. А именно такую задачу пытался решать Г. Фреге.

Это не значит, что нельзя ставить проблему значения языкового выражения через вопрос о том, стабильно (устойчиво) оно или нет. В отношении Г. Фреге и Л. Витгенштейна такая постановка проблемы будет искусственной, поскольку эти исследователи решают разные задачи, противопоставлять которые по способам решения несколько некорректно. Эта поляризация не обосновательна, но тогда она должна развиваться в каком-то общем ключе, чего мы не видим у рассматриваемых авторов. Как полагает В.А. Суровцев, «У такого подхода есть определенные резоны. Действительно, Витгенштейн

отказывается от понятия лингвистического значения как чего-то объективного, стабильного, что можно определить до и независимо от употребления языкового выражения. Значение языкового выражения можно усвоить только из его употребления.

А поскольку употребление выражения предполагает участие в определенной языковой игре, то различие в правилах и условиях протекания таких игр порождает сдвиг значений в зависимости от условий социальной практики, в которую вплетен язык. Невозможно говорить о едином значении одного выражения вне зависимости от условий его употребления. Можно говорить только о некотором семейном сходстве значений одного и того же выражения, которое используется в разных случаях» [6. С. 139–140].

То есть фактор социума для семантики играет существенную роль, поскольку актуализирует аспект употребления языкового выражения как одного из важнейших критериев, который может повлиять на значение последнего. Только, как показывает В.А. Суровцев, при учете данного фактора в семантических процессах не стоит подменять его фактором понимания языкового выражения, которое имеет, на первый взгляд, схожую функцию, но не тождественную функцию языкового употребления.

В то же время, согласившись с В.А. Суровцевым в отношении того, что подходы Г. Фреге, Д. Катца и Л. Витгенштейна решают разные задачи, нельзя ни заметить их взаимообусловленность по отношению друг к другу в целом.

Автор этим хочет сказать, что для употребления какого-либо языкового выражения человеку важно понимать его значение, но предварительная фиксация последнего не гарантирует, что в процессе его использования это значение сохранится, не изменится, будет применено именно так, как изначально человек задумывал. Отсюда не следует, что данные задачи не стоят в принципе в семантике, они имеют место и вполне реализуемы как самостоятельные задачи, но их самостоятельность не отменяет возможности рассматривать обозначенные задачи как взаимообусловленные. Например, как последовательные этапы семантического процесса, когда вначале человек определяет те значения языковых выражений, которые он планирует использовать, а в дальнейшем оценивает, насколько употребление последнего деформировало первоначальное значение и т.д. (этот процесс может идти неограниченно долго, так как человек может начать уточнять смысл того, что он сказал и, согласно Л. Витгенштейну, языковая игра может продолжаться и продолжаться).

Иными словами, значение может обрести стабильность в рамках того языкового выражения, которое сформировано как устойчивая конструкция, там же, где устойчивость формы не может быть соблюдена, значение утрачивает стабильность. И также хочется отметить, что фактор социума не может задавать устойчивый формат для языковых выражений, поскольку предполагает постоянное взаимодействие своих субъектов. Как пишет В.А. Суровцев, «если для Фреге проблема отношения знака к обозначаемому стояла как вопрос о соотношении статичной знаковой конструкции, в частности логики, с реальностью, то для Витгенштейна это прежде всего вопрос о практике употребления языковых выражений» [6. С. 141].

Вопрос же о том, как эти задачи сочетаются между собой, остается относительно не проясненным, так как и Л. Витгенштейн, и В.А. Суровцев просто

констатируют существенность влияния социального контекста на значение языкового выражения, не уточняя детали этого влияния и характер сочетания процесса установления значения последнего и то, как это значение может трансформироваться под влиянием социального контекста его употребления.

Л. Витгенштейн выделяет такой способ, как следование правилу в качестве основного параметра, который позволяет соотнести процесс трансформации изначально представляемого значения языкового выражения и того значения, которое возникает в момент его употребления. Но что такое правило и как его определять в социальном контексте, Л. Витгенштейн четко не указывает, и это до сих пор является причиной очень бурных и многочисленных дискуссий в отношении проблемы следования правилу. Как констатирует В.А. Суровцев, «у Л. Витгенштейна проблема поставлена, но явно предлагаемого решения – нет. Действительно, он нигде не дает формулировку того, что такое правило, и уж тем более не формулирует критерии, позволяющие определить, что значит следовать этому правилу» [7. С. 51].

Поэтому чаще всего авторы говорят о частных примерах демонстрации обозначенного соотношения аспектов формирования стабильного значения языкового выражения в устойчивой лингвистической конструкции и практики его применения в социальном контексте. В случае нашей публикации таким частным случаем можно назвать терминологическую деятельность и теории терминологического планирования.

Теории терминологического планирования: социолингвистический аспект

Терминологическая деятельность как раз представляет собой сочетание установления стабильного значения термина (терминологического выражения) и одновременно реакцию на то, как это значение будет использоваться в социальных практиках (отсюда актуализация социолингвистического подхода). Поэтому попытки решения данной проблемы в рамках терминологической деятельности и в теориях терминологического планирования могут быть интересны для семантики в целом.

Чтобы не углубляться в процесс описания вопроса становления терминологической деятельности и теорий терминологического планирования, который уже достаточно подробно был проанализирован в предшествующих публикациях [8–10], где демонстрируется социолингвистический подход и его роль в понимании эволюции терминологической деятельности. В рамках настоящей публикации ограничусь кратким экскурсом в суть вопроса.

Терминологическая деятельность в XX в. оказывается востребована в социальных практиках в качестве посреднической сферы между технологическим развитием и обществом, по сути, как инструмент трансляции научно-технологических разработок, сферы их значений, ими формируемой, для общества. Нельзя сказать, что такого направления деятельности не было раньше, но столь масштабный характер оно приобрело именно в прошлом веке. Массовое развитие и внедрение технологий, выраженное посредством трендов научно-технической революции и научно-технического прогресса в качестве ведущих векторов, требовало не только достаточного количества специалистов, их обслуживающих, но и «поголовной» подготовки населения к их применению.

Кроме того, научно-технический прогресс предполагает постоянное усовершенствование технологий, что, в свою очередь, требует непрерывного мониторинга их изменений. А это автоматически предполагает соответствующую терминологическую составляющую, поскольку без качественных инструкций и учета их социальной востребованности эксплуатация технологий затруднена.

Изначально терминологическая деятельность являлась функцией инженерной деятельности, поскольку считалось, что сами разработчики технологий могут прекрасно справиться с задачами описания. Но эта задача оказалась для инженеров сложновыполнимой по нескольким причинам, как после выяснилось, и не только для них. Во-первых, сфера профессиональной коммуникации и сфера повседневной коммуникаций оказались существенно различными, и далеко не каждый инженер был способным объяснить на повседневном языке, что из себя представляет та или иная технология и как ею надо пользоваться. Во-вторых, лингвисты, которых стали привлекать для процесса перевода значений профессиональной сферы (технологий) в повседневную, столкнулись с похожими проблемами. Чтобы они могли описать предназначение технологий на понятном для массового пользователя языке, им нужно было самим разбираться в сути технологии и одновременно понимать, на какого потребителя она рассчитана. Сделать это без коммуникации с двумя сторонами (разработчиками и пользователями) было достаточно сложно, а поддерживать такую коммуникацию непросто, что делало процесс ее постоянного мониторинга маловероятным. В-третьих, социальные и культурные условия стран и обществ, где технологии разрабатываются и где они применяются (или их применение планируется), существенно различаются, что требует иногда нетождественного содержания инструкций в зависимости от той или иной страны (общества). Можно еще указать причины, по которым инженерам и лингвистам нельзя исключительно технически подходить к решению проблемы описания технологий, т.е. проблемы значений.

Фактически лингвисты и инженеры столкнулись с разными задачами, которые необходимо было решать в рамках одного процесса: задача определения технологии и способов ее использования (выявление стабильного значения сути технологии по факту ее создания и разработки) и задача мониторинга значения в отношении технологии в процессе ее использования в той или иной ситуации). И, как выяснилось, самостоятельно они эти задачи решать не смогут по причине существенных различий социальных практик их применения.

Первую задачу решали посредством составления профессиональных словарей и справочников, в которых фиксировались значения терминов, обозначающих технологические наработки. Вторая задача оказалась сложнее, потому что она возникала по факту применения технологии. Когда выяснялось, что сфера значений, представленная в описании технологии, не совсем коррелирует со сферами значений социальных практик, это привело к достаточно серьезным последствиям: либо изменение самих социальных практик, либо изменение способов эксплуатации технологий, что не могло не отражаться на эффективности их применения.

Собственно, эта проблема и привела к появлению теорий терминологического планирования, которые, судя по их названию, были предназначены для решения задачи уточнения семантической области терминов и термино-

логических выражений на предмет их возможного применения в различных социальных практиках. Для решения такой задачи было необходимо выработать новые подходы: социолингвистический и социосемантический. Это подходы, которые строятся на учете фактора социума (социальных практик) в области лингвистики и семантики. Но учитывая, что социальные практики носят разнообразный характер, существенно осложняющий способы универсализации языковых и семантических процессов, на данный момент попытки учета влияния последних выглядят по типу *ad hoc* процедур. Это косвенно подтверждается опытом Л. Витгенштейна, как уточнялось выше, который поставил проблему учета социального фактора в процессе языковых игр, но не смог дать вариант ее определенного решения.

При этом следует заметить, что там, где речь идет о прогнозируемых социальных процессах, социолингвисты находят способы учета фактора социума в его влиянии на языковые трансформации. Например, процесс формирования национальных языков в модели норвежского исследователя Э. Хаугена, где нашла свое определенное место и терминологическая деятельность. Согласно Э. Хаугену, процесс формирования национального языка проходит следующие этапы: а) выбор языковой нормы (как правило, языковой вариант господствующей политической группы); б) кодификацию нормы (стандартизация языковых норм, в том числе терминологии и ее семантической составляющей); в) внедрение созданных норм в языковое сообщество; г) приспособление языка к выполнению им новых функций [11].

Однако когда речь идет о технологиях и способах их эксплуатации, а тем более учете влияния социальных аспектов на данные процессы, то прогнозировать что-либо сложно. Особенно это сказывается на терминологии.

Не исключено, что модель формирования национальных языков Э. Хаугена повлияла на становление первой теории терминологического планирования (общей теории терминологии) О. Вюстера. Упоминаний об этом нигде не встречается, но первая теория терминологии очень хорошо лингвистически, семантически и хронологически сочетается с этой моделью.

Общая теория терминологии О. Вюстера (*General Theory of Terminology*) исходит из того, что термин в качестве лингвистической единицы должен в себя заключать одно значение в рамках определенной предметной области, которая определяется как концепт. То есть в основе семантического правила данной теории используется принцип «один концепт – один термин» [12, 13]. Данное правило распространяется не только на профессиональную сферу в рамках одного сообщества, но и переносится на другое сообщество, использующее иной язык, что должно быть соблюдено при переводе. В этом автору общей теории терминологии видится хорошая перспектива для развития процесса терминологического планирования, позволяющая не только фиксировать значение термина в рамках профессионального концепта, но распространять данное значение в тех обществах, куда соответствующие технологии и их терминологическое описание будут внедряться.

Как видно, О. Вюстер делает акцент на стабилизации значения термина и прескриптивном характере его употребления, что сильно сближает его подход с подходом Г. Фреге в области лингвистической семантики.

Однако опыт использования общей теории терминологии на протяжении нескольких десятилетий в практическом плане показал, что существует серъ-

езная разница между фиксируемыми значениями терминов в словарях, справочниках, инструкциях к технологиям и теми значениями, которые формируются при применении технологий с подготовленным терминологическим сопровождением. Это привело к критике общей теории терминологии и появлению других теорий терминологии, главной задачей которых являлась демонстрация того, что сфера значений термина носит динамический характер, который важно учитывать при терминологической деятельности.

Можно выделить четыре уже устоявшиеся теории терминологического планирования, построенные на основе фактора учета динамики семантического содержания термина в зависимости от социальных аспектов (социолингвистический подход). Это коммуникативная теория терминологии (Communication Theory of Terminology) М. Кабре (другое название «Теория дверей») [14], социокогнитивная теория терминологии (Sociocognitive Theory of Terminology) Р. Теммерман, К. Кереманса [15], фреймовая теория терминологии (Frame-based Terminology) П. Фабер [16], социотерминологическая теория (Socioterminology) Ф. Годин [17].

Такое количество этих теорий говорит, скорее всего, о том, что это, во-первых, не последние теории в области терминологического планирования, а во-вторых, что учет влияния фактора социума на значение терминов связан с многообразием последнего и невозможностью создания одной теории, которая могла бы все это разнообразие учесть.

Каждая теория терминологии стремится по-своему учитывать аспект применения терминологии в социальной практике, но для всех характерны некоторые общие принципы: признание динамики значения термина в зависимости от социального контекста в процессе его употребления, многозначность термина (отказ от принципа «один концепт – один термин»), сложность терминологического и лингвистического планирования (некоторые теории категорически говорят о проблемности (практической невозможности) терминологического планирования (коммуникативная теория М. Кабре), некоторые теории говорят о необходимости терминологического планирования, но гибким образом (социокогнитивная теория Р. Теммерман, К. Кереманса)) и др.

В отношении последнего принципа можно даже провести параллель с семантическим подходом Дж. Катца, о котором шла речь выше, и социокогнитивной теорией терминологии Р. Теммерман, К. Кереманса.

Напомню, что Дж. Катц говорит о том, что стабильность значения языкового выражения не противоречит его изменчивости в зависимости от способа и контекста его употребления. По сути, Дж. Катц говорит о том, что значение языкового выражения может носить стабильный и динамический характер. Просто реализация динамического аспекта значения невозможна по Дж. Катцу без наличия стабильного значения, иначе было бы трудно уловить изменчивость в семантике языкового выражения [3].

Похожее сочетание стабильности/нестабильности значения просматривается в социокогнитивной теории Р. Теммерман, К. Кереманса. Основным методологическим приемом терминологической работы в данной теории выступает такой способ, как термонтография. Термонтография – это сочетание онтологического подхода и терминологической деятельности. Под онтологией Р. Теммерман, К. Кереманса понимают не то, что обычно принято понимать в философии (раздел предмета последней), а определенную информаци-

онную базу данных дисциплинарного или междисциплинарного типа. Основная задача терминологической деятельности в условиях информационных технологий, как ее видит социокогнитивная теория, – формирование баз знаний из информационных баз данных посредством формирования терминологической основы («скелета»), вокруг которой эта база знаний будет образована, а также на основе чего будут установлены связи (каналы взаимодействия) с другими базами знаний.

Для этого важно знать сферу значений информационной базы данных структурировать на основе такого семантического образования, как «единица понимания» (Unit-of-Understanding). Единица понимания – это основное семантическое измерение сферы значений в социокогнитивной теории терминологии. Они могут рассматриваться как категории и как концепты. Категории – это такой способ выражения значения термина, который придает единицам понимания стабильность, так как имеет прототипическую структуру (это те значения, которые пересекаются в разных базах данных между собой) [15]. Выражаясь словами Дж. Катца, они имеют стабильные значения. Тогда как концепты – это такие единицы понимания, чье значение в базе данных носит оригинальный характер (т.е. не повторяется в разных базах данных, не имеет прототипическую структуру и не обладает стабильным характером).

Конечно, информационно-технологическая основа осуществления терминологической работы в социокогнитивной теории терминологии облегчает процесс определения единиц понимания как категорий или концептов, но название теории четко показывает, что наличие динамики в единицах понимания терминов обусловлено социальным характером когнитивных процессов. Также данная теория демонстрирует, что планирование в терминологической деятельности вызвано социальными потребностями и благодаря активному использованию информационных технологий может быть осуществлено.

Тем не менее если на уровне онтологий (баз данных) стабильность/нестабильность можно фиксировать на основе сопоставления последних друг с другом, то на уровне коммуникации в социальной сфере подобное сделать намного сложнее. Поэтому в собственно семантическом плане механизмы, которые могли бы продемонстрировать способы установления зависимости значения термина от социального контекста употребления, трудно вывести в качестве универсальных правил. Исследователи пытаются определить такие правила и регулятивы, но они носят очень неопределенный характер. Продемонстрируем это на примере социосемантического подхода.

Социосемантический подход в терминологии

Социосемантический подход достаточно молод в научном плане, можно сказать, что он находится в стадии становления. Данный подход можно считать реакцией на концепцию Л. Витгенштейна «значение как употребление» в семантике и применение социолингвистического подхода в терминологической деятельности, учитывая, что употребление языкового выражения (терминологического выражения в том числе) происходит в социальном контексте.

По сути, социосемантический подход реализуется по линии применения социальных параметров к различным семантическим единицам. В области

терминологии такой семантической единицей считается концепт (понятие) термина, выступающий в качестве единицы знания, состоящей из всех характеристик (фрагментов знания), intersубъективно признанных и согласованных профессиональным сообществом в определенный момент времени [18]. Как отмечает Г. Пихт, чьи идеи можно назвать социосемантическими, хотя сам автор себя так не позиционирует, концепты не обязательно привязаны к конкретным языкам, однако на них часто влияет социальный или культурный фон, что нередко приводит к разным категориям [19]. Иными словами, Г. Пихт подчеркивает значимость социального фона в употреблении термина и того аспекта, что его концепт может быть в силу этого по-разному категоризирован (интерпретирован).

Способы категоризации концепта термина Г. Пихт выделяет в качестве ключевых критериев, на основании которых можно учесть влияние социальных факторов на сферу значений (концепт) последнего. В каком-то плане обозначенные способы позволяют нам понимать характер влияния социального контекста на применение как терминологии в частности, так и языковых выражений в целом. Но считать такие механизмы и характеристики способами, с помощью которых можно достаточно четко определять динамику концептов и их содержательную эволюцию, преждевременно. Однако само направление, строящееся на применении социальных критериев по отношению к семантическим единицам, представляется перспективным.

Г. Пихт выделяет семь характеристик концептов, подверженных социальным трансформациям. Первая характеристика – это междисциплинарный и трансдисциплинарный характер концептов (междисциплинарность и трансдисциплинарность – параметры социального происхождения для предметных сфер). Вторая – нормативность ряда концептов (там, где проявляется нормативность значений, достаточно легко связать последнюю с социальными процессами). Третья – жизненный цикл концепта определяется социальными причинами (пока существует социальная группа с устоявшейся сферой значений, будет существовать и соответствующая сфера концептов; как только начинаются социальные трансформации, концепт также претерпевает изменения). Четвертая – концепты в силу своего социального происхождения принимают форму конструкций (концепты часто носят «смутный», непроясненный характер, предстают в виде схем и конструкторов общего плана). Пятая – концепты находятся под влиянием идеологий и религий, могут быть сконструированы на их основании (концепт вписывается в общество или общество посредством идеологизации и сакрализации (мифологизации), может быть изначально создан в рамках религии и идеологии). Шестая – концепты носят открытый и обсуждаемый характер, допускающий конкуренцию как между разными концептами, так в рамках одного концепта в зависимости от социальных установок человека. Седьмая – концепты могут постепенно или внезапно измениться в зависимости от социальных обстоятельств (сами эти социальные обстоятельства в зависимости от своего характера (эволюционного или революционного) зададут параметр семантического изменения концепту) [19].

С одной стороны, способы категоризации концептов терминов у Г. Пихта показывают нам ряд социальных факторов, на основании которых можно прогнозировать варианты употребления последних и варианты следствий

этих употреблений в отношении значений (цикличность, нормативность, эволюция, революция, конкуренция, идеология, религия и т.д.). С другой стороны, спектр обозначенных социальных факторов настолько широк, а характер проявления носит неопределенный характер, что очень сложно в полной мере прогнозировать содержание и значение концепта.

Тем не менее такого рода действия фактически свидетельствуют о становлении социосемантического подхода в терминологии, который направлен на решение проблемы установления значения в рамках различных социальных обстоятельств. То, что такая попытка не единственная, говорит об актуальности рассматриваемого аспекта исследования.

В частности, К. Грин также рассматривает концепт как семантическую единицу в контексте социальных наук, пытается ответить на вопросы, чем характеризуется понятийная сфера последних и как можно с ней работать. В ее подходе можно обнаружить много пересечений с оценкой роли социальных факторов в их влиянии на концепт термина [20].

К. Грин замечает, что проблема влияния социальных аспектов на сферу концептов существует уже давно, а также то, что эту проблему давно пытаются решать. Но сложность заключается в том, что само решение постоянно сталкивается с новыми трудностями. При этом она уточняет, что наибольшие сложности в отношении концептов возникают в сфере социальных наук, потому что социальность – феномен изменчивый, сложно фиксируемый и очень гибкий.

К. Грин использует понятие «номадический» (Nomadic Concepts) в качестве основного свойства сферы концептов в области социальных наук. Этим она хочет подчеркнуть, что фактор социума носит настолько динамический характер для сферы семантики, что не позволяет нам быть уверенными в возможности установления всех смысловых аспектов концепта, следовательно, демонстрирует его открытость и принципиальную незавершенность. Для номадических концептов свойственны три ключевых характеристики: множество возможных значений, нечеткие концептуальные границы, изменчивость во времени [20]. Автор демонстрирует названные особенности номадических концептов на примере понятий «демократия» и «благополучие», акцентируя внимание на том, что в отношении данных концептов в принципе не может быть консенсуса по причине сложной социальной структуры любого современного общества и его социальных приоритетов.

Единственный способ, по мнению К. Грин, нивелировать факторы множественности значений, нечеткости семантических границ и изменчивости во времени, заключается в уточнении социального актора, его интересов и ценностей, а также в установлении более четких временных границ анализа рассматриваемого концепта. Но при этом мы сталкиваемся с ситуацией, что уточнение значения термина связано с элиминацией фактора социальности в максимально возможных объемах. В таком случае, по мнению автора статьи, есть опасность подмены решения одной проблемы (по модели Л. Витгенштейна – «значение как употребление») решением другой проблемы (по модели Г. Фреге – значение как способ установления значения посредством уточнения грамматических основ языкового выражения). Поэтому важно проявлять исследовательскую осторожность в этом вопросе и сохранять дистанцию между двумя указанными проблемами.

Заключение

Таким образом, можно утверждать, что социальный поворот в области терминологии и теорий терминологического планирования действительно является одной из ключевых тенденций данных сфер как научной дисциплины и профессиональных практик, он проявляется также и в области семантики. Степень влияния фактора социума на лингвистические, семантические, коммуникативные процессы есть одна из определяющих, если не ведущей как в области философии и когнитивных наук, так и в области терминологии и терминологического планирования.

Можно констатировать, что фактор социума является динамическим элементом сферы значения концептов, поскольку заключается в необходимости постоянного мониторинга со стороны различных социальных групп и структур. В силу данного аспекта для терминологии наиболее удобными становятся два подхода, позволяющие решать проблему учета влияния социальных факторов на ее концептуальную сферу: социолингвистический и социосемантический, которые постепенно формируются в самостоятельные научные дисциплины. Если про социолингвистику можно смело говорить, как про отдельную научную дисциплину, то социосемантика находится пока в стадии становления.

Социолингвистический подход в терминологии и теориях терминологического планирования демонстрирует динамическую природу всех структурных составляющих данной деятельности (лингвистической, семантической, коммуникативной) и способов ее определения. Социосемантический подход ориентирован на сферу семантики и учета влияния социальных факторов на основе семантической единицы концепта.

Список источников

1. Витгенштейн Л. Философские исследования. М. : АСТ, 2018.
2. Ладов В.А. Семантика Г. Фреге в современной аналитической философии // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2022. Вып. 3 (33). С. 97–110.
3. Katz J. The Metaphysics of Meaning. Cambridge, MA: MIT Press, 1990.
4. Фреге Г. О смысле и значении // Логика и логическая семантика : сб. тр. М. : Аспект Пресс, 2000. С. 230–246.
5. Фреге Г. Логические исследования. (Логические исследования. Целое число. 17 узловых предложений о логике). М. : ЛЕНАНД, 2021.
6. Суровцев В.А. Реальность лингвистического значения и языковые игры // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2022. Вып. 3 (33). С. 135–144.
7. Суровцев В.А. Следование правилу и социальная теория // Эпистемология и философия науки. 2020. Т. 57, № 3. С. 50–55.
8. Ардашкин И.Б. К вопросу о ключевых тенденциях в зарубежных теориях терминологического планирования: социолингвистический аспект // Векторы благополучия: экономика и социум. 2021. № 2 (41). С. 87–101.
9. Ардашкин И.Б. К проблеме определения термина в теориях терминологического планирования: междисциплинарный подход // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 66. С. 84–99.
10. Ардашкин И.Б., Нетесова М.В. Терминологическое планирование в контексте smart-образования: роль концепта как одного из способов визуализации знания // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2022. Вып. 4 (34). С. 28–62.
11. Хауген Э. Лингвистика и языковое планирование // Новое в лингвистике. М., 1975. Вып. 7: Социолингвистика. С. 441–472.
12. Wuster E. Introduction to the General Theory of Terminology and Terminological Lexicography. Springer, Wien, 1979.

13. Felber H. Terminology Manual. Paris, UNESCO, 1984.
14. Cabré Castellvi M.T. Theories of terminology. Their description, prescription and explanation // Terminology. 2003. № 9 (2). P. 163–199.
15. Temmerman R., Kerremans K. Termontography: ontology building and the sociocognitive approach to terminology description // Proceedings of CIL 17. 2003. Vol. 7. P. 1–10. URL: https://www.academia.edu/851013/Termontography_Ontology_building_and_the_sociocognitive_approach_to_terminology_description (accessed: 23.01.2023).
16. Faber P. Frame as framework for terminology // Handbook of Terminology. 2015. Vol. 1. P. 14–33.
17. Gaudin F. La socioterminologie // Languages. 2005. Vol. 157. P. 80–92.
18. Picht H. The seven pillars of terminology // Terminologija. 2009. № 16. P. 8–22.
19. Picht H. Concepts as Reflection of Societal Changes // Terminology. 2013. № 20. P. 10–23.
20. Greene C. Nomadic Concepts, Variable Choice, and the Social Sciences // Philosophy of the Social Sciences. 2020. Vol. 50(1). P. 3–22.

References

1. Wittgenstein, L. (2018) *Filosofskie issledovaniya* [Philosophical Studies]. Translated from German. Moscow: AST.
2. Ladov, V.A. (2022) G. Frege's semantics in modern analytic philosophy. *ИПАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики – ИПАЭНМА. Journal of Visual Semiotics*. 3(33). pp. 97–110. (In Russian). DOI: 10.23951/2312-7899-2022-3-97-110
3. Katz, J. (1990) *The Metaphysics of Meaning*. Cambridge, MA: MIT Press.
4. Frege, G. (2000) *Logika i logicheskaya semantika* [Logic and logical semantics]. Translated from German. Moscow: Aspect Press. pp. 230–246.
5. Frege, G. (2021) *Logicheskie issledovaniya. (Logicheskie issledovaniya. Tseloe chislo. 17 uzlovykh predlozheniy o logike)* [Logical research. (Logical research. Integer. 17 key sentences about logic)]. Translated from German. Moscow: LENAND.
6. Surovtsev, V.A. (2022) The reality of linguistic meaning and language games. *ИПАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики – ИПАЭНМА. Journal of Visual Semiotics*. 3(33). pp. 135–144. (In Russian). DOI: 10.23951/2312-7899-2022-3-135-144
7. Surovtsev, V.A. (2020) Rule-following and social theory. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology and Philosophy of Science*. 57(3). pp. 50–55. (In Russian). DOI: 10.5840/eps202057340
8. Ardashkin, I.B. (2021) To the issue of key trends in foreign theories of terminological planning: sociolinguistic aspect. *Vektory blagopoluchiya: ekonomika i sotsium – Journal of Wellbeing Technologies*. 2(41). pp. 87–101. (In Russian). DOI: 10.18799/26584956/2021/2(41)/1088
9. Ardashkin, I.B. (2022) To the problem of defining a term in the theories of terminological planning: an interdisciplinary approach. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 66. pp. 84–99. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/66/9
10. Ardashkin, I.B. & Netesova, M.V. (2022) Terminological planning in the context of smart education: The role of the concept as a way of knowledge visualization. *ИПАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики – ИПАЭНМА. Journal of Visual Semiotics*. 4(34). pp. 28–62. (In Russian). DOI: 10.23951/2312-7899-2022-4-28-62
11. Haugen, E. (1975) *Lingvistika i yazykovoe planirovanie* [Linguistics and language planning]. *Novoe v lingvistike*. 7. pp. 441–472.
12. Wuster, E. (1979) *Introduction to the General Theory of Terminology and Terminological Lexicography*. Vienna: Springer.
13. Felber, H. (1984) *Terminology Manual*. Paris: UNESCO.
14. Cabré Castellvi, M.T. (2003) Theories of terminology. Their description, prescription and explanation. *Terminology*. 9(2). pp. 163–199.
15. Temmerman, R. & Kerremans, K. (2003) Termontography: ontology building and the sociocognitive approach to terminology description. *Proceedings of CIL 17*. 7. pp. 1–10. [Online] Available from: https://www.academia.edu/851013/Termontography_Ontology_building_and_the_sociocognitive_approach_to_terminology_description (Accessed: 23rd January 2023).
16. Faber, P. (2015) Frame as framework for terminology. *Handbook of Terminology*. 1. pp. 14–33.
17. Gaudin, F. (2005) La socioterminologie. *Languages*. 157. pp. 80–92.
18. Picht, H. (2009) The seven pillars of terminology. *Terminologija*. 16. pp. 8–22.
19. Picht, H. (2013) Concepts as Reflection of Societal Changes. *Terminology*. 20. pp. 10–23.

20. Greene, C. (2020) Nomadic Concepts, Variable Choice, and the Social Sciences. *Philosophy of the Social Sciences*. 50(1). pp. 3–22.

Сведения об авторе:

Ардашкин И.Б. – доктор философских наук, доцент; профессор отделения социально-гуманитарных наук школы базовой инженерной подготовки Национального исследовательского Томского политехнического университета (Томск, Россия). E-mail: ibardashkin@tpu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Ardashkin I.B. – Dr. Sci. (Philosophy), docent, professor of the Department of Social Sciences and Humanities, School of Basic Engineering Training, National Research Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ibardashkin@tpu.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 27.02.2023;
одобрена после рецензирования 27.03.2023; принята к публикации 20.04.2023
The article was submitted 27.02.2023;
approved after reviewing 27.03.2023; accepted for publication 20.04.2023*

Научная статья

УДК 141.319.8

doi: 10.17223/1998863X/72/8

О МЕТАФОРИЧЕСКОМ ПОНЯТИИ «УМНОГО» УСТРОЙСТВА И ЕГО ПРИМЕНИМОСТИ В ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Анна Геннадьевна Горбачева¹, Андрей Игоревич Пестунов²

^{1,2} *Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИИХ»,
Новосибирск, Россия*

¹ *gorbacheva.a.g@gmail.com*

² *pestunov@gmail.com*

Аннотация. Проведен критический анализ возможных свойств, которые могут характеризовать устройство как «умное». Показано, что практически любое потенциальное определение «умности» может быть подвергнуто критике и разрушено каким-либо контрпримером, в том числе в форме мысленного эксперимента. Предложены формулировки для трех свойств, которые могут характеризовать некоторые классы устройств и быть пригодными для философско-антропологических исследований, в том числе при изучении человеко-машинного интерфейса, предметных действий человека, жизненного аутсорсинга, киборгизации, трансгуманизма и др.

Ключевые слова: «умное» устройство, искусственный интеллект, предметное действие, мысленный эксперимент, жизненный аутсорсинг, человеко-машинный интерфейс

Благодарности: исследование выполнено при поддержке РНФ, проект № 21-18-00103, «Человек и новый технологический уклад. Антропологический форсайт».

Для цитирования: Горбачева А.Г., Пестунов А.И. О метафорическом понятии «умного» устройства и его применимости в философско-антропологических исследованиях // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 72. С. 81–93. doi: 10.17223/1998863X/72/8

Original article

ON THE METAPHORICAL CONCEPT OF A “SMART” DEVICE AND ITS APPLICABILITY IN PHILOSOPHICAL AND ANTHROPOLOGICAL STUDIES

Anna G. Gorbacheva¹, Andrey I. Pestunov²

^{1,2} *Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russia*

¹ *gorbacheva.a.g@gmail.com*

² *pestunov@gmail.com*

Abstract. Philosophical and anthropological studies related to the transformation of a person when interacting with technical devices have acquired special significance in recent decades, when technologies began to improve so rapidly that several generations of one device can change during one human life. For example, you can see how different the first and last device in the following chain is: "wire phone – radiotelephone – mobile phone – smartphone". As a result, many devices began to be called “smart” in the absence of a

generally accepted definition of “smartness” in relation to technology. This concept is a metaphor that has different meanings in different contexts. However, devices that appeared relatively recently (in recent decades) are usually called ‘smart’, which gives reason to put forward a hypothesis that devices began to acquire some new quality at this time, pushing people to call them “smart”. To call an object “smart” requires its ability to think, but there is no convincing answer to Turing’s question “Can machines think?”. It turns out that we come to a contradiction. On the one hand, machines (devices) are not capable of thinking, and, on the other hand, many devices are already now characterized as “smart”. This article presents an attempt to resolve this contradiction. It is difficult to do it due to the fact that the widely used characteristic “smart” in relation to devices is metaphorical and includes many associations and stereotypes. Consequently, it seems reasonable to formulate a compromise requirement, which will indicate the resolution of this contradiction, at least partially. Moreover, this result should be of practical use from the point of view of philosophy and anthropology. Such a result may be a formulation of intelligible, perhaps several, definitions of “smartness”, which allow describing any relatively integral classes of technical devices. This article critically analyzes possible characteristics that can be included in the definition of “smartness” using examples of common devices. The article concludes that almost any potential definition can be criticized in the sense that it will be valid for devices of obviously different degrees of “smartness”. As a result, several properties are identified that a device called “smart” can have and that fit into the philosophical and anthropological context.

Keywords: smart device, artificial intelligence, thought experiment, life outsourcing, man-machine interface

Acknowledgments: The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 21-18-00103: Human and a New Technological Order. Anthropological Foresight.

For citation: Gorbacheva, A.G. & Pestunov, A.I. (2023) On the metaphorical concept of a “smart” device and its applicability in philosophical and anthropological studies. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 72. pp. 81–93. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/72/8

Введение

Значимость философских и антропологических исследований, связанных с изучением трансформаций человека при взаимодействии со всевозможными техническими устройствами, не вызывает сомнений [1]. В рамках данного направления рассматриваются различные аспекты, в том числе возможные риски [2, 3], тренды и прогнозы [4–6], способы преодоления возникающих барьеров [7] и пр. Особенную остроту этот вопрос приобрел в последние десятилетия, когда скорость совершенствования технологий стала настолько высока, что люди в течение своей жизни становятся свидетелями смены нескольких поколений вроде бы одного устройства. Например, можно рассмотреть цепочку «проводной телефон – радиотелефон – мобильный телефон – смартфон» и заметить, насколько сильно в ней отличаются функциональные возможности первого и последнего устройств.

Описанное явление привело к тому, что современные тексты из различных сфер стали изобиловать словосочетаниями, в которых присутствует характеристика «умный» применительно к технологиям, устройствам, структурным образованиям и другим неодушевленным объектам. При этом как такового общепринятого определения этой самой «умности» на сегодня нет. Данное понятие является скорее метафорой, которая может иметь совершенно разный смысл в различных контекстах. Тем не менее, как правило, характеристика «умное» применяется к устройствам, появившимся именно в последние десятилетия, и, следовательно, мы имеем основания выдвинуть

гипотезу о том, что в эти самые последние десятилетия многие технические устройства стали приобретать некое общее качество, которое подталкивает людей к тому, чтобы называть их «умными».

Для того, чтобы называться «умным» устройство должно «уметь мыслить», однако убедительного ответа на вопрос «Могут ли машины мыслить?», заданный Тьюрингом [8] еще в середине прошлого века, пока не получено. Сопоставляя данный факт и приведенные выше рассуждения, мы приходим к противоречию: с одной стороны, машины (читай – устройства) мыслить не способны, чтобы их можно было называть «умными», в определении Ожегова, а с другой – уже сейчас многие устройства характеризуются как «умные». Попытке разрешить это противоречие и посвящена настоящая статья.

Очевидно, разрешить описанное противоречие полностью практически невозможно в силу того, что массово используемая в настоящее время характеристика «умное» применительно к устройствам является метафорической [1], включающей в себя все ассоциации, возникающие при произнесении этого слова, и воспринимается каждым человеком по-своему и стереотипно. Подобная проблема обозначена Тьюрингом [8]. При попытке ответить на вопрос «Может ли машина мыслить?» он указал на отсутствие удовлетворительных определений понятий «машина» и «мыслить» и предложил свести ответ на этот вопрос к вопросу возможности прохождения теста.

Поэтому необходимо сформулировать некое компромиссное требование, которое будет свидетельствовать о желаемом результате – разрешении данного противоречия хотя бы частично, причем этот результат должен иметь практическую пользу с точки зрения философии и антропологии, а именно он должен помочь в исследованиях, касающихся влияния науки и технологий на человека, в том числе при взаимодействии человека с «умными» устройствами. Таким результатом может являться формулировка внятных, возможно нескольких определений «умности», позволяющих описать какие-либо относительно целостные классы технических устройств, которые в силу их свойств можно называть «умными».

В первой части статьи рассматриваются возможные характеристики, которые можно включить в определение «умного» устройства, и критически анализируются на примерах конкретных широко распространенных технических устройств, в целом, как нам кажется, одинаково понимаемых большинством людей. По итогам этого анализа сделан вывод о том, что практически любое потенциальное определение «умного» устройства можно подвергнуть критике в том плане, что оно будет справедливо для совершенно разных устройств, скажем так, разной степени «умности». Во второй части статьи формулируется несколько возможных определений «умного» устройства с учетом выводов, полученных в первой части, с последующим сопоставлением этих определений с различными техническими устройствами.

Подход и опорные точки исследования

Важным представляется изучение вопроса о том, действительно ли феномен массового появления «умных» устройств имеет под собой реальные основания. Есть ли что-то, присущее некоторым предметам, что заслуживает внимания и дает возможность назвать эти предметы «умными»? Насколько обоснованно мы называем некоторые предметы «умными»? Не является ли

это просто маркетинговым ходом, чтобы придать дополнительную ценность продаваемым предметам в глазах покупателей? Какое принципиально новое качество появилось у неодушевленных предметов, дающее основание введения термина «умный»? Или же мы должны будем признать, что как такового свойства «умности» в общем-то и нет.

Основная трудность нашего исследования состоит в отсутствии прочных исходных посылок. В том, что пытаемся описать класс (или классы) «умных» устройств, не имея соответствующих определений. Мы видим лишь некие косвенные свидетельства того, что такие устройства должны существовать. Таким образом, наша задача состоит в том, чтобы попытаться сформулировать определение «умного» устройства, коррелирующее с массовым пониманием этого слова, либо хотя бы обозначить некие признаки «умности» и понять, действительно ли сейчас появились устройства, несущие принципиально новый аспект «умности», им присущий.

Тем не менее определенные опорные точки задать можно. Как минимум, мы уже сформулировали несколько базовых вопросов, определяющих цель исследования. Теперь попробуем понять, от чего можно отталкиваться, чтобы приблизиться к ответу на них.

Поскольку массовым термин «умное устройство» стал относительно недавно – не ранее чем 10–20 лет назад, то искать «умные» устройства следует среди тех, которые стали массовыми именно в этот период. Следовательно, «точно не умными» устройствами и орудиями мы будем считать те, которые существовали издревле, в том числе до появления электричества, электронных приборов и ЭВМ. К таким орудиям (именно этот термин для них подходит лучше) можно отнести лопату, обычный телефон, автомобиль без систем электронного управления, молоток, отвертку и пр. Перечисленным устройствам присуще такое свойство, что они в принципе не способны работать без участия человека. Они не могут как начать работу самостоятельно, так и продолжать действовать автономно уже после начала работы.

Второй тип устройств мы назовем «скорее всего, не умные». Это электронные устройства, которые появились довольно давно, когда характеристика «умный» не была распространена. К таким устройствам отнесем калькулятор, автоматическую стиральную машину, чайник с автоматическим отключением при закипании, будильник и др. Например, калькулятор не может начать работу самостоятельно, но после нажатия соответствующей клавиши он уже работает автономно вплоть до получения результата вычислений.

Наконец, «скорее всего, умными» мы будем считать такие устройства, как робот-пылесос, беспилотный автомобиль, системы распознавания речи с голосовым помощником, диалоговые системы и пр.

Наш поиск сродни раскапыванию кучи песка, на дне которой мы надеемся что-то найти, поскольку нам либо кто-то об этом сказал, либо нам кажется, и мы хотим это проверить. В итоге, раскопав эту кучу, мы либо обнаружим что-то, либо ничего. Более того, прогрессом можно будет считать даже не только однозначный ответ на этот вопрос (есть там что-то или нет?), но и хотя бы уменьшение размеров кучи с отбрасыванием тех ее частей, где точно ничего искомого нет.

Мы считаем, наиболее удачным определением, которое можно эксплуатировать в философском и антропологическом анализе, является то, где дела-

ется акцент на отчуждении предметного действия. Можно назвать устройство «умным», если для выполнения работы человеку либо вообще не нужно совершать предметного действия, либо это действие минимально и практически не связано (или связь не прослеживается) с получаемым результатом. Таким образом, подобные «умные» устройства являются олицетворением жизненного аутсорсинга.

Например, в этом смысле с точки зрения философского анализа нас гораздо больше интересуют автомобильные дворники с датчиком дождя, чем автомобиль, оснащенный различными «умными» устройствами, в том числе «умными» дворниками. Причина в том, что основное предметное действие автомобиля не отчуждается от человека – он как нажимал на педали и крутил руль, так и продолжает это делать, сколько бы второстепенных, пусть даже и «умных», приборов не было установлено на этот автомобиль.

Таким образом, объектом нашего исследования является не техническое устройство, а скорее человек, решивший вдруг называть какие-то устройства «умными». В отличие от Тьюринга и его последователей, мы задаем вопрос не с целью лучше узнать о потенциале технического устройства (может ли оно мыслить или быть «умным?»), а с целью понять человека. Почему этот человек решил охарактеризовать некоторые технические устройства «умными»? Что заставило его это сделать? Заслуживают ли технические устройства называться «умными»? Еще один вопрос связан с появлением разума у машины.

Итак, базовыми вопросами, поиск ответов на которые формирует основную канву настоящей работы, являются следующие:

1. Возможно ли выделить некое принципиально новое качество некоторых устройств, которое делает оправданным их классификацию как «умных»?

2. Существуют ли свойства, по которым устройство можно отнести к «умным»?

3. Как связаны свойство «умности» и устройство, характеризующееся как «умное»?

Методологические противоречия и попытки их разрешить

Рассмотрение устройств через их определение или фактические возможности. Если следовать приведенным выше рассуждениям, то робот-пылесос, скорее всего, можно считать «умным» устройством. Причем если лишить его части функциональных возможностей, то он перестанет быть роботом-пылесосом в своем изначальном смысле. Таким образом, данному устройству свойство «умности» присуще. Теперь рассмотрим автомобиль. Получается, что автомобиль «умным» не был, но после добавления ему ряда функциональных возможностей он станет таковым. Таким образом, мы делаем вывод о том, что, на первый взгляд, существует два типа устройств: первому типу свойство «умности» присуще, а второму – нет, но добавление ряда функциональных возможностей может сделать его «умным». Однако приведенное выше рассуждение оперирует скорее терминами, чем сутью. Здесь анализ проведен, отталкиваясь от термина «робот-пылесос», но мы же можем назвать это устройство неким Устройством Икс. И опять задать вопрос: «умное» ли это устройство? Но уже не концептуально, а фактически. Можно ли

это устройство лишить функционала или деталей, чтобы оно перестало быть «умным»? Таким образом, ответ на этот вопрос практически эквивалентен вопросу о наличии у устройства (машины) сознания, или сильного искусственного интеллекта по Серлю [9]. Очевидно, что современные, называемые «умными» устройства таким свойством не обладают, следовательно, изучение зарождения сознания у машины мы не рассматриваем. Свойство «умности»: свойство «умности» присуще устройству или это функциональные возможности, которыми можно наделить умное устройство. Например: в базовом варианте автомобиль явно «не умный». Однако, прикрепив к нему датчик дождя и связав его с дворниками, он вроде бы «поумнеет» поскольку будет самостоятельно включать дворники, когда начнется дождь.

Является ли свойство «умности» присущим устройству или же оно лишь на уровне функциональных возможностей? До каких пор нужно добавлять в смартфон функции, чтобы он стал «умным»?

В чем состоит предназначение устройства? Рассмотрим следующий мысленный эксперимент, действующим лицом в котором является кочегар, никогда не сидевший за столом и не знающий, что такое стол. Для этого кочегара деревянный стол будет не более чем деревяшка причудливой формы, которую от бросит в печь точно так же, как и дрова. Ему и в голову не придет придумывать этой деревяшке какое-то специальное название наподобие «стола».

Настоящим примером показано, что истинное предназначение орудия или устройства может находиться далеко за пределами узкого контекста, в рамках которого некий человек взаимодействует с устройством. Приведем еще более радикальный мысленный эксперимент, демонстрирующий, что истинное предназначение устройства может быть вообще не определено.

Пусть в нашем распоряжении имеется смартфон, имеющий форму молотка. Для человека, понимающего, что такое смартфон, его форма будет вторична. Однако человек, который до этого видел только молоток, не сможет отличить этот смартфон от молотка. Значит, для него это устройство «не умное», а для пользователя смартфона – «умное», если мы сочтем смартфон «умным». При этом нет никакой гарантии того, что обычный молоток не обладает некими свойствами, в том числе «умными», не заложенными в него разработчиком, но которые могут быть познаны через науку. Скажем, речь может идти о неожиданных свойствах составляющих его микрочастиц.

В итоге при выработке определения «умного» устройства и выделении каких-либо его свойств нам не удастся уйти от познающего субъекта, поскольку никогда не будет гарантий, что этот познающий будет полностью осведомлен об истинном предназначении данного устройства.

Таким образом, определение устройства может быть дано с трех позиций:

– с позиции разработчика, заложившего в устройство определенный функционал, и пользователя, который эксплуатирует именно предусмотренные функциональные возможности устройства;

– с позиции пользователя, который видит в устройстве лишь разновидность тех объектов, с которыми он уже был знаком ранее;

– с позиции пользователя, который нашел принципиально иной способ эксплуатации данного устройства, который никак не закладывался его разработчиком.

Будем считать, что название устройства определяет его функционал, и в некотором контексте этот функционал одинаково понимается как разработчиком, так и пользователем.

Не является ли «умное» устройство просто объединением «не умных» функций? Требуется рассмотрения еще один вопрос. Не является ли «умное» устройство всего лишь объединением функционала отдельных «не умных» устройств? Например, смартфон можно рассматривать, как устройство, объединяющее в себе телефон, калькулятор, фотоаппарат, телевизор, игровую приставку и пр. Если ответ на данный вопрос окажется утвердительным, то мы должны незамедлительно сделать вывод о том, что «умное» устройство – это не более чем объединение обычных «не умных» устройств, и смысла награждать свойством «умности» какое-либо устройство безосновательно. Говорить же о синергетическом эффекте применительно к неодушевленным устройствам вряд ли приходится. Другими словами, сложно привести аргументы в пользу того, что объединение в одном устройстве нескольких функций приведет к появлению принципиально неожиданного эффекта.

Эволюция технических устройств: где появляется «умность»? Еще одним, на наш взгляд, заслуживающим внимания вопросом является поиск того момента, когда устройства стали «умными» (как всегда оговариваемся, что точного определения «умности» у нас нет). Например, рассмотрим эволюцию вычислительной техники. Упрощенно ее можно представить так: счеты – арифмометр – калькулятор – программируемый компьютер – искусственные нейронные сети. Очевидно, счеты не являются «умными». Точнее, никаких разумных оснований считать счеты «умными» нет. В каком-то смысле данный вопрос напоминает исследования о зарождении разума.

Таким образом, данный пример показывает, что даже с калькулятором (который вряд ли можно считать умным) возникает возможность того, что человек отдает способность вычислять (мыслить). Что же такого принципиального есть у смартфона, чего нет у калькулятора? Является ли смартфон просто многофункциональным калькулятором? Если так, то достаточно перечислить все его функции и рассмотреть их отдельно. Или же есть нечто качественное, что делает его «умным», а у калькулятора этого нет. Этот вопрос тесно связан с вопросом Тьюринга о возможности машины мыслить, поэтому вопрос о зарождении «умности» у устройств мы оставим за рамками настоящей статьи, а будем рассматривать устройства сами по себе без привязки к их эволюции.

Определение «умности» через внешние проявления и человеко-машинный интерфейс. Что интересует обычного человека, использующего «умное» устройство? Ответ – его функциональность. В связи с этим имеет смысл говорить именно о функциях и человеко-машинном интерфейсе, не принимая в расчет внутреннюю структуру. Наличие датчиков, процессора, запоминающего механизма не имеет значения. Скорее, мы должны определять «умность» через внешние проявления, т.е. в терминах человеко-машинного интерфейса. При этом следует понимать, что существуют два типа интерфейса: человеко-машинный интерфейс и интерфейс между техническим устройством и окружающей средой. Например, человеко-машинный интерфейс робота-пылесоса состоит из элементов управления, позволяющих настроить и запустить его, а интерфейс с окружающей средой состоит из дат-

чиков, позволяющих ориентироваться пылесосу в пространстве при выполнении своей работы. Указанные два интерфейса имеют принципиально разное значение с философско-антропологической точки зрения. Человеко-машинный интерфейс для взаимодействия с таким устройством должен быть существенно более прост, чем непосредственное решение задачи, будь-то физическая или интеллектуальная работа. «Умное» устройство призвано «забрать» часть работы себе.

Более того, само по себе наличие таких составных частей, как процессор или модуль памяти, не является гарантией того, что обладающее ими устройство приобретает некое принципиально новое качество, дающее нам основание называть его «умным». Причина данного суждения состоит в том, что и процессор, и модуль памяти – это не более чем комбинация неких элементов, взаимодействие которых с достаточной полнотой описано законами физики. В частности, транзисторы – это, грубо говоря, всего лишь маленькие лампочки, которые явно не претендуют на то, чтобы их называли «умными». А на заре развития компьютерной техники именно лампочки и выполняли роль транзисторов.

Таким образом, определение понятия «умного» устройства не должно никак опираться на его внутреннюю структуру, в том числе на наличие внутри него датчиков, процессора, запоминающего устройства и даже физических манипуляторов. Определение «умного» устройства должно даваться через человеко-машинный интерфейс, в который при необходимости могут быть включены физические манипуляторы. Вероятно, имеет смысл говорить о способности технического устройства выполнять те или иные функции через его человеко-машинный интерфейс.

О невозможности точного разделения интеллектуального и физического труда. Если устройство «не умное», то оно всегда будет требовать присутствия человека, поскольку даже примитивный, на первый взгляд, физический труд, тем не менее, требует некоторой интеллектуальной деятельности. И только если соединить в устройстве и физику, и интеллект, возникает возможность отчуждения этого труда.

На наш взгляд, разделять физическую и интеллектуальную деятельность некорректно. Возможно, имеет смысл говорить о соотношении этих видов деятельности при выполнении различных видов работ, но заявлять, что определенный вид работы требует только физической активности, нельзя. Например, даже при переноске грузов или перекапывании земли требуется некоторая интеллектуальная деятельность для выбора траектории перемещения, прилагаемой силы или положения тела.

Определение «умности» не должно зависеть от человека. При взаимодействии людей друг с другом, в принципе, можно сказать, что один из них умнее другого в каком-либо смысле. Следовательно, определение «умный» так или иначе зависит от субъекта, который дает такую характеристику. Есть вероятность, что для «более умного» человека некоторые считающиеся «умными» «менее умным» будут считаться «не умными». Отсюда получаем две возможности определения «умности» устройства: в зависимости от субъекта–человека и без нее. Поскольку характеристика «умное» применяется к устройствам массово, то определение не должно зависеть от степени интеллектуальности человека.

Критика возможных определений «умного» устройства

В настоящем разделе мы рассмотрим несколько возможных определений «умного» устройства и покажем, что для каждого из определений можно привести аргументы, убеждающие в неудачности того или иного определения.

Потенциальное определение 1. Устройство является *умным*, если в процессе его работы не требуется участие человека. Необходимость участия человека. Очевидным свойством, которое можно оценить у всех перечисленных устройств, является их способность/неспособность работать без участия человека. Причем можно оценить не только на уровне да/нет, но и степень необходимого участия человека. Например, при использовании лопаты человек должен участвовать полностью, а в случае со стиральной машиной – только на этапе загрузки белья, выбора программы и запуска. Если сравнивать компьютер и калькулятор, то принципиальная разница состоит в том, что компьютер может выполнить серию из нескольких вычислений по одной команде человека, а при использовании калькулятора участие человека требуется при каждом вычислении.

Потенциальное определение 2. Устройство является *умным*, если оно оснащено датчиками, сообщающими ему состояние окружающей среды. Рассмотрим следующее техническое устройство – автомобильные дворники с датчиком дождя. Данное устройство как минимум претендует на то, чтобы называться «умным», поскольку справляется со своей задачей по поддержанию чистоты лобового стекла без вмешательства человека. Однако как только данное устройство лишается датчика, оно становится точно «не умным». Аналогичные рассуждения также справедливы и для чайника с автоматическим отключением при закипании: убрав из данного устройства датчик интенсивности пара, мы делаем его точно «не умным». В то же время очевидным является то, что сами по себе датчик дождя и дворники или датчик интенсивности пара и чайник не являются «умными». Более того, если к дворникам присоединить датчик интенсивности пара, а к чайнику – датчик дождя, то «умности» рассматриваемым устройствам не прибавится. Таким образом, мы делаем вывод, что свойство «умности», вероятно, может появляться при вполне конкретном сочетании «не умных» устройств. Само наличие датчика не является достаточным, чтобы сделать устройство «умным». Требуется не датчик, а способность реагировать на окружающую среду. Скорее всего, наличие датчика следует из этого. Важным является приобретение нового качества.

Потенциальное определение 3. Еще одним определением может быть непредсказуемость процесса достижения результата (результат как раз должен быть предсказуем). Например, при уборке помещения робот-пылесос заранее не сообщает свою траекторию движения, определяя ее в процессе. В этом смысле процесс непредсказуем. Однако результат, который отображается на экране калькулятора, непредсказуем в том плане, что человек потому и использует калькулятор, что не знает наперед заданного ответа, как, впрочем, и процесса его достижения.

Здесь важен и ответ на вопрос: на ком лежит ответственность за результат? Ответственность применительно к устройствам и людям. В примере со стиральной машиной ответственность за результат лежит на человеке, кото-

рый разрабатывал программу стирки. Стиральная машина «ответственна» только за выполнение шагов этой программы. В случае же с роботом-пылесосом можно сказать, что в какой-то степени он ответствен и за результат. Например, если на пути его движения появится препятствие, то он его объедет и продолжит работу. Можно ли провести грань между «умным» и «не умным» устройствами через нацеленность на результат/процесс? Если разработчик не знает, каким образом устройство достигнет результата, то его можно назвать «умным».

Потенциальное определение 4. «Умное» устройство должно упрощать предметное действие или делать его тривиальным (как, например, нажатие на кнопку). Варианты: упрощение, отмена, изменение. Скорее всего, «умное» устройство, действительно, должно упрощать предметное действие, однако, во-первых, предметное действие упрощают даже заведомо «не умные» устройства, а во-вторых, может быть, упрощение предметного действия «умным» устройством является следствием какого-либо более фундаментального свойства, характеризующего «умное» устройство. Скорее, имеет смысл говорить о том, что при использовании «умного» устройства предметное действие становится другим (в частном случае – тривиальным) по сравнению с «не умным» устройством, предназначенным для решения той же задачи. Получается, что для использования «умного» устройства, как и в случае с «не умным», могут потребоваться определенные навыки. Видимо, «умным» можно считать и устройства, для работы с которыми нужно нажать, скажем так, больше одной кнопки.

Например, современный автомобиль, с одной стороны, обладает определенными признаками интеллектуальности, а с другой – предметное действие по отношению к нему нетривиально (если, конечно, не рассматривать беспилотные автомобили). Таким образом, простота или тривиальность предметного действия сама по себе не является необходимым критерием для отнесения устройства к классу «умных». Более того, для многих явно «не умных» орудий наподобие лопаты или молотка предметное действие может быть проще, чем для современного автомобиля, обладающего признаками интеллектуальности.

Свойства, которые могут быть присущи «умному» устройству, и их связь с философско-антропологическими концепциями

Свойство 1. Будем говорить, что устройству присуще свойство *автономности*, если оно способно выполнять поставленную задачу без вмешательства человека. При этом команда на выполнение задачи должна осуществляться через относительно простой человеко-машинный интерфейс, сложность взаимодействия с которым для человека ничтожно мала по сравнению с процессом выполнения данной задачи им самостоятельно. Другими словами, человеку не требуется осваивать дополнительные навыки, чтобы отдать команду данному устройству.

Устройства, обладающие свойством автономности, хорошо укладываются в концепцию жизненного аутсорсинга, в рамках которого человек делегирует выполнение некоторых своих функций внешней среде и в частности техническим устройствам. При этом процесс делегирования достаточно прост и фактически заменяет предметное действие, которое ранее требова-

лось для выполнения этой функции. Более того, процесс делегирования может быть очень похож при использовании самых разных устройств и заключаться в отдаче специальных команд посредством нажатия кнопок. Таким образом, свойство автономности фактически демонстрирует механику жизненного аутсорсинга.

С философско-антропологической точки зрения нам не так важно, способно ли устройство взаимодействовать с окружающей средой в процессе выполнения задачи. Главное – это делегирование конкретной задачи данному устройству. Именно в отказе от участия в выполнении задачи в пользу некоторого устройства проявляется явление жизненного аутсорсинга, и данное свойство присуще целому классу устройств, взаимодействие человека с которыми можно исследовать в рамках этой концепции. В некоторой степени автономное устройство играет роль не только объекта, которому передаются полномочия по выполнению задачи, но и замещает потенциального ассистента, коим может являться другой человек, например подчиненный или слуга, которому дается поручение.

Свойство автономности отчасти перекликается с позицией Каппа (Капп) о том, что «в орудии человек систематически воспроизводит себя самого». Однако под его концепцию органопроекции, утверждающую, что всевозможные орудия – это усиление человека, автономные устройства в общем не укладываются, поскольку как таковое усиление происходит не обязательно. Например, такие устройства, как робот-пылесос или автоматическая стиральная машина не усиливают человека, а заменяют его. Очевидно, мы не можем утверждать, что робот-пылесос выполняет свою работу всегда быстрее или качественнее человека. Хотя в частных случаях это возможно.

Свойство 2. Будем говорить, что устройство обладает свойством *посредничества*, если при его использовании меняется предметное действие, совершаемое человеком, как правило, в сторону его упрощения по сравнению с предметным действием, осуществляемым при выполнении данной задачи человеком самостоятельно или с использованием более примитивных устройств. При этом использование устройства-посредника не отменяет необходимости участия человека на протяжении всего процесса выполнения задачи.

Свойство 3. Будем говорить, что устройство обладает свойством адаптивности, если оно способно изменять свое поведение в зависимости от состояния окружающей среды.

При этом человеко-машинный интерфейс может быть определен не очень строго, быть довольно сложным или вообще в явном виде отсутствовать. Принципиальное отличие автономных устройств от интерактивных умных устройств состоит в том, что интерфейс взаимодействия умных устройств довольно четко определен, в то время как с интерактивными устройствами дело обстоит сложнее. Данный интерфейс крайне сложно формализовать, и именно при взаимодействии с такими устройствами можно говорить о сращивании человека с технологиями и киборгизацией.

Выводы, перспективы и открытые вопросы

Сформулируем основные выводы, которые можно сделать по итогам обсуждения, приведенного в настоящей статье, и наметим возможные применения полученных результатов.

Выделение какого-то особого класса «умных» устройств среди всего их множества не имеет особого смысла как с точки зрения философии, так и фактически, поскольку любая деятельность так или иначе включает в себя интеллектуальный труд. Например, даже при выкапывании траншеи лопатой требуется некоторый мыслительный процесс по выбору силы нажатия на лопату или точного направления движения.

Три сформулированных определения нельзя отделять друг от друга. Многие устройства могут одновременно соответствовать двум или всем трем определениям. Однако, как было заявлено при обсуждении постановки задачи, ключевым критерием при выработке определений должна являться их встраиваемость в существующие философско-антропологические концепции с целью получения возможности для анализа соответствующих этим определениям устройств. Так, понятие автономного устройства дает нам механику жизненного аутсорсинга, понятие устройства-посредника – возможность исследований через предметное действие в рамках теории Выготского, а класс интерактивных устройств намечает стыковку с трансгуманизмом.

В качестве дальнейших вопросов, представляющих философско-антропологический интерес и связанных с выработанными определениями, могут быть следующие:

1. До каких пор человек сможет передавать автономным умным устройствам свой функционал, оставаясь при этом человеком?
2. В чем отличие руководителя, дающего поручения своим подчиненным, от человека, пользующегося автономным устройством?
3. Какие изменения происходят в человеке, когда он пользуется устройством-посредником и формирует новое предметное действие, фактически забывая старое?
4. Способно ли интерактивное устройство адаптировать свое поведение, чтобы сформировать у человека зависимость от себя?
5. Какую стратегию поведения целесообразно выбрать человеку, чтобы пользоваться устройствами этих трех типов себе во благо и с целью своего развития?

Выработанные определения могут быть использованы с целью выбора объекта исследования, поскольку позволяют описать конкретные классы реально эксплуатируемых технических устройств.

«Умное» устройство – это собирательное понятие, куда каждый вкладывает что-то свое. Помимо трех предложенных свойств могут быть введены и другие свойства, имеющие значение для философско-антропологических исследований.

Список источников

1. Ардашкин И.Б. Смарт-технологии как феномен: концептуализация подходов и философский анализ // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 43. С. 55–68
2. Аванесов С.С. Технологическая угроза и риск бытия // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 472. С. 5–16.
3. Черникова Д.В., Черникова И.В. Расширение человеческих возможностей: когнитивные технологии и их риски // Известия Томского политехнического университета. 2012. Т. 321, № 6. С. 114–119.
4. Смирнов С.А. Фармацевтика антропологических трендов. Антропологический форсайт // Вестник НГУЭУ. 2012. № 1. С. 88–104.

5. Смирнов С.А. Новые идентичности человека: анализ и прогноз антропологических трендов. Антропологический форсайт // Вестник НГУЭУ. 2013. № 1. С. 216–241.
6. Gorbacheva A., Smirnov S. Converging technologies and a modern man: emergence of a new type of thinking // *AI & Society*. 2017. Т. 32, № 3. С. 465–473.
7. Ефимов А.Р. Посттьюринговая методология: разрушение стены на пути к общему искусственному интеллекту // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2020. № 2. С. 74–80
8. Turing A. Computing machinery and intelligence // *Mind*. 1950. Vol. 59. P. 433–460.
9. Searle J.R. Minds, brains, and programs // *The Behavioral and Brain Sciences*. 1980. Vol. 3. P. 417–457

References

1. Ardashkin, I.B. (2018) Smart technology as a phenomenon: conceptualisation of approaches and philosophical analysis. Are smart technologies really smart? *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 43. pp. 55–68. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/43/5
2. Avanesov, S.S. (2021) Technological threat and risk of being. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 472. pp. 5–16. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/472/1
3. Chernikova, D.V. & Chernikova, I.V. (2012) Rasshirenie chelovecheskikh vozmozhnostey: kognitivnye tekhnologii i ikh riski [Expansion of human capabilities: cognitive technologies and their risks]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta – Bulletin of the Tomsk Polytechnic University. Geo Assets Engineering*. 321(6). pp. 114–119.
4. Smirnov, S.A. (2012) Farmatsevtika antropologicheskikh trendov. Antropologicheskii forsayt [Pharmaceutics of anthropological trends. Anthropological foresight]. *Vestnik NGUEU*. 1. pp. 88–104.
5. Smirnov, S.A. (2013) Novye identichnosti cheloveka: analiz i prognos antropologicheskikh trendov. Antropologicheskii forsayt [New human identities: An analysis and forecast of anthropological trends. Anthropological foresight]. *Vestnik NGUEU*. 1. pp. 216–241.
6. Gorbacheva, A. & Smirnov, S. (2017) Converging technologies and a modern man: emergence of a new type of thinking. *AI & Society*. 32(3). pp. 465–473.
7. Efimov, A.R. (2020) Post-turing methodology: Destruction of the wall on the way to general artificial intelligence. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii – Intellect. Innovations. Investments*. 2. pp. 74–80. (In Russian). DOI: 10.25198/2077-7175-2020-2-74
8. Turing, A. (1950) Computing machinery and intelligence. *Mind*. 59. pp. 433–460.
9. Searle, J.R. (1980) Minds, brains, and programs. *The Behavioral and Brain Sciences*. 3. pp. 417–457.

Сведения об авторе:

Горбачева А.Г. – кандидат философских наук, доцент кафедры информационных технологий Новосибирского государственного университета экономики и управления «НИНХ» (Новосибирск, Россия). E-mail: gorbacheva.a.g@gmail.com

Пестунов А.И. – кандидат физико-математических наук, заведующий кафедрой информационных технологий Новосибирского государственного университета экономики и управления «НИНХ» (Новосибирск, Россия). E-mail: pestunov@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Gorbacheva A.G. – Cand. Sci. (Philosophy), associate professor, IT Department, Novosibirsk State University of Economics and Management (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: gorbacheva.a.g@gmail.com

Pestunov A.I. – Cand. Sci. (Physics and Mathematics), head of the IT Department, Novosibirsk State University of Economics and Management (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: pestunov@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 14.07.2022;
одобрена после рецензирования 28.03.2023; принята к публикации 20.04.2023
The article was submitted 14.07.2022;
approved after reviewing 28.03.2023; accepted for publication 20.04.2023*

Научная статья

УДК 304.9

doi: 10.17223/1998863X/72/9

UTOPIA ET CRIMINALIA¹

Андрей Юрьевич Долгих

Вятский государственный университет, Киров, Россия, regis-iii@rambler.ru

Аннотация. Может ли утопия рассматриваться в качестве конечной цели социальной эволюции? Способно ли утопическое общество меняться и если да, то по каким причинам? Возможно ли полное искоренение преступности когда-либо в будущем? До какой степени для утопии может быть полезно нарушение закона со стороны отдельных представителей этого общества? Ответы на эти вопросы даются в статье с использованием материала утопических проектов далекого и недавнего прошлого.

Ключевые слова: общество, утопия, будущее, преступление, наказание, закон

Для цитирования: Долгих А.Ю. Utopia et criminalia // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 72. С. 94–108. doi: 10.17223/1998863X/72/9

Original article

UTOPIA AND CRIMINALITY

Andrei Yu. Dolgikh

Vyatka State University, Kirov, Russian Federation, regis-iii@rambler.ru

Abstract. The main presupposition of the article is that utopia (as a more perfect society) is possible; it is not just dreams of the unrealizable and not even a way to comprehend the history with an attempt to outline its prospects. At the same time, the relativity of utopian projects is obvious, as well as their almost direct dependence on the state of the civilization that gave birth to them. This makes us reconsider the idea of utopia as the ultimate goal of social development, as the static social form, after which there is nothing. Is it possible (and necessary) to eradicate criminality as a condition for building utopia? Is utopia and crime compatible? These are the main questions of the article. Since it mostly concerns the future, the only possible method of analysis here is the thought experiment based on the extrapolation of the past and present trends. The main conclusions that ultimately arise are: the utopian society cannot help but be multi-layered, multicultural; it will continue to evolve itself, which can lead to its disappearance; the basis of utopia is not laws, but human virtue, which must be educated, but can be artificially enhanced; complete eradication of crime is impossible because, firstly, it would require the total control, the constant calculation of the remote consequences of any actions and, secondly, would mean that it is impossible for a person to deviate from the pre-prescribed lines of behavior that is harmful to society; nevertheless, such crimes as willful killing, harm to health and theft will have to come to naught.

Keywords: society, utopia, future, crime, punishment, law

For citation: Dolgikh, A.Yu. (2023) Utopia and criminality. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 72. pp. 94–108. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/72/9

¹ Буквально: «утопия и преступные дела» (лат.)

- А преступления здесь разве происходят?
- Странный вопрос! В каком государстве не происходит преступлений?..

Андрей Ренников. «Зеленые дьяволы» (1937)

На Земле да и на других планетах преступления давным-давно отошли в прошлое. Люди жили открыто и радостно.

Владимир Михановский. «Жажда» (1966)

Введение. Выражая (но не вполне разделяя) мнение огромного большинства людей, Герберт Маркузе говорит, что утопия «...относится к проектам социальных изменений, которые считаются невозможными» [1. С. 19].

Подразумевается: нам хотелось бы, чтобы было так-то и так-то, но этого не будет – никогда. Почему? Потому что, как опять же принято думать, этому препятствуют объективные (законы природы) и субъективные (чисто человеческие) факторы. Последние, впрочем, историчны и могут насильственно преодолеваться, – об этом опять же говорит Маркузе. Поэтому проблема разве что в первых, но о законах природы, вопреки видимости, нам известно крайне мало. Предполагаемые законы природы воплощаются в утверждениях всеобщего характера, для доказательства которых в строгом смысле не хватает никакого человеческого опыта. Поэтому мы не знаем, могут они на самом деле нас ограничивать в наших утопических устремлениях или нет.

С другой стороны к этому подходит Карл Манхейм. Он видит в утопиях, как в неких идеалах, двигатель общественного прогресса: через них происходит осмысление истории (они и есть выражение такого понимания) и стремление к лучшему будущему, даже просто к любому другому будущему. Полное исчезновение утопии «создаст статичную вещьность, в которой человек и сам превратится в вещь»; человек тогда «утратит волю создавать историю и способность понимать ее» [2. С. 276]. Возможно, руководствуясь этим и трактуя понятие утопии в очень широком смысле, другой исследователь, Ежи Шацкий, находит отчетливые утопические черты уже в древнейших сохранившихся греческих произведениях – начиная с Гесиода, в христианской эсхатологии, в учении средневековых монашеских и рыцарских орденов и т.п. [3]. Словом, получается, что утопия сопутствует всей европейской истории.

Ни одна из утопий, начиная с позднесредневековых (или даже еще древнегреческих) и заканчивая советскими, до сих пор не воплотилась в жизнь. Обосновывать невозможность того, чего нет и чего, может быть, никогда и не будет (видимо, по принципу «все возможное – действительно, а что не действительно, то невозможно»), – занятие обманчиво легкое и поэтому не слишком достойное; другое дело – попытаться показать, что некое событие, которого пока никто не наблюдал, не только может, но однажды даже должно произойти. В этом есть некая похвальная смелость мысли.

Постановка вопроса. Ниже мы сосредоточимся по большей части только на одном аспекте утопической проблематики – он, так сказать, криминальный: до какой степени совместимы утопия и преступность? Возможно ли (и необходимо ли) искоренение преступности в качестве условия построения утопии?

Утопия и преступность. Французский социолог Эмиль Дюркгейм, вероятно, был первым, кто объявил о необходимости преступности для нормального функционирования общества. Эта мысль была подхвачена рядом исследователей, в основном из числа англосаксов. Вполне возможно, что, с

их точки зрения, они достаточно убедительно показали вред абсолютной эффективности закона. Вот как об этом высказывается Владимир Лобовиков: «Если допустить, что преступность в некоем социуме побеждена навсегда, т.е. никто в этом обществе не в состоянии нарушить какую бы то ни было норму (обычай) деятельности, то в случае качественного изменения внешней среды этот социум неизбежно погибнет»¹ [4. С. 18]. Признавая эвристическую ценность этой концепции, мы, однако, полагаем, что при отсутствии ряда оговорок здесь возникает опасность апологии преступности.

Во-первых, преступление преступлению рознь. Обычаи и законодательства огромного большинства стран выделяют противозаконные действия разной степени тяжести, подлежащие, соответственно, наказанию разной силы. Во всех или почти во всех языках существует естественная градация такого рода деяний – преступление, (право)нарушение, посягательство, проступок, и т.п. (в английском, например, это *felony*, *misdemeanour*, *offence* и др.). Во-вторых, не следует ставить знак равенства между внедрением новшества и преступлением. В-третьих, мы предлагаем (для данного случая!) выделить три вида преступлений – перед богом, перед природой и перед человеком. О преступлениях перед богом мы здесь говорить не будем, поскольку это лежит далеко за пределами темы нашей статьи и вообще выглядит очень спорным. Преступлений же перед природой (а именно ее в числе прочего имеет в виду В.О. Лобовиков, поскольку упоминает «внешнюю среду»), строго говоря, не существует, поскольку человек и природа не связаны никаким более или менее явным договором. Как сказал Эпикур, «по отношению к тем животным, которые не могут заключать договоры, чтобы не причинять и не терпеть вреда, нет ни справедливости, ни несправедливости, – точно так же, как и по отношению к тем народам, которые не могут или не хотят заключать договоры...» [5. С. 410]. Природа и любые живые существа, не имеющие рациональной организации человеческого типа, очевидно, не могут выступать лицами, с которыми ведутся хоть сколько-нибудь осмысленные переговоры. По крайней мере, так это было до сих пор. Поэтому в общем и целом по отношению к «внешней среде» наши руки развязаны и никакое действие здесь не будет преступлением, если только это действие через цепочку причин и следствий не вернется обратно к человеку и не нанесет ему же ущерб. Но это совсем другой вопрос. Именно угрозы такого рода «возвратного вреда» и подвергаются ограждению со стороны экологического законодательства, уже весьма развитого в наши дни. Но, по сути, оно говорит о непрямом преступлении против человека (сводящегося к порче среды его обитания), а не о преступлении против природы как таковой. Точно так же в уязвлении религиозных чувств тех или иных лиц трудно усмотреть покушение на самого бога или богов.

Во времена Эпикура для самосознания эллинов все еще было очень характерно противопоставление «эллины – варвары». Такие философские шко-

¹ Мысль В.О. Лобовикова созвучна одной из идей «Пикника на обочине» (1972) Аркадия и Бориса Стругацких: «Разум есть сложный инстинкт, не успевший еще сформироваться. Имеется в виду, что инстинктивная деятельность всегда целесообразна и естественна. Пройдет миллион лет, инстинкт сформируется, и мы перестанем совершать ошибки, которые, вероятно, являются неотъемлемым свойством разума. И тогда, если во Вселенной что-нибудь изменится, мы благополучно выйдем, – опять же потому, что разучились совершать ошибки, т.е. пробовать разные, не предусмотренные жесткой программой варианты» (Стругацкий А.Н., Стругацкий Б.Н. Пикник на обочине. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2010. С. 130).

лы, как киники и стоики, еще только начали свой «крестовый поход» против данного предубеждения. Складывается впечатление, что даже такой просвещенный человек, как Эпикур, продолжал испытывать сильное влияние соответствующих настроений толпы.

Подобные противопоставления не изжиты полностью и по сей день, хотя влияние их, как представляется, ослабло. В результате мы склонны включать в сферу некоего негласного, неявного общественного договора даже те народы, которые ведут замкнутый образ жизни и отказываются от контактов с «большой» цивилизацией. Речь идет о разного рода племенах Амазонии, Экваториальной Африки и Юго-Восточной Азии. Мы уже не чувствуем, что отсутствие прямого договора с ними дает нам свободу действий. Впрочем, и здесь есть тонкости: нельзя сказать, что все без исключения «цивилизованные» люди относятся к «дикарям» как к равным. Но не означает ли это, что некоторая часть «цивилизованного» общества уже готова распространить негласный договор и на животных, и на всю природу? В этом случае некоторые воздействия на природу в чьих-то глазах могут выглядеть даже как преступления против нее самой!.. Признаемся, что в таком виде вопрос представляется нам неразрешимым. Но, в конце концов, развитие общества не оставляет места вневременным, вечным истинам. Поэтому не будем пытаться предугадать все возможные повороты общественной нравственности и выработать стратегию поведения раз и навсегда.

Таким образом, если не впадать в вышеописанные крайности (которые наверняка свойственны пока меньшинству), то преступлений против природы все-таки не существует. Никакое действие по преобразованию внешней среды (если только, повторимся, это же самое не ударит потом по нам) не будет нарушением закона. В итоге остается только привычное преступление против человека. И вот эти преступления могут быть легкими и тяжелыми. Искоренение тяжких преступлений – задача любого общества, претендующего на статус здорового, спокойного и благополучного, и это, может быть, самая трудная ступень на пути к утопии. Под тяжкими преступлениями мы подразумеваем прежде всего умышленное убийство человека, нанесение ему телесных повреждений и воровство. Полагаем, что эти запреты – несколько иная форма выражения основного естественного закона жизни, как он представлен еще у Томаса Гоббса: искать мира и следовать ему, а также защищать себя (в том числе, очевидно, свое имущество) [6. С. 99]. А вот переключку со знаменитыми десятью запретами из книги «Исход», входящей в состав «Пятикнижия Моисея», мы склонны считать случайностью: не они задают настрой, не они составляют ядро «законодательства Яхве». В числе прочего это свидетельствует в пользу, если это можно так назвать, теории нравственной относительности и несколько подрывает саму утопическую идею, о чем еще будет сказано ниже.

Возьмем для примера наиболее близкие к нам по времени проекты. В масштабных, хорошо проработанных советских научно-фантастических утопиях преступности почти нет. Здесь мы имеем в виду прежде всего «Туманность Андромеды» (1957–1958) Ивана Ефремова, трилогию «Люди как боги» (1966, 1968, 1977) и цикл «Посол без верительных грамот» (1977) Сергея Снегова, а также некоторые другие. Оговорка «почти» вставлена не для красоты слога: злое начало все-таки то тут, то там прорывается в некоторых героях этих произведений.

В утопии Ефремова (по описанию это XXXII–XXXIII вв.) есть некие островки (в буквальном смысле!), где законы «большого мира», законы «цивилизации» не действуют в полной мере. Это остров Забвения и остров Матерей (соответственно Цейлон и Ява). Таким образом, общественное зло хотя и не уничтожено совершенно, до последней капли, но вытеснено в некие «резервации» и просто так, на улице его не встретишь.

На остров Забвения отчасти сами стекаются, а отчасти ссылаются (!) люди, либо не принимающие напряженную устремленность вперед «Большого мира», либо совершившие правонарушение. Там живут по старинке, ведут первобытное хозяйство (земледелие, скотоводство, рыболовство); там не столь действен надзор за соблюдением законности, что приводит к изъявлению темных сторон человеческой природы и тем самым открывает возможность для злоупотреблений и даже преступлений... Некогда выдающийся математик Бет Лон поставил опасный физический опыт, погубив доверившихся ему людей. В качестве наказания он был отправлен на упомянутый остров, где окончательно «озверел», например, начал принуждать к сожительству местных женщин и устраивать драки с мужчинами, становящимися у него на пути. Один из главных героев книги Мвен Мас тоже, поторопившись, провел испытание, стоившее жизни его сотрудникам. Как человек изначально более нравственный (по сравнению с Бетом Лоном) он сам себя приговорил к изгнанию на остров и некоторое время провел там. Затем его оправдывают и он возвращается. Судьба Бета Лона, которого Мвен Мас призывает к некоему внутреннему очищению и возврату к истинной ценности – служению людям, остается в книге непроясненной [7].

Вообще, идея самоосуждения и самоизгнания для утопического будущего представляется нам весьма перспективной. Она упоминается, в частности, у одного из первых утопистов – у Томмазо Кампанеллы [8. С. 173–174]. Ведь кто-то неизбежно будет совершать преступления – хотя бы по неосторожности, в спешке, от недостаточной предусмотрительности. Такие люди все равно должны будут нести наказание. И лучше, если их сознательность окажется настолько высока, что они почувствуют свою вину сами и сами же приговорят себя.

А остров матерей у Ефремова предназначен для женщин, которые, вопреки законам, не хотят расставаться со своими детьми, а намереваются оставить их при себе и воспитывать самостоятельно. Но сделать это на «большой земле» нельзя – там уже с ранних лет ребенка отдают в детские учреждения опытным воспитателям и учителям, посвятившим этому делу всю жизнь! Поэтому кто против, тот должен удалиться с ребенком – словно в ссылку! – на упомянутый остров.

У Сергея Снегова точно так же почвой для преступлений выступают по большей части изобретения и открытия, которые выбивают причастных к ним лиц из накатанной колеи жизни, нарушают ее ровное течение. Возникающие в ходе научных исследований необычные обстоятельства требуют и соответствующего, не сводимого к набору устоявшихся привычек, поведения. Выпутываясь из силков побочных явлений очередного научного рывка, люди иной раз преступают закон – как правило, невольно, неумышленно.

Имеется и примечательная параллель: если у Ивана Ефремова в «Туманности Андромеды» остров Забвения, то у Сергея Снегова в рассказе «Эксперимент профессора Брантинга» (из цикла «Посол без верительных грамот») –

Нептун. Около 2150 года сюда сбежали некие бунтари, не согласные с коммунистическим строем. Достаточно хорошо вооруженные, они довольно долго и успешно держали оборону, не подпуская земные корабли (тоже, надо полагать, не безоружные!). Потом, понимая, что их ждет вырождение и, может быть, даже голодная смерть, «повстанцы» все-таки сдались, но поставили условие: они возьмут себе вымышленные имена и никто никогда не будет пытаться узнать, кто они на самом деле, кем были раньше. Большой совет Земли утвердил это в качестве закона для Нептуна. С тех пор каждый, кто перебирался на эту планету, имел право придумать себе другое имя и другое прошлое. Более того, новые «личные данные» сохранялись за гражданином Нептуна в любом месте. В основном эта игра привлекала несколько неуравновешенных молодых людей, которым спокойная, размеренная жизнь на Земле казалась пресной... [9]

Снегов описывает также случаи мелкого воровства, незаконного задержания людей, опасного соперничества мужчин из-за женщин, словесных угроз, пьянства и рукоприкладства. Но все это довольно большая редкость в его обществе. Хотя, в отличие от Ефремова, он не склонен выносить это на задворки своей цивилизации. Действие его книг относится к XXV–XXVI вв. [10, 11].

В большой утопии Георгия Гуревича «Мы – из Солнечной системы» (1965) прямо сказано, что тюрьмы были снесены еще лет за двести до событий, описанных в романе (которые, судя по некоторым признакам, происходят в XXIII–XXIV вв. привычного нам летосчисления). Но отсутствие тюрем, очевидно, означает отсутствие хоть сколько-нибудь серьезной преступности. Самое большое «преступление» в романе – недобрые помыслы Кима, главного героя книги, в пору его ранней-ранней молодости: когда его девушка уходит к другому, к некоему великому изобретателю, он одно время даже хочет соперника убить – в его уме проносятся образы возможной расправы над «врагом» [12].

Смертная казнь ни у Ефремова, ни у Снегова, ни у Гуревича не упоминается: наверняка ее просто нет. Вспомним в связи с этим, что у родоначальников жанра, например у Томаса Мора и Томмазо Кампанеллы, она предусматривалась! Смертью путем закалывания у Мора наказывается в основном упорство в преступном образе жизни. Однократные же преступления, даже тяжкие, караются рабством, в котором человек принужден выполнять самые грязные и неблагородные работы [13. С. 100]. Кампанелла же находит оправданной смертную казнь без всяких оговорок за преступления против бога, свободы государства и высших властей. Преднамеренное насилие тоже может наказываться смертью. Побитие камнями осуществляют обвинители и свидетели обвинения, никаких особых палачей нет. Приветствуется также самоубийство (путем самосожжения) того, кто осознал свою вину. В менее тяжелых случаях применяется изгнание, бичевание, выговор, отстранение от совместных обедов, отлучение от церкви и... от женщин! [8. С. 172–173]. Последнее выглядит достаточно курьезным.

Любопытно, что и Мор, и Кампанелла особо подчеркивают: в их утопиях общее число законов очень невелико [8. С. 174; 13. С. 102]. Так, утопийцы Мора осуждают народы, которым недостаточны «бесчисленные томы законов и толкователей на них» [13. С. 102], а у соляриев Кампанеллы все установления умещаются на одной медной дощечке у дверей главного храма! Данная утопическая традиция идет еще от Платона. «В большинстве случаев

они сами (люди, получившие безупречное воспитание. – А.Д.) без труда поймут, какие здесь требуются законы»; при неблагоприятном же стечении обстоятельств в государстве «...вся их жизнь пройдет в том, что они вечно будут устанавливать множество различных законов и вносить в них поправки в расчете, что таким образом достигнут совершенства». И далее Платон сравнивает «одержимых законами» граждан с больными: «...лечась, они добиваются только того, что делают свои недуги разнообразнее и сильнее, но все время надеются выздороветь...» [14. С. 195–196].

Быстрый рост количества законов не только не способствует порядку, а скорее, наоборот, – он может быть даже признаком надвигающегося цивилизационного тупика: косвенным образом он свидетельствует о том, что граждане все больше увлечены поиском каких-то сомнительных с точки зрения неписаной нравственности лазеек. Напротив, сокращение числа законов указывает на общественное оздоровление: нет смысла запрещать нехорошее деяние, если никому не приходит в голову его совершать. Поэтому не законотворчество опережающими темпами в стремлении заранее все предусмотреть и как можно больше всего запретить, а воспитание добропорядочных граждан – вот главное дело страны и государства. Причина: законы сами по себе не работают – они выполняются только через человеческую деятельность, но плохие люди, очевидно, извратят даже самые хорошие законы (или просто не будут им следовать), тогда как хорошие люди даже самые плохие законы сумеют применить на свое и общее благо.

Как часто бывает в подобных случаях, эту мысль можно найти уже в древнегреческой философии. Исократ говорит в «Ареопагитике»: «Многочисленные и точно составленные законы служат признаком плохой организации города: только чтобы ставить преграды преступлениям, вынужден город издавать многочисленные постановления. На самом деле гражданам, живущим при правильно организованном строе, нужно <...> хранить справедливость в своей душе <...> Дурно воспитанные люди не остановятся перед нарушением законов, хотя бы и написанных с наибольшей точностью, тогда как хорошо воспитанные пожелали бы соблюдать даже самое простое законодательство» [15. С. 139–140].

Мор и Кампанелла отчасти преувеличивают: их развернутое описание желательного общества и есть, по сути, изложение утопического законодательства. Нельзя сказать, что оно такое краткое, как хочет представить, например, Кампанелла. Утописты XVII–XIX вв. осознанно или неосознанно шли по этому же пути, превращая свои трактаты иной раз в самые настоящие сборники законов. Таковы некоторые произведения Шарля Фурье, Роберта Оуэна, а также сочинение под названием «Кодекс природы, или Истинный дух ее законов» неизвестного автора, – оно обычно приписывается либо Денни Дидро, либо Этьенну-Габриэлю Морелли, хотя не только им. При этом начинается высказываться мысль о том, что многообразие установлений у различных народов есть, по сути, проклятие человечества [16. С. 140]. Так постепенно прокладывается путь от утопии островной, местной (Платон, Мор, Бэкон, Кампанелла) к утопии вселенской (Ефремов, Гуревич, Снегов и др.). В связи с этим вспоминается предостережение Аристотеля: «...государство при постоянно усиливающемся единстве перестает быть государством. Ведь по своей природе государство представляется неким множеством» [17. С. 404].

Фантасты советского периода законодательство будущего не упоминают совсем. Может даже возникнуть впечатление, что люди там живут не по законам, а «по понятиям» – по неписаным обычаям, которые вошли в их кровь и плоть, которые, возможно (позволим себе высказать догадку), запечатлены на молекулярном уровне наследственного вещества. Более надежные законы и представить трудно!

Конечно, главная причина невнимания фантастов к законодательству – жанровый сдвиг: старинные утопии были, по современным меркам, либо просто трактатами, либо трактатами слегка беллетризованными; утопии XX в. от ученой рассудительности и нравоучительности почти полностью избавились, любые социальные идеи раскрываются в них через сюжет, через действие.

Возвращаясь конкретно к Ефремову, Снегову, Гуревичу, можно сказать, что в целом будущее в их изображении очень и очень благополучно во всех отношениях, в том числе как раз в том, что касается нравственности. Но за счет чего это достигается? Ефремов и Гуревич (неосознанно следуя Платону) могли бы ответить однозначно – за счет целенаправленного воспитания людей на протяжении десятков поколений. Снегов и многие другие этот вопрос обходят стороной – подобные условности свойственны всей художественной литературе (не только научно-фантастической). В конце концов, писатель-фантаст не обязан быть ученым, изобретателем или воспитателем. Он не обязан знать в мельчайших подробностях, каким путем можно было бы построить замечательное общество, нарисованное им на страницах его произведения. Если бы знал, был бы величайшим из смертных!..

Но отсюда, к сожалению, проистекает вопрос: коль скоро пути достижения цели не указаны, можно ли ее вообще достичь?

Станислав Лем в «Возвращении со звезд» (1961) в общих чертах попытался наметить такой путь: для своего будущего он изобрел так называемую бетризацію – прививку, которая делается человеку в раннем детстве и которая лишает его способности совершить умышленное, преднамеренное, вообще осознаваемое убийство (и даже способности нанести ранение): помыслы о таком деянии начинают вызывать у человека очень неприятные чисто телесные ощущения, а также душевные переживания. С высочайшей степенью надежности они отвращают его от злодейства, так что убить он может теперь разве что чисто случайно и только по неведению – не зная, что какой-то его поступок повлечет увечье или смерть другого [18].

В дальнейшем Лем несколько разочаровался в своем замысле: реализацию идеи бетризации в романе он стал считать слишком упрощенной, а нарисованное там будущее – плоским, одномерным [19. С. 94, 96].

Еще один, сходный с лемовским, но весьма рискованный вариант преодоления преступности (и вместе с тем предотвращения войн) представлен в фильме «Эквилибриум» («Equilibrium»); производство: США, Dimension Films, 2002; реж. Курт Виммер). В этой версии будущего после разрушительной третьей мировой войны начала XXI в. в некоторых кругах был сделан вывод, что все беды человечества – от эмоций, которые и представляют собой, по сути, исходное правонарушение. Так это и стало называться – «эмоциональное преступление». Для «отключения» чувств каждый добропорядочный гражданин обязан ежедневно принимать особый препарат – «прозиум». Дадим слово авторам произведения. Вот какой гимн прозиуму мы

слышим в фильме: «...великий эликсир забвения, опиум нашего народа, клей нашего великого общества, спасительное лекарство, которое вывело нас из уныния и печали, из глубочайшей бездны меланхолии и ненависти. С его помощью мы анестезируем грусть, аннигилируем ревность, стираем ярость. И пусть мы стираем заодно такие родственные импульсы, как радость, любовь и восторг, это – справедливая жертва!..»

Всякое искусство (живопись, музыка, поэзия), способное подпитывать чувства, здесь под запретом; лица, виновные в эмоциональном преступлении (отказ от приема прозиума, тайное хранение запрещенных «чувственных» вещей), – а таких лиц немало – после выяснения всех обстоятельств дела подлежат казни через сожжение, а в случае сопротивления при задержании уничтожаются прямо на месте. Как видим, ситуация парадоксальная: во имя мира ведется самая настоящая война с инакомыслящими.

При желании можно усмотреть у Лема и Виммера попытку лишить человека свободы выбора между добром и злом. В определенной системе ценностей это будет неприемлемо. Так, в фильме «Особое мнение» («Minority Report»; производство: США, 20th Century Fox / DreamWorks SKG, 2002; реж. Стивен Спилберг), снятом по одноименному рассказу Филиппа Дика (1956) [20], достаточно прямо говорится, что нужны такие способы борьбы с преступностью, которые не покушались бы на человеческую свободу. В фильме этой цели служит некий Отдел профилактики преступлений (Department of precrime), работа которого основывается на предвидении будущего тремя предсказателями. Обладателями такой способности они сделали случайно, после повреждения мозга новым низкокачественным наркотиком, однако их видения сбываются с поразительной точностью (им доступны лишь самые ужасные события повседневной жизни; в рассказе Дика – любые преступления). Переписав картинку намечающегося убийства из мозга спящих пророков, сотрудники Отдела отправляются на место будущего преступления и предотвращают его, арестовывая несостоявшегося злодея. «Сны» пророков при этом расцениваются как достаточная улика для обличения и последующего наказания (несмотря на то, что предупреждение злодеяния, по сути, не позволяет человеку стать реальным преступником!). Результат: отсутствие убийств на протяжении многих лет (хотя умыслы на насильственное лишение жизни и попытки осуществления умысла по-прежнему имеют место). Примечательно также, что в фильме показано будущее (2054 г.), где ведется просто тотальная слежка за людьми: расставленные повсеместно приборы почти непрерывно считывают показания с искусственной радужной оболочки глаз человека, на которой записаны все его «паспортные данные». Таким способом правоохранительные органы, пусть не всегда, но большую часть времени, знают, где находится то или иное лицо.

Есть в «Особом мнении» и сюжетный поворот, очень похожий на тот, о котором выше говорилось в связи с картиной «Эквилибриум»: главный создатель профилактики преступлений, ради того чтобы вся эта система заработала, в прошлом сам пошел на убийство. Он совершил ОДНО преступление в надежде, что от этого больше не будет НИ ОДНОГО. Это широко известная по роману Федора Михайловича Достоевского проблема: стоит ли высшая гармония слезинки ребенка? («Братья Карамазовы»)

В качестве дополнения, разъяснения (и отчасти возражения) хотелось бы отметить следующее. Если бы потенциальный преступник абсолютно точно

знал, что возмездие настигнет его неотвратимо, он не пошел бы на нарушение закона. Однако творения рук человеческих несовершенны. По крайней мере, так было до сих пор, и знание об этом заложено в человеке едва ли не на уровне наследственного вещества – оно у нас в крови. Поэтому ни тотальная слежка, ни какое-либо другое средство предупреждения злодеяний не убедят потенциального преступника в том, что у него нет никаких шансов уйти от возмездия. Даже сам изобретатель такого чудодейственного средства никогда не будет полностью уверен в его стопроцентной эффективности. Это означает нескончаемое и, по сути, порочное состязание преступника с правосудием: первый всегда будет искать способы остаться незамеченным, не наследить, укрыться от розыска, бежать из-под стражи, будучи уже пойманным, подкупить судей и т.д. Отсюда следует, что единственный путь положить конец преступности – подавить в человеке само желание нарушать правопорядок (или сделать его нарушение *физически/физиологически* невозможным – когда некое лицо, даже и желая зла, не сможет его осуществить). Это возвращает нас к упоминавшемуся «Возвращению со звезд» Станислава Лема, к его же роману «Осмотр на месте», а также и к другим произведениям жанра научной фантастики, речь о которых пойдет далее. Что же касается «будущего Дика – Спилберга» («Особое мнение»), то оно, очевидно, не сможет полностью освободиться от попыток совершения убийства; и какие-то из этих попыток по причине несовершенства системы профилактики все-таки увенчаются «успехом».

В романе «Осмотр на месте» (1982) Лем описывает далекую планету, разумные обитатели которой создали так называемую этикосферу (видимо, по аналогии с ноосферой), другое название – облагороженная среда. Все вещество на поверхности планеты насыщено особыми элементами, меньше бактерий и вирусов по размерам, которые не являются какими-то механическими устройствами, а значит, не изнашиваются, работают безотказно (поскольку, в сущности, это природные образования, как, например, атомы), а питаются гравитацией, поэтому источник энергии у них практически неиссякаемый (хотя, конечно, это вызывает постепенное торможение движения планеты). Они реагируют на биохимические изменения в организме личности, возникающие от недобрых намерений, и в соответствии с характером угрозы начинают управлять окружающими телами, которые тоже перестроены – теперь это потоки элементарных частиц, которые очень быстро движутся по нужным траекториям, создавая видимость соответствующего предмета. Например, они разрушают любое орудие убийства или насилия прямо в руках человека, когда тот уже приступает к исполнению своего злого умысла, а при отсутствии орудия могут, например, сделать твердой прежде мягкую одежду, так что потенциальный преступник на время лишится возможности двигаться. Или поверхность, на которой он стоит, станет настолько скользкой, что на ней нельзя будет сохранить равновесие. И тому подобное [21]. Дальнейшие многочисленные подробности романа Лема опускаем.

Со своей стороны мы полагаем, что, во-первых, в способности к убийству себе подобных можно усмотреть один из изъянов человеческой природы, а во-вторых, в качестве изъяна эта способность вполне может (и даже должна) подлежать искусственному устранению. Это, может быть, одна из самых неприятных для нашего самолюбия вещей: человек принадлежит к

группе видов, у которых нет внутреннего природного запрета на убийство сородичей! Между тем многие животные на такое не способны: соперничество между особями своего вида у них не доходит до кровавой развязки; особи показывают друг другу зубы, рога, когти, копыта, поднявшуюся дыбом шерсть, принимают угрожающий облик, издают враждебные звуки, но дальше этого дело не идет. Когда одна из особей не выдерживает накала соперничества, она показывает все тем же обликом, что сдается, а победитель, довольный собой, уходит – он не добивает побежденного! Но у человека не так: один отказывается сдаваться; другой, видя упорство противника, добивает его. Итогом является очень жестокая внутривидовая (именно внутривидовая!) борьба, которая раньше выливалась в местные войны, а в последние столетия – почти в общемировые. Аналога этому явлению в животном мире не найти. И едва ли такое поведение человека можно объяснить перенаселением и недостатком средств к существованию: кровавые войны были неотъемлемой частью всей известной событийной истории человечества, т.е. последних 5,0–5,5 тыс. лет.

Переломить тенденцию путем постепенного перевоспитания людей на протяжении десятков и сотен поколений, вероятно, возможно. Другой путь – генетическая модификация (судя по всему, принудительная, что, конечно, несколько проблематично): в наследственную систему человека нужно встроить соответствующий ген «миролюбия», взятый у других видов. Это может быть небезопасно, как и почти любое человеческое начинание, но видеть здесь коварство, злой умысел, покушение на высший удел, вызов высшей воле или еще что-то в таком роде безосновательно. Как выразился один из первооткрывателей ДНК Джеймс Уотсон (Watson), «ни у кого не хватает духа произнести это вслух. Я хочу сказать, что если мы можем сделать человека лучше, зная, какие гены ему надо добавить, то почему мы не должны этого делать?» (цит. по: [22. С. 188]).

По сути, осуществление данного предложения будет исполнением того, что считал очень и очень желательным еще Аристотель: «...дружелюбные отношения – величайшее благо для государства (ведь при наличии этих отношений менее всего возможны раздоры)» [17. С. 408]. У Аристотеля можно найти даже нечто вроде противопоставления «дружба – закон (насилие)»: отношения между людьми могут строиться либо на том либо на другом, что, очевидно, и определяет их качество [17. С. 386]. Ясно, что один из столпов утопического общества – склонность человека в случае зарождения конфликта (спор, тяжба и т.д.) не столько наступать, якобы отстаивая свои «законные» права, сколько уступать. Но желания наступать не будет ни у кого – в итоге в утопии нет ни истцов, ни ответчиков. В настоящее время это кажется неосуществимым в силу еще одного свойства человеческого естества, тоже в свое время отмеченного Аристотелем: «...вожделения людей по природе беспредельны, а в удовлетворении этих вожделений и проходит жизнь большинства людей» [17. С. 422]. Ненасытность богатых и безвыходность положения бедных толкает их к одному и тому же – к воровству в самых разных его проявлениях. Поэтому можно говорить о том, что богатые и бедные ближе в своих частнособственнических порывах, чем может показаться на первый взгляд.

Таким образом, на пути утопии стоит то, в чем едины человек и зверь, – стремление жизни к неограниченному расширению области своего влияния.

Причем человек оказывается далеко не лучшим, не самым нравственным из зверей...

Утопии обычно показываются вне развития – в этом один из главных их недостатков. Писатель рисует картину такого общества, лучше которого уже не бывает, – так ему, по крайней мере, кажется. Любое изменение в этой ситуации будет уходом с «вершины», будет шагом вниз. Зачем же отказываться от идеала?..

Однако какое-то развитие утопии все-таки неизбежно. Возможным выходом из положения (и некоторым утешением) для всех утопистов может стать следующий: признать, что утопия достижима, но она не навсегда! Естественный ход вещей сметет даже самое лучшее приобретение человечества, и тогда утопия уйдет в прошлое, правда, с возможностью повторных возвращений – и всякий раз на новых уровнях. Совершенство будет эволюционировать, пусть даже это выглядит несколько абсурдным (но только на первый взгляд!), поскольку подрывает само понятие совершенства. Можно даже представить себе нечто вроде *revolution in paradise*, когда людям просто наскучит слишком спокойная и обеспеченная жизнь, когда на какое-то время верх снова возьмет природное стремление к соперничеству и борьбе. Можно допустить, что человек вообще не может не бунтовать против сущего, не способен удовлетвориться тем, что имеет, каким бы оно ни было, – в этом его нынешняя природа; здесь уместно будет ввести понятие «закон сохранения количества преступности»: когда будут сведены на нет преступления одного типа, станет больше других – в качестве возмещения.

Дело также в том, что сама утопия как литературный жанр, в котором находят отражение наши надежды, в высшей степени исторична: утопические проекты меняются вместе с порождающим их обществом. Современный цивилизованный человек не захочет жить ни в Каллиполисе, ни в Амауроте, ни в Городе Солнца. Его не устроит не только техническое оснащение древнегреческого и средневекового «рая» (оно, мягко говоря, скромное по нынешним меркам), но и его этические основы. Какую же утопию в таком случае мы должны начать строить – утопию Мора или Ефремова? Или, может быть, технологическую сингулярность Курцвейла, которая, вероятно, может расцениваться как последний на сегодня вариант утопического проекта?

Будет продолжать меняться и система права. Так, ушли в прошлое понятия «обида» и «месть», широко представленные в русских правдах (= законах) тысячелетней давности. Причем речь идет не о простой смене терминов при сохранении их содержания. Эти понятия, вследствие сдвигов в языке, в жизни вообще и в правосудии в частности лишь до некоторой степени похожи по смыслу на современные и точно так же не полностью соответствуют современным «преступлению» и «наказанию». Ушла в прошлое эпоха публичных, устрашающих казней (для России это в основном XVII–XVIII в.): повешение, отсечение головы, колесование, четвертование, закапывание живьем в землю, вливание в горло расплавленного металла и др. Применение пыток во время следствия само перешло в разряд преступлений. Сокращается степень неравенства людей перед законом. Исчезли законы о наказании за вырывание бороды, колдовство, за насильственное обращение в веру и т.п. [23, 24]. Вместе с тем появились преступления, которых совсем не знали предшествующие поколения (по большей части связанные с новыми видами

техники, например оружия). Изобретения далекого будущего, очевидно, способны произвести еще большие изменения. Так, открытие способов воскрешения мертвых, к работе над чем призывал всех русский философ Николай Федоров, лишит убийство (но не причинение телесных и душевных страданий!) всякого смысла. И тогда оно может вообще уйти из перечня значимых преступлений.

Выводы. Наши основные выводы предположительны, поскольку по большей части относятся к будущему, притом отдаленному (но все же не совершенно иному по сравнению с настоящим):

1. Однажды построенная утопия может быть и разрушена. Она не есть некое состояние, после обретения которого его уже нельзя утратить. Это означает, что создание утопии – только первый шаг, после чего она будет продолжать эволюционировать. Но отсюда же вытекает, что утопия уже могла быть на Земле в прошлом.

2. Трудно представить, какие причины могли бы привести большие общества (с многомиллиардным населением) к полному культурному единству. Поэтому глобальная утопия, будь она достигнута, скорее всего, окажется внутренне неоднородной, многоукладной; отдельные ее части могут даже заметно отличаться по «степени утопичности».

3. Утопия держится не столько на писанных законах, сколько на добропорядочности граждан, которая является либо следствием их природы, либо воспитания, либо того и другого.

4. Общества будущего едва ли будут такими маленькими, чтобы все составляющие их люди были лично знакомы и могли установить между собой дружеские отношения, которые и станут лучшей гарантией невозникновения любых конфликтов. Поэтому, повторим, весьма велика вероятность того, что дружелюбие придется внедрять искусственно путем перестроения человеческой природы (например, через генетическую модификацию).

5. Ни на каком этапе построения или поддержания утопии нельзя будет добиться полного искоренения преступности. К этому не следует даже стремиться, поскольку данная задача потребует просто фантастической концентрации сил и еще более фантастического контроля (над людьми и над очень отдаленными последствиями поступков), контроля, переходящего в некую новую форму тоталитарности.

6. Вместе с тем сведение на нет числа умышленных убийств человека, случаев причинения ему телесных повреждений и воровства (которое усиливается от чрезмерного имущественного неравенства) в высшей степени желательно.

Отвечая тем, кто видит в утопии нечто изначально несбыточное, мы могли бы сказать так: нет смысла проектировать социальные изменения, которые сам же считаешь заведомо невозможными. Научная фантастика и утопия не сказка. Это разные жанры. Фантасты и утописты, пусть даже и не абсолютно все, считали свои варианты положительного будущего очень желательными и осуществимыми.

Список источников

1. Маркузе Г. Конец утопии // Логос. 2004. № 4. С. 18–23.
2. Манхейм К. Идеология и утопия // Избранное. Диагноз нашего времени. М. : Юрист, 1994. С. 7–276.

3. Шацкий Е. Утопия и традиция. М. : Прогресс, 1990. 456 с.
4. Лобовиков В.О. Криминология, история философии и дискретная математическая модель аксиологии преступной деятельности («По понятиям» ли мыслили и жили выдающиеся философы?) // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2015. Т. 15, вып. 4. С. 5–24.
5. Эпикур. Главные мысли // Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М. : Мысль, 1986. С. 406–411.
6. Гоббс Т. Левиафан // Сочинения : в 2 т. М. : Мысль, 1991. Т. 2. С. 3–545.
7. Ефремов И. Туманность Андромеды // Туманность Андромеды. Звездные корабли. М. : АСТ, 2015. С. 7–326.
8. Кампанелла Т. Город Солнца // Зарубежная фантастическая проза прошлых веков. М. : Правда, 1989. С. 133–188.
9. Снегов С. Эксперимент профессора Брантинга // Посол без верительных грамот. М. : Дет. лит., 1977. С. 100–131.
10. Снегов С. Посол без верительных грамот. М. : Дет. лит., 1977. 384 с.
11. Снегов С. Люди как боги : в 2 т. М. : Центрполиграф, 1997.
12. Гуревич Г. Мы – из Солнечной системы. М. : Мысль, 1965. 416 с.
13. Мор Т. Золотая книга, столь же полезная, как забавная, о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопия // Зарубежная фантастическая проза прошлых веков. М. : Правда, 1989. С. 19–130.
14. Платон. Государство // Платон. Сочинения : в 4 т. М. : Мысль, 1990–1994. Т. 4. С. 79–420.
15. Исократ. Ареопагитик // Исократ. Речи. Письма. Малые аттические ораторы. Речи. М. : Ладомир, 2013. С. 132–148.
16. Мабли Г.Б. О законодательстве или принципы законов // Утопический социализм: хрестоматия. М. : Политиздат, 1982. С. 140–148.
17. Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения : в 4 т. М. : Мысль, 1975–1984. Т. 4. С. 375–644.
18. Лем С. Возвращение со звезд. М. : АСТ, 2015. 320 с.
19. Так говорил... Лем. М. : АСТ : АСТ МОСКВА : ХРАНИТЕЛЬ, 2005. 764 с.
20. Дик Ф. Особое мнение // Вспомнить все. М. : Эксмо, 2015. С. 744–775.
21. Лем С. Осмотр на месте // Из воспоминаний Ийона Тихого. М. : Книжная палата, 1990. С. 116–334.
22. Нейсбит Дж. Высокая технология, глубокая гуманность: Технологии и наши поиски смысла. М. : АСТ : Транзиткнига, 2005. 381 с.
23. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Ростов н/Д : Феникс, 1995. 640 с.
24. Кара-Мурза С.Г., Курицын В.М., Чибиряев С.А. История Государства и права России. М. : Былина, 2001. 528 с.

References

1. Marcuse, G. (2004) Konets utopii [The end of utopia]. *Logos*. 4. pp. 18–23.
2. Manheim, K. (1994) *Izbrannoe. Diagnost nashego vremeni* [Selected Works. The Diagnosis of Our Time]. Translated from German. Moscow: Yurist". pp. 7–276.
3. Shatskiy, E. (1990) *Utopiya i traditsiya* [Utopia and tradition]. Moscow: Progress.
4. Lobovikov, V.O. (2015) *Kriminologiya, istoriya filosofii i diskretnaya matematicheskaya model' aksiologii prestupnoy deyatel'nosti* ("Po ponyatiyam" li myslili i zhili vydayushchiesya filosofy?) [Criminology, the history of philosophy and a discrete mathematical model of the axiology of criminal activity ("Did outstanding philosophers think and live according to concepts?")]. *Nauchnyy ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk*. 15(4). pp. 5–24.
5. Epicurus. (1986) *Glavnye mysli* [Main Thoughts]. In: Losev, A.F. (ed.) *Diogen Laertskiy. O zhizni, ucheniyakh i izrecheniyakh znamenitkh filosofov* [Diogenes Laertes. On the life, teachings and sayings of famous philosophers]. Moscow: Mysl'. pp. 406–411.
6. Hobbes, T. (1991) *Sochineniya: v 2 t.* [Works: in 2 vols]. Vol. 2. Moscow: Mysl'. pp. 3–545.
7. Efremov, I. (2015) *Tumannost' Andromedy. Zvezdnye korabli* [The Andromeda Nebula. Starships]. Moscow: AST. pp. 7–326.
8. Campanella, T. (1989) *Gorod Solntsa* [The City of the Sun]. In: Semibratova, I. (ed.) *Zarubezhnaya fantasticheskaya proza proshlykh vekov* [Foreign imaginative fiction of past centuries]. Moscow: Pravda. pp. 133–188.

9. Snegov, S. (1977) *Posol bez veritel'nykh gramot* [Ambassador Without Credentials]. Moscow: Detskaya literatura. pp. 100–131.
10. Snegov, S. (1977) *Posol bez veritel'nykh gramot* [Ambassador Without Credentials]. Moscow: Detskaya literatura.
11. Snegov, S. (1997) *Lyudi kak bogi: v 2 t.* [People as gods: in 2 vols]. Moscow: ZAO Izdatel'stvo Tsentrpoligraf.
12. Gurevich, G. (1965) *My – iz Solnechnoy sistemy* [We are from the solar system]. Moscow: Mysl'.
13. More, T. (1989) *Zolotaya kniga, stol' zhe poleznaya, kak zabavnaya, o nailuchshem ustroystve gosudarstva i o novom ostrove Utopiya* [The Golden Book as useful as it is funny about the best structure of the state and a new island of Utopia]. In: Semibratova, I. (ed.) *Zarubezhnaya fantasticheskaya proza proshlykh vekov* [Foreign imaginative fiction of past centuries]. Moscow: Pravda. pp. 19–130.
14. Plato. (1990–1994) *Sochineniya: v 4 t.* [Works: in 4 vols]. Vol. 4. Moscow: Mysl'. pp. 79–420.
15. Isocrates. (2013) *Rechi. Pis'ma. Malye atticheskie oratory. Rechi* [Speeches. Letters. Small Attic speakers. Speeches]. Moscow: Ladomir. pp. 132–148.
16. Mably, G.B. (1982) *O zakonodatel'stve ili printsipy zakonov* [On legislation or the principles of laws]. In: Volodin, A.I. (ed.) *Utopicheskiy sotsializm* [Utopian Socialism]. Moscow: Politizdat. pp. 140–148.
17. Aristotle. (1975–1984) *Sochineniya: v 4 t.* [Works: in 4 vols]. Vol. 4. Moscow: Mysl'. pp. 375–644.
18. Lem, S. (2015) *Vozvrashchenie so zvezd* [Return from the stars]. Translated from Polish. Moscow: AST.
19. Drizgolovich, E.V. (ed.) (2005) *Tak govoril... Lem* [So spoke ... Lem]. Translated from Polish. Moscow: AST; KhRANITEL.
20. Dick, F. (2015) *Osoboe mnenie* [The Minority Report]. In: *Vspomnit' vse* [Recall everything]. Moscow: Eksmo. pp. 744–775.
21. Lem, S. (1990) *Iz vospominaniy Iyona Tikhogo* [From the memoirs of Iyon the Quiet]. Translated from Polish. Moscow: Knizhnaya palata. pp. 116–334.
22. Naisbit, J. (2005) *Vysokaya tekhnologiya, glubokaya gumannost': Tekhnologii i nashi poiski smysla* [High tech/high touch: Technology and our search for meaning]. Translated from English. Moscow: AST, Tranzitkniga.
23. Vladimirovskiy-Budanov, M.F. (1995) *Obzor istorii russkogo prava* [Overview of the History of Russian Law]. Rostov on the Don: Feniks.
24. Kara-Murza, S.G., Kuritsyn, V.M. & Chibiryayev, S.A. (2001) *Istoriya Gosudarstva i prava Rossii* [History of the State and Law of Russia]. Moscow: Bylina.

Сведения об авторе:

Долгих А.Ю. – кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии, социологии и философии Вятского государственного университета (ВятГУ) (Киров, Россия). E-mail: regis-iii@rambler.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.Yu. Dolgikh, Cand. Sci. (Philosophy), associate professor, Department of Cultural Studies, Sociology and Philosophy, Vyatka State University (Kirov, Russian Federation). E-mail: regis-iii@rambler.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 20.09.2021;
одобрена после рецензирования 28.03.2023; принята к публикации 20.04.2023
The article was submitted 20.09.2021;
approved after reviewing 28.03.2023; accepted for publication 20.04.2023*

Научная статья

УДК 101.1:316

doi: 10.17223/1998863X/72/10

ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ ПОСТПАМЯТИ: МЕЖДУ ИНДИВИДУАЛЬНЫМ ТРАВМАТИЧЕСКИМ ОПЫТОМ И МЕДИАСТРАТЕГИЕЙ

Андрей Геннадиевич Иванов

*Саратовский национальный исследовательский государственный университет,
Саратов, Россия*

*Липецкий государственный технический университет, Липецк, Россия,
agivanov2@yandex.ru*

Аннотация. Анализируется предложенный М. Хирш термин «постпамять» в контексте как индивидуального травматического опыта, так и символической политики. Ключевая роль в работе постпамяти принадлежит акторам, сознательно и неосознанно транслирующим культурную информацию, используя имеющиеся медиа. Делается вывод, что постпамять обладает большим объяснительным потенциалом, способна в новом ракурсе представить, например, советское прошлое.

Ключевые слова: постпамять, травма, медиа, работа над мифом

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 22-18-00153, «Образ СССР в исторической памяти: исследование медиастратегий воспроизводства представлений о прошлом в России и зарубежных странах».

Для цитирования: Иванов А.Г. Характеристика работы постпамяти: между индивидуальным травматическим опытом и медиастратегией // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 72. С. 109–121. doi: 10.17223/1998863X/72/10

Original article

CHARACTERISTICS OF THE WORK OF POSTMEMORY: BETWEEN INDIVIDUAL TRAUMATIC EXPERIENCE AND MEDIA STRATEGY

Andrey G. Ivanov

Saratov State University, Saratov, Russian Federation

Lipetsk State Technical University, Lipetsk, Russian Federation, agivanov2@yandex.ru

Abstract. The term “postmemory” proposed by Marianne Hirsch is considered in a broad context – from individual traumatic experience to the media strategy of interaction with the past. The essential characteristic of postmemory work is the mediated, indirect nature of the impact. Postmemory has different dimensions – affiliation, connective – but the dynamics of its work depends on the degree of involvement in the trauma and the influence of mediators. Intermediaries deliberately broadcast cultural information using existing institutions and tools – from education to media. But in the work of postmemory there is always a place for something unconscious, everyday, which brings it closer, respectively, to “work on myth” and public history. The work of postmemory is part of symbolic politics as a collective action, the model of which is determined by the configuration and taking into account the opinions of mnemonic actors. At the same time, all significant discourses are concentrated

around “mythocontent phenomena” (for example, a hero, a sacrifice) that act as a basis for media strategies, which the work of postmemory claims to be in the conditions of an iconic turn. The author notes that the iconic turn, focusing on a wide range of images (both temporal and spatial, and more concretized – individual material objects, personalities) played an important role in the conceptualization of postmemory: the images generated by the media moved to the level of agents in the field of memory, indirectly influencing memories. Although the concept of postmemory arose in the context of understanding the consequences of the Holocaust, the term “postmemory” itself has great heuristic potential and, in particular, is applicable to studies of the period of the existence of the USSR. A vivid illustration of the work of postmemory in the case of the Soviet past is Leonid Parfyonov’s project *Namedni*, which reanimates distant mythologized layers of memory and connects them with modern personal images of the USSR, thereby institutionalizing the postmemory of the Soviet Union, at least in the aesthetic and political spheres.

Keywords: postmemory, trauma, media, work on myth

Acknowledgments: The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 22-18-00153.

For citation: Ivanov, A.G. (2023) Characteristics of the work of postmemory: between individual traumatic experience and media strategy. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 72. pp. 109–121. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/72/10

Введение

В последнее время феномен постпамяти занял прочное место в поле memory studies. Исследования постпамяти связаны с работой М. Хирш, которая вывела данный термин «на основании своих собственных „автобиографических исследований“ работ писателей и художников, принадлежащих ко „второму поколению“» [1. С. 20] и отмечала, что «связь постпамяти с прошлым в действительности опосредована не воспоминаниями, но работой воображения, проекцией и творчеством» [1. С. 22]. Постпамять М. Хирш [1] определяла, прежде всего, как отношение последующих поколений к личным, коллективным, культурным травмам, к изменениям, которым подверглось предыдущее поколение, формирующееся посредством историй, образов, поведения представителей предыдущего поколения, но не личного, непосредственного опыта.

Идея статьи заключается в том, чтобы продемонстрировать, что предложенный Марианной Хирш научной общественности концепт «постпамять» является на современном этапе довольно актуальным и обладает гораздо большим эвристическим потенциалом, чем, возможно, предполагала сама автор: применим для востребованных сегодня исследований травм (trauma studies), символической политики (symbolic politics), вписывается в иконический поворот в науках о культуре (iconic turn), иллюстрирует явление публичной истории (public history), подтверждает ряд идей акторно-сетевой теории Б. Латура. При этом подход М. Хирш релевантен и для оптики традиционных социально-философских категорий – уровни общественного сознания, коллективное бессознательное. Более того, показана конвергенция интуиций М. Хирш в контексте исследований работы постпамяти и наработок современных авторов, изучающих на практике так называемую работу над мифом (work on myth) – К. Боттичи, Ш. Бергер, Д. Белл, что обогащает соответствующие направления исследований.

Постпамять как трансляция травматического опыта

Следует заметить, что постпамять как концепт, в свою очередь, оказывается связанной с одним из ключевых для исследователей памяти понятием травмы: «...постпамять – не движение, не метод и не идея. Мне она видится скорее структурой меж- и транспоколенческого возвращения травматического знания и воплощенного опыта. Она есть последствие травматического воспоминания, но (в отличие от посттравматического расстройства) отстоящее на расстояние поколения» [1. С. 23]. Травма здесь выступает в качестве своеобразного маркера, и для иллюстрации степени вовлеченности постпамяти в травматический опыт М. Хирш прибегает к использованному в романе Т. Моррисон «Возлюбленная» [2] выражению «вос-память» (gemetogy): «Рассказы о передаче травматического опыта, на которых я сосредоточиваюсь в этой книге, располагаются в диапазоне между тем, что Моррисон назвала „вос-памятью“ (gemetogy), и тем, что я определяю как „постпамять“. В первом случае речь идет о памяти, которая, будучи сообщена посредством телесных симптомов, становится формой повторения и воспроизведения, во втором – о памяти, работающей через многочисленные не прямые механизмы опосредования. Однако внутри глубоко личного семейного пространства передачи опыта от матери к дочери постпамять всегда рискует соскользнуть в вос-память, воспроизводство травмы и ее повторение» [1. С. 132].

Работа постпамяти: посредники, аффилиация, коннективность

Для работы постпамяти важны посредники, в роли которых выступают самые разные акторы (медиаторы) – от отдельных художников, журналистов и т.п. до крупных медиакорпораций, государственных структур, а также используемые ими средства (фотографии, рисунки, кинематографическая продукция и т.п.). Эти медиаторы способны стать агентами алло-идентификации (аффилиативной постпамяти) или «аффилиативными суррогатными свидетелями». Например, в случае, когда такая записанная память, как фотография, оказывается связующим звеном при передаче между памятью и постпамятью, расширяющим семейный контекст, а художник становится еще одним зрителем и слушателем, способным принять, услышать рассказываемые истории и передать их дальше, включившись в семейные связи и отношения взглядов, которые он наполняет смыслом. В итоге благодаря непрямоту, внесемейному присутствию художник может стать агентом алло-идентификации или аффилиативной постпамяти, создавая исторический зазор, не позволяющий передаче семейного опыта стать инкорпорирующей вос-памятью [1. С. 152–153]. Так, в главе «Выжившие изображения» переход к аффилиативной памяти М. Хирш демонстрирует, описывая случай, когда известная сегодня американская писательница Элис Каплан, будучи школьницей, упорно обыскивали ящики стола своего отца (бывшего обвинителем на Нюрнбергском процессе, но умершего от сердечного приступа незадолго до описываемого эпизода), обнаруживала то, что он старательно прятал и настойчиво приобщала одноклассников к созерцанию увиденного ее отцом [1. С. 160–168], таким образом как бы объединяя представителей своего поколения в единую сеть.

Существует и коннективная работа памяти, пытающаяся соединить различные истории не ради размывания их специфики, но для обнаружения общих эстетических и политических стратегий, эмоций и эффектов, являющихся, в свою очередь, частями глобального пространства воспоминания, включающего пересекающиеся истории. При этом каждый из этих проектов сам по себе включен в коннективные мемориальные и политические стратегии, дающие неожиданные пересечения локальных сюжетов [1. С. 330].

Таким образом, постпамять в понимании М. Хирш может иметь разные оттенки – аффилиативный, коннективный, но сущностной характеристикой ее работы является непрямой, опосредованный характер воздействия.

Линия «осознанное – неосознанное»

Посредники постпамяти транслируют, конечно, осознанный и соответствующим образом оформленный опыт предыдущих поколений, но между тем в постпамяти есть и недоступные осмыслению вещи: «Картинки, отпечатанные в нашем сознании, тропы и конструкции, которые мы переносим из настоящего в прошлое, в надежде найти их там, чтобы получить ответы на наши вопросы, могут оказаться экранирующими воспоминаниями – экранами, на которые мы проецируем наши сегодняшние, или же вневременные, нужды и желания и которые, таким образом, скрывают от нас другие изображения и другие, еще не продуманные или вовсе недоступные осмыслению заботы» [1. С. 81].

Отметим, что соотношение по линии «осознанное – неосознанное» оказывается важным при характеристике процессов трансляции информации в случае с повседневной мифологией семейной памяти [3], так как позволяет отделять сознательную «работу над мифом» (в процессе которой также выделяются производители (нарраторы) и получатели (слушатели), способные выступить и в роли ре-нарраторов), испытывающую влияние доминирующих нарративов, от спонтанных и неосознанных отсылок к мифу. Если в первом случае мы имеем дело с определенным комплексом семейных мифов, передаваемых из поколения в поколение, то во втором случае рассказчик истории своей семьи оказывается окутанным сетью символов, каждый из которых имеет особое значение для семейной истории, отсылает к семейным тайнам и преданиям. Неявные отсылки к мифу в рассказах происходят спонтанно и принимают абсолютно любые формы – от эмоционально окрашенных фрагментов нарратива до многозначительного молчания, сигнализирующего об отсутствии какого-то важного элемента цепи событий (что также является подтверждением незавершенности и несформированности, в конечном счете, неосознанности сюжетной линии мифа) [3. С. 61].

Кроме того, и у исследователей культурных травм также выделяются модели понимания травмы, предполагающие, соответственно, рациональный ответ и неосознанные действия (например, версия «философии Просвещения» и «психоаналитическая» версия популярной теории травмы у Дж. Александера [4]).

Также следует вспомнить М. Хальбвакса [5], по мнению которого коллективная память всегда опосредована сложными механизмами как сознательного манипулирования со стороны элит, так и неосознанного усвоения ее членами определенного сообщества.

Как видим, линия «осознанное – неосознанное» оказывается существенной характеристикой не только работы постпамяти, но и многих других механизмов передачи культурной информации. Другое дело, что в фокусе внимания большинства акторов и, прежде всего, государства находятся очевидные и, так сказать, пропущенные через коллективное сознание вещи, учитывающие интересы различных социальных групп.

Идеологический и обыденный уровни трансляции постпамяти

Обращение к интересам не только элит позволяет рассматривать работу постпамяти в контексте символической политики как коллективного действия. Так, определяя символическую политику как «публичную деятельность, связанную с производством различных способов интерпретации социальной реальности и борьбой за их доминирование» [6. С. 31], известный исследователь О.Ю. Малинова стремится показать, что для понимания механизмов символической политики необходимо учитывать взаимодействие широкого круга акторов. Сама же символическая политика в такой интерпретации включает в себя и политическое использование прошлого, и политику памяти, и историческую политику. Это важное пояснение О.Ю. Малиновой дает возможность для включения соответствующих исследовательских полей в единое пространство понимания памяти.

Понятное дело, что акторы, которые участвуют в широком понимании в символической политике, а в частности – в политике памяти, в исторической политике, в работе постпамяти, придают значение далеко не всем событиям, наделяют особым смыслом не все явления и процессы. Это предположение экстраполируется и на более абстрактный уровень обобщения. Так, О.Ю. Малинова подчеркивает, что политика работает не со всем репертуаром знания о прошлом, а с его актуализированной версией, т.е. «репертуаром исторических событий, фигур и символов, которые наделяются смыслами, в той или иной мере значимыми для современных политических и культурных практик» [7. С. 9].

Один из ключевых, на наш взгляд, вопросов, связанных с памятью, в том числе и с постпамятью, состоит в том, кому (каким акторам – исследователям, должностным лицам, институтам и т.п.) будут даны полномочия определять (выбирать, отбирать), что именно по истечению определенного времени должно быть сохранено и поддержано, а что может быть предано забвению. Именно поэтому, учитывая, что «вспоминание прошлого, особенно коллективное – это всегда политический процесс» [8. Р. 3], важно обратиться к идеологическому уровню общественного сознания.

Что касается обыденного, повседневного уровня, то здесь в последнее время обращают на себя внимание исследования феномена «public history» (публичная история) как следствия общественного интереса к переосмыслению прошлого, когда история выносится за рамки академических кругов и артикулируется в практиках публичных репрезентаций, медийных проектов, далеко не всегда иницируемых и реализуемых профессиональными историками. Так, многочисленные выставки, рисунки и другие способы передачи памяти о Холокосте, описываемые М. Хирш [1], вполне укладываются в практики «public history».

И. Калинин [9] приводит интересные сравнения между исторической политикой и публичной историей как альтернативными проектами взаимодействия с историческим прошлым. Базовым расхождением, по его мнению, является понимание политического как такового: в случае с исторической политикой возникает этатистская концепция политического, в случае с публичной историей политическое оказывается открытым и напряженным пространством, которое постоянно перераспределяется между различными позициями и коллективными субъектами, вступающими в коммуникацию друг с другом.

Модальности коммуникации по поводу общей памяти являются определяющими для содержания публичной истории. С одной стороны, «драйверами» коллективной памяти субъекты выступают с разной степенью интенсивности. С другой стороны, память все чаще понимается «как непрерывный процесс воспоминания и забвения, в котором индивиды и группы продолжают реконфигурацию своих отношений с прошлым и тем самым репозиционируют себя относительно существующих и заново возникающих мест памяти» [10].

Последнее обстоятельство заставляет обратиться к идеям акторно-сетевой теории, апологеты которой исходят из того, что отнесение себя к той или иной группе является постоянно идущим процессом, состоящим из неопределенных, хрупких, противоречащих и постоянно меняющихся связей [11. С. 43].

Следует заметить, что акторно-ориентированный подход лежал в основе сравнительного исследования коммемораций 20-летних годовщин падения коммунистических режимов в Восточной Европе под руководством М. Бернхарда и Я. Кубика. Участники данного проекта сосредоточились на выявлении типов мнемонических режимов, складывавшихся по поводу коммеморируемого события. Согласно их теории, мнемонический режим, т.е. «доминирующая модель политики памяти, которая существует в данном обществе в данный момент в отношении конкретного исторического события или процесса, имеющего важные последствия» [8. Р. 4], определяется конфигурацией мнемонических акторов.

Вывод на арену мнемонических акторов лишний раз подчеркивает значимость исследовательского поля «public history».

Для нас поле «public history» представляет особый интерес, так как «выход» на «постпамять» происходит через публичную историю, формируемую акторами и их конфигурациями, и лишь затем подключаются государственные институты, индустрия медиа и другие ключевые социальные институты. То есть когда родители рассказывают детям о хорошей жизни в Советском Союзе или когда выжившие узники концлагерей рассказывают об пережитых ужасах – это обыденный уровень трансляции постпамяти. А когда, например, средства массовой коммуникации, имеющие государственную аккредитацию, в прайм-тайм показывают советские фильмы, воспевающие или романтизирующие советское прошлое, или когда устраиваются выставки рисунков детей, уцелевших в лагерях смерти, а книги о Холокосте получают литературные премии – это идеологический уровень соответствующей трансляции.

«Работа постпамяти» и «работа над мифом»: общее и особенное

Выделение и сохранение значимых событий, явлений есть ключевая составляющая так называемой работы над мифом и в целом ситуационного подхода (interrelational approach) к мифу. Предложившая такой подход К. Боттичи понимала миф, прежде всего, как процесс работы над чем-то, имеющим значение (significance) в определенных условиях места и времени для конкретной социальной группы: «...мифы всегда ситуативны и поэтому всегда должны пересказываться с точки зрения настоящего времени» [12. Р. 129].

Очевидным образом возникает вопрос о роли, которую миф и память играют в конструировании современных сообществ. Таким вопросом задаются авторы тематического сборника «Миф и память в построении общества. Исторические закономерности в Европе и за ее пределами», предполагающие, что миф и память объединяют сообщество и формируют его идентичность таким образом, чтобы придать ему необходимые пропорции: «Коллективная память возникает в рамках предоставляемых мифом матрицы или сюжета, которые акцентируются на определенных ценностях» [13. Р. 20].

Самое простое, что можно делать с этими коллективными мифологизированными представлениями, – переносить их в область национальных нарративов, чем, собственно, и занимаются ряд исследователей на Западе. В частности, Д. Белл предлагает термин «мифоландшафт» («mythscape»): «...сложное взаимопроникновение мифа и органической памяти (воспоминания) лучше всего можно представить в контексте „национального ландшафта“, который можно представить как дискурсивную сферу, образованную временными и пространственными измерениями, посредством которых мифы нации постоянно создаются, передаются, реконструируются и обсуждаются» [14. Р. 75]. А, например, Ш. Бергер использует термин «мифоистория» («mythistory») [15].

Сложнее обстоит дело с использованием категории мифа относительно многонациональных образований, существовавших в конкретные исторические периоды (например, в случае с Советским Союзом), прежде всего, ввиду неоднозначности используемых здесь таких дефиниций, как имперский миф, советский миф.

Однако так или иначе – и с национальными мифами, и с более широкими, глобальными мифами – «работа над мифом» является частным случаем работы постпамяти, в которой все выделенные исследователями значимые дискурсы концентрируются вокруг «мифоконтентных феноменов» (проявления социальной мифологии в жизни общества, факты общественной жизни, содержащие мифологическое наполнение в определенной мере; к ним относятся, например, жертва, герой [16. С. 35–47]).

Сравнивать «работу постпамяти» и «работу над мифом» позволяет именно механизм такой работы: все то же пересказывание, передача значимых историй. «Работа над мифом» имманентно присуща «работе постпамяти», усиливает ее. Сложно представить себе одно без другого. Ведь актер стремится поведать что-то особенно значимое, рассказать прежде всего то,

что имеет фундаментальное значение, то, что является мифом в понимании К. Боттичи, Х. Блюменберга.

Постпамять в контексте медиа и иконического поворота

Еще одним обстоятельством, делающим рассмотрение работы постпамяти чрезвычайно актуальным, является бурное развитие медиа, что необходимо учитывать в конгломерате разнородных нарративов.

Сегодня следует говорить о сосуществовании различных дискурсов о прошлом. Академический, политико-институциональный, популярный или повседневный, медийный и другие дискурсы сложно отделить друг от друга, тем более что они оказывают влияние друг на друга [17. Р. 4].

Возникает даже медиапамять как «виртуальный механизм воспроизводства воспоминаний в цифровой среде» [18. С. 80]. В самих же медиа выделяется социальное измерение, в котором сосуществуют два контекста: производство и распространение медиа-продукта, с одной стороны, и его рецепция и использование, которые могут происходить значительно позднее времени его создания и в принципиально других исторических условиях, – с другой [10]. Наличие такого рода контекстов механизмов функционирования медиа коррелирует, собственно, с «работой над мифом», которая также может обновляться в новых обстоятельствах посредством так называемой реокупации (Umbesetzung) мифа [19].

В таком разнообразии дискурсов мифоконтентные феномены выступают в качестве базиса для медиастратегий: нарративы зачастую оформляются во круг фигур героев, жертов.

В целом XX в. можно охарактеризовать как время профессионализации и институционализации культурной памяти при помощи различных медиа. Так, Дж. Гарде-Хансен, обращаясь к рассмотрению роли различных институтов, замечает, что медиа как запись событий и как запись прошлого «...являются движущей силой институтов памяти – от новостных корпораций, газет и новостных вещателей до музеев, индустрии наследия и архивов. Они также формируют основу киноиндустрии, когда производство сосредоточено на истории, документальном кино и реконструкции» [20. Р. 52]. Все эти форматы медиа сегодня самым существенным образом влияют на формирование памяти, а отдельные институты претендуют на доминирующую роль. Например, активная деятельность Российского военно-исторического общества (создано в целях консолидации сил государства и общества в изучении военно-исторического прошлого России, содействия изучению отечественной военной истории и противодействия попыткам ее искажения, обеспечения популяризации достижений военно-исторической науки, воспитания патриотизма и поднятия престижа военной службы) заставила С.А. Еремееву назвать его не игроком на поле памяти, а «торговцем на рынке памяти» [21. С. 22–23]. Российское военно-историческое общество, конечно, занимается историей, но в определенной мере, выступает и в роли того самого мнемонического актора, провоцирующего работу постпамяти, поколенческие воспоминания.

Учитывая непрямой, опосредованный характер воздействия при работе постпамяти, разнообразные медиа важны не только как простой посредник,

генерирующий образы, но также и как самостоятельный агент на поле памяти. В этой связи симптоматичным оказывается иконический поворот, в котором образы перемещаются на уровень методологических установок и «начинают рассматриваться как медиумы познания и аналитические категории» [22. С. 418]; и далее: «Иконический поворот, тем самым, приписывает образам вполне явный познавательный-теоретический статус, статус „иконических эпистем“, медиумов объяснения, равно как и „образных актов“, конституирующих когнитивные процессы, например формирующих воспоминания или производящих мифы» [22. С. 421].

Медиаобразы характеризуются как одновременностью события, образа и восприятия, но также медиальной постановочностью и манипуляцией, что позволяет говорить о значимой идеологической составляющей в трансляции этих образов. Сама же работа постпамяти в контексте иконического поворота претендует на статус оригинальной медиастратегии.

Возможно, предтечей иконического поворота стало произведение Р. Барта «Camera lucida. Комментарий к фотографии» [23], в котором центральное место отводилось понятиям «studium» (замысел фотографирующего) и «punctum» (продукт индивидуальной работы рассматривающего фотографию) как двум составным частям фотографии, совместное присутствие которых и вызывает особый интерес к конкретному фотоснимку. Не случайно М. Хирш обращается к бартовскому «punctum», правда, понимая его также и в темпоральном аспекте – как несоответствие или несоизмеримость значения данного конкретного опыта, предмета или изображения тогда и того, что оно содержит сейчас. М. Хирш заключает, что «визуальный образ – одновременно средство передачи чувственной памяти и иллюстрация этого процесса» [1. С. 143].

Современные медиа и иконический поворот в науках о культуре выводят постпамять на новый уровень, делая – посредством цифровых технологий – образы яркими, запоминающимися, активно влияющими на результат восприятия, а также предоставляя транслируемым образам возможность быть самодостаточными агентами постпамяти.

Расширение поля трансляции постпамяти: советское прошлое

И, наконец, необходимо добавить ключевую сущностную характеристику постпамяти – поколенческий лаг, что, собственно, и составляет специфику ее работы. При этом отдельной темой для дискуссии является вопрос о классификации поколений, к которым могут быть отнесены заинтересованные стороны. Так, можно учитывать не только поколение 2.0, но и о поколение 1,5 (к нему относятся те, кто пережил коммеморируемое событие в детстве), которое также способно быть агентом постпамяти.

Хотя понятие постпамяти возникло в контексте осмысления последствий Холокоста, сам термин «постпамять» обладает гораздо большим эвристическим потенциалом и, в частности, применим для исследований периода жизни Советского Союза. Существование и распад СССР, образ этого государства оказали колоссальное влияние на идентичность россиян, сопоставимое с воздействием в свое время Холокоста на идентичность как евреев, так и немцев.

Анализируя феномен постпамяти, М. Хирш отмечала, что для ее работы необходимы посредники-медиаторы, функции которых могут выполнять как отдельные индивиды, так и медиаструктуры или социальные институты [1. С. 24]. В качестве примера такого медиатора, представляющего также рефлексующий тип ностальгии, можно привести интернет-проект Л. Парфенова «Намедни», который является яркой иллюстрацией работы постпамяти в случае с советским прошлым. Проект Парфенова расширяет дискуссию и о феномене постпамяти за счет использования большинства выделенных характерных черт последней, но также и использования техник, обогащающих работу постпамяти. К таким техникам следует отнести объектализацию [24] как демонстрацию советского опыта через материальные элементы, так и последовательное рассмотрение заявленных в слогане проекта «События, люди, явления. То, без чего нас невозможно представить, еще труднее – понять», соответственно, событий, людей и явлений [25]. Проект «Намедни» запускает работу постпамяти, реанимируя далекие мифологизированные пласты памяти и соединяя их с современными личными образами СССР, что институционализирует постпамять о Советском Союзе, как минимум, в эстетической и политической сферах. Это соотносится с центральным тезисом книги М. Хирш, что работа постпамяти «способна заново активировать и заново воплотить более отдаленные политические и культурные пласты памяти, соединив их с живыми частными и семейными формами опосредования и эстетического выражения» [1. С. 66].

Заключение

Знакомство с феноменом постпамяти привело к ряду промежуточных выводов. Работа постпамяти, как правило, инспирируется травматическим опытом субъекта при поддержке медиа – от отдельных журналистов до государственных структур, – которые выступают в качестве агентов аллоидентификации или аффилиативной постпамяти, провоцируя также и коннективное направление работы постпамяти. В процессе практик постпамяти, осуществляющихся как на идеологическом, так и на обыденном уровне, неизбежно возникают недоступные осмыслению вещи, в связи с чем уместно выделять неосознанное усвоение информации. Работа постпамяти является частью символической политики как коллективного действия, модель которой определяется конфигурацией и учетом мнения мнемонических акторов, а механизмы коррелятивны с «работой над мифом». Важную роль для концептуализации постпамяти сыграл иконический поворот, акцентирующий внимание на широком диапазоне образов, как временных и пространственных, так и более конкретизированных – отдельные материальные объекты, личности, выводя работу постпамяти до масштаба самостоятельной медиастратегии. Проекты осмысления неоднозначного и травматичного прошлого (например периода существования СССР), рассмотренные с позиций работы постпамяти, обнаруживают новые оттенки, но также расширяют и сам концепт «постпамять».

Список источников

1. Хирш М. Поколение постпамяти: Письмо и визуальная культура после Холокоста. М. : Новое издательство, 2021. 428 с.

2. Моррисон Т. Возлюбленная. М. : Иностранка, 2005. 446 с.
3. Иванов А.Г. «Работа над мифом». Уровень – семья // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2021. № 2 (56). С. 58–67.
4. Александер Дж. Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. 2012. № 3. С. 5–40.
5. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М. : Новое издательство, 2021. 346 с.
6. Малинова О.Ю. Политика памяти как область символической политики // Методологические вопросы изучения политики памяти : сб. науч. тр. / отв. ред. А.И. Миллер, Д.В. Ефременко. М. ; СПб. : Нестор-История, 2018. С. 27–53.
7. Малинова О.Ю. Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: возможности сравнительного анализа // Полития. 2017. № 4. С. 6–22.
8. Bernhard M., Kubik J. Introduction // Twenty Years after Communism. The Politics of Memory and Commemoration / ed. by M. Bernhard, J. Kubik. Oxford : Oxford University Press, 2014. P. 1–6.
9. Калинин И. Историческая политика // Все в прошлом. Теория и практика публичной истории / под. ред. А. Завадского, В. Дубиной. М. : Новое издательство, 2021. С. 355–375.
10. Erlil A., Rigney A. Introduction: Cultural Memory and its Dynamics // Mediation, Remediation, and the Dynamics of Cultural Memory / ed. by A. Erlil, A. Rigney. Berlin ; New York : De Gruyter, 2009. P. 1–14.
11. Латур Б. Пересборка социального: Введение в акторно-сетевую теорию. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 384 с.
12. Bottici C. A Philosophy of Political Myth. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 286 p.
13. Strath B. Introduction. Myth, Memory and History in the Construction of Community // Myth and Memory in the Construction of Community. Historical Patterns in Europe and Beyond (Series Multiple Europes. No. 9) / ed. by B. Strath. Brussels : P.I.E. Peter Lang, 2000. P. 19–46.
14. Bell D.C.A. Mythscapes: Memory, Mythology, and National Identity // British Journal of Sociology. 2003. № 54, is. 1 (March 2003). P. 63–81.
15. Berger S. On the Role of Myths and History in the Construction of National Identity in Modern Europe // European History Quarterly. 2009. Vol. 39 (3). P. 490–502.
16. Иванов А.Г. Система современной социальной мифологии. СПб. : Алетея, 2019. 182 с.
17. Pakier M., Strath B. Introduction. A European Memory? // A European Memory? Contested Histories and Politics of Remembrance / ed. by M. Pakier, B. Strath. New York ; Oxford : Berghahn Books, 2010. P. 1–20.
18. Артамонов Д.С. Медиапамять: теоретический аспект // Galactica Media. 2022. № 2. С. 65–83.
19. Blumenberg H. Work on Myth. Cambridge, MA : MIT Press, 1985. 685 p.
20. Garde-Hansen J. Media and Memory. Edinburgh : Edinburgh University Press, 2011. 174 p.
21. Еремеева С.А. Память: поле битвы или поле жатвы? М. : Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2021. 360 с.
22. Бахманн-Медик Д. Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре. М. : Новое лит. обозрение, 2017. 504 с.
23. Барт П. Camera lucida. Комментарий к фотографии. М. : Ad Marginem, 2016. 267 с.
24. Ушакин С.А. Разложение тотальности: объектализация позднего социализма в постсоветских биоэпиках // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2013. № 3 (89). С. 221–258.
25. Абрамов Р.Н., Чистякова А.А. Ностальгические репрезентации позднего советского периода в медиапроектах Л. Парфенова: по волнам коллективной памяти // Культурная память. 2012. № 1 (6). С. 52–58.

References

1. Hirsch, M. (2021) *Pokolenie postpamyati. Pis'mo i vizual'naya kul'tura posle Kholokosta* [The Generation of Postmemory. Writing and Visual Culture after the Holocaust]. Translated from English by N. Epple. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
2. Morrison, T. (2005) *Vozlyublennaya* [Beloved]. Translated from English by I. Togojeva. Moscow: Inostranka.
3. Ivanov, A.G. (2021) “Work on Myth”: The Family Level. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya – Tver State University Bulletin. Series. Philosophy*. 2. pp. 58–67. (In Russian).

4. Alexander, J. (2012) Kul'turnaya travma i kollektivnaya identichnost' [Cultural Trauma and Collective Identity]. *Sotsiologicheskii zhurnal*. 3. pp. 5–40.
5. Halbwachs, M. (2007) *Sotsial'nye ramki pamyati* [On Collective Memory]. Translated from French by S.N. Zenkin. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
6. Malinova, O.Yu. (2018) Politika pamyati kak oblast' simvolicheskoy politiki [Political Myth in the Structure of Modern Symbolic Politics]. In: Miller, A.I. & Efremenko, D.V. (eds) *Metodologicheskie voprosy izucheniya politiki pamyati* [Methodological Issues of Studying Memory Policy]. Moscow; Saint Petersburg: Nestor-Istoriya.
7. Malinova, O.Yu. (2017) The Commemoration of Historical Events as a Tool of Symbolic Politics: The Possibilities of Comparative Analysis. *Politiya – Politeia*. 4. pp. 6–22. (In Russian).
8. Bernhard, M. & Kubik, J. (2014) Introduction. In: Bernhard, M. & Kubik, J. (eds) *Twenty Years after Communism. The Politics of Memory and Commemoration*. Oxford: Oxford University Press.
9. Kalinin, I. (2021) Istoricheskaya politika [Historical Politics]. In: Zavadskiy, A. & Dubina, V. (eds) *Vse v proshlom. Teoriya i praktika publichnoy istorii* [Everything in the Past. Theory and Practice of Public History]. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
10. Erll, A. & Rigney, A. (2009) Introduction: Cultural Memory and its Dynamics. In: Erll, A. & Rigney, A. (eds) *Mediation, Remediation, and the Dynamics of Cultural Memory*. Berlin; New York: De Gruyter.
11. Latour, B. (2020) *Peresborka sotsial'nogo: Vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu* [Reassembling the Social. An Introduction to Actor-Network Theory]. Translated from English by I. Polonskaya. Moscow: HSE.
12. Bottici, C. (2007) *A Philosophy of Political Myth*. Cambridge: Cambridge University Press.
13. Strath, B. (2000) Introduction. Myth, Memory and History in the Construction of Community. In: Strath, B. (ed.) *Myth and Memory in the Construction of Community. Historical Patterns in Europe and Beyond*. Brussels: P.I.E. Peter Lang.
14. Bell, D.C.A. (2003) Mythscapes: Memory, Mythology, and National Identity. *British Journal of Sociology*. 54(1). pp. 63–81.
15. Berger, S. (2009) On the Role of Myths and History in the Construction of National Identity in Modern Europe. *European History Quarterly*. 39(3). pp. 490–502.
16. Ivanov, A.G. (2019) *Sistema sovremennoy sotsial'noy mifologii* [The System of Contemporary Social Mythology]. St. Petersburg: Aleteyya.
17. Pakier, M. & Strath, B. (2010) *A European Memory? Contested Histories and Politics of Remembrance*. New York; Oxford: Berghahn Books.
18. Artamonov, D.S. (2022) Media Memory: Theoretical Aspect. *Galactica Media*. 2. pp. 65–83. (In Russian).
19. Blumenberg, H. (1985) *Work on Myth*. Cambridge, MA: MIT Press.
20. Garde-Hansen, J. (2011) *Media and Memory*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
21. Eremeeva, S.A. (2021) *Pamyat': pole bitvy ili pole zhatvy?* [Memory: The Battlefield or the Harvest Field?]. Moscow: PANEPА, Delo.
22. Bachmann-Medick, D. (2017) *Kul'turnye povoroty. Novye orientiry v naukah o kul'ture* [Cultural Turns. New Orientations in the Study of Culture]. Translated from German by S. Tashkenov. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
23. Barthes, R. (2016) *Camera lucida. Kommentariy k fotografii* [Camera lucida: Reflections on Photography]. Translated from French by M. Ryklin. Moscow: Ad Marginem.
24. Oushakine, S.A. (2013) Totality Decomposed: Objectalizing Late Socialism in Post-Soviet Biochronicles. *Neprokosnovennyi zapas. Debaty o politike i kul'ture – NZ*. 3. pp. 221–258. (In Russian).
25. Abramov, R.N. & Chistyakova, A.A. (2012) Nostalgic Images of the Soviet's Recent Past: The Media Activism of Leonid Parfenov. *Kul'turnaya pamyat' – Cultural Memory*. 1. pp. 52–58. (In Russian).

Сведения об авторе:

Иванов А.Г. – доктор философских наук, доцент; ведущий научный сотрудник философского факультета Саратовского национального исследовательского государственного университета (Саратов, Россия); заведующий кафедрой философии Липецкого государственного технического университета (Липецк, Россия). E-mail: agivanov2@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Ivanov A.G. – Dr. Sci. (Philosophy), docent, leading research fellow, Faculty of Philosophy, Saratov State University (Saratov, Russia); head of the Department of Philosophy, Lipetsk State Technical University (Lipetsk, Russia). E-mail: agivanov2@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 01.08.2022;
одобрена после рецензирования 28.03.2023; принята к публикации 20.04.2023
The article was submitted 01.08.2022;
approved after reviewing 28.03.2023; accepted for publication 20.04.2023*

Научная статья

УДК 316.353

doi: 10.17223/1998863X/72/11

НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ И ПРИВАТИЗАЦИЯ КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ О КУЛЬТУРНЫХ ТРАВМАХ: СОЦИОФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ

Михаил Васильевич Мельников

*Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия,
melnikov@corp.nstu.ru*

Аннотация. Рассматриваются аспекты социологического изучения коллективной памяти о культурных травмах. Для изучения изменений, происходящих с этой памятью, применяется дихотомический подход. Содержание и направление изменений определяется как национализация и приватизация коллективной памяти. Доказывается, что главную роль по созданию, стабилизации и изменению коллективной памяти о культурных травмах играют изменяющиеся интересы государства.

Ключевые слова: коллективная память, культурная травма, национализация, приватизация

Для цитирования: Мельников М.В. Национализация и приватизация коллективной памяти о культурных травмах: социофилософские аспекты изучения // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 72. С. 122–130. doi: 10.17223/1998863X/72/11

Original article

NATIONALIZATION AND PRIVATIZATION OF THE COLLECTIVE MEMORY OF CULTURAL TRAUMA: SOCIO-PHILOSOPHICAL ASPECTS OF THE STUDY

Mikhail V. Melnikov

*Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russian Federation,
melnikov@corp.nstu.ru*

Abstract. Among the aspects of the sociological study of collective memory, the analysis of events that traumatize people's collective identity is of particular interest. When a society's experience of the pain of its collective trauma has a shocking effect on its identity, society perceives it as a cultural trauma. One aspect of the sociological study of the collective memory of horrific events and their traumatic effects is to consider the changes taking place with this memory in the directions of its nationalization and privatization. The nationalization of collective memory is its transformation from a memory belonging to individuals or groups to a memory belonging to representatives of all the groups that make up the nation. But this cannot be achieved without state support. The nationalization of memory is realized as the establishment and application of the state's monopoly right to reconstruct the past in such a way that memory strengthens the cohesion of the nation and the state, presents their relations with each other in a positive light for the state and prevents attempts to change the image of the past in an unfavorable way for the state. The reverse movement is the transformation of collective memory from memory belonging to members of all the groups that make up the nation to memory belonging to individual groups or individuals. Terminologically, the essence of the orientation of this opposite process to

nationalization can be defined as the privatization of collective memory. It occurs as a decrease in state control over it and an increase in control exercised by representatives of particular groups or individuals. Also the privatization of collective memory is carried out as a limitation of the general openness and accessibility of information, as well as the frequency of mention of events that occupy a certain place in cultural memory. The privatization of collective memory can be exercised as a restriction on the ability to disseminate information about events that might traumatize the collective memory of the nation and invite criticism of the state or the elite that failed to prevent them. The state's privatization of the memory of cultural trauma and the pressure on groups interested in its nationalization causes members of the latter to also privatize the memory of trauma and not hand over private documents of traumatic events to state archives for the fear of a state ban on their study.

Keywords: collective memory, cultural trauma, nationalization, privatization

For citation: Melnikov, M.V. (2023) Nationalization and privatization of the collective memory of cultural trauma: socio-philosophical aspects of the study. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 72. pp. 122–130. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/72/11

Происходящие в последние годы драматичные изменения в отношениях ряда стран представляют собой пример, указывающий на актуальность научного изучения событий, серьезно влияющих на коллективную память обществ и способных оказывать на нее травмирующее воздействие. Актуальность их изучения очевидна и по отношению к социологии. Первичную социологическую концептуализацию термина «коллективная память» выполнил М. Хальбвакс. В работе «Социальные рамки памяти» он рассматривает память человека, с одной стороны, как индивидуальную память, зависящую от личного темперамента и уникальных жизненных обстоятельств. С другой стороны, память индивида зависит от его окружения, главным образом группы, членом которой он является, и представляет собой отдельный аспект ее коллективной памяти [1. С. 29]. В книге «Коллективная память» Хальбвакс отметил, что у коллективной памяти могут быть как более тесные, так и более широкие границы. Последние характерны для нации как наиболее обширной социальной группы [2. С. 36]. В национальной памяти (*la mémoire de nation*) имеют место события национального масштаба, которые изменяют социальные институты и жизнь каждого человека, принадлежащего к нации. К таким событиям можно отнести революции, смерть выдающихся людей, и те, с которыми связаны хранимые народом традиции.

Исследования Хальбвакса положили начало развитию социологической концептуализации памяти. Согласно П. Джедловски, социология памяти начала систематически развиваться в 1980-е гг. Джедловски выделил три направления исследований в рамках социологии памяти: 1) социальные аспекты индивидуальной памяти; 2) коллективную память; 3) культуральные аттитюды по отношению к памяти [3. Р. 30]. В рамках изучения коллективной памяти Джедловски отметил, что способность создавать и стабилизировать память является общим признаком власти на всех уровнях социальной организации. Чем сложнее структура общества и его элит, тем выше вероятность, что прошлое может стать объектом конкуренции между элитами за представление наиболее привлекательного для каждой из них образа прошлого. Значительное место в развитии социологии коллективной памяти принадлежит работам Дж. Олика. В статье «Коллективная память: две культуры» он отметил, что в социологии отсутствует интегрированная парадигма

трактовки коллективной памяти [4. С. 346]. Возможности ее развития Олик связал с изучением событий, травмирующих память людей, испытавших серьезное душевное потрясение от известия и воспоминания о событии, которые могут разрушить индивидуальную или коллективную идентичность этих людей. Обобщению выполненных социологами работ в области коллективной памяти посвящена статья Б. Конвей [5]. В этих работах встречается множество понятий, связанных с памятью. Конвей объединил данные понятия в три группы. Первую группу составили понятия, посвященные деятельности, связанной с поминовением. К таким понятиям Конвей отнес продвижение памяти, проекты памяти и работу с памятью. Во вторую группу включены понятия, относящиеся к устанавливающим силам памяти (культурная травма, соматическая память, визуальная память). В третью группу вошли понятия, посредством которых выражается идея контекстов воспроизводства памяти. Это понятия автобиографической памяти, исторической памяти, постпамяти.

Среди аспектов социологического изучения коллективной памяти особый интерес представляет изучение событий, травмирующих коллективную идентичность людей и наносящих ей своеобразную коллективную травму. По К. Эриксону, коллективная травма представляет собой «удар по основной ткани социальной жизни, который нарушает узы, удерживающие людей вместе, и ограничивает преобладающие чувства общности» [6. С. 262]. Когда испытываемая обществом боль от нанесенной ему коллективной травмы оказывает шокирующее воздействие на идентичность общества, она воспринимается последним как культурная травма. Значительный вклад в изучение культурной травмы внес Дж. Александер. Она возникает, когда люди чувствуют, что подверглись воздействию ужасного события, оставившего глубокие и болезненные отпечатки в их памяти и повлиявшего на коренные изменения их коллективной идентичности [6. С. 255].

Одним из аспектов социологического изучения коллективной памяти об ужасных событиях и их травмирующем эффекте является применение дихотомического подхода, а конкретнее – рассмотрение изменений, происходящих с этой памятью, в направлениях ее национализации и приватизации. По Хальбваксу, нации присуще стремление сохранить, актуализировать и усилить воспоминания о своем прошлом, которые могут укрепить внутреннюю групповую солидарность. Для реализации этого стремления личные воспоминания и коллективная память членов групп должны превратиться в память и воспоминания, важные для укрепления коллективной идентичности нации. Это превращение представляет собой национализацию коллективной памяти.

И. Курилла изучил особенности национализации российской памяти о войне с 2014 г. [7]. Россия, США и страны Европы осуществляют национализацию своего военного прошлого в условиях усиления внутринациональных и международных трений. Национализация военной истории получила развитие в эпоху холодной войны, когда СССР, с одной стороны, США и их союзники, с другой стороны, стали претендовать на главную роль в разгроме фашистской Германии и приуменьшать вклад, внесенный в него другой стороной. Национализация коллективной памяти о военных победах укрепляет национальное единство, но сдерживает развитие интернациональной памяти о совместной борьбе против общего врага. С интересными случаями

национализации коллективной памяти мы встречаемся на примере попыток построения истории своей государственности странами бывшей Югославии. В Сербии осуществлялись попытки возродить национальную память о величии Сербии в XII–XIV вв. и представить новое сербское государство как законного наследника этой эпохи. В 2021 г. в Белграде был воздвигнут огромный памятник основателю средневековой династии Неманичей Стефану. Д. Шаренац заметил по этому поводу, что «размер этого памятника почти пропорционален злоупотреблению Средневековьем для нужд современности» [8]. Осуществляемая национальными элитами деятельность по воссозданию национальной памяти способствовала ослаблению интернациональной памяти о совместном проживании разных этнических и религиозных групп в единой стране. Интересен пример Польши. З. Шмыт показал, как в годы правления братьев Качиньских в стране появился культ отверженных солдат, или членов антикоммунистического подполья и поляков, повинных в убийствах украинских и еврейских мирных жителей во время Второй мировой войны и в последующие годы [9]. Выбранная Качиньскими парадигма работы с прошлым ориентировалась на культивирование простонародного национализма, игнорирование исторических нарративов национальных меньшинств и соседей Польши.

Применение слова «национализация» по отношению к коллективной памяти указывает на определение характера и направления операций, совершаемых с коллективной памятью. Национализация коллективной памяти есть ее превращение из памяти, принадлежащей отдельным людям или группам, в память, принадлежащую представителям всех групп, составляющих нацию. Производство национальной памяти осуществляется как отбор образов прошлого, которые могут повысить национальное единство, укрепить присущие подавляющему большинству представителей нации идентичности и ценности. Но этого не достичь без поддержки государства. Национализация памяти осуществляется как установление и применение монопольного права государства на реконструкцию прошлого таким образом, чтобы память о нем укрепляла сплоченность нации и государства, представляла их отношения друг с другом в положительном для государства свете и пресекала попытки невыгодного для государства изменения образа прошлого.

Обратим внимание на другую сторону национализации коллективной памяти. В приведенных выше примерах национализация коллективной памяти осуществлялась в условиях конкуренции с нарративами оппозиционных, субнациональных и наднациональных групп как подавление или преуменьшение прав меньшинств на свои версии национальной памяти. В этом случае национализированная при помощи государства коллективная память вступает в конфликт с частными, семейными и групповыми воспоминаниями. Эти воспоминания могут способствовать появлению «противопамяти» [10. С. 11]. Термин «противопамять» может быть использован для определения операций, совершаемых с коллективной памятью, которые противоположны ее национализации. Обратное движение есть превращение коллективной памяти из памяти, принадлежащей представителям всех групп, составляющих нацию, в память, принадлежащую отдельным группам или людям. В ходе этого движения осуществляется передача деятельности по сохранению и распространению коллективной памяти от государства и нации под контроль

отдельных социальных групп, более в этом заинтересованных. Терминологически сущность направленности этого противоположного национализации процесса можно определить как «приватизация коллективной памяти». Она происходит как снижение государственного контроля над ней и повышение контроля, осуществляемого представителями отдельных групп или отдельными людьми. Также приватизация коллективной памяти осуществляется как ограничение общей открытости и доступности информации и частоты упоминания о событиях, занимающих определенное место в культурной памяти.

Событием, породившим культурную травму, стали атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки американскими ВВС в августе 1945 г. Их изучение в интересующем нас отношении выполнил Х. Сайто [11]. В период с августа 1945 г. по август 1951 г. в Японии отсутствовала национальная память о бомбардировке и ее последствиях для японцев. В условиях американской оккупации японские политики были вынуждены поддерживать образ США как освободителя. В указанное время большинство выживших после атомных бомбардировок японцев хранили молчание, потому что не имели финансовых и организационных ресурсов для публичного представления своего опыта и потому что не чувствовали поддержки со стороны государства и общества. В период с августа 1945 г. по август 1951 г. коллективная память об атомной бомбардировке японских городов была приватизирована. После подписания Японией Сан-Францисского мирного договора в 1951 г. трагедия бомбардировок становится более заметной на национальном уровне. Важным шагом в направлении к национализации коллективной памяти о них стала публикация фотографий в спецвыпуске популярного журнала «Asahi Graph». Визуальные репрезентации катастрофических последствий бомбардировок были ярче, чем текст газетных статей и книг, и доступнее для представителей малообразованных классов японского общества. В этот период (1951–1954 гг.) в ряде кругов японского общества появляется потребность в увековечивании памяти о Хиросиме и Нагасаки посредством ее соединения с японской национальной идентичностью. Но память о бомбардировках оставалась разрозненной у разных представителей японского общества. В марте 1954 г. произошел инцидент с японским рыболовным судном «Фукурю-мару», оказавшимся в зоне испытания американцами водородной бомбы на Бикини. Члены экипажа судна получили большие дозы радиации, один из них умер. Инцидент оказал сильное воздействие на формирование нового отношения к Хиросиме и Нагасаки в японском общественном мнении. В чувствах, испытываемых японцами по отношению к жертвам бомбардировок 1945 г. и пострадавшим в ходе инцидента 1954 г., произошел сдвиг от жалости к жертвам события, произошедшего в прошлом, к сочувствию и солидарности с жертвами недавнего инцидента. Сайто оценил этот сдвиг как соединение транснациональной и национальной трактовок Хиросимы и Нагасаки, или появление национализации травмы об атомных бомбардировках. Трагедия 1945 г. стала восприниматься как настоящее, побуждающее японцев как членов одной национальной группы действовать сейчас. Определяющим местом новой идентичности является восприятие бомбардировок как события, ставшего причиной появления культурной травмы японской нации.

В следующем примере рассмотрим изменения в коллективной памяти израильского общества по поводу Холокоста. Д. Гутвейн выделил три фазы в

процессе построения коллективной памяти о Холокосте: фазу дихотомической памяти, фазу коллективного присвоения памяти и фазу приватизированной, или индивидуализированной, памяти [12. Р. 418]. Первая фаза приходится на первые годы развития израильского государства. Для нее характерна, с одной стороны, идентификация с жертвами Холокоста. Страдания, перенесенные во время Холокоста, послужили оправданием утверждения права евреев на свое государство. С другой стороны, для первой фазы характерно осуждение евреев, которые не вступали с нацистами в бой, как в восстании 1943 г. в Варшавском гетто, а покорно шли на смерть в газовые камеры. Похожим образом характеризовала особенности коллективной памяти израильтян о Холокосте в это время А. Шапира [13]. Выжившие и родственники погибших воздерживались от публичного выражения своей памяти о Холокосте как трагедии их самих и их семей. Формирование второй фазы связано с делом Эйхмана (1962 г.) и Шестидневной войной Израиля с арабскими странами в 1967 г. Для этой фазы характерно снижение критики жертв Холокоста за их неспособность противодействовать нацистам. Дж. Александер и С. Дроми указывают на появление отказа от приниженного значения личной памяти о Холокосте по сравнению с высоким значением коллективной памяти о Холокосте [14. Р. 18]. Публикация воспоминаний частных лиц о Холокосте как о трагедии, разрушившей жизнь отдельных людей и семей, стала свидетельством усиления приватизации памяти о Холокосте. Этот поворот усилился после войны Судного дня в 1973 г., когда Израиль был атакован египетскими войсками и с трудом довел войну до победы. По словам израильского обозревателя Бен Амоса, вновь испытанное израильтянами чувство страха способствовало снижению в израильском общественном сознании привлекательности образа строителя и защитника страны и реконструкции драмы Холокоста в манере постэйхмановской приватизации памяти с усилением внимания к страданиям жертв нацизма.

Фаза приватизированной памяти начинается в 1980-х гг. в контексте политических и моральных дилемм, поставленных Ливанской войной 1982 г. и интифадой 1987 г. Для нее характерно повышение чувства личной безопасности и этоса индивидуализации и снижение социальной сплоченности в израильском обществе. На развитие фазы существенное влияние оказали процессы декоммунизации в восточноевропейских странах и реституции собственности жертв Холокоста, усиление которых было вызвано преобразованиями в режимах собственности во многих странах мира, а именно приватизацией государственных предприятий и ресурсов. Как показано Р. Луди, реституция, оформленная как реприватизация, возникла в начале 1990-х гг. в связи с посткоммунистической деколлективизацией и была включена в пакеты неолиберальных реформ, принятые посткоммунистическими правительствами восточноевропейских стран. К концу 1990-х гг. реституция приобрела более широкое значение как символ справедливости, памяти и идентичности. Успешность реституции и развитие индустрии НПО и юридических ведомств, выступающих в роли защитников потерпевших, привели к закреплению публично признанного значения Холокоста не только в израильской, но и западной саморефлексии. Однако, обратила внимание Луди, метафоры, используемые в доминирующем нарративе о реституции как моральном долге перед жертвами Холокоста, вписывались в развитие общего дискурса защиты

прав частных собственников. По ее словам, «в политическом климате 1990-х гг. поддержка дела переживших Холокост облагородила крестовый поход за расширением частной собственности» [15. Р. 48]. На этом фоне в Израиле активизировались дискуссии между представителями двух идеологических течений – правого и левого постсионизма, по поводу возможности использования памяти о Холокосте для построения позитивной израильской коллективной идентичности. Д. Гутвейн пришел к выводу о том, что эти дискуссии суть свидетельства борьбы внутри истеблишмента [16. Р. 15]. Как во многих других странах, в Израиле 1990-х гг. осуществлялись попытки переноса приватизации из экономической сферы в область политики, безопасности, культуры, образование и судебную сферу. Но их успеху препятствовали сионистский этос и коллективная память Израиля, имевшие прочную коллективистскую основу и являющиеся, по сути, гражданской религией страны. Для поддержки израильцами приватизации в сфере экономики было необходимо ослабить коллективную память о Холокосте и усилить частную память о нем. Постсионистские идеологи и историки пытались создать приватизированную коллективную память, которая освобождала бы отдельного израильца от ответственности за групповую вину всей израильской нации за Холокост. По словам Гутвейна, было необходимо заменить гегемонистскую коллективную память рядом конкурирующих рассказов и воспоминаний, что могло привести к расколу израильского общества на множество оспаривающих единый образ Холокоста групп идентичности.

Выполненная в настоящей статье работа позволяет сделать несколько выводов.

Атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки и Холокост оказали травмирующее воздействие на коллективную память японского и израильского общества.

В обоих случаях главную роль по созданию, стабилизации и изменению коллективной памяти о культурных травмах сыграли изменяющиеся интересы государства.

Эти интересы противоречили интересам некоторых групп, которые стремились представить свои версии объяснения событий, травмирующих память на национальном уровне.

В Японии изменения коллективной памяти происходили в направлении от ее приватизации к национализации, а в Израиле наоборот, т.е. от национализации к приватизации.

Приватизация коллективной памяти может осуществляться как попытка ограничения возможностей изучения и распространения информации о событиях, которые могут травмировать коллективную память нации и вызвать критику в адрес государства или элиты, не сумевших их предотвратить.

Национализация коллективной памяти может осуществляться как попытка преодолеть эти ограничения и снизить критику в адрес государства и элиты, проводивших в прежние годы политику по пресечению свободной циркуляции информации об ужасных для национальной памяти событиях.

Основное ограничение на пути национализации коллективной памяти о культурных травмах заключается в незаинтересованности в этом государственной элиты, приватизировавшей память о травмах в своих интересах.

Общество в лице своих групп, которые можно назвать коллективными акторами процесса травмы, почти не влияет на стремление государства начать процесс национализации или приватизации коллективной памяти о культурных травмах.

Приватизация государством памяти о культурных травмах и давление на группы, заинтересованные в ее национализации, вызывает в членах последних желание также приватизировать память о травмах и не передавать частные документы о травмирующих событиях в государственные архивы из опасения наложения государством запрета на их изучение.

Список источников

1. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. С.Н. Зенкина. М. : Новое издательство, 2007. 348 с.
2. Halbwachs M. La mémoire collective. Paris : PressesUniv. deFrance, 1950. 170 p.
3. Jedlowski P. Memoryand Sociology. Themes and issues // TIME & SOCIETY. 2001. Vol. 10 (1). P. 29–44.
4. Olick J.K. Collective Memory: The Two Cultures // Sociological Theory. 1999. Vol. 17, № 3. P. 333–348.
5. Conway B. New Directions in the Sociology of Collective Memory and Commemoration // Sociology Compass. 2010. Vol. 4, is. 7. P. 442–453.
6. Александр Дж. Смыслы социальной жизни: Культурсоциология / пер. с англ. Г.К. Ольховикова. М. : Праксис, 2013. 640 с.
7. Kurilla I. Nationalizing Russian (War) Memory since 2014 // PONARS Eurasia Policy. 2020. № 659. URL: https://www.ponarseurasia.org/wp-content/uploads/attachments/Peprn659_Kurilla_July2020.pdf (accessed: 28.03.2023).
8. Trošta T.P. Renationalizing Memory in the Post-Yugoslav Region // Journal of genocide research. 2022. Vol. 24, № 2. P. 228–240.
9. Шмыт З. Пересборка прошлого как инструмент политической борьбы: публичная история в постсоциалистической Польше // Социология власти. 2022. Т. 34, № 1. С. 36–68.
10. Хирш М. Поколение постпамяти: Письмо и визуальная культура после Холокоста / пер. с англ. Н. Эппле. М. : Новое издательство. 2021. 428 с.
11. Hiro Saito. Reiterated Commemoration: Hiroshimaas National Trauma // Sociological Theory. 2006. Vol. 24 (4). P. 353–376.
12. Gutwein D. L'individualisation de la Shoah: politique, mémoire et historiographie // Revue d'Histoire de la Shoah. 2008/1. N°188. P. 417–452.
13. Shapira A. The Holocaust: Private Memories, Public Memory // Jewish Social Studies. 1998. Vol. 4, № 2. P. 40–58.
14. Alexander J.C., Dromi S.M. Trauma Construction and Moral Restriction: Ambiguity of the Holocaust for Israel // Narrating Trauma: On the Impact of Collective Suffering / ed. by R. Eyerman, J.C. Alexander, E. Butler Breese. Boulder, 2011. P. 107–132.
15. Ludi R. Second-Wave Holocaust Restitution, Post-Communist Privatization, and the Global Triumph of Neoliberalism in the 1990s. DOI: <https://doi.org/10.4000/yod.2597> // Yod. Revue des etudes hébraïques et juives. 2018. № 21. URL: <http://journals.openedition.org/yod/2597> (accessed: 28.03.2023).
16. Gutwein D. Left and right post-Zionism and theprivatization of Israeli collective memory // Journal of Israeli History. 2018. Vol. 20, is. 2–3. P. 9–42.

References

1. Halbwachs, M. (2007) *Sotsial'nye ramki pamyati* [On Collective Memory]. Translated from French by S.N. Zenkin. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
2. Halbwachs, M. (1950) *La mémoire collective*. Paris: PressesUniv. deFrance.
3. Jedlowski, P. (2001) Memoryand Sociology.Themes and issues. *TIME & SOCIETY*. 10(1). pp. 29–44.
4. Olick, J.K. (1999) Collective Memory: The Two Cultures. *Sociological Theory*. 17(3). pp. 333–348.

5. Conway, B. (2010) New Directions in the Sociology of Collective Memory and Commemoration. *Sociology Compass*. 4(7). pp. 442–453.
6. Alexander, J. (2013) *Smysly sotsial'noy zhizni: Kul'tursotsiologiya* [Meanings of Social Life: Cultural Sociology]. Translated from English by G.K. Olkhovikov. Moscow: Praksis.
7. Kurilla, I. (2020) Nationalizing Russian (War) Memory since 2014. *PONARS Eurasia Policy*. 659. [Online] Available from: https://www.ponarseurasia.org/wp-content/uploads/attachments/Pepr659_Kurilla_July2020.pdf (Accessed: 28th March 2023).
8. Trošta, T.P. (2022) Renationalizing Memory in the Post-Yugoslav Region. *Journal of Genocide Research*. 24(2). pp. 228–240.
9. Shmyt, Z. (2022) Peresborka proshlogo kak instrument politicheskoy bor'by: publichnaya istoriya v postsotsialisticheskoy Pol'she [Reassembly of the past as an instrument of political struggle: public history in post-socialist Poland]. *Sotsiologiya vlasti*. 34(1). pp. 36–68.
10. Hirsch, M. (2021) *Pokolenie postpamyati. Pis'mo i vizual'naya kul'tura posle Kholokosta* [The Generation of Postmemory. Writing and Visual Culture after the Holocaust]. Translated from English by N. Epple. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
11. Hiro Saito. (2006) Reiterated Commemoration: Hiroshimaas National Trauma. *Sociological Theory*. 24(4). pp. 353–376.
12. Gutwein, D. (2008) L'individualisation de la Shoah: politique, mémoire et historiographie. *Revue d'Histoire de la Shoah*. 1(188). pp. 417–452.
13. Shapira, A. (1998) The Holocaust: Private Memories, Public Memory. *Jewish Social Studies*. 4(2). pp. 40–58.
14. Alexander, J.C. & Dromi, S.M. (2011) Trauma Construction and Moral Restriction: Ambiguity of the Holocaust for Israel. In: Eyerman, R., Alexander, J.C. & Butler Breese, E. (eds) *Narrating Trauma: On the Impact of Collective Suffering*. Boulder. pp. 107–132.
15. Ludi, R. (2018) Second-Wave Holocaust Restitution, Post-Communist Privatization, and the Global Triumph of Neoliberalism in the 1990s. *Yod. Revue des etudes hébraïques et juives*. 21. DOI: 10.4000/yod.2597
16. Gutwein, D. (2001) Left and right post-Zionism and the privatization of Israeli collective memory. *Journal of Israeli History*. 20(2–3). pp. 9–42. DOI: 10.1080/13531040108576157

Сведения об авторе:

Мельников М.В. – кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой социологии и массовых коммуникаций Новосибирского государственного технического университета (Новосибирск, Россия). E-mail: melnikov@corp.nstu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Melnikov M.V. – Cand. Sci. (Sociology), docent, head of the Department of Sociology and Mass Communications, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: melnikov@corp.nstu.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 20.02.2023;
одобрена после рецензирования 30.03.2023; принята к публикации 20.04.2023
The article was submitted 20.02.2023;
approved after reviewing 30.03.2023; accepted for publication 20.04.2023*

Научная статья

УДК 116

doi: 10.17223/1998863X/72/12

УСТОЙЧИВОСТЬ АРХЕТИПА РЕБЕНКА В КУЛЬТУРЕ

Людмила Константиновна Нефедова¹, Амина Шамильевна Руди²

¹ Омский государственный педагогический университет, Омск, Россия,
konstans50@yandex.ru

² Омский государственный университет путей сообщения, Омск, Россия,
amina_rudi@mail.ru

Аннотация. Обоснована необходимость сопряжения методологического потенциала онтологии и философии культуры в исследованиях феноменов культуры. В качестве особо значимого феномена культуры рассмотрен архетип ребенка в онтологии устойчивости. Архетип ребенка в онтологическом анализе предстает как устойчивый объект, содержащий в себе «свернутую» перспективу развития. Как продукт сознания архетип представляется одной из онтологических версий устойчивости.

Ключевые слова: архетип ребенка, устойчивость, онтология, культура

Для цитирования: Нефедова Л.К., Руди А.Ш. Устойчивость архетипа ребенка в культуре // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 72. С. 131–141. doi: 10.17223/1998863X/72/12

Original article

STABILITY OF THE ARCHETYPE OF THE CHILD IN CULTURE

Ludmila K. Nefedova¹, Amina Sh. Rudi²

¹ Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russian Federation, konstans50@yandex.ru

² Omsk State Transport University, Omsk, Russian Federation, amina_rudi@mail.ru

Abstract. Comprehension of human childhood in its cultural and anthropological senses is promising on the basis of the correlation of two ontological categories: stability and archetype. The categories of stability and archetype are considered in the relationship that determines the ontological platform of the history of a philosophical understanding of childhood, which is recorded in the representation of the child in all types of cultural texts from ancient myths to modern artistic and scientific texts. The conjugation of these categories in the understanding of childhood and the child is implicitly indicated in philosophy, religion, art, pedagogy, and psychology. The philosophical understanding of stability lies at the basis of the natural science study of a multilevel and complexly organized world, in which the existence of various phenomena can be explained and described by a certain model of sustainability: from the model of sustainability that denies the variability of the object under consideration, to the model of sustainability that certainly presupposes variability. The philosophical understanding of the archetype of the child lies at the basis of social and humanitarian knowledge. As a product of consciousness, any archetype is one of the ontological versions of stability. The category of the archetype indicates the stability of the matrices for the formation of generic experience in the collective unconscious. The archetype can be described within the framework of a stable crystal model – a permanent formation, essentially determined by the constant arrangement of internal elements. The crystal model of the stability of the child's archetype is manifested by the significance of space, time, movement in the phenomenological characteristics of this archetype: in

abandonment, irresistibility, the unity of the initial and the final, the function of the future. The spatial parameters of archetypal abandonment and irresistibility are in strict symmetry. Thrown into being from the gap between being and nothing, the archetypal child is irresistibly rooted in being. The ontological function of the child archetype – the future – is constituted by the explication of time. The characteristic of the unity of the initial and the final objectifies the category of movement. A child, existing in a changeable world, being influenced by internal processes, can preserve oneself in an obvious simple way, maintaining an original structure by crystallizing. Childhood is the time of the primary crystallization of the personality, the laying of matrices of personal stability. The stability of the personality is expressed in the fact that, with any changes, the continuity of the main criteria that specify the personality from childhood is preserved.

Keywords: archetype of the child, stability, ontology, culture

For citation: Nefedova, L.K. & Rudi, A.Sh. (2023) Stability of the archetype of the child in culture. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 72. pp. 131–141. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/72/12

Введение

Тема детства актуализирована в современном пространстве культуры и научного дискурса постановкой проблем социальной инклюзии, гендерной идентичности, смены педагогических парадигм, психологического здоровья личности, снижения рождаемости, старения населения и т.д. Осмысление столь масштабных вопросов, пересекающихся в единой смысловой точке – в культурном конструкте ребенка, – задача философского порядка. Постигая культурно-исторические процессы, философия вырабатывает методы познания этих объектов для частных наук, прежде всего истории, культурологии, психологии, педагогики. Онтологический ракурс исследования детства необходим, на наш взгляд, для преодоления узости возможностей педагогического и недостаточности философско-антропологического анализа.

Онтологизм – основа философского осмысления реальности

Методологическая функция философии, определяя специфику философского познания, тесно сопряжена с его инструментально-прагматическим аспектом, ибо с античных времен философия являлась как рефлексией реальности, так и средством ее оптимального конструирования. Теоретическая проблематика античной онтологии была прагматически проективна. Поиск архе [1. С. 109], основ движения [1. С. 306], идея эволюции и порядка, самождества идеи [1. С. 278] – все это проверялось на практике. Так, идея справедливости соотнесена Платоном с опытом государственного устройства [2. С. 141–143] и реализована как социальный проект Золотого века Перикла, получив затем дальнейшее развитие в дискурсе государства от Средних веков до наших дней. Идея красоты и блага символизирована богом-ребенком Эротом и соотнесена с вполне эмпирическим шаловливым и неряшливым ребенком [2. С. 69]. Идея гармонии определяет создание литературного произведения [2. С. 708]. Бытие идеи в основе бытия вещей, инициировав постановку основного вопроса философии, определило онтологию как мейнстрим в развитии философского знания. Онтология – фундамент всех разворотов и поворотов философского дискурса в сторону конструирования понимания основных модусов бытия: природы, культуры,

общества, человека [3. С. 40], актуализируя в них атрибутику феноменов языка, религии, искусства, науки, техники, пронизывая все разделы и направления в развитии философии.

В то же время развитие направлений философского дискурса и их неизбежное размежевание привели к тому, что онтология в начале XXI в. становилась подчас уделом избранных философов, ориентированных на спекулятивный поиск сущего, верных фундаментальным классическим традициям в развитии философского знания. На конгрессах и конференциях раздавались реплики об исчерпанности онтогносеологической проблематики. Извечный вопрос «Как все устроено?» стал казаться анахронизмом. Констатируемое положение исторически закономерно и вполне объяснимо: в отечественной философии сложилась тенденция длительного выстраивания *теории всего* и актуализировалась потребность пристального изучения нюансов. При этом укрепление аналитической традиции вело к признанию значимости исследования частных проблем и явного и имплицитного признания оценки их результатов как более важных в сравнении с результатами, получаемыми от конструирования теорий всего [4. С. 29]. Актуализировался интерес к проблематике бурно развивающейся философии культуры, философской антропологии, социальной философии, к постмодернизму. В силу размежевания предметных областей и сложности охвата всего массива классического историко-философского наследия начинающие исследователи феноменов культуры и философско-антропологических смыслов человеческого существования ограничивались синхронным состоянием проблемы, минуя углубление в онтологию. Диахронный взгляд, требующий выявления имплицитного состояния темы в русле истории онтологии, казался избыточным. В ответах на вызовы современной культуры онтология позиционировалась как энциклопедически выверенное музейное знание, утратившее методологический операционально-прагматический потенциал.

Однако в познании сущего онтологизм неизбежно оставался и остается основой философского осмысления реальности. Ученые-гуманитарии, стремясь в начале XXI в. осмыслить единство и множественность культурного процесса, конструировали различные онтологии: культуры [3], литературы [5], науки [6], религии [7]. В силу парадигмальных изменений в сфере образования эти онтологии были представлены в жанре учебных пособий для студентов, хотя содержали монографическую разработку новых научных идей. В частном научном знании выстраивались новые дисциплинарные матрицы, апеллирующие к онтологии. Феноменология, претендуя на собственный проект в системном рассмотрении среза философского дискурса XX в. [8. С. 809], также оказывалась коррелятивной с традиционной классической онтологией. Онтологическая платформа определила в отечественной философии наиболее продуктивное осмысление не только модусов бытия культуры, но и человека, в раскрытии смысла его сущностных характеристик, например религиозности [9], детскости [10]. Концептуальная идея значимости коррелята онтологии и философии культуры была раскрыта в коллективной монографии преподавателей философии ОмГПУ [11]. Таким образом, онтология вполне заслуженно выступает в качестве методологического фундамента в конструировании понимания модусов бытия человека и феноменов культуры.

Сопряжение категорий устойчивости и архетипа в осмыслении ребенка и детства

Обращение в настоящей статье к устойчивости архетипа ребенка опирается на идею осмысления детства в его культурных и антропологических смыслах на основе коррелята двух онтологических категорий: устойчивости и архетипа.

Мы исходим из того, что устойчивость и архетип – категории, пребывающие в категориальной связи, определяющей онтологическую платформу истории философского осмысления детства, что зафиксировано в репрезентации ребенка во всех видах культурных текстов от древних мифов до современных художественных и научных текстов. Сопряжение этих категорий в осмыслении детства и ребенка имплицитно обозначено в философии, религии, искусстве, педагогике, психологии. Задача данной статьи – прояснить основу этого сопряжения в философском понимании детства, что может оказаться продуктивным для осмысления ряда трендов современной социокультурной реальности, таких как: социокультурная ценность детства, кризис детского возраста с углублением понимания роли кризисов в развитии ребенка, культурно-историческая тенденция увеличения периода детства, парадоксы ювенальной юстиции, инклюзия, политкорректность, гендер, непослушание. Данная социокультурная эмпирика, широко представленная в СМИ и в иных формах массовой культуры, требует философского осмысления, одним из подходов к которому является методологическая соотнесенность категорий устойчивости и архетипа.

Уточним понимание данных категорий.

Устойчивость с позиций лексико-категориальной семантики есть компонент парных категорий «устойчивость–изменчивость», традиционно обозначаемых как «неизменность–изменчивость», где оба категориально тождественных и противопоставленных состояния реальности обозначены словами-понятиями, имеющими один корень, и отличаются только приставками. Семантика приставок в выражении смысла слова-понятия значима в меньшей степени, чем семантика корня, так как всего лишь дополняет его значение. Приставка *не-* раскрывает не сущность состояния, противоположного изменчивости, а отрицает наличие состояния изменчивости. С позиций русской грамматики коррелят «изменчивость – неизменное» не выдерживает логико-грамматической критики в качестве парных категорий. Вопрос соотношения устойчивости и изменчивости различным образом решался в истории философии и во многом носил имплицитный характер, однако к середине 10-х гг. XXI в. взгляд на оппозицию «устойчивость–изменчивость» прояснился. В частности, был актуализирован принцип их равновесия в линейно развивающейся реальности и выявлена модель устойчивости нелинейно развивающихся систем [12]. В связи с этим, опираясь на отечественный опыт рефлексии, здесь и далее мы будем использовать формулу парных категорий: «устойчивость–изменчивость».

Архетип Ребенка – первообраз ребенка, сложившийся в результате накопления коллективного бессознательного в родовом опыте как общечеловеческом основании душевной жизни. Его «можно сравнить с осевой структурой кристалла, которая определенным образом предопределяет формиро-

вание кристалла в исходном растворе, не существуя сама при этом материально» [13. С. 385]. Архетип ребенка выступает иррациональным доопытным знанием эмпирического ребенка. Любой архетип – это схема, матрица родового опыта человечества, грани кристалла коллективного бессознательного. «Обладая душевной жизненной мощью» [13. С. 351–352], сам по себе, взятый в чистом виде, он не имеет конкретного психического содержания. В то же время каждый конкретный архетип, в нашем случае – архетип ребенка, является первообразом, который «просвечивает» в последующих культурных формах, определяя содержание и смыслы представленных в них понятий и образов. Архетип ребенка – ментальный кристалл в матрице коллективного бессознательного, гранями которого являются сущностные характеристики: заброшенность, непреодолимость, гермафродитизм, единство начального и конечного. Иными словами, категория архетипа указывает на устойчивость матриц оформления родового опыта в коллективном бессознательном.

Философское понимание устойчивости лежит в основе естественнонаучного изучения многоуровневого и сложноорганизованного мира, в котором существование различных явлений может быть объяснено и описано определенной моделью устойчивости: от модели устойчивости, отрицающей изменчивость рассматриваемого объекта, до модели устойчивости, непременно предполагающей изменчивость. Категория устойчивости позволяет дифференцировать иерархически упорядоченные структуры бытия, обеспечивающие взаимодействие объектов различной степени сложности, выявить парадокс устойчивости объекта сложной природы посредством проявления нарастающей изменчивости на каждом иерархическом уровне его структуры.

В свою очередь, *философское понимание архетипа* лежит в основе социально-гуманитарного знания. Психология позиционирует архетип как схему, которую можно обнаружить в том или ином конкретном содержании. Искусство оперирует понятиями архетипических ситуаций и персонажей. Ряд архетипов (Тени, Отца, Матери, Анимы, Анимуса и т.д.) позволяет раскрыть смыслы родового опыта человечества, понять, как этот опыт проявляется в современном существовании человека и каким образом он может быть откорректирован в культурных практиках. Чрезвычайно велика здесь роль архетипа ребенка, позволяющего осмыслить экзистенциалы детства и основы человеческого Самого Само [14. С. 314].

Кристаллический тип устойчивости архетипа

Модели устойчивости обнаруживают себя в природе. Иерархически упорядоченные структуры обеспечивают в природе взаимодействие объектов различной степени сложности. Объекты более сложной природы сохраняют себя, проявляя все большую (с каждым новым иерархическим уровнем) изменчивость, и обнаруживают при этом модификации устойчивости тех объектов, которые находятся по степени сложности на порядок ниже. В изученном современной наукой многоуровневом и сложноорганизованном мире существование различных явлений может быть объяснено и описано на основе определенной модели устойчивости: от модели устойчивости, отрицающей изменчивость рассматриваемого объекта, до модели устойчивости, из-

менчивость обязательно предполагающей. Простейшую модель устойчивости можно условно обозначить метафорой кристалла, характеризуемого кристаллической решеткой. Она – результат кристаллизации, т.е. возникновения устойчивого образования, сущностно определяющегося пространственным расположением внутренних элементов. Кристаллическая решетка константна, именно она идентифицирует объект, устанавливая все его характеристики, при этом одни и те же химические элементы могут иметь разные кристаллические решетки, кардинально отличные друг от друга как, например, алмаз и графит, что определяет степень их твердости, т.е. устойчивости. Процесс и результат роста кристаллической решетки зависят от внешних условий, в связи с чем конкретные объекты могут отличаться по множеству физико-геометрических параметров, но быть абсолютно идентичными по природе: разные алмазы отличаются формой, размером, окраской, оставаясь алмазами. Кристалл лежит в основе более сложной, чем он сам, модели устойчивости, представленной открытыми саморегулирующимися системами, сохраняющимися исключительно посредством изменчивости. Это модель мегаорганизма, в которой дихотомия устойчивости и изменчивости на любом уровне сложности актуализирует фундаментальные онтологические категории движения, пространства, времени, подлинности в большей степени, чем модель кристалла. Тем не менее, когда речь идет о кристалле – архетипе ребенка, то пространство, время, движение вполне очевидны в его феноменологических характеристиках: заброшенности, непреодолимости, единства начального и конечного, функции будущности [13. С. 365, 369, 372, 377]. В строгой симметрии пребывают пространственные параметры архетипической заброшенности и непреодолимости. Заброшенный в бытие из зазора между бытием и ничто архетипический ребенок непреодолимо укореняется в бытии. Будущность – онтологическая функция архетипа ребенка – конституирована экспликацией времени. Характеристика единства начального и конечного объективирует категорию движения.

Будучи продуктом сознания, *архетип есть одна из онтологических версий устойчивости*. Объект, в данном случае – эмпирический ребенок, существуя в изменчивом мире, подвергаясь влиянию внутренних процессов, может сохранять себя очевидно простым способом, поддерживая изначальную собственную структуру, кристаллизуясь. Детство – это время первичной кристаллизации личности. Матрицы личностной устойчивости закладываются в детстве. Устойчивость личности выражается в том, что при всяких изменениях сохраняется преемственность основных критериев, специфицирующих личность с детских лет. Размышления об устойчивости обращают к категориям движения и покоя. Наличие движения в реальности человеческого существования сопряжено с поиском устойчивости. Движение не может быть абсолютным уже потому, что человек имеет ориентиры в постоянно меняющемся мире. Покой как форма устойчивости приобретает особую значимость в виде ряда повторяющихся неизменных признаков сохраняющегося объекта, остающегося самотождественным, несмотря на свою включенность во внешние процессы. Человек в качестве объекта – самоидентичен при всех внешних и внутренних факторах изменчивости. Он является открытой сложноорганизованной системой, находящейся в постоянном обмене с внешним миром, веществом, информацией, энергией. Постоянно меняясь, человек, со-

храняет в себе нечто устойчивое, обеспечивающее основание его самости и развитие индивидуальности. Он меняется физически, биологически, социально, интеллектуально, духовно. Меняется мировоззрение, привычки, коммуникативное окружение, социальные приоритеты, поведенческие интенции, т.е. все, что связано с возрастом. При этом человек остается единым в совокупности всех своих возрастов. В то же время его идентичность утверждается неразрывностью самого процесса изменений. Все это позволяет говорить о близости архетипа ребенка архетипу самости.

В естественно-научном знании в рамках топологических исследований изучается текучесть, отсутствие разрывов в динамике движения. Отсутствие «склеек» в потоке «деформаций» (говоря языком топологии) позволяет утверждать, что изображенные на трех фотографиях три разновозрастных человека, казалось бы, отличных по всем критериям сравнения, являются одним и тем же человеком. Механизмом, обеспечивающим субъекту биографическую целостность и непрерывность его существования, выступает память, позволяя обращаться к прошлому, устанавливать связи между переживаниями в том виде, в котором они сохранились и в котором они могут быть выборочно отрефлексированы самим субъектом [15]. Наличные эмоционально-чувственные состояния существуют в тесной корреляции с накопленным опытом эмоционально-чувственных реакций. Люди, с которыми мы взаимодействуем десятилетиями, воспринимаются нами не в отдельном поведенческом акте в конкретной пространственно-временной данности, а в контексте сложно переплетенных в нашей памяти обстоятельств взаимодействия с ними. Задумываясь о самости, человек обращается в памяти к самому раннему, детскому периоду восприятия себя в мире и в детских установках, сложившихся в результате опыта радости и печали, обретает источник устойчивости. Воспоминания о детстве – возможно, не просто репродукция паттернов, заложенных родительской семьей и значимых в прошлом, но кристаллизация первичной социализации, необходимая в актуальной данности.

Коррелят категорий устойчивости и архетипа Ребенка предполагает сращение онтологического и антропологического ракурсов. Здесь возникает вопрос о соотношении антропологического и онтологического стилей мышления. Антропологический ракурс философствования, согласно фундаментальной онтологии М. Хайдеггера, делает вопрос о человеке определяющим по отношению к онтологии и гносеологии, поскольку человек нуждается «в разумении бытия», но бытие в свою очередь нуждается в том, чтобы быть кому-то данным [16]. Исходя из положения, что человек – единственный субъект, познающий мир, использующий для обозначения этого мира самостоятельно сконструированные интеллектуальные абстракции («бытие», «реальность», «действительность»), заключим, что онтологическая проблематика неизбежно связана с антропологическим контекстом. Бытие раскрывается нам сквозь призму понимания телесной и духовной сущности человека, его границ и особенностей восприятия мира, его ценностных ориентиров. Антропологические вопросы о смысле жизни, свободе, смерти существуют неотрывно от онтологических категорий подлинного и кажущегося, бесконечного и конечного, детерминации и индетерминации, множественного и единого, явления и сущности.

Задумываясь о своем существовании, человек неизбежно устремляется мыслью и чувством за его пределы. В познании себя человек всегда пользуется отсылкой к чему-то превосходящему его. Категория бытия необходима человеку для фундирования его мимолетного пребывания в мире, для объяснения силы и остроты его мировосприятия. В этом смысле антропология по своей сути онтологична, а онтология антропологична.

Выводы

Актуальная в междисциплинарных научных исследованиях проблема детства обнаруживает новые перспективы развития и новые смыслы при ее освещении сквозь призму онтологических категорий устойчивости и архетипа ребенка.

В пространстве онтологических исследований полнее обнаруживается возможность развития культурно-антропологических концепций, в частности, онтология устойчивости и изменчивости может выступать не только надежной основой для развития идеи репрезентации архетипа ребенка в культуре [17], но более того, для понимания эмпирики современного детства. Онтология устойчивости методологически привлекательна здесь в силу трех обстоятельств: культурной устойчивости любого архетипа в пространстве и времени, соответствия его кристаллическому модусу устойчивости, присутствия в архетипе в свернутом виде всех известных модусов устойчивости. Уточним данные положения.

Любой архетип есть устойчивый символ миропорядка, результат родового опыта, коллективное бессознательное, репрезентированное в мифе, в древних верованиях, обычаях, фольклоре и иных культурных практиках.

При этом, несомненно, что познание мироустройства осуществляется не только бессознательно, но и сознательно. То есть пласты бессознательного и сознательного во взаимодействии образуют весьма сложные когнитивные системы, в которых кристаллические формы модифицируются в более сложные устойчивые модели.

При этом категория архетипа актуализирует бессознательные способности чувственного познания миропорядка (ощущения, восприятия, представления), данные человеку от природы и развиваемые в культурных практиках. В связи с этим архетипическое необходимо определяет основы чувственного интуитивного иррационального познания мира, развиваемые рациональными системами культурных практик. Архетипическое часто ускользает от рефлексии, однако всегда представляет устойчивые грани кристалла [13. С. 386], накопления, наследуемые человеком, значимые для него как для субъекта культуры вопреки и в добавление к пониманию специфики культуры как надбиологических программ человеческой деятельности.

«Ребенок – это потенциальное будущее» [13. С. 361]. И архетип, и эмпирический ребенок содержит в себе свернутую перспективу развития подобно почке в известной гегелевской метафоре диалектических процессов [18. С. 9]. Почка по логике природных процессов с необходимостью исчезает, будучи внутренне направлена на распускание цветка, а затем – на созревание плода. Это телеология развертывания полного жизненного цикла, но не самосохранения статичного начала. Как никакой иной архетип ребенка включает аспект изменчивости при неизменности кристаллического начала. Архетип ребенка

может прояснить для онтологии более сложные модусы устойчивости, связанные с гомеостазом, аутопоэтичностью, так как в нем представлено единство исхода и конца сущности целого [13. С. 381], а для антропологии – роль синтеза начала, исходного пункта изменчивости с социально контролируемым сообразно культурно-историческим условиям вектором развития.

Таким образом, специфика детского периода жизни человека может быть актуализирована в ракурсе устойчивости структур человеческой психики. К.Г. Юнг расценивал их как врожденные, независимые от культурно-исторических различий людей, являющиеся нерелексируемым средством адаптации индивида к изменениям среды, врожденным первичным условием восприятия реальности. Как культурно-биологический феномен архетип обладает кристаллическим типом устойчивости: по сути, архетипы – это константные бессознательные формы, структуры, сохраняющиеся в пространстве и времени существования разных народов. Наполнение этих форм осуществляется в конкретно-исторических культурных условиях варьированными символическими архетипическими образами [15].

Методологический ракурс рассмотрения архетипа ребенка в онтологии устойчивости позволяют прийти к ряду умозаключений.

1. Категория архетипа ребенка позволяет схватывать неизменную сущность феномена детства при исторической изменчивости места и роли ребенка в культуре. Архетип ребенка является воплощением кристаллической модели устойчивости.

2. В неизменности архетипа ребенка обнаруживается свернутый потенциал изменчивости индивида, способствующей, в свою очередь, реализации архетипической функции будущности.

3. Устойчивость человека при условии адаптивности, усложнения его личности в ходе жизни связана с необходимостью репродукции «кристаллической решетки» – значимых порядкообразующих культурных паттернов, сформированных у индивида в детстве.

Список источников

1. *Фрагменты* ранних греческих философов. М. : Наука, 1989. Ч. 1: От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. 576 с.
2. *Древнегреческая философия* : От Платона до Аристотеля. М. : АСТ ; Харьков : Фолио, 2003. 829с.
3. *Каган М.* Философия культуры. СПб. : Петрополис, 1996. 416 с.
4. *Суровцев В.А.* Аналитическая философия: всеобщее и нюанс // Вопросы философии. 2010. № 8. С. 23–29.
5. *Зарубежная литература второго тысячелетия. 1000–2000* : учеб. пособие / Л.Г. Андреев, Г.К. Косиков, Н.Т. Пахсарьян и др. ; под ред. Л.Г. Андреева. М. : Высшая школа, 2001. 335 с.
6. *Денисов С.Ф.* Сциентизм в метафизике. Омск : Изд-во ОмГПУ, 2011. 298 с.
7. *Пивоваров Д.В.* Онтология религии: учеб. пособие. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2008. 244с.
8. *Всемирная энциклопедия: Философия XX век* / глав. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. Москва : АСТ ; Минск : Харвест, Современный литератор, 2002. 976 с.
9. *Денисов С.Ф.* Философские и библейские стратегемы спасения. Омск : Изд-во ОмГПУ, 2011. 298 с.
10. *Кислов А.Г.* Оправдание детства: от нравов к праву. Екатеринбург : Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2002. 165 с.
11. *От онтологии к философии культуры* / Н.Л. Варова, Л.В. Денисова, Н.И. Мартишина, Л.К. Нефедова, О.И. Николина, Д.М. Федяев и др. ; под ред. Д.М. Федяева. Омск : Изд-во ОмГПУ, 2019. 240 с.

12. Руди А.Ш. Модели устойчивости в развивающейся реальности. Омск : ИЦ «Омский научный вестник», 2014. 230 с.
13. Юнг К.Г. Божественный ребенок: Аналитическая психология и воспитание : сб. М. : Олимп, ИАСТ-ЛТД, 1997. 440 с.
14. Лосев А.Ф. Миф – Число – Сущность / сост. А.А. Тахо-Годи, И.И. Маханькова. М. : Мысль, 1994. 919 с.
15. Красиков В.И. Рефлексирующее воспоминание в формировании «Я» // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2017. № 39. С. 22–29.
16. Ростова Н.Н. Антропологический поворот в философии: антропология vs онтология // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 456. С. 93–98.
17. Нефедова Л.К. Репрезентация архетипа ребенка в античном мифе // Гуманитарные исследования. 2020. № 4 (29). С. 31–35.
18. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. М. : Наука, 2000. 495 с.

References

1. Levedev, A.V. (ed.) (1989) *Fragments of early Greek philosophers*. Moscow: Nauka.
2. Shkoda, V. (ed.) (2003) *Drevnegrecheskaya filosofiya: Ot Platona do Aristotelya* [Ancient Greek philosophy: From Plato to Aristotle]. Moscow: AST; Khar'kov; Folio.
3. Kagan, M. (1996) *Filosofiya kul'tury* [Philosophy of Culture]. St. Petersburg: Petropolis.
4. Surovsev, V.A. (2010) *Analiticheskaya filosofiya: vseobshchee i nyuans* [Analytical Philosophy: General and Nuance]. *Voprosy filosofii*. 8. pp. 23–29.
5. Andreev, L.G., Kosikov, G.K., Pakhsaryan, N.T. et al. (2001) *Zarubezhnaya literatura vtorogo tysyacheletiya. 1000–2000* [Foreign literature of the second millennium. 1000–2000]. Moscow: Vysshaya shkola.
6. Denisov, S.F. (2011) *Stsientizm v metafizike* [Scientism in Metaphysics]. Омск: OSPU.
7. Pivovarov, D.V. (2008) *Ontologiya religii* [Ontology of Religion]. Ekaterinburg: Ural State University.
8. Gritsanov, A.A. (2002) *Vsemirnaya entsiklopediya: Filosofiya XX vek* [World Encyclopedia: Philosophy of the 20th century]. Moscow: AST; Minsk: Kharvest, Sovremennyy literator.
9. Denisov, S.F. (2011) *Filosofskie i bibleyskie strategemy spaseniya* [Philosophical and biblical stratagems of salvation]. Омск: OSPU.
10. Kislov, A.G. (2002) *Opravdanie detstva: ot nrayov k pravu* [Justification of childhood: from morals to law]. Ekaterinburg: Ros. gos. prof.-ped. un-ta.
11. Varova, N.L., Denisova, L.V., Martishina, N.I., Nefedova, L.K., Nikolina, O.I., Fedyaev, D.M. et al. (2019) *Ot ontologii k filosofii kul'tury* [From Ontology to Philosophy of Culture]. Омск: OSPU.
12. Rudy, A.Sh. (2014) *Modeli ustoychivosti v razvivayushcheysya real'nosti* [Models of sustainability in an evolving reality]. Омск: Омский научный вестник.
13. Jung, K.G. (1997) *Bozhestvennyy rebenok: Analiticheskaya psikhologiya i vospitanie* [Divine Child: Analytical Psychology and Education]. Translated from German. Moscow: Olimp; AST-LTD.
14. Losev, A.F. (1994) *Mif – Chislo – Sushchnost'* [Myth – Number – Essence]. Moscow: Mysl'.
15. Krasikov, V.I. (2017) Reflective remembrance in the formation of self. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 39. pp. 22–29. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/39/3
16. Rostova, N.N. (2020) An anthropological turn in philosophy: anthropology vs ontology. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 456. pp. 93–98. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/456/10
17. Нефедова, Л.К. (2020) Репрезентативность архетипа ребенка в античном мифе [Representation of the archetype of the child in ancient myth]. *Gumanitarnye issledovaniya*. 4(29). pp. 31–35.
18. Hegel, G.W.F. (2000) *Fenomenologiya dukha* [The Phenomenology of Spirit]. Translated from German. Moscow: Nauka.

Сведения об авторах:

Нефедова Л.К. – профессор, доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии Омского государственного педагогического университета (Омск, Россия). E-mail: konstans50@yandex.ru

Руди А.Ш. – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «История, философия и культурология» Омского государственного университета путей сообщения (Омск, Россия). E-mail: amina_rudi@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Nefedova L.K. – Dr. Sci. (Philosophy), professor, professor, head of the Department of Philosophy, Omsk State Pedagogical University (Omsk, Russian Federation). E-mail: konstans50@yandex.ru

Rudi A. Sh. – Dr. Sci. (Philosophy), docent, professor of the Department of History, Philosophy and Cultural Studies, Omsk State Transport University (Omsk, Russian Federation). E-mail: amina_rudi@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 07.07.2021;
одобрена после рецензирования 29.03.2023; принята к публикации 20.04.2023
The article was submitted 07.07.2021;
approved after reviewing 29.03.2023; accepted for publication 20.04.2023*

Научная статья

УДК 304.2+378.4

doi: 10.17223/1998863X/72/13

ЗА ПРЕДЕЛАМИ БОЛОНИ: ПЕРСПЕКТИВА РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ УНИВЕРСИТЕТОВ В УСЛОВИЯХ ЛОКАЛИЗАЦИИ

Владимир Валерьевич Петров

*Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук,
Новосибирск, Россия;*

*Новосибирский национальный исследовательский государственный университет,
Новосибирск, Россия, vvpetrov@mail.nsu.ru*

Аннотация. Обосновано, что Болонская система в России в подавляющем большинстве отечественных вузов существует преимущественно в формальном виде. Выход России из Болонского соглашения не приведет к катастрофическим последствиям, хотя и потребует перестройки моделей управления образованием. Полноценная реформа высшей школы в полном объеме проведена не будет, но возможны серьезные региональные вариации.

Ключевые слова: модели университетов, концепции развития, Болонская система

Для цитирования: Петров В.В. За пределами Болони: перспектива развития отечественных университетов в условиях локализации // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 72. С. 142–150. doi: 10.17223/1998863X/72/13

Original article

OUTSIDE BOLOGNA: NATIONAL UNIVERSITIES' DEVELOPMENT PERSPECTIVE IN THE LOCALIZATION CONTEXT

Vladimir V. Petrov

*Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russian Federation;*

*Novosibirsk National Research State University, Novosibirsk, Russian Federation,
vvpetrov@mail.nsu.ru*

Abstract. Over the past few decades, the vector of development of the national higher education has been aimed at maximizing integration into the international educational space. Almost every reform was accompanied by the presence of a mandatory indicator related to international cooperation and academic mobility of students and faculty. As a result of Russia's exit from the Bologna Agreement, in order to ensure national interests in the changed socio-cultural conditions, the domestic structure, already built in accordance with foreign models, requires a serious rapid reorientation to the domestic market using mainly its own experience, developments, resources and reserves. At the same time, a real abolition of the Bologna system in Russia is impossible; in the vast majority of domestic universities, such a system exists mainly in a formal form. Russia's withdrawal from the Bologna Agreement will not lead to catastrophic consequences, although it will require a restructuring of education management models. At the same time, the announcement of withdrawal from it hardly means the transition of all domestic universities to their own standards and models of education. It is also a mistake to perceive Russia's exit from the Bologna Agreement as a return to the Soviet education system: each education system functions within a particular society, ensuring its development in accordance with values and interests. Being torn out of

the socio-cultural context, even the most effective and successful models turn out to be non-viable. In practice, it is most likely that “rejection of the Bologna system” will not lead to a full-fledged reform of higher education, although, at the same time, in a significant part of non-ranking regional universities, there may be a reduction in the program, which implies the revival of a five-year period of study, but also retains the two-level (3 + 2) training scheme. The existing actual positions of Russian universities in world rankings related to the quality of education will continue to allow graduates of a number of leading domestic universities to be in demand on world markets, regardless of the formal status of the diploma.

Keywords: university models, development concepts, Bologna system

For citation: Petrov, V.V. (2023) Outside Bologna: national universities’ development perspective in the localization context. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 72. pp. 142–150. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/72/13

В течение нескольких последних десятилетий вектор развития отечественной высшей школы был направлен на максимальную интеграцию в международное образовательное пространство. Практически каждая реформа сопровождалась наличием обязательного показателя, связанного с международным сотрудничеством и академической мобильностью студенческого и профессорско-преподавательского состава. Так, проект национальных исследовательских университетов («Проект НИУ»), старт которому был дан 7 октября 2008 г. указом Президента России «О реализации пилотного проекта по созданию национальных исследовательских университетов» [1], предусматривал такие показатели, как доля иностранных обучающихся (без учета стран СНГ), объем средств, привлеченных в рамках международного сотрудничества, участие преподавателей в международных стажировках и т.д. [2].

Проект повышения конкурентоспособности ведущих российских университетов среди ведущих мировых научно-образовательных центров (широко известный как «ТОП 5–100–2020») [3], имеющий своей целью максимизацию конкурентной позиции группы ведущих российских университетов на глобальном рынке образовательных услуг и исследовательских программ, в качестве ряда обязательных критериев предполагал, в том числе, создание «зеркальных» лабораторий с зарубежными научно-образовательными организациями, введение программы двойных «конвертируемых» дипломов, увеличение численности зарубежных студентов, повышение академической мобильности и т.д.

Программа стратегического академического лидерства «Приоритет 2030» [4] в качестве условий получения гранта обращает внимание на увеличение доли иностранных граждан и лиц без гражданства, обучающихся по программам магистратуры, программам подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре, программам ординатуры, программам ассистентуры-стажировки по очной форме обучения, наличие соглашений о международном сотрудничестве, наличие софинансирования со стороны иностранных партнеров и т.д. Если мы обратимся к наиболее известным моделям и концепциям университета «нового поколения», то можно увидеть, что международному сотрудничеству и академической мобильности профессорско-преподавательского состава и студенчества отводится значимая роль. Так, Дж. Салми в модели университета мирового класса выделяет международную деятельность в отдельный блок, позволяющий формировать «концентрацию талантов» [5. С. 85–86]. Б. Кларк, ориентируясь на развитие предприни-

матерской активности университета, обозначает, что вовлеченность университета в международное научно-образовательное пространство способствует развитию широких тесных связей с внешним миром, что позволяет диверсифицировать источники финансирования, стимулировать академические подразделения и развивать интегральную предпринимательскую культуру [6. С. 86]. В рамках концепции университета третьего поколения Й. Виссемы международная деятельность университета присутствует практически во всех блоках; для ее развития отдельно предусмотрена разработка программы, позволяющей успешно овладевать «языком международного сотрудничества» [7. Р. 192]. В широко известной концепции «Тройной спирали» инновационного развития (Triple Helix) Г. Ицковца и Л. Лейдесдорфа [8] обосновано, что в знаниевом обществе роль университетов в тесном взаимодействии с частными предприятиями и государством для создания новых институциональных и общественных форм производства, передачи и применения знаний неизбежно будет возрастать, что предполагает их международную интеграцию. В отечественной традиции заслуживают внимания модель исследовательского университета, разработанная в 1994 г. В.Н. Враговым [9. С. 38], концепция «Федерального исследовательского университета», идеологом которой выступил ректор МГТУ им. Н.Э. Баумана И.Б. Федоров [10. С. 6], концепция исследовательского университета В.А. Журавлева [11], а также концепция, представленная президентом Томского государственного университета проф. Г.В. Майером (в прошлом – с 1995 по 2013 г. – ректор ТГУ) [12. С. 8]. В рамках данных концепций отдельной позицией обозначено, что исследовательскому университету необходимо интегрироваться в мировое научно-образовательное пространство и тесно сотрудничать с мировыми научно-образовательными центрами и фондами.

В апреле 2022 г. Болонская группа объявила, что прекращает представительство России и Беларуси во всех связанных структурах, тем самым фактически исключив отечественные образовательные организации из Болонского процесса. В ответ 24 мая 2022 г. министр науки и высшего образования РФ Валерий Фальков заявил, что «к Болонской системе надо относиться как к прожитому этапу. Будущее за нашей собственной уникальной системой образования, в основе которой должны лежать интересы национальной экономики и максимальное пространство возможностей для каждого студента» [13].

Проблему, обсуждаемую в данной работе, можно сформулировать следующим образом: с одной стороны, отечественные университеты, давно и целеустремленно ориентированные на зарубежные модели развития (в первую очередь – европейские и американские), в результате многочисленных реформ перестроили собственную организационную структуру в соответствии с предлагаемыми зарубежными образцами, что отвечало приоритетам международного сотрудничества. С другой стороны, для обеспечения национальных интересов в изменившихся социокультурных условиях от отечественной структуры, уже выстроенной в соответствии с зарубежными образцами, требуется серьезная стремительная переориентация на внутренний рынок с использованием преимущественно собственного опыта, наработок, ресурсов и резервов.

Выход России из Болонской системы сразу же стал предметом интереса многих исследователей. В целом нет какой-либо единой оценки, но ряд авто-

ров сходитя во мнении, что «деболонизации России» может иметь ряд положительных последствий, обращая внимание на тот факт, что сформировавшаяся унификация образовательных программ по образу и подобию англосаксонской модели по целому ряду причин плохо приживается в Германии и странах Восточной Европы, тем более в неевропейских странах [14–16]. В то же время существует определенный контингент «сторонников болонизации» в лице части студенчества, профессорско-преподавательского состава и администраторов от образования, поддерживающих двухступенчатое образование, позволяющее интегрироваться в международный образовательный процесс по разные стороны границ [17].

Для того, чтобы понять, в чем могут заключаться преимущества противоположных подходов, необходимо обратиться к истории Болонского процесса и оценить то, что мы наблюдали в течение последних двух десятилетий. При этом начать необходимо с программного документа, который лежит в основе «болонского процесса» – Великой хартии университетов¹. В 1986 г. Болонский университет обратился к ведущим университетам Европы с предложением о подписании Хартии. Делегаты из 80 европейских университетов избрали совет из восьми руководителей ведущих европейских университетов и представителей Совета Европы для разработки проекта Хартии. Хартия подписана 889 университетами из 88 стран. Основной принцип деятельности университетов сформулирован в Хартии так: «Университет – автономный, по-своему организованный институт в сердце общества, который производит, оценивает, приумножает и распространяет культуру путем научных исследований и обучения. Чтобы соответствовать потребностям окружающего мира, его исследования и учебный процесс должны быть морально и интеллектуально независимыми от политической и экономической власти». Основное назначение Хартии – оказывать содействие для преодоления проблемы высокой диверсификации содержания образования, квалификационных систем, степеней и дипломов университетов различных государств, способствуя тем самым свободе передвижения научных кадров высшей квалификации между странами. При этом в Хартии обозначается изменившаяся роль университетов в условиях возросшей массовизации высшего образования, которая стала возможной благодаря возросшему уровню технологического развития. В Хартии постулируется, что в университетах отсутствует четкое разделение образовательного и научно-исследовательского процесса (исследовательский университет), при этом университет должен следовать традициям гуманизма, т.е. быть свободным.

Для реализации указанных ценностей предусмотрен ряд инструментов. Во-первых, взаимное признание дипломов, степеней и званий, а также ряд инструментов академической мобильности: различные программы стажировки, постдокторантура и т.д. Во-вторых, механизм взаимного зачета образовательных кредитов (учебных единиц), которые отражают объем всех учебных курсов. И, наконец, в-третьих – формирование гибкой двухуровневой системы образования, предполагающей наличие бакалавриата и магистратуры (при

¹ Великая хартия европейских университетов (Magna Charta Universitatum Europaeorum) – документ, принятый в Болонье в 1988 г. ректорами европейских университетов. Документ был подготовлен Болонским университетом и ассоциацией университетов Европы. Хартия ставит своей целью унификацию образовательных систем, политики развития европейского университетского сообщества [18].

этом в данной схеме время нахождения студента на каждой ступени обучения жестко не фиксируется).

В российских реалиях академическая мобильность фактически отсутствует – в большинстве случаев она сводится к возможности увольнения преподавателя по окончании срока действия контракта. Что касается взаимного зачета образовательных кредитов, то для студентов при переводе из одного вуза в другой по-прежнему требуется ликвидация «академической разницы» даже в том случае, если объем и содержание курса идентичны, а названия незначительно отличаются. Взаимное признание ученых степеней является многоаспектной проблемой, которую так и не удалось решить, поскольку в России «кандидат наук» является ученой степенью, а «PhD¹» за рубежом – всего лишь академической. Кроме этого, в «западных» моделях отсутствует аналог отечественной ученой степени «доктор наук».

Таким образом, первые две из обозначенных позиций отменить невозможно (ввиду их отсутствия). Соответственно, для «отмены Болонской системы» в России по факту остается лишь система бакалавриата и магистратуры, синонимом которой в отечественных условиях выступает схема двухуровневого образования «4 + 2». Необходимо заметить, что в странах, входящих в Болонское соглашение, никакой жесткой схемы «4 + 2» не существует. В ряде университетов могут быть бакалаврские программы, рассчитанные на 3 года. Практически в любой европейской стране можно найти однолетнюю магистратуру, хотя существуют и двух-, и трехлетние программы обучения в ней – основное отличие заключается в интенсивности занятий.

В свое время для «вхождения в европейское образовательное пространство» пятилетние программы российского специалитета сократили до 4 лет, а оставшийся год обучения фактически «растянули» до двух лет магистратуры. Смена поколений и трансформация подходов к обучению, произошедшие в отечественных науке и образовании за последние полтора десятилетия, позволили разделить бакалавриат и магистратуру на самостоятельные структуры. При этом формально студент получил возможность выбора траектории своего дальнейшего развития после окончания бакалавриата: продолжение обучения (со сменой профиля или без смены профиля), самореализация на рынке труда либо уход в бизнес-структуры с дальнейшим узкопрофильным «повышением квалификации» за счет работодателя.

Необходимо отметить, что поступление в магистратуру без базовой подготовки соответствующего профиля может создавать ряд проблем как для студента, так и для преподавателя, но зачастую такое развитие событий связано с тем обстоятельством, что выпускник бакалавриата по ряду причин осознанно делает новый выбор². При этом по ряду направлений подготовки двухуровневая система может являться оптимальной. В качестве примера приведем поступление в магистратуру по направлению «государственное и муниципальное управление» после получения базовой профильной подготовки юридической или экономической направленности, направлениям «журналистика» или «педагогика» после узконаправленной специализации и т.д.

¹ Степень PhD присуждают не только в Европе, но и в ряде стран Северной и Южной Америки, Азии и Австралии [19].

² По результатам опроса соискателей из разных регионов России, проведенного порталом hh.ru, более трети выпускников российских вузов не работают по специальности [20].

Мы можем продолжать сравнение отечественной системы высшего образования с мировыми моделями по различным критериям, но практически по каждому пункту будут существенные различия. Реальная отмена Болонской системы в России невозможна, поскольку в подавляющем большинстве отечественных вузов система существует только на словах. В то же время заявление о выходе из нее вряд ли означает переход всех отечественных университетов к собственным стандартам и моделям образования. Ошибочно также воспринимать выход из болонского соглашения как возврат к советской системе образования. Как мы отмечали в своих предыдущих работах [21, 22], система образования функционирует в пределах конкретного общества, обеспечивая его развитие в соответствии с ценностями и интересами. Будучи вырванными из социокультурного контекста даже самые эффективные и успешные модели оказываются нежизнеспособными. Именно поэтому простым распоряжением или постановлением вернуть назад советский формат образования является невозможной задачей.

В свое время плохо подготовленная и непродуманная имитативная переориентация на «болонскую систему» нанесла серьезный удар по отечественной высшей школе, которая спустя десятилетия смогла частично адаптировать к российским реалиям зарубежные образцы, сохранив при этом собственную идентичность. Очередная резкая смена курса и переход к непроработанным моделям могут привести к непредсказуемым последствиям, сопряженным с потерей качества российского образования.

Вопрос заключается не в том, чтобы «переходить или не переходить», проблема гораздо глубже – в настоящий момент отсутствует понимание того, каким должно быть отечественное образование в изменившихся социокультурных условиях. Решением данной проблемы должны заниматься профессионалы – прежде всего в области образования и в области развития образования, а не только в области управления, финансов и т.д.

На практике вероятнее всего «отказ от болонской системы» проявится в следующем: во-первых, поскольку полноценная реформа требует политической решимости и финансов, то она, скорее всего, в полном объеме проведена не будет. Во-вторых, существующие фактические (а не формальные!) позиции российских университетов в мировых рейтингах, связанных с качеством подготовки, по-прежнему позволят выпускникам отдельного ряда российских вузов быть востребованными на мировых рынках вне зависимости от формального статуса диплома (бакалавр, специалист, магистр) – в случае необходимости будет организована дополнительная краткосрочная подготовка за счет работодателя. И, наконец, в-третьих – учитывая, что каждая реформа образования в России имеет экономическую подоплеку, вполне возможно, что в значительной части нерейтинговых региональных вузов может произойти сокращение программы, подразумевающей, с одной стороны, возрождение пятилетнего периода обучения, но сохраняющего при этом двухуровневую подготовку по схеме «3 + 2». Фактически произойдет весомая экономия средств одного года обучения в массовом сегменте (бакалавриат), где на выходе мы будем получать «специалиста с незаконченным высшим образованием» по аналогии с советской системой, а двухлетняя магистратура будет рассчитана не на всех, а только на тех, кто решил совершенствовать свои знания и навыки либо сменить специализацию (получить дополнительное образование). Учитывая направленность российской образовательной

политики на внедрение ассоциата в отечественной высшей школе (двухлетней двухступенчатой схемы подготовки «2 + 2» [23]), описанная нами перспектива не представляется невозможной.

При этом мы не отрицаем, что существующая система отечественного образования не является идеальной – она требует серьезного реформирования с учетом изменившихся геополитических условий. Но любые реформы должны иметь тщательно продуманный проработанный обоснованный вектор. Направленность реформ не в сторону жесткого регулирования и экономии средств, а в сторону декларированных ценностей Великой хартии университетов, сохраняющих академические свободы и автономное управление, вариативность и гибкость программ подготовки и форм обучения, позволит отойти от диктата «менеджеров в образовании», диверсифицировать финансирование университетов, что, в конечном итоге, сможет способствовать формированию «концентрации талантов», оказывающей непосредственное влияние на развитие отечественного социального потенциала.

Список источников

1. Указ Президента РФ от 7 октября 2008 года о реализации пилотного проекта по созданию национальных исследовательских университетов [М.], 2008. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102124635> (дата обращения: 17.03.2022).
2. Приказ Минобрнауки РФ от 13.09.2011 № 2290 // Министерство юстиции Российской Федерации. [М.], 2011. URL: <https://minjust.consultant.ru/documents/381> (дата обращения: 08.08.2022).
3. Проект повышения конкурентоспособности ведущих российских университетов среди ведущих мировых научно-образовательных центров. URL: <http://5top100.ru/> (дата обращения: 17.01.2021).
4. Программа «Приоритет 2030» // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. [М.], 2021. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/action/priority2030/> (дата обращения: 27.08.2022).
5. Салми Д. Создание университетов мирового класса. М., 2009. 132 с.
6. Кларк Б. Р. Создание предпринимательских университетов: организационные направления трансформации. М. : Изд. дом Гос. ун-та Высшей школы экономики, 2011. 237 с.
7. Wissema J. Towards the Third Generation University: Managing the University in Transition. Northampton, MA : Edward Elgar, 2009. 272 p.
8. Ицковиц Г. Тройная спираль. Университеты – предприятия – государство. Инновации в действии. Томск : Изд-во Том. гос. ун-та систем управления и радиоэлектроники, 2010. 238 с.
9. Основные принципы современного университетского образования / В.Н. Врагов, В.Е. Ильин, Л.Ф. Лисс, Л.М. Хаславская. Новосибирск, 1994. 57 с.
10. Федоров И.Б. О подготовке кадров в области высоких технологий // Вестник МГТУ им. Н.Э. Баумана. Сер. «Машиностроение». 2009. № 1. С. 3–8.
11. Журавлев В.А. Классический исследовательский университет: концепция, признаки, региональная миссия // Университетское управление: практика и анализ. 2000. № 2. URL: <http://www.umj.ru/index.php/pub/inside/203/> (дата обращения: 20.05.2017).
12. Майер Г.В. О критериях Исследовательского университета // Университетское управление. 2003. № 3 (26). С. 6–9.
13. Россия выходит из Болонской системы: кого и как это коснется // РБК [Санкт-Петербург], 2022. URL: https://www.rbc.ru/spb_sz/28/05/2022/628e29749a794747a1ee085d (дата обращения: 23.12.2022).
14. Сорина Г.В., Гуров Ф.Н. Гуманитарное импортозамещение: что стоит за исключением России из болонского процесса? // Сибирский философский журнал. 2022. Т. 20, № 2. С. 57–67.
15. Буровский А.М. Модели университетов и их вероятное будущее // Сфера [Б. м.], 2021. URL: <https://agency-sphera.ru/modeli-universitetov-i-ih-veroyatnoe-budushhee/> (дата обращения: 23.12.2022).
16. Тхагансоев Х.Г., Якутлов М.М. Расставаясь, обрести: к ориентирам «пост-болонского» развития вузовского образования в России // Высшее образование в России. 2022. Т. 31, № 10. С. 44–55.

17. *Бакалавров* и магистров заменят специалисты? Ректоры и преподаватели вузов – о выходе из Болонского процесса // NGS.RU Новосибирск онлайн [Новосибирск], 2022. URL: <https://ngs.ru/text/education/2022/06/16/71412953/> (дата обращения: 23.12.2022).

18. *Великая хартия европейских университетов* // Философская энциклопедия [Б. м.], 1988. URL: <https://terme.ru/termin/velikaja-hartija-evropeiskih-universitetov.html> (дата обращения: 12.01.2023).

18. *Что такое PhD?* // Молодой ученый [Б. м.], 2020. URL: <https://moluch.ru/information/chto-takoe-phd/> (дата обращения: 23.12.2022).

20. *Почему так много россиян работают не по специальности* // Ведомости [М.], 2021. URL: <https://www.vedomosti.ru/career/articles/2021/09/06/885470-rabotayut-spetsialnosti> (дата обращения: 23.01.2022).

21. *Петров В.В.* Сдерживающие факторы формирования социального потенциала в условиях системных трансформаций // Философия образования. 2019. Т. 19, № 3. С. 57–70.

22. *Петров В.В.* Развитие университетских систем в трансформирующихся обществах // Профессиональное образование в современном мире. 2020. № 2 (10). С. 3666–3673.

23. *Мельник Дара:* 2+2+2 = современная высшая школа? Что такое отложенный выбор студентов // ТАСС [М.], 2020. URL: <https://tass.ru/opinions/7763823> (дата обращения: 18.03.2020).

References

1. Russian Federation. (2008) *Ukaz Prezidenta RF ot 7 oktyabrya 2008 goda o realizatsii pilotnogo proekta po sozdaniyu natsional'nykh issledovatel'skikh universitetov* [Decree of the President of the Russian Federation of October 7, 2008 on the implementation of a pilot project to create national research universities]. [Online] Available from: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102124635> (Accessed: 17th March 2022).

2. Ministry of Justice of the Russian Federation. (2011) *Prikaz Minobrnauki RF ot 13.09.2011 N 2290* [Order N 2290 of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation of September 13, 2011]. [Online] Available from: <https://minjust.consultant.ru/documents/381> (Accessed: 8th August 2022).

3. Russian Federation. (n.d.) *Proekt povysheniya konkurentosposobnosti vedushchikh rossiyskikh universitetov sredi vedushchikh mirovykh nauchno-obrazovatel'nykh tsentrov* [A project to increase the competitiveness of leading Russian universities among the world's leading scientific and educational centers]. [Online] Available from: <http://5top100.ru/> (Accessed: 17th January 2021).

4. Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. (2021) *Programma "Prioritet 2030"* [Program "Priority 2030"]. [Online] Available from: <https://minobrnauki.gov.ru/action/priority2030/> (Accessed: 27th August 2022).

5. Salmi, J. (2009) *Sozdanie universitetov mirovogo klassa* [The Challenge of Establishing the World Class Universities]. Translated from English. Moscow: Ves' Mir.

6. Clark, B.R. (2011) *Sozdanie predprinimatel'skikh universitetov: organizatsionnye napravleniya transformatsii* [Creating Entrepreneurial Universities: Organizational Pathways of Transformation]. Translated from English. Moscow: HSE.

7. Wissema, J. (2009) *Towards the Third Generation University: Managing the University in Transition*. Northampton, MA: Edward Elgar.

8. Itskovits, G. (2010) *Troynaya spiral'. Universitety – predpriyatiya – gosudarstvo. Innovatsii v deystvii* [Triple Helix. Universities – Enterprises – State. Innovation in Action]. Tomsk: Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics.

9. Vragov, V.N., Ilin, V.E., Liss, L.F. & Khaslavskaya, L.M. (1994) *Osnovnye printsipy sovremennogo universitetskogo obrazovaniya* [Basic principles of modern university education]. Novosibirsk: [s.n.].

10. Fedorov, I.B. (2009) O podgotovke kadrov v oblasti vysokikh tekhnologiy [On the training of high technologies personnel]. *Vestnik MGTU im. N.E. Baumana. Ser. Mashinostroenie – Herald of the Bauman Moscow State Technical University. Series Mechanical Engineering*. 1. pp. 3–8.

11. Zhuravlev, V.A. (2000) Klassicheskiy issledovatel'skiy universitet: kontseptsiya, priznaki, regional'naya missiya [Classical Research University: Concept, Features, Regional Mission]. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz*. 2. [Online] Available from: <http://www.umj.ru/index.php/pub/inside/203/> (Accessed: 20th May 2017).

12. Mayer, G.V. (2003) O kriteriyakh Issledovatel'skogo universiteta [On the criteria of the Research University]. *Universitetskoe upravlenie*. 3(26). pp. 6–9.

13. RBK. (2022) *Rossiya vykhodit iz Bolonskoy sistemy: kogo i kak eto kosnetsya* [Russia exits the Bologna system: who and how will it affect]. [Online] Available from: https://www.rbc.ru/spb_sz/28/05/2022/628e29749a794747a1ee085d (Accessed: 23rd December 2022).
14. Sorina, G.V. & Gurov, F.N. (2022) Excluding Russia from the Bologna Process: What is Behind This? *Sibirskiy filosofskiy zhurnal – The Siberian Journal of Philosophy*. 20(2). pp. 57–67. (In Russian). DOI: 10.25205/2541-7517-2022-20-2-57-67
15. Burovskiy, A.M. (2021) *Modeli universitetov i ikh veroyatnoe budushchee* [Models of universities and their probable future]. [Online] Available from: <https://agency-sphera.ru/modeli-universitetov-i-ih-veroyatnoe-budushchee/> (Accessed: 23rd December 2022).
16. Tkhatapsoev, Kh.G. & Yakhutlov, M.M. (2022) Giving up to Gain: Towards the Benchmarks of the “Post-Bologna” Development of Higher Education in Russia. *Vysshee obrazovanie v Rossii – Higher Education in Russia*. 31(10.) pp. 44–55. (In Russian). DOI: 10.31992/0869-3617-2022-31-10-44-55
17. NGS.RU. (2022) *Bakalavrov i magistrrov zamenyat spetsialisty? Rektory i prepodavateli vuzov – o vykhode iz Bolonskogo protsessa* [Bachelors and masters will be replaced by specialists? Rectors and university professors - about withdrawing from the Bologna process]. [Online] Available from: <https://ngs.ru/text/education/2022/06/16/71412953/> (Accessed: 23rd December 2022).
18. National Encyclopedic Service. (1988) *Velikaya khartiya evropeyskikh universitetov* [Magna Carta of European Universities]. [Online] Available from: <https://terme.ru/termin/velikaja-hartija-evropeyskikh-universitetov.html> (Accessed: 12th January 2023).
18. Denisova, K. (2020) *Chto takoe PhD?* [What is a PhD?]. [Online] Available from: <https://moluch.ru/information/chto-takoe-phd/> (Accessed: 23rd December 2022).
20. Fedotova, E. (2021) *Pochemu tak mnogo rossiyan rabotayut ne po spetsial'nosti* [Why do so many Russians work outside their specialty]. [Online] Available from: <https://www.vedomosti.ru/career/articles/2021/09/06/885470-rabotayut-spetsialnosti> (Accessed: 23rd December 2022).
21. Petrov, V.V. (2019) Sderzhivayushchie faktory formirovaniya sotsial'nogo potentsiala v uslo-viyakh sistemnykh transformatsiy [Restraining factors in the formation of social potential in the conditions of systemic transformations]. *Filosofiya obrazovaniya*. 19(3). pp. 57–70.
22. Petrov, V.V. (2020) Razvitie universitetskikh sistem v transformiruyushchikhsya obshchestvakh [Development of university systems in transforming societies]. *Professional'noe obrazovanie v sovremennoy mire*. 2(10). pp. 3666–3673.
23. Melnik, D. (2020) $2+2+2 = \text{sovremennaya vysshaya shkola?}$ *Chto takoe otlozhennyi vybor studentov* [2+2+2 = modern high school? What is the delayed choice of students]. [Online] Available from: <https://tass.ru/opinions/7763823> (Accessed: 18th March 2020).

Сведения об авторе:

Петров В.В. – кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник отдела социальных и правовых исследований Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия); доцент кафедры социальной философии и политологии Института философии и права Новосибирского национального исследовательского государственного университета (Новосибирск, Россия). E-mail: vvpetrov@mail.nsu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Petrov V.V. – Cand. Sci. (Philosophy), docent, senior researcher, Department of Social and Legal Research, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation); associate professor, Department of Social Philosophy and Political Science, Institute of Philosophy and Law, Novosibirsk National Research State University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: vvpetrov@mail.nsu.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 20.02.2023;
одобрена после рецензирования 28.03.2023; принята к публикации 20.04.2023
The article was submitted 20.02.2023;
approved after reviewing 28.03.2023; accepted for publication 20.04.2023*

Научная статья

УДК 130.31

doi: 10.17223/1998863X/72/14

ФИЛОСОФСКИЕ ИСТОКИ ПОСТГУМАНИЗМА: К ПРОБЛЕМЕ НЕЧЕЛОВЕЧЕСКОГО

Наталья Николаевна Ростова

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия,
nnrostova@yandex.ru*

Аннотация. Исследуются философские истоки идеи нечеловеческого в современной философии. Автор исходит из понимания постгуманизма как доминирующей стратегии западной мысли XXI в., фундамент для которой был заложен задолго до первых постгуманистических манифестов. Именно этот фундамент позволил появиться таким современным течениям мысли, как трансгуманизм, нечеловеческая антропология, новый материализм, метагуманизм и ингуманизм. Задачей исследования видится анализ непосредственных предшественников философии нечеловеческого, к которым относит Ж.-Ф. Лиотара, Л. Альтюссера, К. Леви-Стросса.

Ключевые слова: антропология, гуманизм, трансгуманизм, постгуманизм, антигуманизм, нечеловеческая антропология, искусственный интеллект, Ж.-Ф. Лиотар, Л. Альтюссер, К. Леви-Стросс

Для цитирования: Ростова Н.Н. Философские истоки постгуманизма: к проблеме нечеловеческого // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 72. С. 151–162. doi: 10.17223/1998863X/72/14

Original article

PHILOSOPHICAL ORIGINS OF POSTHUMANISM: ON THE PROBLEM OF THE NON-HUMAN

Natalya N. Rostova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

nnrostova@yandex.ru

Abstract. The article examines the philosophical origins of the idea of the non-human in modern philosophy. The author proceeds from the understanding of posthumanism as the dominant strategy of western thought of the 21st century, the foundation for which was laid long before the first posthumanist manifestos. It was this foundation that allowed the emergence of such modern trends of thought as transhumanism, non-human anthropology, new materialism, metahumanism and inhumanism. The study aims to analyze the immediate predecessors of the philosophy of the non-human, which includes Jean-François Lyotard, Louis Althusser, Claude Lévi-Strauss. Referring to the works of Lyotard, the author shows the unreasonableness of the idea of the dialectic of humanism. The author discovers the true dialectic of the human and non-human in Lyotard's arguments about the coming world catastrophe, which will destroy the thinking man along with the Earth. Noting the uniqueness of the experience of thought, Lyotard admits the appearance of artificial bodies for thought. The author shows how the idea of thinking machines that will transcend the limitations of man and his culture is developed in the modern transhumanist discourse. Analyzing the structural anthropology of Lévi-Strauss, the author shows that it is based on the idea of the dissolution of the human in the non-human. By agreeing with Rousseau that anthropology is

a “distant view”, Lévi-Strauss expands the horizon of this view of the non-human world. The author shows that the Lévi-Strauss project is about the restructuring of knowledge, as a result of which the boundaries between culture and nature, the higher and the lower, are blurred. The discourse of Lévi-Strauss finds followers among the new anthropologists. The author analyzes the development of the idea of anti-humanism by Althusser on the material of his essay on the artist Leonardo Cremonini. Cremonini goes beyond aesthetics and follows materialist thinkers, canceling anthropological categories with artistic means. First of all, this is about discrediting the idea of the subject. Cremonini does not write things and people, but the relationships that determine them. Considering the works of these thinkers, the author comes to the conclusion that the ideas of overcoming the opposition “nature–culture”, the constitutive role of the non-human for human, developed by the new anthropology of the 21st century, are already present in the philosophy of the second half of the 20th century.

Keywords: anthropology, humanism, transhumanism, posthumanism, antihumanism, non-human anthropology, artificial intelligence, Jean-François Lyotard, Louis Althusser, Claude Lévi-Strauss

For citation: Rostova, N.N. (2023) Philosophical origins of posthumanism: on the problem of the non-human. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 72. pp. 151–162. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/72/14

Идейным мейнстримом современной западной философии становится постгуманизм. Иногда возникновение постгуманизма связывают с именем литературоведа Ихаба Хассана, поскольку в 70-е гг. прошлого века он заявил о том, что гуманизм исчерпал себя, а потому наступает эпоха постгуманизма [1. С. 843]. Однако под постгуманизмом мы понимаем не локальные высказывания и позиции отдельных авторов, но кульминацию современной западной мысли, имеющую мощные предпосылки в прошлом этой традиции. Суть постгуманистической философской стратегии состоит в утверждении онтологического равенства человека и мира и, как следствие, в отказе от идеи исключительности человеческого существования. Понятый таким образом постгуманизм объемлет в себе трансгуманизм, «метегуманизм», «ингуманизм», нечеловеческую антропологию и новый материализм. Философские истоки постгуманизма можно проследить, начиная, по крайней мере, с Аристотеля [2] и даже Парменида.

В настоящей статье мы обратимся к непосредственным предшественникам философии нечеловеческого, а именно к работам Ж.-Ф. Лиотара, Л. Альтюссера и К. Леви-Стросса, и покажем, что идеи растворения человеческого в нечеловеческом, детерминированности человеческого нечеловеческим, а также создания мыслящих машин, преодолевающих несовершенство человека и его культуры, уже активно развиваются в европейской философии второй половины XX в., и в этом смысле нечеловеческая антропология, заявляющая сегодня о себе как о новой антропологии, не столь нова.

Диалектика гуманизма

Гуманизм диалектичен, считает Ж.-Ф. Лиотар. Его диалектика состоит в противоречивой игре человеческого и нечеловеческого. «В 1913 году, – напоминает он, – Аполлинер остроумно писал: „Прежде всего, художники – это люди, которые стремятся к не-человеческому“. А в 1969 году, – продолжает он, – Адорно снова писал об этом, но уже более осторожно: „Искусство остается верным человечеству исключительно благодаря своей нечеловечности по отношению к нему“» [3. С. 2]. Высказывание Адорно под-

крепляет тезис Аполлинера. Оба они вскрывают внутреннюю раздвоенность гуманизма. «Подозрение, которое они выдают (в обоих значениях этого слова), – утверждает Лиотар, – просто и при этом двойственно: что, если человеческие существа, в гуманистическом смысле, находятся в процессе принудительного становления нечеловеческими (это первая часть)? И (вторая часть) что, если быть захваченным нечеловеческим является „подлинным“ для человечества? Это означало бы, что есть два вида нечеловеческого. Необходимо их разделять. Не следует смешивать нечеловечность системы, которая в настоящее время закрепляется под именем развития (среди прочих), с нечеловеческим бесконечно сокровенным, заложницей которого является душа» [3. С. 2].

С одной стороны, ребенок – это идеальная модель человека, ибо он есть воплощение неопределенности и нечувствительности к здравому смыслу. Культура же как система принуждений оказывается репрессивной нечеловеческой сферой. С другой стороны, всякий взрослый, обретая вторую природу через образование и воспитание, призван «освободиться от темной дикости детства», устранить эту пугающую неопределенность: «...интериоризировав интересы и ценности цивилизации, взрослый, – говорит Лиотар, – может претендовать, в свою очередь, на полноту человечности и на действенную реализацию разума как сознания, знания и воли» [3. С. 4]. Званием человека, таким образом, можно гордиться по прямо противоположным причинам, либо апеллируя к разуму, либо – к неразумию. Аполлинер и Адорно призывают к дикости детства, той подлинности человека, которую можно обрести в искусстве.

Однако диалектика Лиотара ассиметрична. «Тезис», с одной стороны, скрывает триаду «природа–человек–культура», ибо исконная неопределенность и неразумие уже предполагают свободу от природы. «Антитезис» утрачивает третье звено, оставляя в себе оппозицию «человек–культура». Лиотар в первом случае не различает природу и культуру, мысля их как репрессивные инстанции, во втором случае – культура мыслится как сфера освобождения от дикости и пассивности сферы случайного. То есть Лиотар, не проводя различия между природой и культурой, принципиальным образом не отличает инстинкт и антропологическую форму – внешнюю структуру и самодетерминизм. «Синтез» – обречен. Проблема, которую фиксирует Лиотар, состоит не в соотношении человеческого и нечеловеческого, ибо там, где хаос и спонтанность (а о них идет речь в обоих случаях), мы уже говорим о человеке, о режиме присутствия, не редуцируемом к миру. Вопрос же состоит в том, что считать истиной человека – спонтанность или порядок, хаос или форму? Как трактовать свободу человека? Для этого следует различать субъективность и сознание. Если субъективность как первичное самообнаружение человека – это хаос, то, что накладывает запрет на внутреннюю историю и поступок, предоставляя человека воле случая, то сознание – это внутренняя форма, самоучреждение упорядочивающего начала и удерживания себя при нем. Полнота этой формы дана в Боге. Или, точнее, Бог – это полнота сознания. Понятие нечеловеческого у Лиотара оказывается пустым. Проблема культуры заключается не в том, что она состоит из актов принуждения и, как выразился бы Кант, лишает нас радости жизни, а в том, что она рискует превратиться в инстинкт второго порядка, автоматизм, не требующий присут-

ствия сознания. Равно как дело не в том, что неопределенность нечеловечна и угрожающа, как выражается Лиотар, а в том, что хаос – это запрет на внутреннюю историю и на возможность совершать поступки, ибо все состояния ситуативны и друг с другом не соотнесены.

Истинная диалектика человеческого и нечеловеческого у Лиотара обнаруживается в его апокалиптических рассуждениях о мыслящей машине. После солнечного взрыва, говорит Лиотар, не будет никакой человечности. Что же будет с мыслью? Хотя взрыв на Солнце Лиотар предсказывает через 4,5 млрд лет, этот вопрос он считает единственно достойным для философии.

Мысль – это земное. С исчезновением Земли исчезнет и мысль, оставив само исчезновение невысказанным. Человек случаен. Он появился незаметно и незаметно уйдет, не оставив за собой ни следа, ни мысли. Катастрофа неотвратима, пробуждает нас Лиотар, и мы можем либо не замечать ее, либо иметь мужество предвидеть ее и бороться с ее последствиями, пытаюсь обеспечить «материальную возможность мышления после изменения материи» [3. С. 12]. Усилия науки направлены именно на решение этой задачи, будь то нейрофизиология, генетика, медицина или информационные технологии. Лиотар, солидаризируясь с ними, решается обратиться на нее усилия философии. Еще и потому, что с оптимизмом смотрит на развитие техники.

Он понимает, что мысль – это человеческая мысль. Мысль – это опыт пустоты и страдания. Мы должны опустошиться для невысказанного, приостановить привычный ход мысли, оставить комфорт мыслимого с тем, «чтобы благодать коснулась нас» [3. С. 19]. Этот опыт предоставления себя чему-то, что больше тебя, неминуемо сопряжен со страданием, утратой наслаждения тем, чем мы прежде обладали. От нас требуется пустота, если наш ум хочет думать. Боль – это не нечто внешнее, но сама мысль, которая указывает на неисчерпаемость невысказанного. Мысль, уточняет Лиотар, это не отбор и «табуирование» данных, не комбинации символов по заданным правилам. Мысль сродни искусству. Но тут же задается риторическим вопросом: будут ли машины удовлетворять условию мысли? «Речь идет (если использовать напрашивающуюся формулировку), – говорит он, – о том, чтобы „дать тело“ искусственной мысли, на которую они способны. И это то тело, как „естественное“, так и искусственное, должно быть перенесено далеко от Земли до ее разрушения, если мы хотим, чтобы мысль, пережившая солнечный взрыв, была чем-то большим, чем бедный бинаризованный призрак того, чем она была до него. С этой точки зрения у нас действительно должны быть основания не отказываться от технонауки. Я понятия не имею, достижима ли такая „программа“. Можно ли вообще утверждать, что мы программируем опыт, который бросает вызов если не программированию, то, по крайней мере, программе – как это делает видение художника или писателя?» [3. С. 17].

Лиотар грезит о нечеловеческом теле для уже нечеловеческой мысли – мысли, которая, верит он, будет поистине мыслью, а не банальной демонстрацией бинарной логики. Страдающая машина, машина видений – это уже не парадокс, а мечта, бросающая вызов художникам, мыслителям, человечеству вообще. И этот вызов, по мысли Лиотара, оправдан, ибо прогресс идет, а человек вечно «тянется» за ним. Человеческое тянется за нечеловеческим. Так было всегда, человек всегда адаптировался к происходящим изменениям, отличие сегодняшнего дня состоит лишь в том, что экспоненциальный рост

преобразований позволил нам их заметить. Почему человек должен следовать за нечеловеческим? Потому что он ограничен. Человеческий мозг, говорит Лиотар, создает технологии и управляет ими, но сам требует земного тела для выживания. Организм препятствует расширению памяти, а потому нужно преодолеть его. Равно как и культуры в целом должны быть превзойдены. Ибо что такое традиционные культуры? Культуры Лиотар понимает как нарративы, аппараты по запоминанию и хранению информации, позволяющие народам организовывать свое пространство и время. Любая традиционная культура, считает Лиотар, локальна, поскольку приурочена к географии и исторической эпохе. Память таких культур, говорит он, не может быть воспроизведена в другом месте или передана. Новые технологии, напротив, могут предоставить культурные модели, не укорененные в локальных местностях. Именно они позволят освободить мысль от тела, культуру – от земли. Сейчас, говорит Лиотар, информационные технологии позволяют создать ничем не ограниченные в своем синтезе «супермонады», никакое человечество не смогло бы достичь такого уровня запоминания, какой свойствен им. «Электронная и информационная сеть, распространенная по всей земле, порождает глобальную способность к запоминанию, которая должна быть оценена в космическом масштабе, она не соизмерима с тем, что было присуще традиционной культуре» [3. С. 64]. Правда, проблема, говорит он, состоит в том, что аккумулируемая супермонадами память уже ничья. Что значит память ничья? Лиотар уточняет: это значит, что тело памяти не принадлежит земле, оно наконец, освободилось от корреляции с ней. «Единственный шанс на успех, – заключает Лиотар, – приспособливаться виду к сложности, которая бросает ему вызов. И если исход удастся, то сохранится не сам вид, а „наиболее совершенная монада“, которой он был беременен» [3. С. 64]. Человечество беременно нечеловеческим и должно предоставить себя его совершенству.

Лиотар, грезя о супермонаде, памяти без носителя памяти, совершает ряд подмен, путая смысл и информацию, память и совокупность фактов, укорененность культуры и представление о ее локальности, доопределение и хранение. Культура не локальна, но тотальна. В любой культуре дана вся полнота. Не географическая и историческая, а смысловая. Смыслы – это не информация. Информация бесконечна, а потому бессмысленна. Культура, оперируя смыслами, бесконечное упаковывает в конечное, собирает тотализирующее целое. Причастному смыслу дана вся его полнота. В ранних культурах эта полнота называется космогонией. Космогония охватывает весь мир, видимый и невидимый, актуальный и возможный, упаковывая его в обжитое единство. Неограниченность информации указывает на ее ограниченность, ибо совокупность фактов не то же, что органичное целое. Не бывает глобальной культуры. Глобальная культура – это антикультура, ибо не имеет в себе основания. Она лишь сшита из разных культур и их эпифеноменов. То, что Лиотар называет локальностью культуры, есть не что иное, как ее конкретность и непосредственность. Не может быть умозрительной культуры. Культура всегда конкретна, укоренена в почву. Эта укорененность есть условие доступа к ней. Нельзя приобщиться к культуре вообще. Приобщиться – не то же, что получить доступ к информации, а потому абсурдно говорить о том, что культура может быть передана. Смыслы не передаются, к ним приобща-

ются. Приобщиться – это значит вступить в игру доопределения смыслов, личного соучастия в том, что надличностно. Культура жива до тех пор, пока эта игра длит себя. А потому слова Лиотара о памяти без помнящем бессмысленны. Дело не в том, что воображаемое неземное тело не ограничено в хранении неограниченной информации, а в том, что это тело мертвое и лишённое смысла. Энтузиазм, с которым Лиотар ожидает «супермонаду», преодолевающую «вид», зиждется на идее нечеловеческого, которым аннулируется человеческое.

Сегодня эти идеи популярны в трансгуманистической среде, в рамках которой преобразование человека понимается как совершенствование нечеловеческого в нем. О многообещающих перспективах появления искусственного тела мысли можно узнать, например, в коллективной работе современных отечественных авторов «Глобальное будущее 2045». Наша цивилизация, пишут они, находится в цейтноте. «Эксперты предсказывают, что примерно к середине века она выйдет на рубеж сингулярности, за которым либо деградация и гибель, либо переход на качественно новый уровень развития. Это заставляет искать другие пути, рассматривать трансгуманистические варианты преобразования человека и общества» [4. С. 238–239]. Таким трансгуманистическим вариантом преобразования видится «перенос сознания и личности в небиологическую систему», или что то же «воспроизведение функций живой системы и головного мозга на небиологических субстратах». Кибернетическое бессмертие, преодолевающее биологическую ограниченность человека, сулит превратить его в настоящего творца собственного будущего. Речь идет о таких преобразованиях, последствия которых мы в силу своей ограниченности помыслить не в состоянии. Однако это не должно нас пугать. «Процесс трансгуманистических преобразований, – поясняют нам, – органически включает формирование новых смыслов, ценностей и целей жизнедеятельности, которые раздвигают горизонты разума, ограниченного биологическим и земным способом его существования... Нам крайне трудно с позиций своего сознания представить себе сознание будущего разумного существа, избавленного от проблем биологической телесности (боли, болезней, усталости, низменных влечений, старческого одряхления и т.п.). Но несомненно, что это будет сознание с гораздо более высокими ценностями, смыслами и целями, не замусоренное мелочными заботами, побуждениями, амбициями, огорчениями, суетой нашего нынешнего бытия» [4. С. 247]. В отличие от Лиотара, трансгуманисты не видят принципиальных препятствий для реализации своего проекта. «Фантастика или научная проблема? – спрашивает Д.И. Дубровский. – Отвечу сразу. Это научная проблема – примерно такого же типа, как проблема выхода человека в космос, выдвинутая Циолковским на рубеже двух прошлых веков. Но думаю, что срок ее решения может быть даже более коротким» [4. С. 245].

Растворение человеческого

Структурная антропология К. Леви-Стросса выстраивается на идее «превращения человеческого в нечеловеческое» [5. С. 308]. Не смущаясь упреком Сартра в том, что он эстет, Леви-Стросс пишет: «...конечная цель наук о человеке не в том, чтобы конституировать человека, но в том, чтобы растворить его. Выдающееся значение этнологии состоит в том, чтобы соответствовать

первому этапу процедуры, включающему и другие этапы: за эмпирическим разнообразием человеческих обществ этнографический анализ стремится добраться до инвариантов, расположенных, как показывает данная работа, порой в самых непредвиденных точках. Руссо (Rousseau 2, chap. VIII) со своей обычной прозорливостью предчувствовал это: „Когда мы желаем изучать людей, следует посмотреть около себя, но, чтобы изучать человека, следует научиться относить точку зрения в отдаление; прежде всего надо пронаблюдать различия, чтобы открыть свойства“. Однако недостаточно поглотить отдельные человечества всеобщим человечеством. Это первое начинание, взятое как наживка для других, которые Руссо не столь охотно принял бы и которые приходится на долю точных и естественных наук: реинтегрировать культуру в природу и, в конечном счете, жизнь – в совокупность физико-химических состояний» [5. С. 308]. Леви-Стросс, следуя за Руссо, принимает идею о том, что антропология – это взгляд в отдаление, своего рода эстетство. Однако для Руссо горизонт этого взгляд исчерпывается человеческим миром, тогда как для Леви-Стросса – физико-химическим. Непредвиденные точки, в которых Леви-Стросс предполагает найти человека, принадлежат сфере природы. Основанием антропологии оказывается редукция человеческого к нечеловеческому, или, как выражается Леви-Стросс, «реинтеграция культуры в природу». Выражение «реинтеграция культуры в природу» предполагает, что культура есть нечто, что должно быть возвращено в исконное лоно некоего целого, где она не отличается от природы.

Леви-Стросс и сам признает, что работает по принципу редукции. Однако редукция, уточняет он, не то же, что «обеднение феномена», равно как «растворение» не то же, что разрушение. Подобно тому, как твердое тело, превращаясь в жидкое, не исчезает, не разрушается, но меняет расположение молекул, так и в нашем знании, согласно Леви-Строссу, должно произойти перераспределение смыслов. «Любая редукция, – говорит он, – переворачивает сверху донизу предвзятую идею... в тот день, когда мы достигнем понимания жизни как функции инертного вещества, это произойдет для того, чтобы открыть, что оно обладает совершенно отличными свойствами от тех, что мы ему прежде приписывали. Поэтому уровни редукции невозможно классифицировать на высшие и низшие, поскольку, наоборот, следует ожидать, что в результате редукции уровень, считавшийся высшим, передает обратным действием кое-что из своего богатства низшему уровню, к которому он будет вновь приведен» [5. С. 308–309]. Взаимное сообщение и обогащение того, что считалось высшим и низшим, экстраполяция привилегий культуры на природу предполагает упразднение самих этих делений: «...в нашей перспективе, – заключает Леви-Стросс, – мое „я“ более не противостоит другому, как и человек – миру: познанные через человека истины суть „от мира“, и поэтому они важны» [5. С. 309]. Что значит истины человека суть истины мира? Это значит, что человек принципиальным образом не отличим от мира. Если, как утверждает один логик, формулировки чистой математики ничего не говорят о реальности, все же эти формулировки, уточняет Леви-Стросс, говорят о функционировании ума человека, т.е. о «деятельности клеток коры головного мозга, относительно свободных от любого внешнего принуждения и подчиняющихся лишь собственным законам. Поскольку ум есть также вещь, – продолжает он, – функционирование этой вещи позволяет нам пости-

гать природу вещей, даже чистая рефлексия сводится к интериоризации космоса» [5. С. 309]. Предупреждая об эффектах редукции, в результате которой низшее обретет свойства высшего, Леви-Стросс, тем не менее, ум редуцирует к вещи, а рефлексию – к интериоризации космоса.

Демократизация мысли для Леви-Стросса является осознанным проектом. Этнологию он понимает как третий гуманизм после классического гуманизма эпохи Возрождения и неклассического гуманизма XVIII–XIX вв., связанного с масштабными географическими открытиями, в результате которых Индия и Китай расширили картину мира. Но именно третий гуманизм, этнологию Леви-Стросс называет демократическим. На поверхности лежит идея «законченного космоса», т.е. включения в зеркало гуманизма, которое позволяет нам себя узнать, доцивилизационных народов. Однако для Леви-Стросса речь идет о переструктурировании знания. «По причине особых свойств „остаточных“ обществ, – объясняет он, – которые стали предметом ее изучения, антропология оказалась вынужденной выковывать новые орудия познания, они могут плодотворно применяться к изучению других обществ, включая и наше собственное» [5. С. 17]. О каких особых свойствах «остаточных» обществ и о каких орудиях их познания идет речь? Леви-Стросс указывает на то, что эти общества «чрезвычайно труднодоступны» и уточняет: «...эти цивилизации не дают в наши руки письменных документов, ибо у них вообще нет письменности. А так как уровень их технического развития, как правило, очень низок, они не оставили нам и памятников изобразительного искусства» [5. С. 17]. То есть мы имеем дело с дописьменными культурами. Какой же вывод из этого делает Леви-Стросс? Как проникнуть в специфику, в том числе «психической жизни туземцев»? Решая эту трудную задачу, заключает Леви-Стросс, «этнология во всех отношениях выходит за пределы традиционного гуманизма. Поле ее исследования охватывает всю обитаемую землю, а ее методология аккумулирует процедуры, относящиеся как к гуманитарным, так и к естественным наукам... Мобилизуя методы и инструментарий, заимствованный из всех наук, и ставя все это на службу человеку, этнология хочет примирить человека и природу в едином всеобщем гуманизме» [5. С. 17–18]. Иными словами, расширенное зеркало гуманизма потребовало новых методов, а именно: естественно-научных. Означает ли это, что дописьменные культуры могут быть приравнены к природным сообществам, адекватным языком описания которых является инструментарий естественных наук? Иными словами, демократическим гуманизм оказывается не потому, что исчезают привилегированные цивилизации и народы, но потому, что он примиряет заодно культуры и природу. И тогда выражение «законченный космос» приобретает совсем иной смысл. Проблема не в географических открытиях, знакомящих друг с другом различные традиции, а в растворении человеческого в нечеловеческом.

Обращение новой антропологии к доцивилизационным общинам сегодня является одним из стандартных способов поставить под вопрос оппозицию «природа-культура». В этой парадигме работают Ф. Дескола, Э.В. де Кастру, Э. Кон. Филипп Дескола прямо называет себя последователем Леви-Стросса. Как он говорит, оппозиция «природа и культура» не так универсальна, как это принято считать. Наблюдение за жизнью племен не только рассеивает нашу уверенность в ней, но и подталкивает нас задуматься об основаниях

нашего собственного сознания [6. С. 10]. Иными словами, цель новой антропологии сегодня состоит в том, чтобы деконструировать нашу культуру, по-новому посмотреть на себя в отдалении.

Вещи и их люди

Л. Альтюссер исследует гуманистические периоды Маркса и поддерживает принятую им в конечном итоге позицию антигуманизма, т.е. гуманизма как идеологии, а не как указания на сущность человека [7]. У человека нет сущности, и это идея нравится Альтюссеру.

Выражение своей философии Альтюссер видит в живописи Леонардо Кремонини, хотя ее в равной степени могли бы представить полотна Джоржа де Кирико, Сальвадора Дали или Антони Пичота. Кремонини возникает в сознании Альтюссера по случаю посещения им в 1964 г. Венецианской биеннале. Кремонини, возмущен Альтюссер, называют экспрессионистом, но это вопиющее недоразумение. Кремонини не экспрессионист, а абстракционист. Он – «художник абстракции». Что значит быть художником абстракции и причем здесь философия?

На полотнах Кремонини мы видим круговорот вещей и людей, онтологически сросшихся в единое целое. Лица людей редуцированы к телесной массе, которая растворяется в окружающем мире. Игра зеркал, которую любит художник, подчеркивает эту бесконечность взаимопроникновений человеческого и нечеловеческого. Логика отражений работает и без физического присутствия зеркала. Круг, говорит Альтюссер, «сразу становится кругом внешнего и внутреннего, кругом взглядов и жестов, заключенных в круг вещей: так вид из окна на интерьер соседской квартиры, из которой соседи смотрят на тот интерьер, из которого видны они; так святые мясники, сливающиеся с огромной освеженной тушей быка, в которой они копаются (круг человека и зверя), оборачивающиеся к окну (круг внутреннего и внешнего), к которому запрет подтолкнул девочку, что убегает, даже не взглянув на них (круг желания и запрета); так игра „без правил“ детей, бегающих среди мебели – без правил, поскольку ее правило – лишь закон ограждения закрытого пространства, единственное тело их „свободы“» [8].

Вещи поглощают людей, отменяя их человечность. Альтюссер, интерпретируя полотна Кремонини, переставляет знаки, говоря о круговороте «вещей и их людей». Не люди и вещи сообщатся, но вещи и детерминированные ими люди. Не люди творят вещи, но вещи дают место людям в своих порах. Не люди смотрят в зеркала, но зеркала видят их. Он пишет: «Люди: они имели изначально и все еще имеют форму своих „вещей“, форму „вещей“. Каменные фигуры и тела, в своих предметах и жестах выдающие свои изначальные „истоки“: именно эти кости, преобразованные в инструменты, эти худые локти, врезающиеся в подлокотники, эти женщины, прямые, как железные прутья их балкона, их малорослые дети. Люди: существа, застывшие в своей сути, своем прошлом, своих истоках, то есть в своем отсутствии, которое делает их тем, что они есть, никогда не просившими дать им жизнь и не задававшими вопроса, зачем они должны жить. „Вещи“: эти инструменты, эта утварь, стены, перегородки, отделяющие пространство внутри от пространства снаружи, тень от воздуха, темный блеск потертого лака от грубой ясности небес. „Люди“: вытесанные из материала своих предметов, им огра-

ниченные, пойманные и раз навсегда определенные; лица, разъеденные воздухом, подточенные и будто отрезанные (лица почти *линии*), жесты и крики, застывшие в своей незыблемой тяжеловесности, насмешка над человеческим временем, сведенным к вечности, вечности материи» [8].

Круговорот вещей и людей предполагает единый закон, которому они подчинены. Этот закон Альтюссер называет материалистическим и видит его символическое воплощение в живописных вертикалях, доминирующих над бесконечным циркулированием: «...на всех этих полотнах, – говорит Альтюссер о Кремонини, – высокие вертикали: двери, окна, перегородки, стены, – в которых „изображен“ безжалостный закон, который управляет людьми, даже в их усталой плоти, – тяжесть материи, то есть их жизни» [8]. Кремонини абстракционист потому, что пишет не людей и предметы, а отношения, т.е. «реальные» абстракции, которыми они заданы. Абстракция в данном случае адресуется не к возможности, а к реальности. История людей – это история абстракций, т.е. это история нечеловеческого.

Быть абстракционистом – значит быть антигуманистом. Кремонини антигуманист, – торжествует Альтюссер, – ибо отменяет гуманистическую идеологию, согласно которой человек – это субъект, автор и творец. Стирая и уродуя лица, Кремонини покидает поле эстетики и категорий прекрасного-безобразного. То, что он пишет, не безобразно, но антигуманистично. Кремонини, следуя за философами-материалистами, живописными средствами аннулирует антропологические категории. Лицо в своей анонимности отныне не предполагает местопребывания души. Лицо становится пространством детерминирующих структур мира.

«Весь „человек“, – говорит Альтюссер, заключая слово «человек» в кавычки, – несомненно, присутствует в творчестве Кремонини, но именно потому, что его там нет, потому, что его двойное отсутствие (отрицательное и положительное) есть само его существование. Вот почему его живопись глубоко антигуманистична – и материалистична» [8]. Человека нет потому, что он перестает мыслиться как субъект. И это составляет отрицательный аспект слова «нет». Человека нет, потому что детерминирующая структура не может быть явлена непосредственно, она всегда присутствует в форме отсутствия, отсюда в живописи мы видим искажения предметов, неожиданные сближения и нарушения привычных отношений. И это отсутствие как присутствие составляет положительный аспект слова «нет». Иными словами, апофатика божественного и человеческого сменяется в живописи Кремонини апофатикой нечеловеческого.

Произведение искусства само по себе есть не что иное, как обнаружение детерминирующей логики мира, ее следствие. Кремонини как художник определен отношениями, которые он пишет. И в этом смысле он также отсутствует. Но мы не должны, по мысли Альтюссера, смущаться этим двойным отсутствием. Картины существуют для того, чтобы на них смотрели, убежден он. Лишенные радости узнавания самих себя, зрители косвенно смогут познать собственную свободу: «Кремонини, – говорит Альтюссер, – следует пути, который открыли людям великие революционные мыслители, теоретические и политические, великие мыслители-материалисты, понявшие, что свобода людей достигается не благодаря удовольствию ее идеологического узнавания, а через знание законов их рабства и что „реализация“ их конкрет-

ной индивидуальности достигается через анализ и овладение абстрактными отношениями, которые управляют ими» [8].

Рабство становится свободой тогда, когда оно становится предметом рефлексии. Но мы не должны обольщаться относительно статуса человека, ибо, как говорит Альтюссер, «„сознание“ вторично, даже когда оно мыслит, согласно принципу материализма, свое производное и обусловленное положение» [8]. Сознание вторично, производно и обусловлено. Онтология, предложенная Альтюссером, не предполагает отмены детерминирующего закона. Антигуманизм и материализм Альтюссера сегодня находится в поле зрения новых материалистов. Характерно, например, что 2019 г. фондом V-A-C был издан сборник эссе и писем Л. Альтюссера [9], написанных в 1962–1977 гг., и соответствующие информационные платформы активно пропагандируют идеи книги.

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что идеи преодоления оппозиции «природа–культура», конститутивной роли нечеловеческого для человека концептуально оформляются в философии второй половины XX в. и предопределяют появление нечеловеческой антропологии XXI в. [10].

Список источников

1. Hassan I. Prometheus as Performer: Towards a Posthumanist Culture? // *The Georgia Review*. 1977. Vol. 31, № 4. P. 830–850.
2. Girenok F. Philosophical Origins of Inhuman Anthropology // *Voprosy filosofii i psikhologii*. 2019. Vol. 6, № 1. P. 8–13.
3. Lyotard J.-F. *The Inhuman. Reflections on Time*. California: Stanford University Press Stanford, 1991. 216 p.
4. *Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция* / под ред. проф. Д.И. Дубровского. М. : Изд-во МБА, 2013. 272 с.
5. *Леви-Стросс К. Первобытное мышление*. М. : Республика, 1994. 384 с.
6. *Дескола Ф. По ту сторону природы и культуры*. М. : Новое лит. обозрение, 2012. 584 с.
7. *Альтюссер Л. За Маркса*. М. : Праксис, 2006. 392 с.
8. *Альтюссер Л. Кремонини, художник абстрактного* // *Художественный журнал*. 2010. №77–78. URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/28/article/489> (дата обращения: 19.11.2021).
9. *Альтюссер Л. Об искусстве*. М. : V-A-C press, Artguide editions, 2019. 112 с.
10. *Варава В.В. Усталость быть человеком* // *Человек.RU*. 2020. № 15. С. 180–186.

References

1. Hassan, I. (1977) Prometheus as Performer: Towards a Posthumanist Culture? *The Georgia Review*. 31(4). pp. 830–850.
2. Girenok, F. (2019) Philosophical Origins of Inhuman Anthropology. *Voprosy filosofii i psikhologii*. 6(1), pp. 8–13.
3. Lyotard, J.-F. (1991) *The Inhuman. Reflections on Time*. California: Stanford University Press Stanford.
4. Dubrovsky, D.I. (ed.) (2013) *Global'noe budushchee 2045. Konvergentnye tekhnologii (NBKIS) i transgumanisticheskaya evolyutsiya* [Global Future 2045. Convergent Technologies (NBICS) and transhumanistic evolution]. Moscow: MBA.
5. Levi-Strauss, C. (1994) *Pervobytnoe myshlenie* [Primitive thinking]. Translated from French by A.V. Ostrovsky. Moscow: Respublika.
6. Descola, Ph. (2012) *Po tu storonu prirody i kul'tury* [Beyond nature and culture]. Translated from French by O. Smolitskaya, S. Ryndin. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
7. Althusser, L. (2006) *Za Marksa* [For Marx]. Translated from French by A.V. Denezhkin. Moscow: Praxis.
8. Althusser, L. (2010) Kremonini, khudozhnik abstraktnogo [Cremonini, an abstract artist]. Translated from French by V. Akulova. *Khudozhestvennyy zhurnal*. 77–78. [Online] Available from: <http://moscowartmagazine.com/issue/28/article/489> (Accessed: 19th November 2021).

9. Althusser, L. (2019) *Ob iskusstve* [About art]. Translated from French by M. Grinberg. Moscow: V-A-C press, Artguide editions.

10. Varava, V.V. (2020) *Ustalost' byt' chelovekom* [The fatigue of being human]. *Chelovek.RU*. 15. pp. 180–186.

Сведения об авторе:

Ростова Н.Н. – доктор философских наук, профессор кафедры философской антропологии философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: nnrostova@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Rostova N.N. – Dr. Sci. (Philosophy), professor of the Department of Philosophical Anthropology, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: nnrostova@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 05.03.2021;
одобрена после рецензирования 29.03.2023; принята к публикации 20.04.2023
The article was submitted 05.03.2021;
approved after reviewing 29.03.2023; accepted for publication 20.04.2023*

СОЦИОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 316.35
doi: 10.17223/1998863X/72/15

МОНОТЕМАТИЧЕСКИЙ ЭКСТРЕМИЗМ В ЗЕРКАЛЕ НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ

**Виталий Викторович Кашпур¹, Алексей Андреевич Барышев²,
Галина Николаевна Сербина³,
Глеб Алексеевич Барышев⁴**

^{1, 2, 3} *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

⁴ *Национальный исследовательский Томский политехнический университет,
Томск, Россия*

¹ *vitkashpur@mail.ru*

² *barishevnp@mail.ru*

³ *gnserbina@gmail.com*

⁴ *GAIBaryshev@tvel.ru*

Аннотация. Представлены результаты анализа научных публикаций в международной базе Scopus по проблематике антивакционистского, экорадикального и антиядерного монотематического экстремизма. Рассмотрена специфика исследовательской повестки в каждом из направлений изучения монотематического экстремизма. Сделан вывод об окончательном формировании монотематического экстремизма в качестве объекта научных исследований в 2000-е гг.

Ключевые слова: монотематический экстремизм, научные публикации, социология

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01333, <https://rscf.ru/project/22-28-01333/>

Для цитирования: Кашпур В.В., Барышев А.А., Сербина Г.Н., Барышев Г.А. Монотематический экстремизм в зеркале научных публикаций // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 72. С. 163–179. doi: 10.17223/1998863X/72/15

SOCIOLOGY

Original article

SINGLE-ISSUE EXTREMISM IN THE MIRROR OF SCIENTIFIC PUBLICATIONS

Vitaliy V. Kashpur¹, Aleksey A. Baryshev², Galina N. Serbina³,
Gleb A. Baryshev⁴

^{1, 2, 3} National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

⁴ National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation

¹ vitkashpur@mail.ru

² barishevnp@mail.ru

³ gnsrbina@gmail.com

⁴ GalBaryshev@tvel.ru

Abstract. The article presents the results of an analysis of scientific publications on anti-vax, eco-radical and anti-nuclear single-issue extremism that were retrieved from the Scopus international database. The authors of the article show that in modern society the influence of the trends of risk globalization, network internet-mediated communication, and expansion of Realpolitik and post-ideology resulted in the emergence of a number of “extremisms”: anti-vax, anti-nuclear and environmental; ideological criteria turned out to be poorly applicable for their interpretation. As a result, the scientific literature at the beginning of the 21st century formed the concept of single-issue extremism – a separate category of modern extremism. A specific feature of single-issue extremism is the focus of extremist actions on one narrow issue in the absence of a clear ideological motivation. The main method and data source were the analysis of publications in Scopus, an abstract and citation database. Scientific articles on the topics of anti-vax, anti-nuclear and environmental single-issue extremism were identified using linguistic markers obtained as a result of the analysis of key publications for the period from 1950 to 2022. The study also used publications in Russian additionally retrieved from the Russian bibliographic database Elibrary and search queries in Yandex. The analysis showed that anti-vax, eco-radical and anti-nuclear issues became noticeable on a global scientific scale in the 2000s. Since 2020, there has been a sharp increase in the number of publications, which is due to the actualization of anti-vax issues after the start of the coronavirus pandemic. For the analysis of the research agenda on single-issue extremism, social, humanitarian, multidisciplinary and environmentalist publications were selected: 2 569 on anti-vaccination, 498 on eco-radicalism and 419 on anti-nuclear topics. The analysis of the content of the research agenda in each of the three areas of research on single-issue extremism identified the main areas and topics of this research: research on ideological foundations and discourse, its proliferation, research on practices, analysis of agents, and study of the specifics of single-issue online extremism. The authors conclude with a forecast regarding the future promising areas of research on single-issue extremism: the study of the stages of maturation of extremist attitudes and of mechanisms for transforming these attitudes into specific practices of extremist behavior.

Keywords: single-issue extremism, scientific publications, sociology

Acknowledgments: The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 22-28-01333, <https://rscf.ru/project/22-28-01333/>

For citation: Kashpur, V.V., Baryshev, A.A., Serbina, G.N. & Baryshev, G.A. (2023) Single-issue extremism in the mirror of scientific publications. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 72. pp. 163–179. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/72/15

Введение

Распространение социальных действий и движений, сфокусированных на достижении противоправных целей в какой-либо узкой сфере насильственными методами, является заметным трендом современного общества, вызванным к жизни рядом обстоятельств. Во-первых, современное общество характеризуется как «общество риска» [1. С. 11–16], для которого характерна повышенная рискогенность, глобализация угроз и опасностей, связанных, в частности, с появлением и эпидемическим распространением новых инфекций, с функционированием ядерной энергетики, с узурпацией человеком роли высшей инстанции в распределении прав на жизнь всех других организмов. Во-вторых, сетевой характер коммуникации посредством Интернета и социальных медиа обеспечивает высокую скорость распространения мнений и настроений в публичном пространстве и является эффективным инструментом социального влияния и мобилизации [2]. В-третьих, наступление эпохи Realpolitik и постидеологии [3], в которой становится характерным смешение элементов различных идеологий в деятельности одних и тех же политических субъектов и утрата идеологией определяющей роли в структурировании политического поля, политика становится не столько полем идеологической конфронтации, сколько средством нахождения прагматических решений проблем, эгоистически актуализируемых политическими акторами [4] по собственному усмотрению.

Специфика современного общества формирует ситуацию, при которой привычные понятия политического дискурса размывают свое содержание, в результате чего теряют свою исследовательскую и прогностическую перспективу. Одним из таких понятий становится «экстремизм». Экстремизм как борьба за достижение политических целей противоправными методами в условиях постправды и постидеологии [5] все больше представляется не в качестве идеологического феномена, каким он выступал в общественно-политической модели либеральной демократии. В последнее время использование разных видов насилия является продолжением идейной поляризации (правые/левые; либерализм/консерватизм) по вопросам природы человека и общества, а также целей и принципов организации общества [6. С. 19]. В условиях индустриального общества все формы политической борьбы, включая экстремистские, оказывались идеологически фундированными. Однако в современном обществе в результате влияния ранее указанных факторов актуализации развились, например, феномены антиядерного экстремизма, агрессивных антивакцинаторства и экорадикализма, для объяснения которых прежние идеологические критерии оказались плохо применимыми. В результате ряд авторов стали предлагать для обозначения «узкоспециализированных» экстремизмов термин «монотематический экстремизм» (single-issue extremism), который вырос из «терроризма специального интереса / special interest terrorism» или «терроризма специального назначения / single-issue terrorism» из лексикона спецслужб и других госорганов [7], как отдельную категорию современного экстремизма, наряду с крайне правым, ультралевым и исламским [8. С. 431; 9. С. 53].

Его специфической чертой является сфокусированность экстремистских действий на одной узкой теме при отсутствии четкой их идеологической мотивированности.

Интерес к монотематическому экстремизму в публичном и правовом полях резко усилился после начала пандемии COVID-19 в 2020 г., когда дискуссии между проваксерами и антиваксерами в пространстве Интернета в отдельных случаях способствовали перерастанию в акты насилия вплоть до убийства (убийство ковид-диссидентом двоих посетителей МФЦ 07.12.2021 в г. Москва¹). В результате наиболее крупные и известные сообщества антиваксеров были закрыты в результате применения механизма досудебной блокировки сайтов, признанных содержащими экстремистский контент.

В связи с происходящей социологической и политологической концептуализацией «экстремизма спецназначения» возникает ряд вопросов относительно актуализации монотематического экстремизма в качестве объекта научных исследований:

– насколько распространены в мировом научном пространстве публикации, содержащие результаты исследований по антивакционистской, антиядерной и экорадикальной проблематике?

– какая исследовательская повестка относительно тематики монотематического экстремизма отражается в данных публикациях?

– как описывается специфика монотематического онлайн-экстремизма?

В предлагаемой статье содержится попытка ответить на поставленные вопросы.

Методы и источники данных

В качестве основного метода и источника данных выступил анализ публикаций в единой библиографической и реферативной базе данных рецензируемой мировой научной литературы Scopus. Идентификация научных статей по тематикам антивакционистского, антиядерного и экологического монотематического экстремизма производилась при помощи лингвомаркеров, выделенных в результате анализа ключевых публикаций в период с 1950 по 2022 г., освещающих данную проблематику:

– антивакционистские лингвомаркеры: anti(-)vaccination, anti(-)vaxxer, anti-vaccinationism, vaccine hesitancy, vaccine refusal;

– экорадикальные лингвомаркеры: ECO (ИЛИ) green (И) radicalism (ИЛИ) terrorism, radical environmentalism, ecotage;

– антиядерные лингвомаркеры: anti(-)nuclear (И) activism (ИЛИ) movement, anti(-)nuclear (И) radicalism (ИЛИ) terrorism.

Поиск публикаций на русском языке дополнительно осуществлялся через российскую библиографическую базу данных ELibrary и поисковые запросы в Яндексе.

Структурные характеристики научных публикаций по антивакционистской, экорадикальной и антиядерной тематике

Проведенный анализ показал, что заметной в мировом научном масштабе антивакционистская, экорадикальная и антиядерная проблематика стала в 2000-е гг. Всего за период с 1950 по 2022 г. было найдено 35 072 публикации,

¹ Расстрел из-за маски: как антиваксер устроил бойню в московском МФЦ // <https://www.business-gazeta.ru/article/532189>

из них по тематике антивакцинаторства 31,880 публикаций, по радикальной экологической тематике 348 и по антиядерной тематике – 2 844 публикации. Начиная с 2020 г. наблюдается резкий рост количества публикаций, что обусловлено актуализацией антивакционистской проблематики после начала пандемии коронавируса (рис. 1).

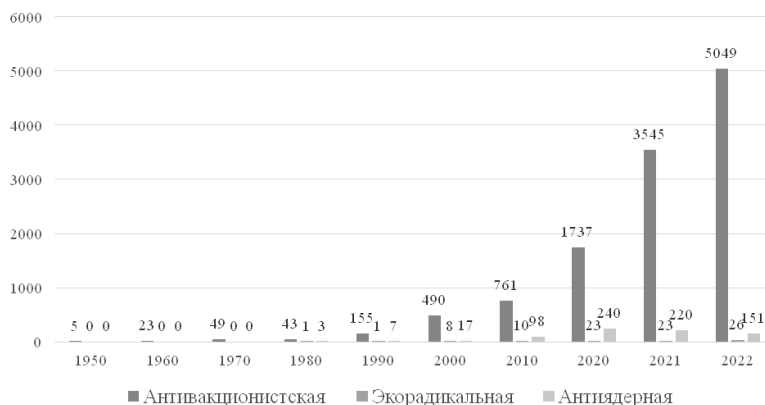

Рис. 1. Количество публикаций по антиядерной, антивакционистской и экологической тематике в Scopus, ед.

При этом анализ в разрезе отраслей знаний показывает существенное доминирование естественно-научного домена (медицинские и биологические науки) в освещении антивакционистской и антиядерной проблематики (табл. 1).

Таблица 1. Количество публикаций в Scopus в разрезе ТОП-10 отраслей знаний по антивакционистской, экорадикальной и антиядерной проблематике

Отрасль знаний	Антивакционистская		Экорадикальная		Антиядерная	
	Количество публикаций	%	Количество публикаций	%	Количество публикаций	%
Медицина	24 359	44	24	4	1 634	40
Общественные науки	801	1	237	42	211	5
Иммунология и микробиология	12 203	22	0	0	178	4
Биохимия, генетика и молекулярная биология	7 202	13	0	0	921	22
Ветеринария	3 931	7	0	0	0	0
Фармакология, токсикология и фармацевтика	3 247	6	0	0	351	8
Сельскохозяйственные и биологические науки	1 477	3	0	0	85	2
Мультидисциплинарная	1 272	2	0	0	113	3
Нейронаука	521	1	0	0	393	10
Наука об окружающей среде	496	1	103	18	0	0
Искусство и гуманитарные науки	0	0	83	15	94	2
Инженерия	0	0	30	5	0	0
Психология	0	0	20	4	0	0
Бизнес, управление и бухгалтерский учет	0	0	19	3	0	0
Экономика, эконометрика и финансы	0	0	19	3	0	0
Науки о Земле и планетах	0	0	17	3	0	0
Энергетика	0	0	13	2	0	0
Химия	0	0	0	0	150	4

Поэтому в целях фокусировки на содержательных аспектах исследовательской повестки монотематического экстремизма проблематика его естественно-научных и технических оснований, представленная в соответствующих статьях, была исключена из анализа. Таким образом, для анализа исследовательской повестки в рамках проблематики монотематического экстремизма было отобрано 2 569 публикаций по антивакционистской, 498 по экорадикальной и 419 публикаций по антиядерной тематике. Анализ аннотаций позволил сформировать пул публикаций, которые содержались значимые в рамках проблематики монотематического экстремизма результаты исследований.

Рассмотрим содержание исследовательской повестки в каждом из направлений монотематического экстремизма.

Экологический экстремизм

В современных социальных науках тема экологического экстремизма терминологически часто обозначается как экологический (зеленый, энвайронменталистский) радикализм, или радикальный эко-активизм, и представлена единичными исследованиями в рамках экологической философии [10], антропологического и социально-экологического изучения практик эко-радикальных активистов [11–13]. Попытки осмысления агрессивного экологического поведения и соответствующего дискурса производятся в рамках политической теории [14–16], исследований конфликтов и терроризма [17, 18].

Распространены трактовки радикального эко-активизма как экстремистской деятельности, состоящей в пропаганде и осуществлении «решительных (в некоторых случаях даже преступных) действий с целью защиты окружающей среды» [19. С. 172] на неполитической, т.е. неидеологической основе, что отличает его проявление как вида монотематического экстремизма от экологического повестки различных левых и правых радикальных партий. В исследованиях конфликтов и терроризма противоправные действия защитников «прав животных» сначала относились к категории монотематического терроризма [20], а затем были обобщены под рубрикой монотематического экстремизма [21], вне контекста какой-либо идеологии. Таким образом, основные идеи радикального эко-активизма носят неполитический характер, политическая идеология, если присутствует, проявляется как вторичный, факультативный идеологический элемент [19. С. 184].

Деятельность экологических экстремистов разворачивается в основном в офлайне. Специфическими формами их активизма являются направленные акции гражданского неповиновения; экотаж (ecotage, от «саботаж») – нанесение экономического ущерба хозяйственным и научным организациям, деятельность которых признается вредоносной для окружающей среды; поджоги, поджоги и разрушения недвижимого и движимого имущества, наносящего вред экосистеме [15, 19, 21, 22].

Существуют исследования, подчеркивающие, что большинство экологических экстремистов придерживаются идеи ненасилия, а их практики если и нацелены на причинение ущерба, то не предполагают причинение вреда или смерти людям [17]. Вместе с тем Калленборн и Блик [18] рассматривают возможные террористические проявления радикального энвайронментализма к применению химического, биологического, радиологического и ядерного оружия.

Действиям экологических экстремистов присущ сетевой, коннективный характер, состоящий в «сопротивлении без лидера, то есть самостоятельная работа независимых индивидов или небольших групп, которые организованы в ячейки, которые не связаны друг с другом» [19. С. 172]. Такая конспирация объясняет отсутствие статей о группах экологических экстремистов в социальных медиа. Даже исследования об онлайн-активности легальных экологов вообще представлены в незначительном количестве [23]. Это позволяет определить в качестве первичного объекта анализа экстремистской активности не группы в социальных сетях, как это делается при исследовании радикальных идеологизированных сообществ [24], а «практики» или «объекты», относительного которого совершаются противоправные действия.

Антивакционистский экстремизм

Экстремистские мнения и настроения, связанные с объектами (вакцины) и практиками искусственной иммунизации (вакцинация), изучаются с момента их возникновения [25, 26]. Противодействие вакцинации исторически связывается с отсутствием научного знания о предмете вследствие религиозных [2] или классовых позиций индивидов [3]. Идеологизация причин и форм проявления антивакционистских настроений в рамках данного подхода выражается в описании их в терминах социальных классов и слоев, социальной селекции [27, 28], а снятие напряженности в этой сфере связывается с уважением прав и свобод человека [25, 29, 30].

Ответственность за преодоление сопротивления вакцинации возлагается в соответствии с традиционным подходом на медицинских профессионалов как представителей экспертного знания [31], в обязанность которых вменяется развеивание фактами «мифов» об опасностях и вреде вакцинации [32, 33]. В целом в соответствии с таким подходом антивакцинация является демонстрацией ослабления позиции медицины в обществе, связанного с недостаточной подготовкой медицинских кадров, недофинансированием систем здравоохранения, падением престижа врачебной профессии [34].

Парадигмальный сдвиг в сторону конструкционистской методологии начался с критики медиализации проблем вакцинации [35] и продолжился исследованиями возможностями перевода медиалистских дискурсов здоровья в дискурсы «здоровья как благополучия» и «здорового гражданства» [36]. При этом переосмысление иммунизации как проявления гражданства в демократическом обществе [37] сопровождалось и переосмыслением как активного отрицания необходимости вакцинации, так и продвижения альтернативных практик здоровья, основанных на так называемом дисквалифицированном знании – знании о гомеопатии, возникающем в процессе научного поиска; об особой (теоретической) модели здоровья и родительской ответственности, которое оказалось отвергнутым в результате гегемонизации официальной иммунологии [38].

Как отмечает один из самых влиятельных авторов по вопросу взаимоотношения вакцинаторства и антивакцинаторства А. Ката, трактовать антивакцинаторство как результат отсутствия знания и тем более пытаться бороться с ним образовательными мерами теперь неправильно [38. С. 1715–1716], поскольку в отстаивании своей правоты антиваксеры опираются на те же свойства постмодернистского знания, что и промоутеры говернментализации вак-

цинирования. Поэтому «постмодернистский» дискурс антивакционистов должен быть признан хотя бы для того, чтобы начать диалог, без которого в отсутствии критики официальные практики могут быть легко дискредитированными различными проявлениями коррупции.

С возникновением социальных сетей в Интернете возможности прежних стратегий «опровержения фактами» стали ослабевать на фоне возросших риторических возможностей «антиваксеров» [39]. В настоящее время большинство исследований посвящены распространению [40, 41] и радикализации [42, 43] антивакционистских настроений в социальных сетях. Большую роль в понимании механизма трансформации критических мнений и настроений по поводу вакцинации играют экстремистские исследования влияния различных стационарных и интерактивных элементов сайтов (посты, комментарии, лайки) на формирование и проявление антивакцинаторских «аттитюдов» [44, 45]. Объектами наблюдения и исследования выступают как антиваксеры, так и проваксеры [46], их активности выступают объектами сравнительных исследований [47, 48].

На данный момент хорошо изучены и постоянно мониторятся социально-демографические характеристики членов про- и антиваксерских сообществ [42], топология внутреннего и внешнего (с учетом международных контактов) устройства сетевых сообществ [40, 49]. Проблемы моделирования процессов распространения и радикализации (в том числе в направлении экстремизма и терроризма) находятся сейчас в стадии постановки и разработки программно-инструментальной базы [50, 51].

Антиядерный экстремизм

«Антиядерная» в широком смысле повестка возникла вместе с применением и испытаниями ядерного оружия и в интеллектуальном плане продвигалась его создателями такими, как А. Сахаров. Литература последних десятилетий об антиядерных идеях и настроениях связывает их не со статусом самого знания, лежащего в их основе, а с реальными рисками его применения. Такое имплицитное отведение от сторонников и проводников антиядерной позиции обвинений в ненаучности их взглядов выражается, в частности, в признании примерно равной легитимности находящихся в постоянном процессе коммуникации его проядерных, антиядерных и научных «стейкхолдеров» и характеризующих их форм знания [52]. Такая установка большинства исследователей делает оправданной фокусировку не на соответствии истине антиядерных идей, а на устройстве и функциях соответствующих общественных движений в условиях западной демократии [53], в Европе [54, 55], США [56], Японии [57] и других странах и регионах.

Для исследований антиядерных настроений, даже опирающихся на традиционные представления о социально-политических движениях, антиядерные протесты характеризуются динамикой, запускаемой определенным ключевым событием. Для многих движений такими событиями, обусловившими начало их новой истории, стали аварии на АЭС в Чернобыле, Фукусиме, Три-Майл-Айленде (Пенсильвания, США) [58]. Эта динамика описывается сетевым образом – часто метафорически [56], но последнее время – все больше на основе формальных концептов сетевой теории [57].

При этом фиксируется ситуация, когда социальные медиа играют незначительную роль в сплочении протестного сообщества, что обусловлено легитимным характером антиядерных организаций во всем мире. Более того их функционирование даже поддерживается во многих странах государством и предприятиями атомной индустрии. Для них такая поддержка выступает в качестве реализации законодательно установленных обязательств по корпоративной социальной ответственности [58].

В результате антиядерный Интернет зачастую представлен сайтами организаций с низкой степенью персонификации публикуемых сообщений, например онлайн-сообщество Uraniumfree в Facebook, созданное The West Australian Anti Nuclear Movement (WA ANM), больше напоминает корпоративный сайт («a page rather than a group») со страничкой PR-службы соответствующей организации [59]. Подобные социальные медиа играют роль дополнительного по отношению к официальным межорганизационным связям инструментом консолидации движений и борьбы за влияния внутри них, а также средства для привлечения пожертвований [59].

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что противоречивость применения сетевого подхода к антиядерному активизму определяется неразвитостью сетевых связей, адекватных условиям цифрового общества. Анализ литературы позволяет выявить ограниченные пространства, «зазоры» в господствующих отношениях, в которых формируются новая сетевая культура и новые идеи, продвигающие дальше антиядерную повестку. Всего удается выделить четыре таких «зазора».

Первый «зазор» характеризует специфику китайских антиядерных онлайн-сообществ, которые бурно развиваются и осуществляют протестную активность на основе имеющихся противоречий между центральными и локальными властями, принимая роли помощника первых [60], что проявляется в сообщениях активистов о нарушениях «на местах» [61]. Вторым источником развития независимой антиядерной повестки в социальных сетях является индивидуальный опыт жертв ядерных испытаний и катастроф, а также тех, кто заботится о них, который исключался из «зонтичного» дискурса имеющих место отдельных нарушений, согласованного перехода к альтернативным источникам энергии и «поэтапного сокращения» [57] и обращение к которому (голос «людей Фукусимы») стало подрывать монополию официальных антиядерных организаций на действия «от имени» опасностей, исходящих от атомной индустрии, вносить раскол в отстроенный порядок существования антиядерных движений [62]. Следующий «зазор» связан с возросшей персонализацией восприятия современным человеком опасностей, связанных со всеми аспектами его жизни [63]. Четвертый «зазор», питающий интернет-активность отдельных граждан, располагается в темной зоне между техническим и медицинским знанием, связанным с ядерной энергетикой, с одной стороны, и прагматическим знанием о его функционировании в конкретной социально-экономической среде – с другой [58]. Данный «зазор» как источник активности в социальных медиа интересен тем, что способен инспирировать разговоры, которые при определенных условиях обладают (когда, например, уровень недовольства населения деятельностью АЭС влияет на размер ставки уплачиваемых ею страховых платежей) агентностью сами по себе. Так, активность антиядер-

ных активистов приобретает особое практическое значение в ситуации, когда «налоги за захоронение отходов отчисляются не в федеральный бюджет, а в муниципальный». Во Франции данные поступления могут формировать до 80% бюджета коммуны [58].

В целом анализ новейших исследований антиядерной активности в социальных медиа показывает, что данное направление находится в начальной стадии своего развития. На данный момент объем исследований подобного рода незначителен, охват социальных сетей антиядерщиков ограничивается платформами Facebook [59], Twitter [64], Weibo [63]. Имеется одно исследование по русскоязычному сегменту LiveJournal, по касательной затрагивающее данную тему [23].

Заключение

Произведенный обзор позволяет констатировать произошедшую в первые десятилетия XXI в. автономизацию дискурса монотематического экстремизма, что означает перевод благодаря совместным усилиям исследователей различных научных специализаций предполагаемого существования особых видов экстремизма, заикленных на достижении противоправными методами целей, связанных с агрессивным отрицанием отдельных социотехнических гибридных феноменов (лесная промышленность и добыча полезных ископаемых, экспериментальная фармакология и медицина, ядерная энергетика, система иммунизации населения), в статус очевидного факта. Достигнутая фактичность монотематического экстремизма является на данный момент открытой, что инициирует наполнение его как особой категории новыми элементами. Ближайшими кандидатами на такое включение представляются, например, анти-ГМО-активизм, анти-абортонизм и прочие проявления воинствующего неприятия включения человека в природные процессы.

Анализ содержания исследовательской повестки в каждом из трех направлений исследований монотематического экстремизма позволил выявить основные направления и тематики его исследований: исследования идеологических оснований и дискурса, его пролиферации, исследования практик, анализ агентов и изучение специфики монотематического онлайн-экстремизма. При этом развитию научного изучения монотематического экстремизма должно также способствовать будущее расширение исследовательских тематик в рамках данного проблемного поля. Так, современные исследования экстремизма предполагают изучение стадийности вызревания экстремистских установок [65; 66. С. 205], а также механизмов перевода этих установок в конкретные практики экстремистского поведения [67, 68]. В прикладном аспекте выделение новой категории экстремизмов предполагает разработку для нее особых практик как противодействия противоправному поведению, так и дерадикализации [9] личностных установок индивидов, испытывающих ненависть к современным гибридным объектам и связанным с ними практикам.

Вышесказанное определяет перспективу развития исследовательского поля монотематического экстремизма на ближайший период, которая будет только усиливаться под влиянием поляризации мнений по поводу множества

«достижений» современной цивилизации, связанных с вмешательством человека в дела природы, в том числе и своей собственной [69].

Список источников

1. Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седельника, Н. Федоровой. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 383 с.
2. Anduiza E., Cantijoch M., Gallego A. Political participation and the internet: A field essay // Information Communication and Society. 2009. Vol. 12, № 6. P. 860–878. DOI: 10.1080/13691180802282720
3. Mouffe C. The return of the political. London: Verso, 2005. 165 p.
4. Brighi E., Giugni L. Foreign Policy and the Ideology of Post-ideology: The Case of Matteo Renzi's Partito Democratico // The International Spectator: The Italian Journal of International Affairs 51. 2016. Is. 1. P. 13–27.
5. Барышев А.А. Правый экстремизм и официальная политика: конфигурации взаимоотношений в условиях постидеологии и интернета // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2021. № 5 (2). С. 131–144.
6. Mudde C. The ideology of the extreme right. Manchester: Manchester University Press, 2002. 224 p.
7. Dyson W. The Emergence of Special-Interest/Single-Issue Terrorism Institute for Intergovernmental Research. Tallahassee, Florida. 2001. URL: https://www.valorforblue.org/Home/Publications/The_Emerging_Issues_of_Special-Interest_Single-Issue_Terrorism_SLATT.pdf (accessed: 18.03.2022).
8. Gill P., Horgan J., Deckert P. Bombing alone: Tracing the motivations and antecedent behaviors of lone-actor terrorists // Journal of forensic sciences. 2014. Vol. 59, is. 2. P. 425–435.
9. Batzdorfer V., Steinmetz H. Reviewing Radicalization Research Using a Network Approach // Journal for Deradicalization. 2020. Vol. 23. P. 45–95.
10. Blok V. Reconnecting with Nature in the Age of Technology: The Heidegger and Radical Environmentalism Debate Revisited // Environmental Philosophy. 2014. Vol. 11, № 2. P. 307–332.
11. Krøijer S. Civilization as the Undesired World // Social Analysis. 2020. Vol. 64, is. 3. P. 48–67.
12. Esteves A.M. Radical Environmentalism and “Commoning”. Synergies Between Ecosystem Regeneration and Social Governance at Tamera Ecovillage, Portugal // Antipode. 2017. Vol. 49, is. 2. P. 357–376.
13. Joosse P. Antiglobalization and Radical Environmentalism: An Exchange on Ethical Grounds // Ethics in progress. 2014. Vol. 5, is. 1. P. 33–51.
14. Martin M. Ecosabotage and civil disobedience // Environmental ethic. 1990. Vol. 12, is. 4. P. 291–301.
15. Liddick D. Eco-terrorism: Radical Environmental and Animal Liberation Movements. Westport: Greenwood Publishing Group, 2006. 300 p.
16. Taylor B. Threat Assessments and Radical Environmentalism // Terrorism and Political Violence. 2003. Vol. 15, is. 4. P. 173–182.
17. Carson J.V., LaFree G., Dugan L. Terrorist and non-terrorist criminal attacks by radical environmental and animal rights groups in the United States, 1970–2007 // Terrorism and Political Violence. 2012. Vol. 24, is. 2. P. 295–319.
18. Kallenborn Z. Swarming destruction: drone swarms and chemical, biological, radiological, and nuclear weapons / Z. Kallenborn, P. C. Bleek // The Nonproliferation Review. 2020. Vol. 25, is. 5–6. P. 523–543.
19. Matkovic A. The Relation between Political Ideology and Radical Environmentalism // Srpska Politička Misao. 2021. Vol. 70, is. 4/2020. P. 171–187.
20. Monaghan R. Single-issue terrorism: A neglected phenomenon? // Studies in Conflict & Terrorism. 2000. Vol. 23, is. 4. P. 255–265.
21. Monaghan R. Not quite terrorism: Animal rights extremism in the United Kingdom // Studies in Conflict & Terrorism. 2013. Vol. 36, is. 11. P. 933–951.
22. Plows A. Covert repertoires: Ecotage in the UK / A. Plows, D. Wall, B. Doherty // Social Movement Studies. 2004. Vol. 3, is. 2. P. 199–219.
23. Гольбрайх В.Б. Экологические проблемы в российской блогосфере. Экологические сообщества в Живом Журнале // Петербургская социология сегодня. 2010. № 2. С. 417–439.
24. Kashpur V.V., Myagkov M., Baryshev A.A. et al. Where Russian Online Nationalists Go When Their Communities are Banned: A Case Study of Russian Nationalism // Nationalism and Ethnic Politics. 2020. Vol. 26, is. 2. P. 145–166.

25. Nelson M.C., Rogers J. The right to die? Anti-vaccination activity and the 1874 smallpox epidemic in Stockholm // *Social History of Medicine*. 1992. Vol. 5, is. 3. P. 369–388.
26. Wolfe R.M., Sharp L.K. Anti-vaccinationists past and present // *Bmj*. 2002. Vol. 325, is. 7361. P. 430–432.
27. Durbach N. ‘They might as well brand us’: working-class resistance to compulsory vaccination in Victorian England // *Social History of Medicine*. 2000. Vol. 13, is. 1. P. 45–63.
28. Baur N. The Social and Spatial Stratification of Vaccinal Patterns in Berlin Following Re-Unification // *Journal of Historical Sociology*. 2017. Vol. 30, is. 4. P. 789–820.
29. Asveld L. Mass-vaccination programmes and the value of respect for autonomy // *Bioethics*. 2008. Vol. 22, № 5. P. 245–257.
30. Tafuri S., Martinelli D., Prato R., Germinario C. From the struggle for freedom to the denial of evidence: history of the anti-vaccination movements in Europe // *Annali di igiene: medicina preventiva e di comunita*. 2011. Vol. 23, is. 2. P. 93–99.
31. Shetty P. Experts concerned about vaccination backlash // *The Lancet*. 2010. Vol. 375, is. 9719. P. 970–971.
32. Leask J., Chapman S., Robbins S.C. “All manner of ills”: The features of serious diseases attributed to vaccination // *Vaccine*. 2010. Vol. 28, is. 17. P. 3066–3070.
33. Davidson M. Vaccination as a cause of autism – myths and controversies // *Dialogues in clinical neuroscience*. 2017. Vol. 19, is. 4. P. 403.
34. Hussain A., Ali S., Ahmed M., Hussain S. The anti-vaccination movement: a regression in modern medicine // *Cureus*. 2018. Vol. 10, is. 7.
35. Huerkamp C. The history of smallpox vaccination in Germany: a first step in the medicalization of the general public // *Journal of contemporary history*. 1985. Vol. 20, is. 4. P. 617–635.
36. Burns K., Davies C. Constructions of young women’s health and wellbeing in neoliberal times: a case study of the HPV Vaccination Program in Australia // *Rethinking Youth Wellbeing: Critical perspectives* / eds.: K. Wright, J. McLeod. Melbourne, 2015. P. 71–89.
37. Kaufman S. Regarding the rise in autism: vaccine safety doubt, conditions of inquiry, and the shape of freedom // *Ethos*. 2010. Vol. 38, is. 1. P. 8–32.
38. Kata A. A postmodern Pandora’s box: anti-vaccination misinformation on the Internet // *Vaccine*. 2010. Vol. 28, is. 7. P. 1709–1716.
39. Davies P., Chapman S., Leask J. Antivaccination activists on the world wide web // *Archives of disease in childhood*. 2002. Vol. 87, is. 1. P. 22–25.
40. Gunaratne K., Coomes E.A., Haghbayan H. Temporal trends in anti-vaccine discourse on Twitter // *Vaccine*. 2019. Vol. 37, is. 35. P. 4867–4871.
41. Smith N., Graham T. Mapping the anti-vaccination movement on Facebook // *Information, Communication & Society*. 2019. Vol. 22, is. 9. P. 1310–1327.
42. Van Raemdonck N. The echo chamber of anti-vaccination conspiracies: mechanisms of radicalization on Facebook and Reddit // *Institute for Policy, Advocacy and Governance (IPAG) Knowledge Series, Forthcoming*. 2019. 11 p.
43. Smith M.C., Hilyard K.M. Understanding vaccine refusal: why we need social media now // *American journal of preventive medicine*. 2016. Vol. 50, is. 4. P. 550–552.
44. Kim H., Han J.Y., Seo Y. Effects of Facebook Comments on Attitude Toward Vaccines: The Roles of Perceived Distributions of Public Opinion and Perceived Vaccine Efficacy // *Journal of Health Communication*. 2020. Vol. 25, is. 2. P. 159–169.
45. Robichaud P., Hawken S., Beard L. et al. Vaccine-critical videos on YouTube and their impact on medical students’ attitudes about seasonal influenza immunization: a pre and post study // *Vaccine*. 2012. Vol. 30, is. 25. P. 3763–3770.
46. Faasse K., Chatman C.J., Martin L.R. A comparison of language use in pro-and anti-vaccination comments in response to a high profile Facebook post // *Vaccine*. 2016. Vol. 34, is. 47. P. 5808–5814.
47. Johnson N.F., Velásquez N., Restrepo N.J. et al. The online competition between pro-and anti-vaccination views // *Nature*. 2020. Vol. 582, is. 7811. P. 230–233.
48. Барышев А.А., Дунаева Д.О., Саркисова А.Ю., Чалаков И.Х. Вакцинация как информационный аттрактор в социальных медиа (на материале Российской социальной сети «ВКонтакте») // *Социальные практики и управление: проблемное поле социологии: материалы IV Сиб. социол. форума с междунар. участием. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т экономики и управления «НИНХ», 2021. С. 3–10.*
49. Graham T., Smith N., Ackland R. Analysing the anti-vaccination movement on Facebook: Big data’ methods at the intersection of natural language processing and social network analysis // *Information Communication and Society*. 2016. Vol. 22, is. 2003. P. 1–18.

50. Broniatowski D.A., Smith M.C., Hilyard K.M. Understanding vaccine refusal: why we need social media now // American journal of preventive medicine. 2016. Vol. 50, № 4. P. 550–552.
51. Wiyeh A.B., Cooper S., Nnaji C.A., Wiysonge C.S. Vaccine hesitancy ‘outbreaks’: using epidemiological modeling of the spread of ideas to understand the effects of vaccine related events on vaccine hesitancy // Expert review of vaccines. 2018. Vol. 17, is. 12. P. 1063–1070.
52. Wang X. Knowledge communication in internet age and its impacts on public perception of nuclear risk // International Journal of Nuclear Knowledge Management. 2010. Vol. 4, is. 4. P. 339–349.
53. Kitschelt H.P. Political opportunity structures and political protest: Anti-nuclear movements in for three democracies // British journal of political science. 1986. Vol. 16, is. 1. P. 57–85.
54. Joffe J. Peace and populism: Why the European anti-nuclear movement failed // International Security. 1987. Vol. 11, is. 4. P. 3–40.
55. Koopmans R. The political construction of the nuclear energy issue and its impact on the mobilization of anti-nuclear movements in Western Europe / R. Koopmans, J. W. Duyvendak // Social Problems. 1995. Vol. 42, is. 2. P. 235–251.
56. Schiefelbein A. Power to the People: Organizational Changes in the United States of America anti-nuclear movement, 1945–2008. 2016. 16 p. URL: https://www.academia.edu/download/50257764/Power_to_the_People_Organizational_Change-Upload_Version.pdf (accessed: 17.08.2022).
57. Wiemann A. Networks and Mobilization Processes: The Case of the Japanese Anti-Nuclear Movement after Fukushima. Munich : Iudicium, 2018. 297 p.
58. Якушевич А.В. Фактор социального принятия ядерной энергетики и захоронения ядерных отходов в США, Франции и России // XIII международная научно-практическая конференция «Система управления экологической безопасностью»: сб. материалов междунар. конф., Екатеринбург, 31 мая 2019 г. Екатеринбург, 2019. С. 297–302.
59. Desai R., Wolf K. Is social media really the answer? How issues create communities and communities create issues online // Asia Pacific Public Relations Journal. 2014. Vol. 15, is. 1. P. 71–88.
60. Sheng C. Petitioning and Social Stability in China: Case Studies of Anti-nuclear Sentiment // VOLUNTAS: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations. 2019. Vol. 30, is. 2. P. 381–392.
61. Chen W.F., Ku L.W., Lee Y.H. Mining supportive and unsupportive evidence from Facebook using anti-reconstruction of the nuclear power plant as an example // 2015 AAAI Spring Symposium Series : books of abstracts, Palo Alto, USA, March 23–25, 2015. P. 10–15.
62. Tamura T. The Internet and Personal Narratives in the Post-Disaster Anti-Nuclear Movement // Asia-Pacific Journal-Japan Focus. 2015. Vol. 13, is. 7, № 4. P. 1–13.
63. Huang R., Sun X. Dynamic preference revelation and expression of personal frames: how Weibo is used in an anti-nuclear protest in China // Chinese Journal of Communication. 2016. Vol. 9, is. 4. P. 385–402.
64. Tamura T., Hamada T. Who has the right to speak? The role of social media in spreading dissent among anti-nuclear groups in post 3–11 Japan // AoIR Selected Papers of Internet Research. 2013. Vol. 3. P. 1–4.
65. Doosje B., Moghaddam F.M., De Wolf A., Mann L., Feddes A.R. Terrorism, radicalization and de-radicalization // Current Opinion in Psychology. 2016. 11. P. 79–84.
66. McCauley C., Moskaleiko S. Understanding political radicalization: The two-pyramids model // American Psychologist. 2017. 72 (3). P. 205–216.
67. Vergani M., Iqbal M., Ilbahar E., Barton G. The three Ps of radicalization: Push, pull and personal. A systematic scoping review of the scientific evidence about radicalization into violent extremism // Studies in Conflict & Terrorism. 2020. 43 (10). P. 854–854
68. Pisiou D., Zick A., Srowig F., Roth V., Seewald K. Factors of Individual Radicalization into Extremism, Violence and Terror—the German Contribution in a Context // International Journal of Conflict and Violence. 2020. 14 (2). P. 1–13.
69. Мелякова Ю., Жданенко С., Кальницький Е. От биополитики к прекарности коммодифицированных тел, или апогей перформанса // Вісник Національного юридичного університету імені Ярослава Мудрого. Серія: Філософія, філософія права, політологія, соціологія. 2021. 4 (51). С. 11–33.

References

1. Beck, U. (2000) *Obshchestvo riska: Na puti k drugomu modernu* [Risk Society: Towards a New Modernity]. Translated from German by V. Sedelnik, N. Fedorova. Moscow: Progress-Traditsiya.
2. Anduiza, E., Cantijoch, M. & Gallego, A. (2009) Political participation and the internet: A field essay. *Information Communication and Society*. 12(6). pp. 860–878. DOI: 10.1080/13691180802282720

3. Mouffe, C. (2005) *The Return of the Political*. London: Verso.
4. Brighi, E. & Giugni, L. (2016) Foreign Policy and the Ideology of Post-ideology: The Case of Matteo Renzi's Partito Democratico. *The International Spectator: The Italian Journal of International Affairs*. 51(1). pp. 13–27.
5. Baryshev, A.A. (2021) Pravyy ekstremizm i ofitsial'naya politika: konfiguratsii vzaimootnosheniy v usloviyakh postideologii i interneta [Right-wing extremism and official politics: Changes in relationships in the context of post-ideology and the Internet]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sotsiologiya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 5(2). pp. 131–144.
6. Mudde, C. (2002) *The ideology of the extreme right*. Manchester: Manchester University Press.
7. Dyson, W. (2001) *The Emergence of Special-Interest/Single-Issue Terrorism Institute for Intergovernmental Research*. Tallahassee, Florida. [Online] Available from: https://www.valorforblue.org/Home/Publications/The_Emerging_Issues_of_Special-Interest_Single-Issue_Terrorism_SLATT.pdf (Accessed: 18th March 2022).
8. Gill, P., Horgan, J. & Deckert, P. (2014) Bombing alone: Tracing the motivations and antecedent behaviors of lone-actor terrorists. *Journal of Forensic Sciences*. 59(2). pp. 425–435.
9. Batzdorfer, V. & Steinmetz, H. (2020) Reviewing Radicalization Research Using a Network Approach. *Journal for Deradicalization*. 23. pp. 45–95.
10. Blok, V. (2014) Reconnecting with Nature in the Age of Technology: The Heidegger and Radical Environmentalism Debate Revisited. *Environmental Philosophy*. 11(2). pp. 307–332.
11. Krøijer, S. (2020) Civilization as the Undesired World. *Social Analysis*. 64(3). pp. 48–67.
12. Esteves, A.M. (2017) Radical Environmentalism and “Commoning”. Synergies Between Ecosystem Regeneration and Social Governance at Tamera Ecovillage, Portugal. *Antipode*. 49(2). pp. 357–376.
13. Joosse, P. (2014) Antiglobalization and Radical Environmentalism: An Exchange on Ethical Grounds. *Ethics in Progress*. 5(1). pp. 33–51.
14. Martin, M. (1990) Ecosabotage and civil disobedience. *Environmental Ethic*. 12(4). pp. 291–301.
15. Liddick, D. (2006) *Eco-terrorism: Radical Environmental and Animal Liberation Movements*. Westport: Greenwood Publishing Group.
16. Taylor, B. (2003) Threat Assessments and Radical Environmentalism. *Terrorism and Political Violence*. 15(4). pp. 173–182.
17. Carson, J.V., LaFree, G. & Dugan, L. (2012) Terrorist and non-terrorist criminal attacks by radical environmental and animal rights groups in the United States, 1970–2007. *Terrorism and Political Violence*. 24(2). pp. 295–319.
18. Kallenborn, Z. & Bleek, P.C. (2020) Swarming destruction: drone swarms and chemical, biological, radiological, and nuclear weapons. *The Nonproliferation Review*. 25(5–6). pp. 523–543.
19. Matkovic, A. (2021) The Relation between Political Ideology and Radical Environmentalism. *Srpska Politička Misao*. 70(4/2020). pp. 171–187.
20. Monaghan, R. (2000) Single-issue terrorism: A neglected phenomenon? *Studies in Conflict & Terrorism*. 23(4). pp. 255–265.
21. Monaghan, R. (2013) Not quite terrorism: Animal rights extremism in the United Kingdom. *Studies in Conflict & Terrorism*. 36(11). pp. 933–951.
22. Plows, A., Wall, D. & Doherty, B. (2004) Covert repertoires: Ecotage in the UK. *Social Movement Studies*. 3(2). pp. 199–219.
23. Golbraykh, V.B. (2010) Ekologicheskie problemy v rossiyskoy blogosfere. Ekologicheskie soobshchestva v Zhivom Zhurnale [Ecological problems in the Russian blogosphere. Ecological Communities in LiveJournal]. *Peterburgskaya sotsiologiya segodnya*. 2. pp. 417–439.
24. Kashpur, V.V., Myagkov, M., Baryshev, A.A. et al. (2020) Where Russian Online Nationalists Go When Their Communities are Banned: A Case Study of Russian Nationalism. *Nationalism and Ethnic Politics*. 26(2). pp. 145–166.
25. Nelson, M.C. & Rogers, J. (1992) The right to die? Anti-vaccination activity and the 1874 smallpox epidemic in Stockholm. *Social History of Medicine*. 5(3). pp. 369–388.
26. Wolfe, R.M. & Sharp, L.K. (2002) Anti-vaccinationists past and present. *Bmj*. 325(7361). pp. 430–432.
27. Durbach, N. (2000) ‘They might as well brand us’: working-class resistance to compulsory vaccination in Victorian England. *Social History of Medicine*. 13(1). pp. 45–63.
28. Baur, N. (2017) The Social and Spatial Stratification of Vaccinal Patterns in Berlin Following Re-Unification. *Journal of Historical Sociology*. 30(4). pp. 789–820.

29. Asveld, L. (2008) Mass-vaccination programmes and the value of respect for autonomy. *Bioethics*. 22(5). pp. 245–257.
30. Tafuri, S., Martinelli, D., Prato, R. & Germinario, C. (2011) From the struggle for freedom to the denial of evidence: history of the anti-vaccination movements in Europe. *Annali di igiene: medicina preventiva e di comunita*. 23(2). pp. 93–99.
31. Shetty, P. (2010) Experts concerned about vaccination backlash. *The Lancet*. 375(9719). pp. 970–971.
32. Leask, J., Chapman, S. & Robbins, S.C. (2010) “All manner of ills”: The features of serious diseases attributed to vaccination. *Vaccine*. 28(17). pp. 3066–3070.
33. Davidson, M. (2017) Vaccination as a cause of autism – myths and controversies. *Dialogues in Clinical Neuroscience*. 19(4). p. 403.
34. Hussain, A., Ali, S., Ahmed, M. & Hussain, S. (2018) The anti-vaccination movement: a regression in modern medicine. *Cureus*. 10(7).
35. Huerkamp, C. (1985) The history of smallpox vaccination in Germany: a first step in the medicalization of the general public. *Journal of Contemporary History*. 20(4). pp. 617–635.
36. Burns, K. & Davies, C. (2015) Constructions of young women’s health and wellbeing in neoliberal times: a case study of the HPV Vaccination Program in Australia. In: Wright, K. & McLeod, J. (eds) *Rethinking Youth Wellbeing: Critical Perspectives*. Melbourne. pp. 71–89.
37. Kaufman, S. (2010) Regarding the rise in autism: vaccine safety doubt, conditions of inquiry, and the shape of freedom. *Ethos*. 38(1). pp. 8–32.
38. Kata, A. (2010) A postmodern Pandora's box: anti-vaccination misinformation on the Internet. *Vaccine*. 28(7). pp. 1709–1716.
39. Davies, P., Chapman, S. & Leask, J. (2002) Antivaccination activists on the world wide web. *Archives of Disease in Childhood*. 87(1). pp. 22–25.
40. Gunaratne, K., Coomes, E.A. & Haghbayan, H. (2019) Temporal trends in anti-vaccine discourse on Twitter. *Vaccine*. 37(35). pp. 4867–4871.
41. Smith, N. & Graham, T. (2019) Mapping the anti-vaccination movement on Facebook. *Information, Communication & Society*. 22(9). pp. 1310–1327.
42. Van Raemdonck, N. (2019) *The echo chamber of anti-vaccination conspiracies: mechanisms of radicalization on Facebook and Reddit*. Institute for Policy, Advocacy and Governance (IPAG) Knowledge Series, Forthcoming. [Online] Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=3510196>.
43. Smith, M.C. & Hilyard, K.M. (2016) Understanding vaccine refusal: why we need social media now. *American Journal of Preventive Medicine*. 50(4). pp. 550–552.
44. Kim, H., Han, J.Y. & Seo, Y. (2020) Effects of Facebook Comments on Attitude Toward Vaccines: The Roles of Perceived Distributions of Public Opinion and Perceived Vaccine Efficacy. *Journal of Health Communication*. 25(2). pp. 159–169.
45. Robichaud, P., Hawken, S., Beard, L. et al. (2012) Vaccine-critical videos on YouTube and their impact on medical students’ attitudes about seasonal influenza immunization: a pre and post study. *Vaccine*. 30(25). pp. 3763–3770.
46. Faasse, K., Chatman, C.J. & Martin, L.R. (2016) A comparison of language use in pro-and anti-vaccination comments in response to a high profile Facebook post. *Vaccine*. 34(47). pp. 5808–5814.
47. Johnson, N.F., Velásquez, N., Restrepo, N.J. et al. (2020) The online competition between pro-and anti-vaccination views. *Nature*. 582(7811). pp. 230–233.
48. Baryshev, A.A., Dunaeva, D.O., Sarkisova, A.Yu. & Chalakov, I.Kh. (2021) Vaksinatziya kak informatsionnyy attraktor v sotsial'nykh media (na materiale Rossiyskoy sotsial'noy seti “Vkontakte”) [Vaccination as an information attractor in social media (on the material of the Russian social network “Vkontakte”).] *Sotsial'nye praktiki i upravlenie: problemnoe pole sotsiologii* [Social Practices and Management: A Problematic Field of Sociology]. Proc. of the Fourth Siberian Forum on Sociology. Novosibirsk: Novosibirsk State University of Economics and Management. pp. 3–10.
49. Graham, T., Smith, N. & Ackland, R. (2016) Analysing the antivaccination movement on Facebook: Big data’ methods at the intersection of natural language processing and social network analysis [Analyzing the anti-vaccination movement on Facebook: Big data’ methods at the intersection of natural language processing and social network analysis]. *Information Communication and Society*. 22. pp. 1–18.
50. Broniatowski, D.A., Smith, M.C. & Hilyard, K.M. (2016) Understanding vaccine refusal: why we need social media now. *American Journal of Preventive Medicine*. 50(4). pp. 550–552.
51. Wiyeh, A.B., Cooper, S., Nnaji, C.A. & Wiysonge, C.S. (2018) Vaccine hesitancy ‘outbreaks’: using epi-demiological modeling of the spread of ideas to understand the effects of vaccine related events on vaccine hesitancy. *Expert Review of Vaccines*. 17(12). pp. 1063–1070.

52. Wang, X. (2010) Knowledge communication in internet age and its impacts on public perception of nuclear risk. *International Journal of Nuclear Knowledge Management*. 4(4). pp. 339–349.
53. Kitschelt, H.P. (1986) Political opportunity structures and political protest: Anti-nuclear movements in four democracies. *British Journal of Political Science*. 16(1). pp. 57–85.
54. Joffe, J. (1987) Peace and populism: Why the European anti-nuclear movement failed. *International Security*. 11(4). pp. 3–40.
55. Koopmans, R. & Duyvendak, J.W. (1995) The political construction of the nuclear energy issue and its impact on the mobilization of anti-nuclear movements in Western Europe. *Social Problems*. 42(2). pp. 235–251.
56. Schiefelbein, A. (2016) *Power to the People: Organizational Changes in the United States of America anti-nuclear movement, 1945–2008*. [Online] Available from: https://www.academia.edu/download/50257764/Power_to_the_People_Organizational_Change-Upload_Version.pdf (Accessed: 17th August 2022).
57. Wiemann, A. (2018) *Networks and Mobilization Processes: The Case of the Japanese Anti-Nuclear Movement after Fukushima*. Munich: Iudicium.
58. Yakshovich, A.V. (2019) Faktor sotsial'nogo prinyatiya yadernoy energetiki i zakhroneniya yadernykh otkhodov v SShA, Frantsii i Rossii [The factor of social acceptance of nuclear energy and nuclear waste disposal in the USA, France and Russia]. *Sistema upravleniya ekologicheskoy bezopasnost'yu* [Environmental Safety Management System]. Proc. of the 13th International Conference. Ekaterinburg, May 31, 2019. Ekaterinburg. pp. 297–302.
59. Desai, R. & Wolf, K. (2014) Is social media really the answer? How issues create communities and communities create issues online. *Asia Pacific Public Relations Journal*. 15(1). pp. 71–88.
60. Sheng, C. (2019) Petitioning and Social Stability in China: Case Studies of Anti-nuclear Sentiment. *VOLUNTAS: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*. 30(2). pp. 381–392.
61. Chen, W.F., Ku, L.W. & Lee, Y.H. (2015) Mining supportive and unsupportive evidence from Facebook using anti-reconstruction of the nuclear power plant as an example. In: Agarwal, N. et al. *2015 AAAI Spring Symposium Series: books of abstracts*. Palo Alto, USA, March 23–25. pp. 10–15.
62. Tamura, T. (2015) The Internet and Personal Narratives in the Post-Disaster Anti-Nuclear Movement. *Asia-Pacific Journal-Japan Focus*. 13(7-4). pp. 1–13.
63. Huang, R. & Sun, X. (2016) Dynamic preference revelation and expression of personal frames: how Weibo is used in an anti-nuclear protest in China. *Chinese Journal of Communication*. 9(4). pp. 385–402.
64. Tamura, T. & Hamada, T. (2013) Who has the right to speak? The role of social media in spreading dissent among anti-nuclear groups in post 3–11 Japan. *AoIR Selected Papers of Internet Research*. 3. pp. 1–4.
65. Doosje, B., Moghaddam, F.M., Kruglanski, A.W., De Wolf, A., Mann, L. & Feddes, A.R. (2016) Terrorism, radicalization and de-radicalization. *Current Opinion in Psychology*. 11. pp. 79–84.
66. McCauley, C. & Moskalenko, S. (2017) Understanding political radicalization: The two-pyramids model. *American Psychologist*. 72(3). pp. 205–216.
67. Vergani, M., Iqbal, M., Ilbahar, E. & Barton, G. (2020) The three Ps of radicalization: Push, pull and personal. A systematic scoping review of the scientific evidence about radicalization into violent extremism. *Studies in Conflict & Terrorism*. 43(10). pp. 854–854
68. Pisiou, D., Zick, A., Srowig, F., Roth, V. & Seewald, K. (2020) Factors of Individual Radicalization into Extremism, Violence and Terror – the German Contribution in a Context. *International Journal of Conflict and Violence*. 14(2). pp. 1–13.
69. Melyakova, Yu., Zhdanenko, S. & Kalnitskiy, E. (2021) Ot biopolitiki k prekarnosti kommodifitsirovannykh tel, ili apogey performansy [From biopolitics to precariousness of commodified bodies, or the apogee of performance]. *Visnik Natsional'nogo yuridichnogo universitetu imeni Yaroslava Mudrogo. Seriya: Filosofiya, filosofiya prava, politologiya, sotsiologiya*. 4(51). pp. 11–33.

Сведения об авторе:

Кашпур В.В. – кандидат социологических наук, заведующий кафедрой социологии Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: vitkashpur@mail.ru

Барышев А.А. – кандидат экономических наук, доцент кафедры социологии Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия); стар-

ший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории прикладного анализа больших данных (Томск, Россия). E-mail: barishevnp@mail.ru

Сербина Г.Н. – заместитель директора Научной библиотеки Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: gnserbina@gmail.com

Барышев Г.А. – руководитель проекта Проектного офиса по контрактной деятельности Национального исследовательского Томского политехнического университета (Томск, Россия). E-mail: GAIBaryshev@tvel.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Kashpur V.V. – Cand. Sci. (Sociology), head of the Department of Sociology, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vitkashpur@mail.ru

Baryshev A.A. – Cand. Sci. (Economics), associate professor, Department of Sociology, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: barishevnp@mail.ru

Serbina G.N. – deputy director of the Research Library, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: gnserbinamailto:kpp@hq.tsc.ru@gmail.com

Baryshev G.A. – project manager, Project Office for Contract Activities, National Research Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: GAIBaryshev@tvel.ru

*Статья поступила в редакцию 28.10.2022;
одобрена после рецензирования 28.11.2022; принята к публикации 20.04.2023*

*The article was submitted 28.10.2022;
approved after reviewing 28.11.2022; accepted for publication 20.04.2023*

Научная статья

УДК 316.7+70.01

doi: 10.17223/1998863X/72/16

ЖИЛИЩНАЯ АНТИУТОПИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ДИАГНОЗ

Денис Борисович Литвинцев

*Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия,
denlitv@inbox.ru*

Аннотация. Актуализируется проблема жилищной антиутопии, неотъемлемой частью которой являются различные социальные страхи и практики эскапизма, и результаты исследований городских антиутопий в разных странах. Сделан вывод, что отдельные идеи из антиутопических научно-фантастических произведений уже нашли свое отражение в реальности как самоисполнившиеся пророчества. Высотки и «умные» дома начинают переосмысляться из утопий в антиутопии.

Ключевые слова: социология города, жилищная социология, социальная утопия, жилищная антиутопия, социальный страх

Для цитирования: Литвинцев Д.Б. Жилищная антиутопия в современном обществе: социологический диагноз // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 72. С. 180–189. doi: 10.17223/1998863X/72/16

Original article

HOUSING DYSTOPIA IN MODERN SOCIETY: A SOCIOLOGICAL DIAGNOSIS

Denis B. Litvintsev

Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russian Federation, denlitv@inbox.ru

Abstract. This article, written in the spirit of noir urbanism, actualizes the problem of housing dystopia in the modern world. The theoretical and methodological basis of the study is the sociology of knowledge by Karl Mannheim. The results of studies of urban dystopia in the USA, Turkey, Brazil, Iran, and Russia are analyzed. The modern city is a mosaic of utopian and dystopian spaces and buildings (including apartment houses), which is due to the social heterogeneity of its inhabitants, who had various forms of utopian consciousness at certain stages of the development of society. In the course of the study, modern living conditions and ideas about housing in well-known dystopian works are compared. The author concludes that some of their ideas and episodes have actually become self-fulfilling prophecies. Buildings made of glass and concrete, where numerous residents do not really know each other, have firmly entered the space of megacities around the world and rushed up. At the same time, socio-economic inequality determines housing – individual apartments in such houses are becoming smaller and begin to resemble boxes or capsules for those who cannot afford more comfortable, but less affordable apartments. Following the space of the city, the home environment is also radically changing. “Smart” things in apartments are increasingly beginning to acquire subjectivity, interacting with people through many networks that have engulfed houses. There is a risk of people losing certain skills. From a mere means of receiving information, the television becomes a wide screen with an invisible, socio-political two-way connection. The dwelling gradually loses privacy and turns into a “glass” one due to numerous video monitoring and surveillance tools, which at the same time does not increase the sense of security in conditions of total supervision. Life in a modern city is accompanied by numerous social fears and phobias, which are an integral part of the housing dystopia and give rise to new subcultures of escapism (stalking, squatting, frogging).

In conclusion, the author expresses the hope that a “smarter” material and technological environment will not completely supplant traditional social practices, and the strengthening of total supervision will not turn our homes (in the literal and metaphorical senses) into Erving Goffman’s total institutions.

Keywords: urban sociology, housing sociology, social utopia, housing dystopia, social fear

For citation: Litvintsev, D.B. (2023) Housing dystopia in modern society: a sociological diagnosis. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 72. pp. 180–189. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/72/16

Взаимосвязь утопического мышления, архитектуры и градостроительства обнаруживается еще со времен Платона. В поисках идеальных моделей жилья порождались и отчасти реализовывались многочисленные архитектурно-эстетические утопии, а также проводились различные социальные эксперименты по всему миру [1]. Согласно социологии знания К. Мангейма, социальные, а значит, и жилищные утопии соответствовали стадиям исторического развития и порождались сознанием тех или иных социальных слоев. Четыре типа утопического сознания (миллениаризм, либерализм, консерватизм и социализм) задали множество конкурирующих проектов-утопий жилища и города, например, нереализованный проект «Лучезарный город» Ле Корбюзье.

Г. Маклеод и К. Уорд отмечают, что современный город представляет собой крайне неравномерное лоскутное одеяло из утопических и антиутопических пространств, которые во всех смыслах и целях физически близки, но институционально отчуждены [2]. Результаты исследований в Бразилии подтверждают данный тезис: утопия и антиутопия являются частью одной и той же городской системы. Они не обязательно находятся в оппозиции; вместо этого они объединяются и компилируются с помощью различных значений (смыслов), которые жители придают ситуациям и отношениям [3].

В то же время конфигурация современного города все меньше соответствует ценностям социального равенства и справедливости. Различные категории горожан в зависимости от пола, возраста, социального статуса и этнического происхождения могут столкнуться с дискриминацией в отношении свободного и полноценного использования городских зданий и пространств. В этом плане процессы, происходящие в современном городе, могут рассматриваться как инструмент социальной эксклюзии, отчуждения и(или) изоляции [4]. Подобной точки зрения придерживаются и российские исследователи инклюзивности городских пространств и жилищной политики [5].

Одна из первых попыток научного анализа жилищной антиутопии в российском обществе, вероятно, была предпринята Д.А. Фоминым и Г.И. Ханиным в 2007 г. Состоятельность антиутопии в сфере ЖКХ они объясняют двумя факторами. Во-первых, это наличие критического, в некоторой степени ненормального состояния. Во-вторых, «это экстраполяция негативных тенденций настоящего, основанная на отрицательном опыте, дурных предчувствиях и тревожных ожиданиях» [6. С. 3]. Согласно их подходу, коммунальное хозяйство полностью отвечает указанным критериям. Представляется, что и в современной жилищной сфере, неразрывно связанной с коммунальной, имеет место антиутопия.

На примере Турции Э.К. Гульпинар показывает, что утопия знаменует собой такой нетрадиционный подход, который привел к эмансипации существующего общественного и городского порядка и привнес невиданные ранее

образцы жилья. Однако к концу XX в. утопия начала наполняться в большей степени негативными образцами и была переосмыслена как жилищная антиутопия, в рамках которой были поставлены под сомнение отношения между пространством, местом и городом [7]. Обращаясь к дискурсу А.Ю. Казаковой, можно говорить о том, что «дома мечты», характерные для утопии, начали превращаться в «дома кошмаров» [8], что и характеризует ее переосмысление как жилищной антиутопии.

М.Р. Ширази отмечает, что в XX в. в новой архитектуре и городском планировании Ирана доминировал западный подход к жилищу, однако ряд архитекторов и градостроителей пытались побороть это доминирование и породить своего рода парадигматический сдвиг, сосредоточив внимание на особенностях месторасположения новых домов. Утопический образ такого жилища представлял собой синтез местного стиля, предполагающий учет традиций в современном подходе градостроительства и политической повестки. Исследование современного социально-экологического состояния местного сообщества в Шуштар-э-Но показало его вырождение из исходного утопического образа в состояние антиутопии, что было связано как с исходными архитектурными предпосылками, так и с более поздними неожиданными инцидентами [9].

Представления о жилищной и городской антиутопиях сформированы не только современными исследованиями, но и известными научно-фантастическими произведениями. Концепция дома играет неотъемлемую роль в антиутопической литературе, особенно в критических антиутопиях [10]. При этом кинематограф позволяет раскрыть антиутопии свой потенциал как жанра, провоцирующего индивида на критическое мышление и рефлексию, что дает возможность начать в том числе и научную дискуссию [11]. По мнению Э. Милнера, начиная с 1979 г. критическая теория превратила исследования научной фантастики из увлечения фанатов в научную дисциплину [12].

Целесообразно отметить, что произведения-антиутопии неоднократно попадали в поле зрения именно социологов. Так, например, Э. Фромм к одному из зарубежных изданий романа «1984» Дж. Оруэлла написал короткое, но крайне поучительное послесловие. Его суть сводится к тому, что подобные антиутопии – это серьезное предупреждение всему обществу о том, что социальные субъекты не должны утрачивать свои человеческие качества под давлением формальных институтов, превращаясь в бездушные автоматы.

Жилищная антиутопия – от фантастики к реальности

Бетонные джунгли крупных городов, сросшиеся небоскребы и стройные ряды высоток – это тотальная реальность современных мегаполисов, крайне схожая с тем, что представлено, например, в антиутопии «Метрополис» Ф. Ланга [13]. При этом социальность городской антиутопии как механизированного мира, жизнь в котором в большей степени регламентируется и регулируется формальными институтами, была описана еще Р. Парком: в отличие от сельской местности человек рождается в больнице, проводит большую часть жизни в многоквартирном доме, бараке или гостинице и умирает в стенах какого-нибудь учреждения [14. С. 53].

В романе-антиутопии Е. Замятина «Мы», написанном ранее, чем был снят «Метрополис», люди живут в домах со стеклянными стенами. Жилище в

данном случае представляет собой фактически паноптикум¹ М. Фуко, целью которого является реализация всеподнадзорности. Жители таких домов больше не могут скрывать от суда общественности свою частную жизнь, что, согласно К. Мангейму, является фактически одной из социальных функций нормального жилища. Город через окна и витражи квартир перестает быть зрелищем – многоквартирные дома из стекла и бетона открываются во внешнее пространство города, что исключал Ж. Бодрийяр [14. С. 22, 47].

С развитием городов и информационно-телекоммуникационных технологий жизнь в современных домах становится все менее приватной (в том числе и в России). Государство и созданные им формальные институты все больше вторгаются в приватное пространство жилища. Горожане все менее чувствуют себя в безопасности в многоквартирных домах. Идеализированный дом как утопическая мечта превращается в небезопасную тюрьму [15], жители которой неизбежно перестают чувствовать себя как дома, что является высшей степенью близости и интимности, согласно А. Шюцу [14. С. 18].

В этом смысле в антиутопию превращаются также и огражденные сообщества (*gated communities*), рассматриваемые как правило в дискурсе приватизации публичного пространства города. Дома с множеством систем видеонаблюдения (в местах общего пользования и непосредственно в квартире) и контроля все больше начинают походить на «стеклянные» – домашняя жизнь из приватной переходит отчасти в публичную благодаря механизмам всеподнадзорности. Именно в этом аспекте проявляется жилищная антиутопия «стеклянных» домов, хотя А. Орлова, например, делает в большей степени акцент именно на антиутопичном строительстве современных зданий, таких как Деловой центр «Москва Сити» [13].

Тем не менее, например, С.П. Пау ставит под сомнение антиутопическую точку зрения, которая стала доминировать в исследованиях приватизированных городских пространств, таких как закрытые (огражденные) сообщества. Исследования в этой области, по его мнению, зачастую перегружены повторяющимися данными, отражающими распространение городских укреплений и сегрегации, которые предупреждают о надвигающейся антиутопии, когда города будут осажены неолиберальными силами приватизма. Выходя за рамки такой нуарной урбанистики и всеобщего пессимизма, он приводит доводы в пользу более обнадеживающей исследовательской программы, противопоставляя перекодированной монологовике городских укреплений и сегрегации более нюансированную перспективу, подчеркивающую дифференцирующую динамику и случайный характер городских пространств [16].

Окончательный переход от домашней приватности в публичное пространство города (фактически общества) продемонстрировано в романе-антиутопии «1984» Дж. Оруэлла [13]. Центром домашней жизни становится телевизор, который является ключевым связующим звеном между домом и обществом. Другие привычные вещи, которые очерчивали ранее символические контуры пространства, называемого домом по Ж. Бодрийяру, постепенно утрачивают свою значимость. Насколько современное общество приблизилось к подобной жилищной антиутопии? Центром большинства современных домов и квартир действительно стал тот самый широкий экран телевизора, объединяющий вокруг

¹ Современный многоквартирный дом нередко сравнивают по фотографии с изображением одного из зданий бывшей тюрьмы Пресидио Модело на кубинском острове Хувентуд.

себя членов семьи по вечерам, в выходные и праздничные дни. Более того, некоторые семьи не расстаются с телевизором даже на кухне и в родительской спальне. Результаты телефонного интервью ВЦИОМ в 2021 г. в ходе инициативного всероссийского опроса «ВЦИОМ-Спутник» демонстрируют, что не смотрят телевизор лишь 28% россиян из 1 600 опрошенных [17].

Неслучайно в 2021 г. The Guardian опубликовал статью, в центре внимания которой стоит вопрос: дает ли дом завтрашнего дня более обнадеживающее видение домашнего хозяйства или все-таки это антиутопический кошмар [18]? Вынос подобной проблематики из узких научных кругов на суд общественности явно свидетельствует о проявлении все большего интереса к жилищной антиутопии и повышению озабоченности ею. Центральной идеей здесь выступает умный дом и интернет вещей как неотъемлемые составляющие антиутопии. При этом антиутопические процессы затрагивают все пространство современных домов и квартир, что объясняется влиянием дисциплинарных механизмов М. Фуко: контроль над телами людей осуществляется с помощью расположения, самого разделения города, а также с помощью локализации семей (каждая в своей квартире) и индивидов (каждый в одной комнате) [14. С. 49].

Р. Годвин разделяет антиутопические процессы, затрагивающие разные комнаты современной квартиры (гостиная, кухня, ванная комната, спальня и детская), что связано с их непосредственным назначением. Однако можно выделить общие процессы для всех комнат, все сильнее размывающие границы между физическим и цифровым миром [18]:

– увеличение количества умных вещей, которые в любой момент из помощников и(или) собеседников (например, та же Алиса от компании Яндекс) могут превратиться в надзирателей (усиливая всеподнадзорность);

– повышение роли цифровых сервисов, которые в конечном счете приведут к утрате отдельных навыков городских жителей (например, навыка готовки благодаря умным холодильникам и службам доставки готовой еды);

– все больший охват жилого пространства многочисленными сетями, в рамках которых взаимодействуют люди и вещи (что дает дополнительный импульс развитию акторно-сетевой теории Б. Латура и др.).

Фильм-антиутопия «Облачный атлас» Л. Вачовски и Т. Тыквера демонстрирует жизнь людей-клонов, каждое утро просыпающийся в камере-ящике, похожем на капсулу [13]. Подобная жилищная антиутопия уже получила широкое распространение в Японии (капсульные отели). Более того, рассматривая данный феномен в дискурсе сужения-расширения жилищного пространства, в России обнаруживается противоречивая тенденция на рынке жилья. Несмотря на то что, по данным Росстата, средний размер одной квартиры ежегодно растет начиная с 1995 г. [19], по данным Фонда «Институт экономики города» площадь квартир в многоквартирных домах в России в целом снижается. Речь идет о новостройках. При этом большая часть квартир в таких домах – однокомнатные [20]. В этом плане современное жилище, обращаясь к терминологии П. Сорокина, действительно все больше начинает напоминать «ящик, в котором нам суждено жить» [14. С. 30].

Однако ящик ящику рознь. Жилищная антиутопия характеризуется новым типом дифференциации, разделяющим всех жителей городов на жилищные классы Дж. Рекса и П. Мура. Это хорошо продемонстрировано в романе-антиутопии «Голодные игры» Р.С. Коллинз, который был впоследствии экра-

низирован. Маленькие, убогие дома шахтеров противопоставляются небоскрегам [13]. Однако уже в современном обществе обнаруживается схожая дифференциация, в основе которой также лежит социально-экономическое (жилищное) неравенство. Обеспеченные хозяева просторных пентхаусов против жителей дешевых однушек, владельцы старых квартир в мало- и среднеэтажных домах против обладателей (зачастую благодаря ипотеке) квадратных метров в высотках и т.п.

При этом для своих жителей высотка становится объектом вожделения и навязчивой идеи жизни на верхнем этаже в пентхаусе, что символизирует социальный статус и богатство. В то же время такой дом, по мнению С. Тана, представляет собой центр потребления, постепенно трансформирующийся в антиутопическую сферу, где теневой архетип К.Г. Юнга оказывает доминирующее влияние на людей, что приводит к актам насилия в результате конфликта между представителями различных социальных классов, проживающих на разных этажах [21].

Жилищная антиутопия и социальные страхи

М.А. Черняк подчеркивает, что «внутренней атмосферой антиутопии становится страх» [22. С. 54]. Он представляет собой сложное социально-психологическое явление, которое детерминируется негативными тенденциями изменений, в том числе городской и жилой среды. Неслучайно К. Филоненко идентифицировал новое направление исследований социальных страхов в городском пространстве как «социологию стрёма», в основе метода которой лежит изучение страшных городских историй и легенд [23]. Взаимосвязь социальных страхов и антиутопии также связана и с представлениями Э. Тоффлера – футурошок как защитная реакция человека на стремительные и радикальные изменения, в том числе городской среды и пространства жилищ, фактически предопределяет эти страхи.

Развитие высотного строительства усиливает акрофобию (боязнь высоты) и может вызывать доматофобию как боязнь жилых небоскребов. В то же время различные деформации жилых пространств (например, чрезвычайно маленькие и некомфортные квартиры-студии 10–15 км²) могут вызывать отвращение к домашнему окружению и нежелание возвращаться домой. При этом страх собственного дома (эйкофобия) может начинаться непосредственно с подъезда, жильцы которого плохо знакомы друг с другом в силу большого количества квартир. Боязнь неогражденного и плохо защищенного от агрессивной среды города двора как открытого пространства (агорафобия) также характерная для современной жилищной антиутопии [14. С. 55–56]. При этом можно отметить, что даже в огражденных сообществах этот страх имеет место быть. Это в том числе связано с резким сокращением соседских контактов (социофобия) в условиях, когда жители не в состоянии отличить своих от чужих. Это в том числе связано с постепенным распространением социальных практик фрогинга – тайного проживания в чужих домах. Применительно к многоквартирным домам в России это могут быть чердаки и подвалы, которые становятся (особенно в холодный период года) убежищем для людей без определенного места жительства и подростков.

Результаты проведенного исследования Н.К. Радиной, которая рассматривала город как фабрику страхов и рисков, подтверждает вышесказанное.

У взрослых жителей городов России обнаруживаются страхи районов с дешевым жильем, а также непосредственно дворов и подъездов. При этом у детей в большей степени проявляется страх подвалов и одиноко стоящих домов (новостроек) [24]. В целом страх, конечно, вызывают темные, безлюдные и(или) заброшенные здания и пространства (места отсутствия по Дж. Урри), которыми являются, например, остовы недостроенных бетонных коробок будущих так называемых в российских СМИ «человейников».

К.Дж. Линд рассматривает заброшенные дома как характерный феномен жилищно-соседской антиутопии в США. Он отмечает, что требуется лучше соблюдать экологические нормы жилищного строительства и соседских отношений для прекращения безудержной заброшенности и «расползания» антиутопии [25]. Вместе с тем в современных реалиях наблюдается популяризация сквоттинга как реакция на подобную жилищную антиутопию. Акт самовольного заселения заброшенного дома – это антиинституциональный ответ на эксклюзивную жилищную политику и проблемы урбанизации. Подобные социальные практики оказывают существенное влияние на культуру и идеи антиглобализма.

Кроме того, для современной России среди страхов, характеризующих жилищную антиутопию, можно выделить страхи падения лифтов и взрыва бытового газа. Это связано с наличием явно негативной динамики и увеличением количества подобных чрезвычайных происшествий в многоквартирных домах [26]. В попытке сбежать от подобных страхов и проблем распространяются социальные практики сталкинга, связанные с чувством ностальгии и проявляющиеся в том числе в желании исследовать заброшенные старые дома советской эпохи. Однако все попытки хотя бы на время дистанцироваться от жилищной антиутопии современного общества приводят фактически в ловушку ретроутопии, описанной З. Бауманом.

Наравне с вышеперечисленным Р. Гиффорд отмечает противоестественность проживания на высоте, что вызывает страхи пожаров, землетрясений и терактов, распространения инфекционных болезней¹, боязнь посторонних в местах общего пользования и боязнь того, что кто-то упадет или выпрыгнет из окна [14. С. 55]. Отдельного внимания заслуживает страх того, что в большом многоквартирном доме ребенок может не просто потеряться, но и пропасть. Наиболее громкий и известный случай – исчезновение восьмилетней девочки Николь Морен в июле 1985 г. в Торонто (Канада). Считается, что девочка, выйдя за пределы своей квартиры, пропала именно в стенах многоквартирного дома, не выходя на улицу. Ее судьба до сих пор неизвестна.

Заключение

Современный город представляет собой мозаику утопических и антиутопических пространств и зданий (в том числе жилых домов), что обусловлено социальной разнородностью его жителей, обладавших разнообразными формами утопического сознания на отдельных этапах развития общества. Некоторые идеи и эпизоды известных произведений-антиутопий фактически стали самоисполняющимися пророчествами Р. Мертона. Строения из стекла и бетона, где многочисленные жители толком не знают друг друга, прочно вошли в пространство мегаполисов по всему миру и устремились вверх. При этом

¹ Яркий тому пример – современный Китай, в котором распространена практика закрывать весь многоквартирный дом на карантин в случае выявления COVID-19.

социально-экономическое неравенство обуславливает жилищное – отдельные квартиры в таких домах становятся все меньше и начинают напоминать коробки или капсулы для тех, кто не может позволить себе более комфортное, но менее доступное жилье.

Вслед за пространством города радикально меняется и домашняя обстановка. «Умные» вещи в квартирах все больше начинают приобретать субъектность, взаимодействуя с людьми посредством множества сетей, охвативших дома. Возникает риск утраты людьми отдельных навыков. Телевизор из простого средства получения информации становится широким экраном с невидимой, социально-политической двухсторонней связью. Жилище постепенно утрачивает приватность и превращается в «стеклянное» за счет многочисленных средств видеонаблюдения и слежения, что при этом не повышает чувство безопасности в условиях всеподнадзорности. Жизнь в современном городе сопровождается многочисленными социальными страхами и фобиями, являющихся неотъемлемой частью жилищной антиутопии и порождающих новые субкультуры эскапизма (сталкинг, сквоттинг, фрогинг).

Хочется верить, что более «умная» материально-технологическая среда не вытеснит окончательно традиционные социальные практики, а усиление всеподнадзорности не превратит наши дома (в прямом и метафорическом смысле) в тотальные институты И. Гофмана.

Список источников

1. *Иконников А.В.* Утопическое мышление и архитектура. М.: Архитектура-С, 2004. 400 с.
2. *MacLeod G., Ward K.* Spaces of Utopia and Dystopia: Landscaping the Contemporary City // *Geografiska Annaler. Series B, Human Geography*. 2022. Vol. 84, № 3/4. P. 153–70. DOI: 10.1111/j.0435-3684.2002.00121.x
3. *Marques R.N., Müller F., Kanegae M.M., Morgade M.* Two Childhoods, Two Neighborhoods, And One City: Utopias and Dystopias in Brasilia // *Children's Geographies*. 2021. Vol. 19, is. 2. P. 172–183. DOI: 10.1080/14733285.2020.1772961
4. *Ladiana D.* Urban Dystopias: Cities that Exclude // *International Journal of Sustainable Development and Planning*. Vol. 12, is. 4. P. 619–627. DOI: 10.2495/SDP-V12-N4-619-627
5. *Литвинцев Д.Б., Можейкина В.В., Дестярёва В.В.* Инклюзивное проживание в России как аспект многомерности социальной инклюзии // *Вестник Томского государственного университета*. 2021. № 468. С. 84–92. DOI: 10.17223/15617793/468/10
6. *Фомин Д.А., Ханин Г.И.* Коммунальная антиутопия // *ЭКО*. 2007. № 7 (397). С. 3–21.
7. *Gülpinar E.K.* Utopia, Dystopia and Heterotopia: “The Climate Change” in the Turkish Social Housing Discourse // *Utopia, Dystopia and Climate Change: The 20th Conference of The Utopian Studies Society Book of Abstracts*. 2019. P. 52.
8. *Казакова А.Ю.* Прототипы жилья: «дом мечты» и «дом кошмаров» (визуально-статистический анализ) // *Жилищные стратегии*. 2022. Т. 9, № 1. С. 39–58. DOI: 10.18334/zhs.9.1.114162
9. *Shirazi M.R.* From Utopia to Dystopia: Shushtar-e-No, Endeavour Towards Paradigmatic Shift // *Arefian, F., Moeini, S.* Urban Change in Iran. The Urban Book Series. Springer, Cham. 2016. P. 121–136. DOI: 10.1007/978-3-319-26115-7_10
10. *Atasoy E.* The Concept of Home in Critical Dystopia // VII BAKEA International Western Cultural and Literature Studies Online Symposium “Home”. 15–17 September 2021. The Book of Abstracts. P. 39.
11. *Аль-Мамори Я.* Антиутопия, постапокалипсис и кинематографическое чтение // *Философия и культура*. 2022. № 4. С. 1–8. DOI: 10.7256/2454-0757.2022.4.37808
12. *Milner A.* Darker Cities: Urban Dystopia and Science Fiction Cinema // *Again, Dangerous Visions: Essays in Cultural Materialism*. Leiden, The Netherlands: Brill, 2018. P. 382–402. DOI: 10.1163/9789004314153_022
13. *Орлова А.* Жилье и жизнь в антиутопиях // *KNOW REALITY*. URL: <https://knowreality.ru/zhil-e-i-zhizn-v-antiutopiyah/> (дата обращения: 05.12.2022).

14. Литвинцев Д.Б. Жилищная социология. Институт общего собрания собственников многоквартирного дома. Новосибирск: Новосибирский государственный технический университет, 2022. 200 с. DOI: 10.17212/978-5-7782-4712-3
15. Çelen E. Home as a Dream: The Utopia of Home in V.C. Andrew's Flowers in the Attic // VII BAKEA International Western Cultural and Literature Studies Online Symposium "Home". 15–17 September 2021. The Book of Abstracts. P. 36.
16. Pow C.P. Urban Dystopia and Epistemologies of Hope // Progress in Human Geography. 2014. Vol. 39, is. 4. P. 464–485. DOI: 10.1177/0309132514544805
17. Медианопотребление россиян: мониторинг // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/medianapotreblenie-rossijan-monitoring> (accessed: 05.12.2022).
18. Godwin R. Houses of Tomorrow: A More Hopeful Vision of Domesticity, Or A Dystopian Nightmare? // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/lifeandstyle/2021/nov/14/houses-of-tomorrow-a-more-hopeful-vision-of-domesticity-or-a-dystopian-nightmare> (accessed: 08.12.2022).
19. Жилищные условия // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/zhilishhnye_usloviya (дата обращения: 05.12.2022).
20. Квартиры в новостройках становятся все меньше // Российская Газета. URL: <https://rg.ru/2022/10/30/komnata-propadaet.html> (дата обращения: 05.12.2022)
21. Tan C. The Dystopian Home: An Archetypal Analysis of J.G. Ballard's High Rise // VII BAKEA International Western Cultural and Literature Studies Online Symposium "Home". 15–17 September 2021. The Book of Abstracts. P. 26.
22. Черняк М.А. Страхи будущего в современных антиутопиях // Universum: Вестник Герценовского университета. 2006. № 8 (34). С. 54–55.
23. Филоненко К. Путеводитель по современным страхам. Социология стрёма. М.: АСТ, 2020. 272 с.
24. Радина Н.К. Город как фабрика страха и риска: детский взгляд на городское пространство // Социальная психология и общество. 2017. Т. 8, № 2. С. 131–145. DOI: 10.17759/sps.2017080209
25. Lind K.J. Perspectives on Abandoned Houses in a Time of Dystopia // Journal of Affordable Housing & Community Development Law. 2015. Vol. 24, № 1. P. 121–132.
26. Литвинцев Д.Б. Социальные аспекты безопасности проживания в многоквартирных домах больших городов России // Социология города. 2021. № 1. С. 38–50.

References

1. Ikonnikov, A.V. (2004) *Utopicheskoe myshlenie i arkhitektura* [Utopian thinking and architecture]. Moscow: Arkhitektura-S.
2. MacLeod, G. & Ward, K. (2022) Spaces of Utopia and Dystopia: Landscaping the Contemporary City. *Geografiska Annaler. Series B, Human Geography*. 84(3/4). pp. 153–70. DOI: 10.1111/j.0435-3684.2002.00121.x
3. Marques, R.N., Müller, F., Kanegae, M.M. & Morgade, M. (2021) Two Childhoods, Two Neighborhoods, And One City: Utopias and Dystopias in Brasilia. *Children's Geographies*. 19(2). pp. 172–183. DOI: 10.1080/14733285.2020.1772961
4. Ladiana, D. (2017) Urban Dystopias: Cities that Exclude. *International Journal of Sustainable Development and Planning*. 12(4). pp. 619–627. DOI: 10.2495/SDP-V12-N4-619-627
5. Litvintsev, D.B., Mozheykina, V.V. & Degtyareva, V.V. (2021) Inclusive living in Russia as an aspect of the multidimensionality of social inclusion. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo uni-versiteta – Tomsk State University Journal*. 468. pp. 84–92. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/468/10
6. Fomin, D.A. & Khanin, G.I. (2007) Kommunal'naya antiutopiya [Communal dystopia]. *EKO*. 7(397). pp. 3–21.
7. Gülpınar, E.K. (2019) Utopia, Dystopia and Heterotopia: "The Climate Change" in the Turkish Social Housing Discourse. *Utopia, Dystopia and Climate Change*. The 20th Conference of The Utopian Studies Society Book of Abstracts. pp. 52.
8. Kazakova, A.Yu. (2022) Prototipy zhil'ya: "dom mechty" i "dom koshmarov" (vizual'no-statisticheskii analiz) [Prototypes of housing: "Dream house" and "nightmare house" (a visual and statistical analysis)]. *Zhilishchnye strategii*. 9(1). pp. 39–58. DOI: 10.18334/zhs.9.1.114162
9. Shirazi, M.R. (2016) From Utopia to Dystopia: Shushtar-e-No, Endeavour Towards Paradigmatic Shift. In: Arefian, F. & Moeini, S. *Urban Change in Iran. The Urban Book Series*. Springer, Cham. pp. 121–136. DOI: 10.1007/978-3-319-26115-7_10
10. Atasoy, E. (2021) The Concept of Home in Critical Dystopia. *VII BAKEA International Western Cultural and Literature Studies Online Symposium "Home"*. September 15–17, 2021. p. 39.

11. Al-Mamori, Ya. (2022) Antiutopiya, postapokalipsis i kinematograficheskoe chtenie [Dystopia, post-apocalypse and cinematic reading]. *Filosofiya i kul'tura*. 4. pp. 1–8. DOI: 10.7256/2454-0757.2022.4.37808
12. Milner, A. (2018) *Again, Dangerous Visions: Essays in Cultural Materialism*. Leiden, The Netherlands: Brill. pp. 382–402. DOI: 10.1163/9789004314153_022
13. Orlova, A. (n.d.) *Zhil'e i zhizn' v antiutopiyakh* [Housing and life in dystopias]. [Online] Available from: <https://knowreality.ru/zhil-e-i-zhizn-v-antiutopiyah/> (Accessed: 5th December 2022).
14. Litvintsev, D.B. (2022) *Zhilishchnaya sotsiologiya. Institut obshchego sobraniya sobstvennikov mnogokvartirnogo doma* [Housing Sociology. Institute of the General Meeting of Owners of an Apartment Building]. Novosibirsk: Novosibirsk State Technical University. DOI: 10.17212/978-5-7782-4712-3
15. Çelen, E. (2021) Home as a Dream: The Utopia of Home in V.C. Andrew's Flowers in the Attic. *VII BAKEA International Western Cultural and Literature Studies Online Symposium "Home"*. 15–17 September. p. 36.
16. Pow, C.P. (2014) Urban Dystopia and Epistemologies of Hope. *Progress in Human Geography*. 39(4). pp. 464–485. DOI: 10.1177/0309132514544805
17. VTsIOM. (2021) *Mediapotreblenie rossiyan: monitoring* [Media consumption of Russians: monitoring]. [Online] Available from: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheski-obzor/mediapotreblenie-rossijan-monitoring> (Accessed: 5th December 2022).
18. Godwin, R. (2021) Houses of Tomorrow: A More Hopeful Vision of Domesticity, Or A Dystopian Nightmare? *The Guardian*. [Online] Available from: <https://www.theguardian.com/lifeandstyle/2021/nov/14/houses-of-tomorrow-a-more-hopeful-vision-of-domesticity-or-a-dystopian-nightmare> (Accessed: 8th December 2022).
19. Federal State Statistics Service. (n.d.) *Zhilishchnye usloviya* [Housing Conditions]. [Online] Available from: https://rosstat.gov.ru/statistics/zhilishhnye_usloviya (Accessed: 5th December 2022).
20. *Rossiyskaya Gazeta*. (2022) Kvartiry v novostroykakh stanovyatsya vse men'she [Apartments in new buildings are getting smaller]. [Online] Available from: <https://rg.ru/2022/10/30/komnata-propadaet.html> (Accessed: 5th December 2022).
21. Tan, C. (2021) The Dystopian Home: An Archetypal Analysis of J.G. Ballard's High Rise. *VII BAKEA International Western Cultural and Literature Studies Online Symposium "Home"*. September 15–17, 2021. pp. 26.
22. Chernyak, M.A. (2006) Strakhi budushchego v sovremennykh antiutopiyakh [Fears of the future in modern antiutopias]. *Universum: Vestnik Gertsenovskogo universiteta*. 8(34). pp. 54–55.
23. Filonenko, K. (2020) *Putevoditel' po sovremennym strakham. Sotsiologiya stream* [Guide to modern fears. Sociology of look out]. Moscow: AST.
24. Radina, N.K. (2017) Gorod kak fabrika strakha i riska: detskiy vzglyad na gorodskoe prostranstvo [City as a factory of fear and risk: a child's view of urban space]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo*. 8(2). pp. 131–145. DOI: 10.17759/sps.2017080209
25. Lind, K.J. (2015) Perspectives on Abandoned Houses in a Time of Dystopia. *Journal of Affordable Housing & Community Development Law*. 24(1). pp. 121–132.
26. Litvintsev, D.B. (2021) Sotsial'nye aspekty bezopasnosti prozhivaniya v mnogokvartirnykh domakh bol'shikh gorodov Rossii [Social aspects of the safety of living in apartment buildings in large cities of Russia]. *Sotsiologiya goroda*. 1. pp. 38–50.

Сведения об авторе:

Литвинцев Д.Б. – кандидат социологических наук, доцент кафедры менеджмента Новосибирского государственного технического университета (Новосибирск, Россия). E-mail: denlitv@inbox.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Litvintsev D.B. – Cand. Sci. (Sociology), associate professor, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: denlitv@inbox.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 12.12.2022;
одобрена после рецензирования 30.03.2023; принята к публикации 20.04.2023
The article was submitted 12.12.2022;
approved after reviewing 30.03.2023; accepted for publication 20.04.2023

Научная статья

УДК 316.032

doi: 10.17223/1998863X/72/17

КРИТЕРИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНИЗАЦИЙ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ ПО СОДЕЙСТВИЮ В ТРУДОУСТРОЙСТВЕ ЛИЦ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ

Анастасия Владимировна Марсавина

*Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия,
avmars9.8@gmail.com*

Аннотация. Изучены практики содействия трудоустройству инвалидов в учреждениях высшего образования в России и за рубежом, на основе которых сформулирован возможный перечень критериев эффективности оценки указанной деятельности. Главное значение выделения критериев заключается в необходимости пересмотра нормативно-правовой базы и разработке матрицы показателей, индикаторов, с помощью которых возможен расчет их значений.

Ключевые слова: содействие трудоустройству инвалидам, учреждения высшего образования, критерии эффективности

Для цитирования: Марсавина А.В. Критерии эффективности деятельности организаций высшего образования по содействию в трудоустройстве лиц с инвалидностью // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 72. С. 190–201. doi: 10.17223/1998863X/72/17

Original article

EFFECTIVENESS CRITERIA OF HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS' ACTIVITIES IN THE FIELD OF EMPLOYMENT SUPPORT FOR DISABLED PEOPLE

Anastasia V. Marsavina

Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia

avmars9.8@gmail.com

Abstract. The article analyses employment support for disabled people in Russian higher education institutions and abroad. On the basis of this, the potential list of effectiveness criteria for evaluating this support is made. The interest in development of an employment support system for disabled people is stimulated by up-to-date statistics, which show a need for activating all the employable part of the state population to support economic and social well-being of the Russian Federation. This need is also stimulated by psychophysiological characteristics of disabled people, which directly affects their successful or non-successful social integration and adaptation in the modern world, including market economy conditions. Moreover, the number of working disabled people in Russian Federation is lower than in other countries, which are leaders in developing the inclusive environment in general. In addition, the process of employment support for disabled people can not be evaluated by the number of employed graduates only. Furthermore, the fact of a disabled person's employment does not mean that this person is ready for working in social environment. This fact also says nothing about a person's adaptive potential in the working space. In relation to these circumstances, studying the issues of employment support for disabled people is becoming increasingly important for scientific communities as well as for developing

modern practice. An overview of empirical evidence allowed concluding that the main reason for finding out the effectiveness criteria of employment support for disabled people is the need for legal framework revision and developing a scoreboard that will help calculate the values. This, in turn, will help reform the state socio-economic policy and take preventive measures for future Russian development. Based on the analysis of foreign and domestic practices, the author has found empirical evidence that the current approach to analyzing the effectiveness of employment support for disabled people does not correspond to Russia's legal framework and also to the real socio-economic needs of the country.

Keywords: employment support for disabled people, higher education institutions, effectiveness criterion

For citation: Marsavina A.V. (2023) Effectiveness criteria of higher education institutions' activities in the field of employment support for disabled people. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 72. pp. 190–201. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/72/17

Введение

В основополагающем законодательном акте Российской Федерации (Конституции) закреплено «право всех граждан свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию» [1. С. 37]. Воспользоваться регламентированным правом на труд может каждый гражданин России, в том числе лица с инвалидностью, которые должны быть учтены соответствующими органами власти при оценке национального трудового ресурса страны. Это необходимо, например, для разработки и внедрения государственных, региональных и муниципальных проектов и программ, повышающих качество трудоустройства инвалидов, и, соответственно, увеличения трудоактивной части населения страны в целом. Все обозначенное может повлиять и на снижение нагрузки на бюджетные системы разных уровней, а также перераспределить ассигнования на более «нуждающиеся» расходные статьи и повысить конкурентоспособность, обеспечив стабильность экономики страны в целом.

Федеральная служба государственной статистики (далее – Росстат) прогнозирует к 2025 г. рост естественной убыли населения и, соответственно, сокращение трудоактивной части населения [2], в этой связи все большее значение приобретают вопросы трудоустройства лиц с инвалидностью. Согласно последним данным Федерального реестра инвалидов, доля трудоустроенных среди таких граждан составляет менее 27% [3], в то время как за рубежом значение данного показателя значительно выше: в Канаде – 56%, в Австрии – 45%, в Германии – 46%, в Нидерландах – 40% и т.д. [4. С. 137].

К субъектам, включенным в складывающуюся систему помощи в трудоустройстве инвалидам, относятся как государственные, так и негосударственные структуры и организации, среди которых особое место принадлежит организациям высшего образования.

Очевидно, с целью минимизации социально-экономических издержек государства человек с инвалидностью должен быть как можно раньше допущен к ресурсам, развивающим его профессиональный потенциал, и успешно трудоустроен по окончании вуза. На мотивацию студента с инвалидностью к трудоустройству и формирование его профессионального самоопределения должна работать вся инклюзивная образовательная среда учреждения, но

непосредственную помощь в трудоустройстве должна оказывать специально подготовленная служба или специалист этой службы [5].

Сегодня отсутствует единая оценка работы служб сопровождения и помощи при трудоустройстве лиц с инвалидностью. Это относится и к вузам, социальная ответственность которых по данному вопросу значительно выросла благодаря запросу государства. Исследование НИУ «Высшая школа экономики», проведенное в 2021 г., поставило вопрос о необходимости переосмысления процесса содействия трудоустройству инвалидов в учреждениях профессионального образования [4], переосмысление начинать можно и нужно с постановки вопроса относительно эффективности обозначенной деятельности.

Цель исследования заключается в выделении и систематизации критериев эффективности деятельности вузов по сопровождению и содействию в трудоустройстве студентов/выпускников с инвалидностью.

Методы

Работу по выделению критериев эффективности деятельности по сопровождению и содействию в трудоустройстве студентов/выпускников с инвалидностью, с нашей точки зрения, следует начинать с анализа практик. Поскольку, по всей вероятности, практики в разных странах и разных университетах отличаются, важно учитывать как особенности национальных систем образования/особенности национальных экономик, так и отношение отдельных университетов к образовательной инклюзии. В этом смысле нас интересовали флагманские практики. Флагманские практики других стран интересовали нас исключительно для сравнения с российскими практиками и необходимостью оценить, насколько российские университеты успешно решают обозначенную проблему.

Деятельность вуза по сопровождению и содействию в трудоустройстве студентов/выпускников с инвалидностью – отдельное и узкое направление деятельности образовательной организации. Оценка эффективности данной деятельности продиктована новыми требованиями, предъявляемыми государством и, в какой-то мере, обществом. Сама по себе деятельность по трудоустройству инвалидов не может оцениваться исключительно количеством трудоустроенных: не все обучающиеся инвалиды хотят быть трудоустроенными, представление инвалидов о трудоустройстве и требования рынка/общества могут отличаться, трудоустройство как факт начала трудовой деятельности на конкретном месте вовсе не означает, что человек с инвалидностью сможет адаптироваться к трудовой деятельности. Все перечисленное затрудняет простой подход к оценке эффективности деятельности по трудоустройству таких особых выпускников. Отсюда понимание эффективности как степени достижения цели организации (вуза) или как способности организаций достигать максимальные результаты может быть слишком упрощенным. Тогда разумнее рассматривать эффективность в большей мере как степень удовлетворенности клиентов (выпускников с инвалидностью) и заказчиков (работодателей, общества). В этом смысле трудоустройство начинает пониматься как сложный процесс подбора трудовой деятельности с учетом особенностей (в том числе психологических) особых студентов/вы-

пускников. Это длительный процесс, он не может проходить в ограниченное время выпуска из университета.

Столь сложная деятельность потребует выбора критериев для оценки эффективности. Анализ практик может только натолкнуть нас на мысль о том, что это за критерии. В данном случае оценка эффективности позволит понять несколько моментов:

- 1) насколько правильно выстроено все инклюзивное образование;
- 2) насколько правильно выстроена индивидуальная траектория инклюзивного сопровождения;
- 3) насколько правильно выстроена работа специалистов/служб сопровождения и содействия трудоустройству лиц с инвалидностью.

С учетом обозначенных методологических принципов осуществлялся выбор эмпирических методов, позволяющих найти необходимые критерии и выстроить их в систему. Для решения проблемы использовались два эмпирических социологических метода:

- 1) частотно-содержательный контент-анализ доступных региональных проектов и программ, регламентирующих содействие вузов в трудоустройстве инвалидов;
- 2) экспертное полуструктурированное интервью.

Для проведения контент-анализа были выделены три критерия для отбора документов: тематика документа должна соответствовать заявленной теме исследования, анализируемые документы могут быть в двух формах (в форме подпрограммы государственной программы или в качестве самостоятельной программы), а также действующими. Выборка документов для контент-анализа оказалась сплошной: проанализированы программы и проекты 81-го региона России, 4 региона не вошли в анализ, так как не соответствуют критериям отбора. Протокол контент-анализа включает две категории: критерии типовой программы и критерии отечественной и зарубежной практики. Категории в качестве единиц анализа подразумевают соответствующие критерии эффективности. Единицами счета стали упоминания критериев эффективности в абсолютной частоте (в количестве раз, а также в проценте от общего числа анализируемых документов).

Поскольку сотрудники вузов, скорее всего, оценивают эффективность рассматриваемого процесса несколько шире, чем того требуют типовая и региональные программы и проекты, для проверки выдвинутой гипотезы потребовалось экспертное полуструктурированное интервью.

Для объективизации отбора экспертов был использован метод снежного кома и выдвинуты следующие критерии: специалист должен быть сотрудником вуза; специалист должен осуществлять деятельность в сфере содействия трудоустройству инвалидов; специалист должен осуществлять эту деятельность не менее 5 лет. Всего было проинтервьюировано восемь экспертов из университетов восьми федеральных округов: Дальневосточного, Сибирского, Центрального, Северо-Кавказского, Северо-Западного, Приволжского, Южного и Уральского.

Результаты

Анализ приведенных ниже мировых практик организации инклюзивного высшего образования позволил выявить успешные структуры, методы и

направления, способствующие трудоустройству. При этом для тех или иных практик наиболее успешные структуры, методы, направления будут отличаться. Организация трудоустройства выпускников с инвалидностью в принципе направлена на поиск самых эффективных действий.

Английские практики. Особенностью флагманских английских практик можно считать опору на идеальную модель, данную через триаду (изображение треугольника): инклюзивная культура, инклюзивная политика, инклюзивная практика. Анализ показал, что практики основываются на принципах деятельности субъектов системы содействия трудоустройству: разнообразие организационных форм содействия в трудоустройстве и сотрудничество субъектов, участвующих в трудоустройстве; спектр мотивационных инструментов при трудоустройстве; трансляция принципов инклюзии в процессе трудоустройства; наличие компонентов инклюзии в корпоративной культуре самого вуза, наличие дополнительных ресурсов для успешного трудоустройства и др. Основным результатом деятельности по трудоустройству инвалидов в данных практиках считается социализации и адаптации инвалидов на рабочем месте. Перечисленные принципы, делающие английские практики узнаваемыми, могут быть рассмотрены в качестве критериев оценки эффективности деятельности [6].

Американские практики. Главная особенность заключается в организационной уникальности реализации помогающей деятельности в области трудоустройства студентов с инвалидностью. В каждом университете функционируют отдельные подразделения, отвечающие за содействие трудоустройству инвалидов, которые оказывают услуги в этой области. Услуги считаются уникальными, так как не реализуются больше никакими другими государственными и негосударственными институтами. В таких подразделениях имеются постоянные и временные сотрудники: первые осуществляют непрерывное сопровождение студента (от поступления до трудоустройства), вторые – это специалисты-тьюторы, обладающие особыми, важными компетенциями для каждого конкретного инвалида. Также интерес представляет практика переходного планирования. Индивидуальный план жизненной стратегии составляется для каждого инвалида, но не с учетом его ограничений, а с учетом его желаний и представлений о будущем, с целью облегчения перехода из одной социальной среды в другую (например, из университета на рабочее место). Таким образом, эффективность деятельности по трудоустройству достигается через наличие отдельного структурного подразделения, отвечающего за качественную профессиональную подготовку инвалидов. Такой подход, индивидуальность содействия, а также качественная и разнообразная информационная поддержка способствуют проактивной позиции самих инвалидов [7].

Японские практики. Особенность практик здесь заключается в наличии единой организации, координирующей всю деятельность по содействию трудоустройству инвалидов. Главная задача единого центра состоит в разработке и внедрении новых форм, инструментов и методов содействия трудоустройству. Кроме того, есть центральная структура, которая оказывает дополнительную финансовую помощь университетам для развития доступной среды и повышения шансов на качественное образование студентов с инвалидностью в соответствии с их личными предпочтениями. Структура занимается

переподготовкой педагогического состава в соответствии с принципами инклюзии. В японских практиках акцент делается на развитии безбарьерной среды в университетах, разнообразии форм трансляции принципов инклюзии, профессиональной подготовке педагогов и специалистов сопровождения, наличие патронажных служб различной помощи инвалидам [8].

Немецкие практики. Главный акцент ставится на выстраивании крепких партнерских взаимоотношений между работодателями и университетами. Каждый вуз в стране имеет специальное подразделение, отвечающее за успешное освоение инвалидами профессиональных образовательных программ, занимается их всесторонним информированием. В ряде университетов за каждой нозологической группой закрепляется сотрудник, имеющий специальное образование, который оказывает, в том числе, содействие при трудоустройстве. Интересно то, что в каждом университете присутствует представитель общественной организации «Штудентенверк», которые имеют право нанимать на работу инвалидов. Все студенты платят организационный взнос в бюджет данной организации, а также широко распространены волонтеры, организирующие помощь студентам с инвалидностью [9].

Российские практики. В России не существует единой федеральной структуры, отвечающей за содействие трудоустройству инвалидов, в том числе выпускников вузов. Однако в некоторых университетах функционируют подразделения, которые занимаются вопросами сопровождения студентов с инвалидностью и их дальнейшим трудоустройством. Частично вопросы трудоустройства находятся в фокусе внимания ресурсных учебно-методических центров (РУМЦ), деятельность которых сосредоточена на развитии инклюзивного образования в целом. Ресурсные учебно-методические центры занимаются консультированием вузов-партнеров по поводу трудоустройства их студентов/выпускников с инвалидностью. Именно в сети РУМЦ сложилась модель трудоустройства как продолжения работы с особыми студентами на всем протяжении их обучения в университете. В настоящий момент модель действует не в полной мере. Но в защиту ее становления и развития говорит расширение связей между субъектами, занимающимися трудоустройством. Как и в немецкой практике, в России особое место в обозначенном процессе отводится волонтерам, частично в практики трудоустройства включены некоммерческие организации и крупный бизнес. Однако в большинстве случаев, вузы осуществляют деятельность без опоры на партнеров, других потенциальных субъектов.

Анализ лучших мировых практик показал, что эффективность деятельности по трудоустройству выпускников с инвалидностью связана:

- 1) с индивидуальным подходом в инклюзии;
- 2) возможностью и готовностью решать проблему трудоустройства сообща, в партнерстве;
- 3) ранним решением данной проблемы и включением этой деятельности в общее инклюзивное сопровождение. Именно в этом поле нужно искать критерии оценки эффективности деятельности по трудоустройству.

Проблема оценки деятельности по трудоустройству отдельно стоит для российских инклюзивных образовательных практик. Это связано с тем, что в России проект по инклюзивному высшему образованию стартовал чуть позже, но развивается он очень быстрыми темпами. Важно отметить, что в

2018 г. на государственном уровне была принята Типовая программа сопровождения инвалидов молодого возраста при получении ими профессионального образования и содействия в последующем трудоустройстве (далее – типовая программа) [10]. В типовой программе обозначены целевые показатели и индикаторы, которые оценивают эффективность содействия трудоустройству инвалидов, в том числе высшими учебными заведениями. Показатели и индикаторы типовой программы охватывают только количественные характеристики, без учета качества предоставляемой помощи. Среди рекомендованных федеральных показателей: доля лиц с инвалидностью трудоспособного возраста, доля занятых инвалидов, нашедших работу в течении от 3 месяцев до 1 года, доля инвалидов, продолживших образование и др. Таким образом, в результате анализа российской практики было выявлено явное противоречие между практической реализацией и требованиями органов власти к оценке эффективности содействия трудоустройству инвалидов в учреждениях высшего образования.

Результаты контент-анализа частично подтвердили выдвинутую гипотезу.

Во-первых, не во все региональные подпрограммы включены показатели и индикаторы, рекомендованные типовой программой. Стало очевидным, что органы власти субъектов уделяют больше внимания оценке эффективности содействия трудоустройству инвалидов в деятельности вузов, при этом основное внимание, как указывалось выше, сосредоточено на количественных показателях. Был выявлен недостаток в точности формулировок критериев, что оставляет широкое поле для интерпретации и манипулирования значениями.

Чаще всего в региональные подпрограммы включается показатель «доля работающих инвалидов в общей численности инвалидов трудоспособного возраста» (71% – выражено в процентах от общего числа анализируемых документов). Реже всего упоминается показатель «количество выпускников-инвалидов, прошедших обучение по образовательным программам высшего образования» (42%). Немногим чаще звучит другой показатель типовой программы: «доля занятых инвалидов, нашедших работу в течение 3 месяцев... 6 месяцев... более 6 месяцев...» – 57, 62 и 56% соответственно, а также «доля инвалидов, продолживших обучение...» – 58%.

Мы отметили, что в 57% региональных подпрограмм выделяется необходимость организации разного типа мероприятий для студентов-инвалидов по содействию их трудоустройству. Также в 42% подпрограмм упоминается значимость развития информационного пространства для лиц с инвалидностью с целью улучшения их адаптации и, в том числе, в будущей профессиональной деятельности. Для краткости мы обозначили данный критерий как «информационная открытость». «Индивидуализация и адресность» при обучении и содействию трудоустройству упоминалась в 14% подпрограмм. Интерес представляет также упоминание принципа непрерывности профессиональной подготовки инвалидов в 10% проанализированных подпрограмм.

Наконец, нами было выявлено абсолютное отсутствие внимания к необходимости отдельного структурного подразделения в вузах, занимающегося трудоустройством инвалидов, перспективности развития волонтерской помощи и поддержки, наличия разнообразия в профессиональной структуре вуза, предполагающей включение в работу специалистов различного профи-

ля, необходимых для грамотной и более успешной коммуникации и сопровождения студентов с инвалидностью. Этот факт является акцентным, так как зарубежный опыт показал успешность внедрения подобных практик.

Важно указать на то, что зафиксирована неясность в разделении понятий «критерии эффективности» и «показатели/индикаторы критериев эффективности». С содержательной точки зрения данные дефиниции никак не разграничиваются, что вносит неясность в понимание значения исследуемого процесса. Кроме того, при контент-анализе мы встречали показатели и индикаторы, которые имеют весьма расплывчатые формулировки, которые никак не поясняются и не расшифровываются. Эти факты дестабилизируют саму процедуру, порядок оценки эффективности содействия трудоустройству инвалидов в России.

Анализ документов позволил предположить, что сами высшие образовательные организации дают оценку своей деятельности, опираясь на более сложную систему критериев, чем та, которая заложена в федеральном и региональном законодательстве. Куда более полезно выяснить, как специалисты, реализующие содействие трудоустройству инвалидам в вузах, понимают, что данный процесс успешен? Совпадает ли самооценка специалистов с теми показателями и индикаторами, которые заложены в типовую и региональные программы? В ходе полуструктурированного экспертного интервью удалось получить ответ на некоторые вопросы.

Во-первых, гипотетически вытекающие из зарубежных практик критерии поддерживаются экспертами, однако расширение системы критериев не представляется актуальным решением государственным органам и релевантные этому показатели и индикаторы не запрашиваются со стороны контролирующих органов власти.

Во-вторых, показатели и индикаторы оценки деятельности вузов по трудоустройству, заложенные в типовой и региональных программах, не интересны для специалистов содействия трудоустройству инвалидов из социальных служб. В этом случае все специалисты, непосредственно работающие с человеком с инвалидностью, или не принимают существующую систему критериев, или не могут в ней разобраться. В таком случае было бы целесообразным подготовить методические рекомендации относительно возможности использования в работе существующих показателей и индикаторов типовой и региональных программ.

В-третьих, семь из восьми экспертов отметили перспективность развития работы с семьей студента-инвалида по вопросам трудоустройства и искоренения иждивенческой позиции. В некоторых случаях необходимо вмешательство специалистов в целях разрыва опекающей позиции родителей, которая тормозит социальную и профессиональную адаптацию их детей с инвалидностью.

В-четвертых, все опрошенные эксперты отметили высокую эффективность наличия отдельного структурного подразделения/отдельного специалиста в вузе, которое/который занимается вопросами трудоустройства инвалидов. Это позволяет сосредоточить внимание на адресности работы в содействии трудоустройству.

В-пятых, критерий, который мы обозначили как «индивидуализация и адресность», в явном виде не выставляется для оценки органами власти, од-

нако за ним стоит основной принцип организации работы специалистов инклюзивного сопровождения.

В-шестых, «информационная открытость», по мнению экспертов, оценивается по всему вузу, но не оценивается в области содействия трудоустройству лиц с инвалидностью. Для предоставления полной информации о возможностях трудоустройства инвалидов необходим отдельный специалист.

В-седьмых, критерий «разнообразие мероприятий» был высоко оценен экспертами, которые указали на повышение интересов студентов к мероприятиям, связанным с трудоустройством, при их разнообразии. Это же повышает интерес и работодателей.

В-восьмых, все эксперты говорят о положительном опыте привлечения волонтеров в вопросах трудоустройства, однако органы власти и подведомственные им учреждения не рассматривают волонтерские практики в данном ключе.

Таким образом, результаты интервью показали, что вузы действительно оценивают свою деятельность по сопровождению и содействию трудоустройству выпускников с инвалидностью на основании более сложной и широкой шкалы (системы) критериев. Такая оценка связывается нами с пониманием специалистами всей сложности деятельности по трудоустройству обозначенной категории.

Заключение

Научная новизна работы состоит в постановке вопроса об унифицированной и более сложной системе оценки эффективности содействия в трудоустройстве лицам с инвалидностью в образовательных организациях высшей школы России. Сложность предлагаемой системы предполагает отказ от исключительно количественных показателей и ориентации на оценку индивидуальной профессиональной траектории, выстраиваемой для студента, а затем – выпускника, с инвалидностью. Пул возможных критериев оценки эффективности формировался в исследовании с помощью уже существующих документов и мнения экспертов. Мнение последних представляется важным, поскольку позволяет выявить все тонкости деятельности и рычаги, влияющие на мотивацию, профессиональное самоопределение лиц с инвалидностью, процесс трудоустройства и готовность работодателей.

Мы полагаем, что это система оценки эффективности в этом случае становится новой управленческой технологией в системе инклюзивного образования. Для того, чтобы унифицировать критерии эффективности деятельности вузов по трудоустройству выпускников с инвалидностью, необходимо уточнить и закрепить скорректированную систему, а также связанные с ней понятия на законодательном уровне. Речь идет, например, о терминах «содействие трудоустройству» и «сопровождение трудоустройства».

Перечень критериев эффективности может быть представлен следующим образом:

1. Достижение целевых показателей и индикаторов, заложенных в типовой программе содействия трудоустройству инвалидам.

2. Наличие специальных адаптированных образовательных программ для инвалидов при получении профессионального образования.
3. Реализация программ/проектов активизации (привлечения) семьи студента-инвалида к построению его индивидуальной карьерной траектории.
4. Реализация в вузах программ/проектов, обеспечивающих непрерывность подготовки инвалидов: довузовская подготовка, профориентация, постдипломное сопровождение.
5. Вариативность при организации и осуществления содействия в трудоустройстве (например, дистанционно).
6. Наличие дополнительных разнообразных мероприятий, способствующих трудоустройству студентов-инвалидов (консультации, встречи, мастер-классы, тренинги, ярмарки вакансий, дни карьеры и др.).
7. Наличие и развитие безбарьерной среды в инфраструктуре вуза.
8. Наличие отдельного структурного подразделения в вузе, которое занимается вопросами содействия в трудоустройстве студентам-инвалидам.
9. Обеспечение реализации принципов индивидуализации и адресности при содействии трудоустройству инвалидам, которые проявляются в двух моментах: прикреплении к студенту-инвалиду тьютора, наставника, персонального помощника; наличие индивидуального плана (траектории, программы и т.п.).
10. Информационная открытость, т.е. доступное размещение всей необходимой информации на платформах и электронных ресурсах университета.
11. Наличие волонтеров, вовлеченных в процесс содействия трудоустройства инвалидов.
12. Наличие в организации специалистов различного профиля, необходимых для всесторонней помощи и поддержки (переводчики русского-жестового языка, ассистивные помощники и др.).

Список источников

1. Конституции Российской Федерации от 25.12.1993 (в ред. от 01.07.2020) [Электронная версия] // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
2. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. Демографический прогноз до 2035 года. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>
3. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. Положение инвалидов. Уровень инвалидизации в Российской Федерации. URL: https://docviewer.yandex.ru/view/10711708518/?*=pS3iva2g9hvcQVE1ckp5vxxmzx97InVybCI6InlhLWJyb3dzZXI6Ly80RFQxdVhFUFJySIJYbFVGb2V3cnVfVERqRjdDbzgxWUVRNE84dTh5bWF0YjZDNXc3bmRXMDZlUkVnb242Rk96WVRcZnZUdVBaTEtLbTdZRmZlZGVE1kdEoyU0FTTmdlWFc2UUpqM1NMRVFjNW5mckVvV0piVHV4SXFrVDlWMTdDVHFI20JiUkVjSGxBY2RzREg2WUE9PT9zaWduPVhX0xVRIlVbVdCQmtVdmh0NlcZajVyTmx2dmk4ak9Tc1B3Q0lzUWIGNE09IiwidGI0bGUiOiIiLWUuZG9jIiwibm9pZnJhbWUiOmZhbHNILCJlYWQlOiIiMDcxNzA4NTE4IiwidHMlOiE2MzkyMzA1MTE4MzIsInllIjojNjAxNzE5MjY3MTYxMTYNTg4NSJ
4. Саломатин Ю.В., Москвина М.В. Система управления по содействию занятости инвалидов в России // Бизнес. Общество. Власть. 2021 август. № 3 (41). С. 135–157.
5. Осмук Л.А. Самореализация студентов с инвалидностью как базовый механизм социальной инклюзии = Self-Realization of Students with Disabilities as a Basic Mechanism of Social Inclusion // Психологическая наука и образование = Psychological science and education = Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie. 2018. Т. 23, № 2. С. 59–67.

6. Бут Т., Эйнскоу М. Показатели инклюзии: практ. пособие / под ред. М. Вогана ; пер. И. Аникеев. 2-е изд. М. : Центр исследований в обл. инклюзивного образования (CSIE), 2013. 123 с.

7. Матанцева Т.Н. Практики инклюзивного образования в высшей школе : учеб. пособие. ВятГУ, 2017. 249 с.

8. Мальцева Е.Ю. Ретроспективный анализ развития инклюзивного образования: Международный опыт // Проблемы современного образования. 2019. № 2. С. 80–88.

9. Инклюзивная практика в высшей школе: учеб.-метод. пособие / А.И. Ахметзянова, Т.В. Артемьева, А.Т. Курбанова, И.А. Нигматуллина, А.А. Твардовская, А.Т. Файзрахманова. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2015. 224 с.

10. Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ, Министерства просвещения РФ и Министерства науки и высшего образования РФ от 14 декабря 2018 г. № 804н/299/1154 «Об утверждении Типовой программы сопровождения инвалидов молодого возраста при получении ими профессионального образования и содействия в последующем трудоустройстве» [Электронная версия] // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/72139590/>

References

1. Russian Federation. (1993) *Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii ot 25.12.1993 (v red. ot 01.07.2020)* [Constitution of the Russian Federation of December 25, 1993 (as amended on July 1, 2020)]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/

2. The Federal State Statistics Service. (n.d.) *Demograficheskiy prognoz do 2035 goda* [Demographic forecast up to 2035]. [Online] Available from: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>

3. The Federal State Statistics Service. (n.d.) *Polozhenie invalidov. Uroven' invalidizatsii v Rossiyskoy Federatsii* [The position of invalids. The level of disability in the Russian Federation]. [Online] Available from: https://docviewer.yandex.ru/view/1071708518/?*=ps3iva2g9hvcQVE1ckp5vxxmzx97InVybC16InlhLWJyb3dzZXI6Ly80RFQxdVhFUFJySIJYbFVGb2V3cnVFVERqRjdDbzgzWUVRNE84dTh5bWF0YjZDNXc3bmRXMDZlUkVnb242Rk96WVRcZnZlVBAEtLbTdZRMZHakJGV E1kdEoyU0FTTmdlWfC2UUpqM1NMRfVjNW5mckVvV0piVHV4SXFrVDIWMtdDVHFIZ0JiUkVjSGxBY2RzREg2WUE9PT9zaWduPVhIX0xVRIlVbVdCQmtVdmh0NlcZajVyTmx2dmk4ak9Tc1B3Q0lzUWIGNE09liwidGI0bGUiOiIxLTEuZG9jIiwibm9pZnJhbWUuOmZhbHNlCjE1WQI0iXMDcxNzA4NTE4IiwidHMiOjE2MzkyMzA1MTE4MzIsInl1IjoiNjAxNzE5MjY3MjYxMTIyNTg4NSJ

4. Salomatina, Yu.V. & Moskvina, M.V. (2021) Sistema upravleniya po sodeystviyu zanyatosti invalidov v Rossii [Management system to promote the employment of people with disabilities in Russia]. *Biznes. Obshchestvo. Vlast'*. 3(41). pp. 135–157.

5. Osmuk, L.A. (2018) Samorealizatsiya studentov s invalidnost'yu kak bazovyy mekhanizm sotsial'noy inkluzii [Self-Realization of Students with Disabilities as a Basic Mechanism of Social Inclusion]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie – Psychological Science and Education*. 23(2). pp. 59–67.

6. Booth, T. & Ainscoe, M. (2013) *Pokazateli inkluzii* [Indicators of inclusion]. Translated from English by I. Anikeev. 2nd ed. Moscow: CSIE.

7. Matantseva, T.N. (2017) *Praktiki inkluzivnogo obrazovaniya v vysshey shkole* [The practice of inclusive education in higher education]. Vyatka State University.

8. Maltseva, E.Yu. (2019) Retrospektivnyy analiz razvitiya inkluzivnogo obrazovaniya: Mezhdunarodnyy opyt [A retrospective analysis of the inclusive education development: International experience]. *Problemy sovremennogo obrazovaniya*. 2. pp. 80–88.

9. Akhmetzyanova, A.I., Artemieva, T.V., Kurbanova, A.T., Nigmatullina, I.A., Tvardovskaya, A.A. & Fayzrakhmanova, A.T. (2015) *Inkluzivnaya praktika v vysshey shkole* [Inclusive practice in higher education]. Kazan: Kazan State University.

10. The Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation. (2018) *Prikaz Ministerstva truda i sotsial'noy zashchity RF, Ministerstva prosveshcheniya RF i Ministerstva nauki i vysshego obrazovaniya RF ot 14 dekabrya 2018 g. N 804n/299/1154* “Ob utverzhdenii Tipovoy programmy soprovozhdeniya invalidov molodogo vozrasta pri poluchenii imi professional'nogo obrazovaniya i sodeystviya v posleduyushchem trudoustroystve” [Order N 804n / 299/1154 of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation, the Ministry of Education of the Russian

Federation and the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation dated December 14, 2018, “On approval of the Model program for supporting young people with disabilities when they receive professional education and assistance in the future employment”. [Online] Available from: <https://base.garant.ru/72139590/>

Сведения об авторе:

Марсавина А.В. – аспирант, Новосибирский государственный технический университет (Новосибирск, Россия). E-mail: avmars9.8@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Marsavina A.V. – postgraduate student, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: avmars9.8@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 11.01.2023;
одобрена после рецензирования 30.03.2023; принята к публикации 20.04.2023
The article was submitted 11.01.2023;
approved after reviewing 30.03.2023; accepted for publication 20.04.2023*

Научная статья

УДК 616.91-036.21-02:578.834.1:33.02+614.4(470+571)

doi: 10.17223/1998863X/72/18

COVID-19 В РОССИИ: АНАЛИЗ КЕЙСОВ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПОЛИТИК ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Лайсан Музиповна Мухарьямова¹, Артур Рустемович Заляев²

^{1, 2} *Казанский государственный медицинский университет Минздрава России, Казань, Россия*

¹ *l.mukharyamova@yandex.ru*, ² *arthyran@mail.ru*

Аннотация. Рассматриваются региональные политики здравоохранения, определяемые федеральной стратегией действий в период COVID-19 в России и устоявшимися институциональными механизмами, моделями привычных действий, выбором элит двух регионов – города Москвы и Республики Татарстан. Для анализа отбиралась официальные документы выступления руководителей регионов, публикации в СМИ, материалы платформы «Медialogия». Проведены фокус-группы и интервью со специалистами.

Ключевые слова: COVID-19, политика здравоохранения, политические институты, политические лидеры, рациональный выбор

Для цитирования: Мухарьямова Л.М., Заляев А.Р. COVID-19 в России: анализ кейсов региональных политик здравоохранения // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 72. С. 202–211. doi: 10.17223/1998863X/72/18

Original article

COVID-19 IN RUSSIA: CASE ANALYSIS OF REGIONAL HEALTH POLICIES

Laisan M. Mukharyamova¹, Artur R. Zalyaev²

^{1, 2} *Kazan State Medical University, Kazan, Russia*

¹ *l.mukharyamova@yandex.ru*, ² *arthyran@mail.ru*

Abstract. The COVID-19 pandemic forced us to search for new approaches to defining the principles of health systems, led to the diversification of health policies in both global and regional dimensions. This article considers regional health policies determined by the federal strategy of action in the period of COVID-19 pandemic in Russia and the socio-economic characteristics and political institutions of two regions – Moscow and the Republic of Tatarstan. Official documents reflecting statistical data, government response measures, speeches by regional leaders, and publications in the media were selected for analysis. The research uses materials from the Medialogy platform, which monitors the media and conducts the media analysis. In the period from October 2020 to June 2021, 5 focus groups were conducted with representatives of various categories of medical workers: primary care physicians (N = 27), specialist doctors (N = 12), doctors engaged in high-tech medicine (N = 12); a series of semi-standardized interviews with specialists (N = 15) with managerial experience in the healthcare system. The study shows that the two subjects of the federation, under the conditions of granted powers, chose different tactics of responding to the COVID-19 crisis, determined by well-established institutional mechanisms, models of habitual actions, and the choice of elites. In Moscow, from the very beginning of the pandemic, the policy has

been identified with Mayor Sergei Sobyenin, who became the conductor of the toughest measures. In Tatarstan, the policy in the public sphere has been more determined by the republican headquarters and experts; President of the Republic Rustam Minnikhanov did not publicly take an active position. During the almost entire period of the development of the situation, Tatarstan provided low morbidity official data. Despite all the regional differences in policy and the choice of a compromise between morbidity, the stability of the health system, civic solidarity and the preservation of the economy, the results expressed in the statistics of excess mortality for 2020 and the first half of 2021 were equally alarming. Therefore, the development of the unified federal and variants of regional health policies that meet the current understanding of the pandemic and the needs of the population is an extremely urgent task.

Keywords: COVID-19 pandemic, health policy, political institutions, political leaders, rational choice

For citation: Mukharyamova, & L.M. Zalyaev, A.R. (2023) COVID-19 in Russia: case analysis of regional health policies. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 72. pp. 202–211. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/72/

Введение

Пандемия COVID-19 стала фундаментальным вызовом для современных государств, требующим крупномасштабных, скоординированных и всеохватных ответных мер [1]. Кризис показал комплексность проблем общественного здравоохранения, определяемых не только ресурсной обеспеченностью, но и принципами политического руководства этой сферой, распределения благ, всей социальной системой. В обществах с более высоким экономическим неравенством было больше смертей от COVID-19, пандемия показала непропорционально высокую зависимость смертности от структурного неравенства на пересечении статуса, класса, расового/этнического меньшинства, а также профессии [2]. Пандемия стала триггером изменений в системе здравоохранения по всему миру и диверсификации политик, направленных на преодоление кризиса [3]. В результате усилились дискуссии о реформах в здравоохранении, о критериях эффективности системы и ее справедливости, повысился интерес к проведению сравнительных исследований политики здравоохранения, антикризисных стратегий и административно-управленческих решений различных государств [4]. Однако проблемы региональной и локальной адаптации систем здравоохранения в условиях пандемии, особенности разработки эффективной политики остаются пока малоизученными. Опыт регионализации политики здравоохранения в условиях COVID-19 в Российской Федерации в научной литературе также не актуализирован.

Цель статьи состоит в том, чтобы показать российские региональные политики здравоохранения, определяемые единой федеральной стратегией действий в период COVID-19, с одной стороны, и особенностями региона, позициями руководителей – с другой.

Материалы и методы

Методологическую основу статьи составляют принципы, возникающие на пересечении исторического институционализма, согласно которому ответы на вновь возникающие проблемы предварительно структурируются существующими институциональными механизмами и исторически укоренившимися моделями решения, и институционализма рационального выбора,

утверждающего, что акторы используют институты для максимизации своей полезности.

В качестве материала для анализа отбирались официальные документы, выступления руководителей регионов, публикации в СМИ, материалы платформы «Медialogия». В фокусе нашего внимания два субъекта Федерации: город Москва и Республика Татарстан (РТ). Выбор этих субъектов, обладающих разными характеристиками (плотность населения, административное деление, развитость коммуникаций), обусловлен тем, что их политические лидеры обладают легитимным статусом и признанным политическим весом в глазах населения и федеральных органов власти, а регионы характеризуются стабильным социально-экономическим положением и относительно интегрированной политической системой. В период с октября 2020 г. по октябрь 2021 г. проведено пять фокус-групп с представителями различных категорий медицинских работников: врачей первичного звена (N = 27), врачей – узких специалистов (N = 12), врачей, занятых в высокотехнологичной медицине (N = 12). В ходе исследования также была проведена серия полустандартизированных интервью со специалистами (N = 15), имеющими опыт управленческой работы в системе здравоохранения.

Обсуждение кейсов

Лидерство, стратегическое руководство и координация ответных действий мэром Москвы С. Собяниным. Полномочия по определению политики и принятию административно-управленческих решений в период распространения COVID-19 в России Президент В.В. Путин передал руководителям регионов [5]. Распоряжением Президента 15 марта С. Собянин был назначен руководителем рабочей группы Госсовета по противодействию распространению новой коронавирусной инфекции, что выдвинуло его на лидирующие позиции в определении антиковидной политики. Лидерство мэра Москвы кроме формального статуса руководителя группы определялось еще тем, что в столице были максимальные риски распространения инфекции, с одной стороны, и наличием у московского градоначальника необходимых финансовых, кадровых, управленческих, информационных ресурсов, чтобы стать успешным в стратегическом руководстве в кризисной ситуации, – с другой. Уже 20 апреля 2020 г. в Москве открывается новая инфекционная больница, летом возводятся четыре временных стационара, перепрофилируются многие федеральные и городские больницы. Мэр Москвы выделяет специальные средства из бюджета, чтобы организовать трехразовое бесплатное питание медицинского персонала. В Москве были разработаны наиболее полные программы поддержки бизнеса в период кризиса. С лета 2021 г. Москва ввела программы дополнительного стимулирования вакцинации от COVID-19 пожилых граждан, которые стали получать подарочные наборы или 10 тыс. руб.

Уже с марта 2020 г. С. Собянин – сторонник наиболее жесткой политики ограничений. Мэр Москвы стал главным источником информации для общества о быстрых темпах распространения новой коронавирусной инфекции на всех этапах эпидемиологической волны, и первым предложил самые радикальные ограничительные меры (29 марта 2020 г. обязал жителей Москвы соблюдать режим изоляции на дому). Уже после указа С. Собянина прави-

тельство рекомендовало руководителям других регионов проработать возможность введения таких мер. В Москве первыми ввели социальный мониторинг, направленный на проверку изоляции людей с подтвержденным диагнозом или контактных, особый резонанс имели меры, принятые в июне 2021 г. по ограничению посещения ресторанов людям, не имеющим прививку от новой коронавирусной инфекции, обязательная вакцинация, работающих в сфере обслуживания, перевод на удаленную работу 30% сотрудников без учета полностью привитых. По-существу, Москва начала реализацию политики принудительной вакцинации. Эти меры в разных вариантах далее были повторены в других регионах.

В условиях COVID-19 С. Собянин становится заметным политиком федерального масштаба. Все значимые новости мэр Москвы сообщает сам или поручает своему заместителю А. Раковой, руководитель Роспотребнадзора по г. Москве Е. Андреева в публичном пространстве практически не присутствует. По данным платформы «Медиалогия», если в 2018, 2019 гг. С. Собянин упоминался в СМИ и социальных медиа примерно 19–25 тыс. раз в месяц и имел медиаиндекс в пределах 168 200–212 800, то в период пандемии показатели увеличиваются почти в 5 раз: в апреле 2020 г. количество сообщений достигает 100 тыс., а медиа индекс – 985 137 [6]. Каждая новая волна пандемии COVID-19 повышает медиа присутствие московского мэра: как введение ограничительных мер, так и их отмена работают на рейтинг московского градоначальника.

В оппозиционной прессе и в социальных медиа деятельность С. Собянина оценивается в контексте борьбы за власть и влияние. Авторы телеграмм-каналов «обвиняют» мэра в монополизации повестки «третьей волны» и в фактическом запуске ее по стране [7], в качестве личного мотива мэра называется продвижение идеи отмены выборов губернаторов в период пандемии и повышенной готовности [8]. Информационную активность мэра Москвы другие эксперты связывают с тем, что «реальные проблемы, возникающие в городе в связи с новой волной (например, нехватку коек в больнице), решать все равно предстоит ему... то есть, разогревая общественную атмосферу, он как бы расширяет свое окно возможностей в борьбе с пандемией [9]. Эксперты отмечают, что *«Собянин получил поручение Президента и стремится его наилучшим образом выполнить»* (эксперт № 1), высказывают мнение о том, что в условиях усиления напряженности между Россией и Западом *«Собянин пытается занять вакантную нишу „главного российского глобалиста“: все, что он делает практически совпадает с мерами, принимаемыми в европейских странах»* (эксперт № 5). Участники фокус-групп обращают внимание на то, что Москва имеет запас экономической прочности для введения ограничительных мер *«все деньги в столице»* (фокус-группа № 2), столица имеет развитую инфраструктуру здравоохранения *«там ведь не только городские больницы, но и огромное количество федеральных центров, Москва перетянула из регионов огромное количество врачей и медсестер»* (фокус-группа № 1).

Однако, несмотря на относительную стабильность здравоохранения столицы, способность властей мобилизовать значительные финансовые и кадровые ресурсы, Москва, по данным Росстата, показала высокие показатели избыточной смертности: если в целом по стране прирост смертности за 2020 г.

составил 14,81%, то в Москве 23,07%, за первую половину 2021 г. – прирост в целом по России 14,25%, в Москве – 32,53% [10].

Пока можно констатировать, что активная ограничительная позиция мэра Москвы не привела к результатам, которые можно было бы оценить как победу. Поэтому есть серьезные сомнения в реалистичности прогноза о том, что «человек, который получит лавры победителя коронавируса, приобретет в общественном мнении и новый – сравнимый с путинским – статус спасителя. Пока главный претендент на него – Собянин» [11].

Модель Татарстана: расходящаяся статистика COVID-19. В первую волну пандемии COVID-19 региональные власти действовали в основном в логике московской политики. В республике были приняты серьезные меры, ограничивающие работу различных организаций, школы и вузы переведены на дистанционное обучение, введены строгие требования санитарного режима. Для граждан были введены SMS-разрешения на выход из самоизоляции и др. [12]. При введении и реализации этих мер Президент Р. Минниханов не брал на себя роль главного распорядителя: в публичном пространстве доминировал экспертный дискурс, все важные сообщения делались руководителем республиканского штаба по борьбе с коронавирусом вице-премьером Л. Фазлеевой и руководителем регионального Роспотребнадзора М. Пяташина. Количество сообщений с упоминанием Р. Минниханова в марте 2020 г. по сравнению с доковидными периодами выросло на 55%, медиарейтинг на 54%, что в разы меньше динамики показателей мэра Москвы [5]. С 2021 г. упоминаемость и медиарейтинги Р.Н. Минниханова возвращаются к допандемическим значениям.

С конца 2020 г. в РТ, при сохранении ограничений, начинается более активная общественная жизнь: проводятся массовые спортивные мероприятия, форумы, народные праздники и т.д. Политика региональных властей явно разворачивается к интересам экономики, лозунг «в основе повышения качества жизни и благосостояния населения – эффективная экономика» [13] становится приоритетным по отношению к пандемическим ограничениям.

Специфика Татарстана в том, что на всех этапах развития пандемии здесь была низкая официальная статистика заболеваемости COVID-19. При показателях новых случаев заболеваемости в соседних регионах 300–550 случаев, в РТ их фиксировалось не более 55–62. На недостоверность этих цифр неоднократно обращали внимание не только оппозиционные издания, но и системные СМИ. Телеканал ТНВ, фактически имеющий статус главного канала татарстанского телевидения, в программе от 28.08.2021, анализируя статистику вызовов скорой помощи, показал, что только в Казани заболевших, имеющих симптомы COVID-19, в день бывает не меньше 350, а около 200 человек ежедневно госпитализируются [14]. Эти расчеты журналистов остались без ответа. Статистика заболеваемости начала заметно увеличиваться и перешагнула за цифру 100 только с 10 октября 2021 г., после того, как 7 октября властями республики были введены жесткие ограничительные меры в виде QR-кодов для посещения магазинов, ресторанов и т.д. Предупреждение Президента В.В. Путина о недопустимости занижения и приукрашивания статистики по распространению новой коронавирусной инфекции, опасности и безответственности таких действий заставило республиканские власти изменить отношение к этому вопросу [15].

По итогам 2020 г. Татарстан по максимальной избыточной смертности занял пятое место среди регионов страны. Этот показатель в РТ составил +27,1% к 2019 г., уступая только Чечне (+44,5%), Дагестану (+34%), Ингушетии (+29,1%) и Ямало-Ненецкому автономному округу (+28,8%) [16]. На странную статистику заболеваемости и смертности от COVID-19 обратило внимание издание «Коммерсантъ», подчеркнув, что, согласно данным Росстата, в сентябре 2021 г. коронавирус стал основной причиной смерти у 1 484 жителей РТ. Вирус был идентифицирован только у 78 человек (5%), у остальных – «возможно, COVID-19». В целом же по стране COVID-19 стал основной причиной смерти 39,6 тыс. человек. Доля, когда вирус не был идентифицирован, составила 13%, в Москве – 11% [17].

Минздрав республики объяснил эту ситуацию эффектом низкой базы [18]. Участники фокус-групп и эксперты указывают и на другие возможные факторы.

В качестве источника неблагоприятного развития ситуации эксперты называют неэффективную работу служб Роспотребнадзора, которые фактически не отслеживали контакты вновь выявленных пациентов: *«раньше в течение нескольких часов были бы выявлены все контакты, все предупреждены и взяты под контроль... когда я заболел, составил список своих контактов, но его санитарные врачи даже не спросили»* (эксперт 5). Еще одной причиной увеличения смертности называется отсутствие единых стандартов оснащения медицинских организаций: многие районные небольшие городские больницы оказались не готовы к оказанию медицинской помощи пациентам с COVID-19: *«Какая ЦРБ борется или может бороться с COVID-19, когда там обязательно компьютерный томограф нужен, технологии другие совершенно...»* (фокус-группа № 3).

Самое большое влияние на избыточную смертность, по мнению врачей, имели сокращения плановых госпитализаций из-за перевода многих отделений в статус временных инфекционных госпиталей, перевода врачей в эти отделения, сокращение финансирования: *«...из-за COVID-19 невозможно осуществлять ту деятельность, которую они осуществляли до пандемии, например, высокотехнологичную медицинскую помощь»* (эксперт № 2). Этот фактор для РТ имеет огромное значение, поскольку в республике были сформированы основные центры высокотехнологичной помощи: *«...в 2010–2012 гг. мы создавали сосудистые центры... структурно поменяли систему оказания медицинской помощи. Мы добились колоссального снижения смертности. И, к сожалению, сейчас в этом году, по данным коллегии в Татарстане, мы вернулись к уровню 2003 года»* (эксперт № 1).

По мнению некоторых специалистов, низкие официальные показатели заболеваемости также оказали негативное влияние на развитие ситуации: *«когда низкая заболеваемость, федеральный центр меньше выделяет средств для оплаты труда медиков, меньше выделяется на лекарства»* (эксперт № 13), *«эффективные лекарства есть только в трех крупных клиниках Казани, в остальных лечат нечем»* (эксперт № 15).

Недостовверная информация, считают эксперты, рождает недоверие к властям в целом, всей информации о ситуации и о вакцинах. Такая зависимость подтверждается статистикой вакцинации: к октябрю 2021 г. Татарстан стал одним из регионов-антилидеров по темпам первичной вакцинации,

имеющим, по словам министра здравоохранения России М. Мурашко, наиболее высокие риски по оказанию медицинской помощи пациентам [19]. В ноябре 2021 г. Татарстан объявляет самые жесткие меры, вплоть до введения QR-кодов в общественном транспорте, что приводит к формированию социальных сетей взаимопомощи, судебным искам, усилению социальной напряженности. Негативная оценка введения QR-кодов на транспорте Президентом В.В. Путиным и отказ Государственной Думы России в декабре от обсуждения соответствующего законопроекта из-за «отсутствия гарантий отсутствия негативных последствий для граждан» [20], возможно, будет способствовать к относительному падению авторитета Президента республики Р. Минниханова.

Заключение

Тактики реагирования на кризис COVID-19 лидеров Москвы и Татарстана оказались разными. Ситуация, на наш взгляд, продемонстрировала влияние институциональных особенностей политических систем регионов: Москвы, претендующей на роль не просто отдельного субъекта Федерации, а «первого среди равных», лидера регионов, и Татарстана, в котором «регионализм... приобрел сугубо элитарную специфику» [21]. Жесткие ограничительные меры мэра Москвы пока не дали убедительных положительных результатов. Элита Татарстана, на наш взгляд, действовала в устоявшихся институциональных рамках для получения «двойной выгоды»: продемонстрировать политическую и управленческую эффективность (мало заболевших) и получить возможность для свободного развития экономики. Занимая умеренную ограничительную позицию, власти рассчитывали на свой безусловный авторитет, гражданскую (этническую) солидарность жителей и способность «неформально» организовать коллективные действия по принятию населением рациональности социального дистанцирования и вакцинации. Однако конкретные условия (степень доверия, готовность к сотрудничеству) оказались таковы, что не позволили политическим акторам в полной мере справиться с ситуацией.

При различиях в политике двух регионов результаты, выраженные в статистике избыточной смертности за 2020 г., оказались одинаково отрицательными. Пока трудно прогнозировать результативность и эффективность региональных политик здравоохранения в долгосрочной перспективе. Ясно, что фиксация и анализ данных должны быть приоритетными задачами для государственных органов и экспертного сообщества, но уже сегодня – в условиях построения единой системы публичной власти в России – для обеспечения безопасности и равных прав всех граждан необходимо работать над созданием федеральных правовых норм и стандартов по действиям в кризисных ситуациях.

Список источников

1. *Комплексное* реагирование системы Организации Объединенных Наций на COVID-19: спасение людей, защита общества, более эффективное восстановление // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/un_comprehensive_response_to_covid19_russian.pdf (дата обращения: 01.12.2021).

2. *Elgar F.J., Stefaniak A., Wohl M.J.A.* The trouble with trust: Time-series analysis of social capital, income inequality, and COVID-19 deaths in 84 countries // *Social Science & Medicine*. 2020.

Vol. 263. P. 113365. URL: <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2020.113365> (дата обращения: 08.11.2020).

3. Greer S.L., King E.J., da Fonseca E.M., Peralta-Santos A. The comparative politics of COVID-19: The need to understand government responses // *Global public health*. 2020. Vol. 15 (9). P. 1413–1416. doi: 10.1080/17441692.2020.1783340 (дата обращения: 08.11.2020).

4. Goetz K.H., Martinsen D.S. COVID-19: a dual challenge to European liberal democracy // *West European Politics*. 2021. Vol. 44 (2). P. 1–22. DOI: 10.1080/01402382.2021.1930463

5. Путин В.В. Обращение к гражданам России. 2 апреля 2020 г. // Официальный сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/63133> (дата обращения: 08.11.2020).

6. Главы регионов – март 2018 // Медиалогия. URL: <https://www.mlg.ru/ratings/vlast/governors/5912/> (дата обращения: 13.12.2021).

7. Телеграм за неделю : как Собянин играет на пандемии, что за облаву готовят на блогеров и кому Time отдал победу в Женеве // Официальный сайт ИА FederalCity. URL: <https://federalcity.ru/index.php?newsid=10868> (дата обращения: 13.12.2021).

8. Светин Д. Ковид как политическая технология : Сергей Собянин задрал статистику и ввел новый локаут // Русский дозор. Новости и аналитика. URL: https://rusdodor.ru/2021/06/15/kovid-kak-politicheskaya-tekhnologiya-sergej-sobyanin-zadral-statistiku-i-vvel-novyy-lokaut_1074095/ (дата обращения: 13.12.2021).

9. Рыклин А. Кремль VS Собянин: пандемия как регулятор российской внутренней политики // *Власть*. 25 июня 2021. URL: <https://republic.ru/posts/100828> (дата обращения: 13.12.2021).

10. Смертность от коронавируса на сегодня // Портал GOGOV. URL: <https://gogov.ru/covid-fatality/russia> (дата обращения: 13.12.2021).

11. После беспрецедентной атаки на Собянина произошла масштабная деанонимизация Telegram-каналов // *Московская газета*. URL: <https://mskgazeta.ru/politika/posle-besprecedentnoj-ataki-na-sobyanina-proizoshla-masshtabnaya-deanonimizaciya-telegram-kanalov-4878.html> (дата обращения: 13.12.2021).

12. Сотник О. Республика против короны: власти РТ рассказали о нерабочем месяце // РБК. URL: <https://rt.rbc.ru/tatarstan/03/04/2020/5e8748849a7947176f367d7f> (дата обращения: 13.12.2021).

13. Послание Президента Республики Татарстан 24 сентября 2020 г. // Официальный сайт Президента РТ. URL: <https://president.tatarstan.ru/poslanie-prezidenta.htm> (дата обращения: 13.12.2021).

14. Программа «7 дней». Выпуск от 22.08.2021 // Телеканал ТНВ: официальный сайт. URL: <https://tnv.ru/tv-projects-item/7-dney/> (дата обращения: 13.12.2021).

15. Путин предостерег глав регионов от занижения и приукрашивания статистики по ковиду // *Стопкоронавирус РФ*. URL: <https://xn--80aesfpebagmfb1c0a.xn--p1ai/news/20211020-1536.html> (дата обращения: 13.12.2021).

16. Татарстан попал в пятерку регионов с самой высокой избыточной смертностью в 2020 году // *Бизнес-онлайн*. URL: <https://www.business-gazeta.ru/news/501773> (дата обращения: 13.12.2021).

17. Антонов К. Смерти по осени насчитали // *Коммерсантъ*. Волга-Урал. 2021. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5061534> (дата обращения: 13.12.2021).

18. Минздрав: Татарстан вызывает особую тревогу в ситуации с коронавирусом // *Коммерсантъ*. Волга-Урал. 12.10.2021. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5029566> (дата обращения: 13.12.2021).

19. Замахина Т. Госдума определилась с проектами законов о QR-кодах // *Российская газета*. 13.12.2021. URL: <https://rg.ru/2021/12/13/gosduma-opredelilas-s-proektami-zakonov-o-qr-kodah.html> (дата обращения: 13.12.2021).

20. Витковская Т.Б., Назукина М.В. Траектории развития регионализма в России: опыт Свердловской области и Республики Татарстан // *Мир России*. 2021 Т. 30 (1). С. 67–87. URL: <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2021-30-1-67-87> (дата обращения: 13.12.2021).

References

1. UNO. (n.d.) *Kompleksnoe reagirovanie sistemy Organizatsii Ob"edinennykh Natsiy na COVID-19: spasenie lyudey, zashchita obshchestva, bolee effektivnoe vosstanovlenie* [United Nations System Comprehensive Response to COVID-19: Saving People, Protecting Society, Building Better]. [Online] Available from: https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/un_comprehensive_response_to_covid19_russian.pdf (Accessed: 1st December 2021).

2. Elgar, F.J., Stefaniak, A. & Wohl, M.J.A. (2020) The trouble with trust: Time-series analysis of social capital, income inequality, and COVID-19 deaths in 84 countries. *Social Science & Medicine*. 263. pp. 113–365. DOI: 10.1016/j.socscimed.2020.113365
3. Greer, S.L., King, E.J., da Fonseca, E.M. & Peralta-Santos, A. (2020) The comparative politics of COVID-19: The need to understand government responses. *Global Public Health*. 15(9). pp. 1413–1416. DOI: 10.1080/17441692.2020.1783340
4. Goetz, K.H. & Martinsen, D.S. (2021) COVID-19: a dual challenge to European liberal democracy. *West European Politics*. 44(2). pp. 1–22. DOI: 10.1080/01402382.2021.1930463
5. Putin, V.V. (2020) *Obrashchenie k grazhdanam Rossii. 2 aprelya 2020 g.* [Appeal to the citizens of Russia. April 2, 2020]. [Online] Available from: <http://kremlin.ru/events/president/news/63133> (Accessed: 8th November 2020).
6. *Medialogiya*. (2018) Glavy regionov – mart 2018 [Heads of regions – March 2018]. [Online] Available from: <https://www.mlg.ru/ratings/vlast/governors/5912/> (Accessed: 13th December 2021).
7. IA FederalCity. (n.d.) *Telegram za nedelyu: kak Sobyenin igraet na pandemii, chto za oblavy gotovyat na blogerov i komu Time otdal pobedu v Zheneve* [Telegram in a week: How Sobyenin plays on the pandemic, what kind of raid they are preparing on the bloggers and to whom Time gave the victory in Geneva]. [Online] Available from: <https://federalcity.ru/index.php?newsid=10868> (Accessed: 13th December 2021).
8. Svetin, D. (2021) *Kovid kak politicheskaya tekhnologiya: Sergey Sobyenin zadral statistiku i vvel novyy lokaut* [Covid as a political technology: Sergei Sobyenin pulled up the statistics and introduced a new lockout]. [Online] Available from: https://rusdozor.ru/2021/06/15/kovid-kak-politicheskaya-tekhnologiya-sergej-sobyenin-zadral-statistiku-i-vvel-novyy-lokaut_1074095/ (Accessed: 13th December 2021).
9. Ryklin, A. (2021) *Krem' vs Sobyenin: pandemiya kak regulyator rossiyskoy vnutrenney politiki* [Kremlin VS Sobyenin: pandemic as a regulator of Russian domestic policy]. *Vlast'*. 25th June. [Online] Available from: <https://republic.ru/posts/100828> (Accessed: 13th December 2021).
10. Portal GOGOV. (n.d.) *Smertnost' ot koronavirusa na segodnya* [Mortality from coronavirus today]. [Online] Available from: <https://gogov.ru/covid-fatality/russia> (Accessed: 13th December 2021).
11. *Moskovskaya gazeta*. (n.d.) *Posle besprezidentnoy ataki na Sobyanina proizoshla masshtabnaya deanonimizatsiya Telegram-kanalov* [After the unprecedented attack on Sobyenin, a large-scale deanonymization of Telegram channels took place]. [Online] Available from: <https://mskgazeta.ru/politika/posle-besprezidentnoy-ataki-na-sobyanina-proizoshla-masshtabnaya-deanonimizatsiya-telegram-kanalov-4878.html> (Accessed: 13th December 2021).
12. Sotnik, O. (2020) *Respublika protiv korony: vlasti RT rasskazali o nerabochem mesyatse* [Republic against the crown: The authorities of the Republic of Tatarstan spoke about the non-working month]. [Online] Available from: <https://rt.rbc.ru/tatarstan/03/04/2020/5e8748849a7947176f367d7f> (Accessed: 13th December 2021).
13. The President of the Republic of Tatarstan. (2020) *Poslanie Prezidenta Respubliki Tatarstan 24 sentyabrya 2020 g.* [Message of the President of the Republic of Tatarstan on September 24, 2020]. [Online] Available from: <https://president.tatarstan.ru/poslanie-prezidenta.htm> (Accessed: 13th December 2021).
14. *Telekanal TNV*. (2021) *Programma "7 dney"* [Program "7 days"]. 22nd August. [Online] Available from: <https://tnv.ru/tv-projects-item/7-dney/> (Accessed: 13th December 2021).
15. *Stopkoronavirus RF*. (2021) *Putin predostereg glav regionov ot zanizheniya i priukrashivaniya statistiki po kovidu* [Putin warned the heads of regions against underestimating and embellishing statistics on Covid]. [Online] Available from: <https://xn--80aesfpebagmfb1c0a.xn--p1ai/news/20211020-1536.html> (Accessed: 13th December 2021).
16. *Biznes-onlayn*. (2020) *Tatarstan popal v pyaterku regionov s samoy vysokoy izbytochnoy smertnost'yu v 2020 godu* [Tatarstan was in the top five regions with the highest excess mortality in 2020]. [Online] Available from: <https://www.business-gazeta.ru/news/501773> (Accessed: 13th December 2021).
17. Antonov, K. (2021) *Smerti po oseni naschitali* [Deaths were counted in autumn]. [Online] Available from: <https://www.kommersant.ru/doc/5061534> (Accessed: 13th December 2021).
18. *Kommersant*". *Volga-Ural*. (2021) *Minzdrav: Tatarstan vyzvaet osobuyu trevogu v situatsii s koronavirusom* [Ministry of Health: Tatarstan is of particular concern in the situation with coronavirus]. 12th October. [Online] Available from: <https://www.kommersant.ru/doc/5029566> (Accessed: 13th December 2021).
19. Zamakhina, T. (2021) *Gosduma opredelilas' s proektami zakonov o QR-kodakh* [The State Duma has decided on the draft laws on QR codes]. *Rossiyskaya gazeta*. 13th December. [Online]

Available from: <https://rg.ru/2021/12/13/gosduma-opredelilas-s-proektami-zakonov-o-qr-kodah.html> (Accessed: 13th December 2021).

20. Vitkovskaya, T.B. & Nazukina, M.V. (2021) Traektorii razvitiya regionalizma v Rossii: opyt Sverdlovskoy oblasti i Respubliki Tatarstan [Trajectories of the development of regionalism in Russia: The experience of the Sverdlovsk region and the Republic of Tatarstan]. *Mir Rossii*. 30(1). pp. 67–87. DOI: 10.17323/1811-038X-2021-30-1-67-87

Сведения об авторе:

Мухарьямова Л.М. – доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой истории, философии и социологии Казанского государственного медицинского университета Минздрава России (Казань, Россия). E-mail: l.mukharyamova@yandex.ru

Заляев А.Р. – кандидат социологических наук, доцент кафедры истории, философии и социологии Казанского государственного медицинского университета Минздрава России (Казань, Россия). E-mail: arthyran@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Mukharyamova L.M. – Dr. Sci. (Politics), professor, head of the Department of History, Philosophy and Sociology, Kazan State Medical University (Kazan, Russian Federation). E-mail: l.mukharyamova@yandex.ru

Zalyaev A.R. – Cand. Sci. (Sociology), associate professor at the Department of History, Philosophy and Sociology, Kazan State Medical University (Kazan, Russian Federation). E-mail: arthyran@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 24.12.2021;
одобрена после рецензирования 30.03.2023; принята к публикации 20.04.2023
The article was submitted 24.12.2021;
approved after reviewing 30.03.2023; accepted for publication 20.04.2023*

Научная статья

УДК 316.46

doi: 10.17223/1998863X/72/19

ГЕНДЕРНЫЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ОРГАНА РЕСПУБЛИКИ ТЫВА В СРАВНИТЕЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ С СУБЪЕКТАМИ СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

Органа Доржуевна Натсак

*Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований
при Правительстве Республики Тыва, Кызыл, Россия, nod695596@gmail.com*

Аннотация. Рассмотрены такие показатели, как количественная представленность женщин в законодательном органе Республики Тыва, гендерный состав руководства, комитетов, партийных фракций Верховного Хурала (парламента) Республики Тыва в сравнительном контексте с аналогичными показателями субъектов, входящих в Сибирский федеральный округ. Исследован гендерный состав руководителей региональных отделений политических партий, а также социально-демографические и социально-профессиональные характеристики женщин-политиков, основные каналы рекрутирования женщин-политиков.

Ключевые слова: Республика Тыва, Верховный Хурал (парламент), законодательные органы субъектов Сибирского федерального округа, региональная политика, гендерный состав, женское представительство, гендерная асимметрия, политические партии, женское лидерство

Для цитирования: Натсак О.Д. Гендерный анализ законодательного органа Республики Тыва в сравнительном контексте с субъектами Сибирского федерального округа // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 72. С. 212–229. doi: 10.17223/1998863X/72/19

Original article

GENDER ANALYSIS OF THE LEGISLATIVE BODY OF THE REPUBLIC OF TUVA IN A COMPARATIVE CONTEXT WITH THE SUBJECTS OF THE SIBERIAN FEDERAL DISTRICT

Organa D. Natsak

*Tuvan Institute for the Humanities and Applied Social and Economic Studies under the Govern-
ment of the Republic of Tuva, Kyzyl, Russia*

nod695596@gmail.com

Abstract. To reveal the gender dimension of modern politics in the Republic of Tuva and to determine the actual status of women in terms of access to the political decision-making process, the article considers such indicators as the quantitative representation of women in the legislative body of the Republic of Tuva, the gender composition of the leadership, committees, party factions of the Supreme Hural (Parliament) of the Republic of Tuva in a comparative context with similar indicators of the subjects of the Siberian Federal District. In addition, the author has investigated the gender composition of the heads of regional branches of political parties, socio-demographic and socio-professional characteristics of women politicians, and the main channels for recruiting women politicians. The thesis based on the analysis of women participation in the intra-parliamentary distribution of power on the example of the Republic of Tuva and other subjects of the Siberian Federal District is that the sphere of

public policy at the regional level from a gender point of view remains predominantly a field of male dominance, where women are a minority both in quantitative terms and in access to political decision-making.

Keywords: Republic of Tuva, Supreme Khural (Parliament), legislative bodies of regions in Siberian Federal District, regional policy, gender composition, women's representation, gender asymmetry, political parties, women's leadership

For citation: Natsak, O.D. & (2023) Gender analysis of the legislative body of the Republic of Tuva in a comparative context with the subjects of the Siberian Federal District. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 72. pp. 212–229. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/72/19

Введение

Законодательные органы субъектов Российской Федерации на современном этапе выполняют не только сугубо законодательные функции, но и играют важную политическую роль в формировании и рекрутировании политико-управленческой элиты регионов. Актуальность исследования гендерных аспектов структуры законодательных органов регионов заключается в том, что такой анализ позволяет выявить не только количественные показатели женского представительства, но и определяет субъекты принятия решений на уровне региональной политики, соответствие социально-демографического состава парламентов изменяющейся социальной структуре общества с позиции теории стратификации. Поскольку такой анализ непосредственно связан с изучением партий, которые выполняют в том числе роль важного канала рекрутирования политической элиты в регионе, мы неизбежно затрагиваем специфику обновления элит, возможности для вхождения внеэлитных слоев в публичную политику. Для адекватного понимания этих процессов необходимы сравнительные ориентиры, которые позволяли бы определять общие тенденции, характерные для ряда регионов, не только для Тувы, а также определенные количественные и качественные отклонения, составляющую специфику политического ландшафта республики. С этой точки зрения гендерный анализ законодательного органа Республики Тыва в сравнительном контексте с субъектами Сибирского федерального округа (СибФО) является актуальным вопросом не только для научного анализа, но и для практической политики на региональном уровне. Подобный анализ может быть полезен для практического применения в социальном конструировании политических органов в новом выборном цикле.

Объектом исследования являются законодательные органы Республики Тыва и других субъектов СибФО, предметом – гендерные характеристики их состава, а также доступ женщин к руководству региональными парламентами, комитетами, партийными фракциями. Методологической основой настоящей статьи стали теории элит [1], теория социальной стратификации М. Вебера [2], П. Сорокина [3], П. Бурдьё [4], а также гендерные исследования российских авторов [5–7].

Обзор опубликованных научных работ по данной теме показал, что специальных исследований, посвященных анализу гендерных аспектов деятельности законодательного органа Республики Тыва, на современном этапе нет. В историко-политологическом ракурсе представительско-законодательная власть Тувы предпарламентского периода рассматривалась в монографии

Н.М. Моллерова, О.Д. Натсак, А.А. Самдан [8], работе Е.В. Тышта, исследующей эволюцию политического представительства в республиках Южной Сибири в 1990–2000-х гг. [9]. Республика Тыва в сравнительном контексте одного или группы субъектов СибФО фигурирует в ряде региональных исследований, посвященных анализу роли гендерного фактора в формировании региональных элит [10]. Следует отметить, что гендерный анализ количественного и качественного состава законодательного органа, в том числе Республики Тыва, был представлен в работе О.В. Милаевой, С.Д. Морозова, А.Е. Сиушкина, которые исследовали несколько национальных республик, входящих в состав СибФО [11]. Социально-политический, а также гендерный анализ депутатского корпуса представительных органов местного уровня в субъектах СибФО был проведен Е.В. Матвеевой, И.С. Украинцевым, Д.А. Украинцевой [12]. В рамках гендерного анализа политической власти на примере законодательных органов регионов в научной литературе есть ряд работ, сравнивающих практику субъектов, входящих в Южный, Центральный федеральные округа [13, 14]. Таким образом, данный вопрос методологически является достаточно проработанным. Вместе с тем новизна представленной статьи заключается в том, что гендерные аспекты парламента Тувы рассматриваются в сравнительном контексте не только со всеми субъектами округа, но и нижней палаты федерального парламента, а также современных тенденций в странах мира.

Основные гипотезы исследования заключаются в следующем: на современном этапе развития тувинского общества политическая роль женщин все более сужается при формальной доступности институциональных возможностей; в законодательном органе республики с точки зрения десизионного подхода к исследованию политических элит наблюдаются гендерные диспропорции – женщины мало представлены в руководстве парламентом, комитетами; в силу специфики регионального расклада политических сил в республике величина политической дифференциации незначительна, следовательно, мало каналов рекрутирования женщин в публичную политику, а значит, женщины ограничены в возможностях участия в формировании новых элит; состав парламента в целом и женского депутатского корпуса в частности не соответствует социально-демографической структуре населения республики и изменяющейся социальной структуре тувинского общества. Для эмпирической проверки гипотез использовано сравнение с данными других регионов.

Источниковой и информационной базой послужили статистические данные, официальные сведения, размещенные на сайтах законодательного органа Республики Тыва и других субъектов СибФО. В статье использованы обзорные статистические данные Межпарламентского союза по странам мира [13] и Европейской хартии за равноправие женщин и мужчин на местном уровне [14].

Использованы общенаучные методы сравнительного, статистического анализа, биографический метод социологического исследования.

Гендерный состав законодательного органа Республики Тыва

В политической истории Тувы советского периода были прецеденты, когда состав представительных-законодательных органов республики был очень

близок к гендерному паритету (41,6% депутатов Верховного Совета Тувинской АССР в 1972 г. составляли женщины), который все же не был достигнут. В этот период в депутатском корпусе достаточно равномерно были представлены не только женщины из партийно-номенклатурной элиты, но и те, кто представлял разные страты социальной структуры тувинского общества того времени. В постсоветской Туве одним из значимых этапов с точки зрения количественного присутствия женщин в политическом органе стал бикамеральный период развития тувинского парламента (2001–2010 гг.). Затем началось постепенное снижение женщин в региональном парламенте.

По данным Росстата на 1 января 2014 г. о распределении по полу депутатов региональных законодательных органов СибФО, максимальный показатель женского представительства наблюдался в Республике Тыва – 31%, на втором месте был Красноярский край (30%), минимальное значение этого показателя было зафиксировано в Омской области (7%)¹. В 2022 г. же лидером по доле женщин является Алтайское краевое Законодательное Собрание, минимальные показатели – у Республики Хакасия. Тенденция снижения ранее достигнутых показателей женского представительства в тувинском парламенте идет вразрез с глобальными трендами, которые заключаются в постепенном и поступательном росте доли женщин в национальных парламентах. Так, например, в 2020 г. в странах мира был достигнут самый высокий показатель за все время доли женщин-парламентариев –25,5%, а в парламентах вновь избранных в 2020 г. в 57 странах женщины получили 22,6% мандатов, 25 стран использовали квоты для женщин либо через механизмы резервирования, либо квотирования кандидатов [15. С. 1]. В национальных парламентах стран Европы в 2019 г. доля женщин составила 29%, рост за десять лет составила 7%, вместе с тем с учетом нынешних показателей, как утверждают исследователи, для преодоления гендерного разрыва потребуется 107 лет [16. С. 1].

В России также наблюдается незначительный рост – по итогам выборов в Государственную Думу ФС РФ VIII созыва 2021 г. женщины составили 17% депутатов, что на 1,2% больше, чем в предыдущем созыве. В гендерном составе законодательных органах субъектов СибФО за последние годы наблюдаются две разнонаправленные тенденции: снижение и рост доли женщин-политиков, как показано на рис. 1, где субъекты Федерации, входящие в СибФО, ранжированы, исходя из доли женщин-депутатов в текущих созывах.

Сравнительный анализ количественной динамики женщин-депутатов в регионах округа за период с 2014 по 2022 гг. показал, что по характеру изменений их можно разделить на три группы. Республика Тыва относится к первой группе, в которую вошли Кемеровская и Иркутская области – в этих субъектах наблюдается отрицательная динамика в доле женщин в парламентах. Наибольшее снижение доли женщин по сравнению с 2014 г. показал парламент Кузбасса – на 13,4%. В Республике Тыва – наименьшее падение с 31 до 23,3%. Во вторую группу, для которой характерен позитивный рост доли женщин, вошли Алтайский край, Республика Алтай, Красноярский

¹ Приложение к сборнику «Женщины и мужчины России» (информация в разрезе субъектов Российской Федерации) 2020. Сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13215> (дата обращения: 19.04.2022).

край, Новосибирская и Омская области. Наибольший рост у Новосибирской области – с 3% в 2014 г. до 11% в 2022 г. В третьей группе один субъект – Республика Хакасия, которая сохранила показатель 10% (таблица).

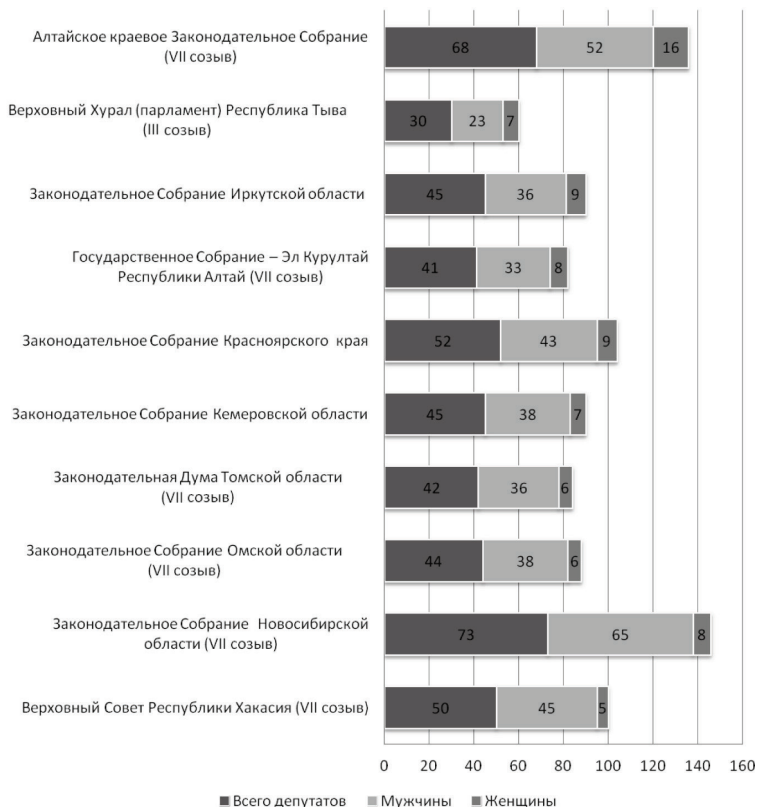

Рис. 1. Гендерный состав законодательных органов субъектов СибФО (по состоянию на 1 февраля 2022 г.)

Таким образом, в рамках округа наблюдаются разнонаправленные процессы – и в сторону роста женского представительства, и в сторону уменьшения. Данные, полученные из официальных сайтов законодательных органов субъектов СибФО в 2022 г., свидетельствуют о тенденции снижении максимального показателя присутствия женщин-депутатов – с 31% в 2014 г. в Республике Тыва до 23,5% в Алтайском краевом Законодательном Собрании, которое выступает лидером среди других законодательных органов округа в 2022 г. Это свидетельствует об усилении за последние годы гендерной асимметрии в региональной политике в рамках округа. В то же время обращает на себя внимание повышение нижнего порога представленности женщин. По сравнению с 2014 г. минимальный показатель доли женщин в законодательных органах субъектов СибФО вырос с 3% (Новосибирская область, 2014 г.) до 10% (Республика Хакасия, 2022 г.).

Таким образом, по количественному показателю представленности женщин в законодательном органе Республика Тыва опережает ряд сибирских регионов и находится на втором месте, вместе с тем продемонстрировала ухудшение позиций по сравнению с 2014 г.

**Динамика изменения гендерного состава законодательных органов субъектов СибФО
в 2014 и 2022 гг. (по состоянию на 1 января 2014 г. и 1 февраля 2022 г.)**

№	Законодательные органы субъектов СибФО	Всего депутатов	Мужчины в 2022 г., %	Женщины в 2022 г., %	Женщины в 2014 г., %	Динамика, %
1	Алтайское краевое Законодательное Собрание (VII созыв)	68	52 (76,5%)	16 (23,5%)	13	+3
2	Верховный Хурал (парламент) Республика Тыва (III созыв)	30	23 (76,7%)	7 (23,3%)	31	-7,7
3	Законодательное Собрание Иркутской области	45	36 (80%)	9 (20%)	30	-10
4	Государственное Собрание – Эл Курултай Республики Алтай (VII созыв)	41	33 (80,5%)	8 (19,5%)	17	+2,5
5	Законодательное Собрание Красноярского края	52	43 (82,7%)	9 (17,3%)	10	+7,3
6	Парламент Кузбасса	45	38 (84,4%)	7 (15,6%)	29	-13,4
7	Законодательная Дума Томской области (VII созыв)	42	36 (85,7%)	6 (14,3%)	10	+4,3
8	Законодательное Собрание Омской области (VII созыв)	44	38 (86,4%)	6 (13,6%)	7	+6,6
9	Законодательное Собрание Новосибирской области (VII созыв)	73	65 (89%)	8 (11%)	3	+8
10	Верховный Совет Республики Хакасия (VII созыв)	50	45 (90%)	5 (10%)	10	0

Примечание. Таблица построена на основе данных Росстата за 2014 г.¹ и информации о депутатах, размещенной на официальных сайтах законодательных органов субъектов СибФО².

Партийная принадлежность женщин-депутатов

Республика Тыва является единственным регионом округа, в котором все женщины – депутаты Верховного Хурала (парламента) Республики Тыва (7 из 7) представляют одну партию – «Единую Россию» (ЕР), которая владеет большинством мандатов (28, или 93,3%). Среди депутатов, представляющих ЛДПР, нет женщин, и в этом наблюдается корреляция с партийной фракцией данной партии в Государственной Думе VIII созыва, в которой среди 21 депутата нет ни одной женщины³. В Государственной Думе наибольший процент женщин-депутатов принадлежит «молодой» по парламентскому стажу

¹ Приложение к сборнику «Женщины и мужчины России» (информация в разрезе субъектов Российской Федерации) 2020. Сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13215> (дата обращения: 19.04.2022).

² Сайт Алтайского краевого Законодательного Собрания. URL: <https://www.akzs.ru> (дата обращения: 01.02.2022); сайт Верховного Хурала (парламента) Республики Тыва. URL: <http://www.khural.org/> (дата обращения: 10.08.2022); сайт Законодательного Собрания Иркутской области. URL: <https://irzs.ru/> (дата обращения: 01.02.2022); сайт Государственного Собрания-Эл Курултай Республики Алтай. URL: <https://elkurultay.ru> (дата обращения: 01.02.2022); сайт Законодательного Собрания Красноярского края. URL: <https://www.sobranie.info> (дата обращения: 01.02.2022); сайт Парламента Кузбасса. URL: <https://www.zskuzbass.ru> (дата обращения: 09.03.2022); сайт Законодательной Думы Томской области. URL: <https://duma.tomsk.ru> (дата обращения: 01.02.2022); сайт Законодательного Собрания Омской области. URL: <http://www.omsk-parlament.ru> (дата обращения: 01.02.2022); сайт Законодательного Собрания Новосибирской области. URL: <https://zsnso.ru> (дата обращения: 01.02.2022); сайт Верховного Совета Республики Хакасия. URL: <https://vskhakasia.ru> (дата обращения: 01.02.2022).

³ Володин рассказал о гендерном и возрастном составе новой Госдумы. ИА Regnum. 8 октября 2021 г. URL: <https://yandex.ru/turbo/regnum.ru/s/news/3392321.html> <https://yandex.ru/turbo/regnum.ru/s/news/3392321.html> (дата обращения: 19.04.2022).

партии «Новые люди» – 3 из 13 мандатов получили женщины, это 23,1%. «Единая Россия», имеющая 324 мандатов, показывает по доле женщин второй результат – 18,8%, а по абсолютному значению – первый результат (61 женщина-депутат). КПРФ – 12,3%, «Справедливая Россия» (СР) – 11,1%.

По партийной принадлежности женский депутатский корпус сибирских регионов отличается от такового в Республике Тыва большим разнообразием, что является следствием не столько гендерной политики партий, сколько расклада политических сил в каждом конкретном регионе в момент выборов и результатом электоральных предпочтений, которые привели к более широкой представленности в структуре законодательных органов округа различных политических партий. В Законодательном Собрании Алтайского края, например, КПРФ опережает ЕР по количеству женщин-депутатов (6 и 5 соответственно), в Верховном Совете Республики Хакасия наибольшее количество женщин-депутатов представляет КПРФ (3), в то время как ЕР и ЛДПР имеют по 2 депутата. ЕР по данному показателю лидирует в законодательных органах таких регионов, как Красноярский край (8 из 9), Кемеровская область (5 из 7), Республика Алтай (6 из 8), Новосибирская область (5 из 8). В Омской области представительницы ЕР и «Коммунисты России» имеют равное количество (по 2), в Законодательной Думе Томской области также равное число представительниц ЕР и СР (по 2).

Если обобщить данные о политических партиях, которые представляют женщины-парламентарии в законодательных органах округа в целом, то количественным лидером по политическому продвижению женщин является ЕР, за ней следуют КПРФ и СР. Таким образом, тенденция схожа с гендерным раскладом политических партий в Государственной Думе (рис. 2).

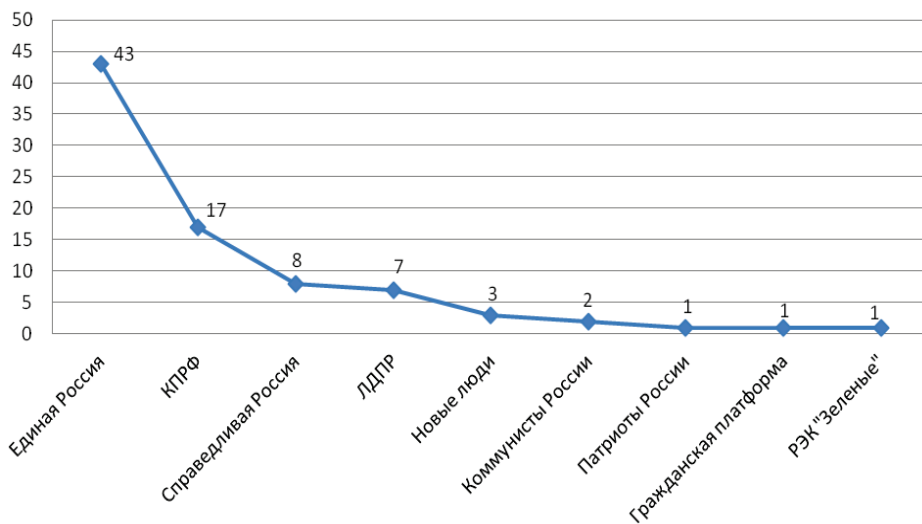

Рис. 2. Показатели партийной принадлежности женщин-депутатов законодательных органов субъектов СибФО (источник: официальные сайты законодательных органов субъектов СибФО)

Анализ партийного состава в региональных парламентах округа подтверждает тезис о том, что женский депутатский состав по партийному признаку в отличие от Тувы гетерогенен, и партийное разнообразие дает больше каналов для участия женщин в формировании региональной политической элиты.

Женщины в руководстве законодательных органов

Доля женщин в парламенте является достаточно формальным количественным показателем. С точки зрения доступа женщин к принятию решений и формированию реальной политической повестки в регионе более важным является качественный показатель, связанный с местом женщин во властной иерархии законодательного органа. Исходя из общепринятой практики гендерного анализа, рассмотрим соотношение мужчин и женщин на уровне руководителя, заместителей руководителя, руководителей комитетов и партийных фракций в Верховном Хурале Республики Тыва в сравнительном контексте с другими субъектами округа.

Применительно к Республике Тыва следует отметить тот факт, что в парламентский период развития представительного-законодательных органов (с 1993 г. по настоящее время) первыми руководителями парламента выступали исключительно мужчины в отличие от советского времени, когда высший представительный-законодательный орган возглавлялись женщинами-политиками. В настоящее время гендерное распределение властных полномочий внутри республиканского парламента III созыва следующее: Председатель – мужчина, заместителем была женщина, однако она досрочно была смещена с должности и был назначен депутат-мужчина.

Общей тенденцией во всех законодательных органах субъектов СибФО является заметная гендерная диспропорция среди руководителей законодательных органов, их заместителей, руководителей комитетов и партийных фракций. Из 10 субъектов округа только в одном – Томской области законодательный орган возглавляется женщиной. На уровне заместителей руководителей законодательных органов 10 субъектов округа женщины присутствуют только в двух регионах: Республике Хакасия и Новосибирской области. Республика Тыва относится к регионам, в которых руководство законодательных органов является исключительно мужским, и среди председателей и заместителей председателей парламента нет женщин, это: Красноярский, Алтайский края, Кемеровская, Иркутская, Омская области, Республика Алтай. На федеральном уровне в нижней палате российского парламента ситуация отличается. Если посмотрим состав руководства Государственной Думы ФС VIII созыва, из 11 заместителей Председателя парламента 2 являются женщинами-депутатами (или 18,8%)¹.

Следующим уровнем властной иерархии в законодательных органах является руководство комитетами. Как правило, руководство комитетом является профессиональной политической деятельностью на постоянной и оплачиваемой основе. По данному показателю Республика Тыва не входит в число сибирских регионов, в которых комитеты законодательных органов возглавляются исключительно мужчинами (Томская, Новосибирская, Омская области), а относится к тем субъектам, в которых женщины возглавляют комитеты, однако, они в заметном меньшинстве – 3 комитета из 9. Среди сибирских регионов выделяется Республика Алтай, где больше всего женщин в статусе руководителей комитетов парламента – 3 комитета из 4 возглавляются женщинами-депутатами (рис. 3).

¹ Сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <http://duma.gov.ru/duma/administration/> (дата обращения: 22.04.2022).

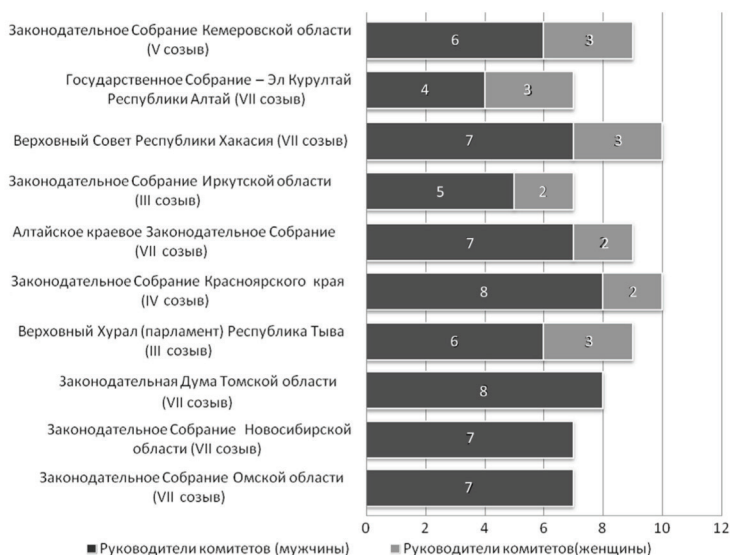

Рис. 3. Гендерный состав руководителей комитетов законодательных органов субъектов СибФО (источник: официальные сайты законодательных органов субъектов СибФО¹)

Женщин в руководстве парламентских комитетов законодательных органов округа значительно мало, такая ситуация характерна для нижней палаты федерального парламента. Так, среди руководителей 31 комитета Государственной Думы VIII созыва только четыре женщины, которые возглавляют комитеты преимущественно социальной направленности (просвещения; культуры; по вопросам семьи, женщин и детей; гражданского общества, вопросам общественных и религиозных объединений)².

Женщины в руководстве партийных фракций

Руководство партийными фракциями внутри региональных законодательных органов – еще один, на наш взгляд, важный показатель гендерного распределения власти, показывающий, в том числе, гендерную политику партий.

Следует отметить, что в российской практике в целом не применяются такие формализованные механизмы поддержки женщин в политике, принятые во многих странах, как внутрипартийные квоты, квоты кандидатов, квотирование по «принципу зебры», когда в партийных списках за каждым мужчиной-кандидатом идет женщина-кандидат [17. С. 301].

¹ Сайт Алтайского краевого Законодательного Собрания. URL: <https://www.akzs.ru> (дата обращения: 01.02.2022); сайт Верховного Хурала (парламента) Республики Тыва. URL: <http://www.khural.org/> (дата обращения: 10.04.2022); сайт Законодательного Собрания Иркутской области. URL: <https://irzs.ru/> (дата обращения: 01.02.2022); сайт Государственного Собрания – Эл Курултай Республики Алтай. URL: <https://elkurultay.ru> (дата обращения: 01.02.2022); сайт Законодательного Собрания Красноярского края. URL: <https://www.sobranie.info> (дата обращения: 01.02.2022); сайт Парламента Кузбасса. URL: <https://www.zskuzbass.ru> (дата обращения: 09.03.2022); сайт Законодательной Думы Томской области. URL: <https://duma.tomsk.ru> (дата обращения: 01.02.2022); сайт Законодательного Собрания Омской области. URL: <http://www.omsk-parlament.ru> (дата обращения: 01.02.2022); сайт Законодательного Собрания Новосибирской области. URL: <https://zsnso.ru> (дата обращения: 01.02.2022); сайт Верховного Совета Республики Хакасия. URL: <https://vskhakasia.ru> (дата обращения: 01.02.2022).

² Сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <http://duma.gov.ru/duma/commissions/> (дата обращения: 01.05.2022).

Количество партийных фракций в законодательных органах округа варьируется от 2 до 6. Законодательный орган Тувы отличается низким уровнем партийной фракционализации, что показывает незначительную величину политической дифференциации и раздробленности в социальной структуре общества. С одной стороны, такое положение способствует устойчивости региональной политической системы, с другой – сужает каналы обновления элит. В Верховном Хурале (парламенте) Республики Тыва всего две партийные фракции: «Единая Россия», которая возглавляется женщиной-депутатом, и ЛДПР. Таким образом, Тува относится к первому типу регионов округа, в парламентах которых в руководстве партийных фракций присутствуют женщины. Ко второму типу регионов относятся Омская область, Алтайский край и Республика Алтай, в которых руководителями партийных фракций являются только мужчины. В рамках округа Республика Тыва является одним из двух субъектов округа, где фракцию «партии власти» возглавляет женщина-депутат. Женщины в целом редко выступают руководителями фракций, а если и возглавляют их, то это, как правило, не «Единая Россия». Среди политических партий наибольшее количество женщин-руководителей фракций в законодательных органах округа имеет «Справедливая Россия» (Томская, Иркутская, Кемеровская области), «Единая Россия» (Республика Тыва, Республика Хакасия), ЛДПР (Республика Хакасия), Родина (Красноярский край), КПРФ (Томская область) (рис. 4).

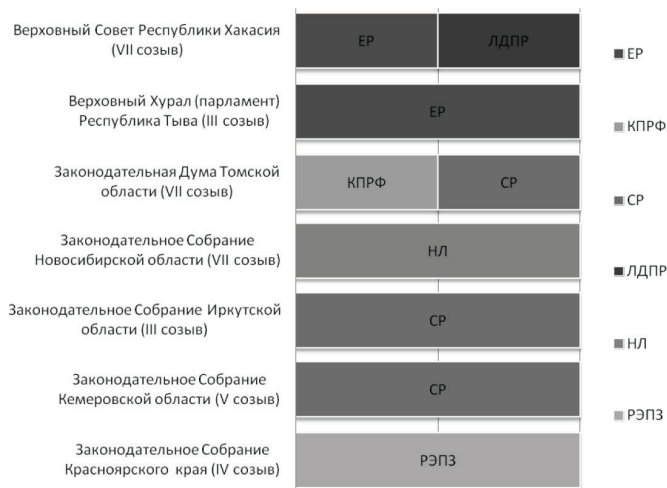

Рис. 4. Партийные фракции в законодательных органах субъектов СибФО, возглавляемые женщинами (источник: официальные сайты законодательных органов субъектов СибФО¹)

¹ Сайт Алтайского краевого Законодательного Собрания. URL: <https://www.akzs.ru> (дата обращения: 01.02.2022); сайт Верховного Хурала (парламента) Республики Тыва. URL: <http://www.khural.org/> (дата обращения: 10.08.2022); сайт Законодательного Собрания Иркутской области. URL: <https://irzs.ru/> (дата обращения: 01.02.2022); сайт Государственного Собрания-Эл Курултай Республики Алтай. URL: <https://elkurultay.ru> (дата обращения: 01.02.2022); сайт Законодательного Собрания Красноярского края. URL: <https://www.sobranie.info> (дата обращения: 01.02.2022); сайт Парламента Кузбасса. URL: <https://www.zskuzbass.ru> (дата обращения: 09.03.2022); сайт Законодательной Думы Томской области. URL: <https://duma.tomsk.ru> (дата обращения: 01.02.2022); сайт Государственного Собрания Омской области. URL: <http://www.omsk-parlament.ru> (дата обращения: 01.02.2022); сайт Законодательного Собрания Новосибирской области. URL: <https://znsno.ru> (дата обращения: 01.02.2022); сайт Верховного Совета Республики Хакасия. URL: <https://vshakasia.ru> (дата обращения: 01.02.2022).

В нижней палате федерального парламента среди руководителей пяти партийных фракций (ЕР, КПРФ, СР, ЛДПР, «Новые люди») нет женщин¹.

Таким образом, по таким показателям, как количественная представленность женщин в депутатском корпусе, участие женщин в руководстве региональных парламентах, комитетов и партийных фракций в Туве, как и в других субъектах округа, в целом во внутрипарламентском распределении властных полномочий женщины занимают довольно скромное положение.

Участие женщин в руководстве региональными отделениями политических партий

По данным Избирательной комиссии Республики Тыва, на территории данного субъекта зарегистрировано 14 региональных отделений политических партий, из которых только одно возглавляется женщиной (Тувинское региональное отделение Политической партии «Коммунистическая партия Коммунисты России»)². Это самый низкий показатель среди субъектов округа как по количеству зарегистрированных отделений политических партий, так и по количеству женщин-лидеров. В целом партийно-политическое поле Республики Тыва является достаточно узким и менее разнообразным по сравнению с другими регионами субъекта, что также влияет на немногочисленность каналов рекрутирования женщин в региональную политику. Между тем, как указывает Н.А. Шведова, политические партии как «диспетчеры демократии» играют ведущую роль в расширении участия женщин в политике [18. С. 25]

В Красноярском крае из 26 зарегистрированных региональных отделений политических партий пять возглавляются женщинами («Патриоты России», «Гражданская платформа», «Партия дела», «Российский общественный союз», «Гражданская инициатива»)³. В Алтайском крае среди 23 руководителей региональных отделений партий также пять женщин («Новые люди», «Альтернатива для России» (Партия Социалистического Выбора), «Гражданская инициатива», «Партия дела»)⁴. Наибольшее количество женщин-лидеров региональных отделений политических партий среди субъектов округа наблюдается в Томской области – 8 из 23 («Яблоко», КПРФ, «Справедливая Россия-Патриоты – За правду», Партия роста, Партия СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ», Партия дела, Партия добрых дел, защиты детей, женщин, свободы, природы и пенсионеров, против насилия над животными, «Новые люди»)⁵. Обращают на себя внимание два факта. Во-первых, партий-

¹ Сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <http://duma.gov.ru/duma/factions/> (дата обращения: 28.04.2022).

² Список региональных отделений политических партий, содержащихся в ведомственном реестре зарегистрированных некоммерческих организаций по Республике Тыва. Сайт Избирательной комиссии Республики Тыва. URL: <http://www.tyva.izbirkom.ru/politicheskie-partii/partii/spisok-regionalnykh-otdeleniy-politicheskikh-partiy.php> (дата обращения: 07.02.2022).

³ Сведения о региональных отделениях политических партий, зарегистрированных на территории Красноярского края по состоянию на 10.01.2022. Сайт Избирательной комиссии Красноярского края. URL: <http://www.krasnoyarsk.izbirkom.ru/politicheskie-partii/> (дата обращения: 28.02.2022).

⁴ Список региональных отделений политических партий, зарегистрированных на территории Алтайского края. Сайт Избирательной комиссии Алтайского края. URL: <http://www.altaiterr.izbirkom.ru/politicheskie-partii/spisok-regionalnykh-otdeleniy-politicheskikh-partiy/> (дата обращения: 07.02.2022).

⁵ Список региональных отделений политических партий по состоянию на 13.01.2022. сайт Избирательной комиссии Томской области. URL: https://elect70.tomsk.ru/political_party/pp_spisok/ (дата обращения: 07.02.2022).

ное разнообразие в региональном политическом пространстве в этих субъектах дает больше шансов женскому лидерству. Во-вторых, не так давно созданная партия «Новые люди» демонстрирует на практике принципы гендерного разнообразия в выборе региональных руководителей. Из всей панели партийного разнообразия в регионах округа только одна партия является по своему содержанию и названию гендерномаркированной, направленной на защиту интересов женщин – это Партия добрых дел, защиты детей, женщин, свободы, природы и пенсионеров, против насилия над животными, зарегистрированная в Томской области. Таких гендерных партий в Республике Тыва, к примеру, нет. В партийной структуре состава Государственной Думы VIII созыва гендерные партии также не представлены, что показывает отсутствие на федеральном уровне политических организаций с гендерной повесткой, обладающих достаточной поддержкой и ресурсами для вхождения в число парламентских партий. Как считает О.В. Попова, «женские» партии не решают проблему недостаточного участия женщин в работе органов власти ввиду того, что элитой и большей частью населения такие партии воспринимаются как маргинальные и не обладают необходимыми ресурсами [19. С. 191, 198].

Социально демографические характеристики женщин-депутатов

Средний возраст женщин-депутатов законодательного органа Республики Тыва 56 лет, что превышает средний возраст депутатов-мужчин (50 лет). Возрастной диапазон женщин в парламенте – с 49 лет до 61 года, мужчин – с 32 до 72 лет. В ходе анализа был выявлен тот факт, что все из действующих депутатов-женщин в законодательный орган регионального уровня пришли после 45 лет, т.е. в зрелом возрасте. С этой точки зрения нижний возрастной порог женщин, выдвигаемых политическими партиями в Туве, остается высоким. Если посмотрим половозрастную структуру населения Тувы, то на первый план выходят такие гендерно-возрастные диспропорции, как количественное доминирование женского населения, что в принципе характерно для России в целом и многих регионов, а также молодой средний возраст тувинского населения, что является отличительной особенностью республики среди других субъектов России.

Так, во всех возрастных группах старше 30 лет (30–34, 35–39, 40–44, 45–49, 50–54, 55–59, 70–74) преобладают женщины, при этом отчетливо видна тенденция – чем старше возрастная группа, тем больше количественный разрыв в пользу женщин¹. Средний возраст населения республики является одним из молодых (30 лет), уступает в России только Чеченской Республике (29,1)². Исходя из этого, можно констатировать тот факт, что политическое представительство в законодательном органе Республики Тыва не соответствует особенностям половозрастной структуры населения республики, а

¹ Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2021 г. Статистический бюллетень. Сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 29.04.2022).

² Приложение к Демографическому ежегоднику России 2021. Сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 29.04.2022).

именно самому молодому среднему возрасту жителей республики, а также преобладанию женщин.

Таким образом, интересы женщин и молодежи в законодательном органе власти республик мало представлены, а когорта молодых женщин и вовсе не имеет представительства. С политической точки зрения можно сказать, что сети доверия двух крупных социально-демографических групп не интегрированы в публичную политику, что может порождать дефицит доверия к власти в целом и действующим политикам, а также ощутимому разрыву поколений.

В нижней палате федерального парламента VIII созыва мы наблюдаем противоположную тенденцию: средний возраст мужчин (53,4) превышает средний возраст женщин (51,8)¹. Таким образом, средний возраст женщин в Верховном Хурале (парламенте) Республики Тыва на 4,8 года превышает средний возраст женщин-парламентариев на федеральном уровне. Надо отметить, что в рамках СибФО по высокому среднему возрасту женщин-парламентариев Республику Тыва опережает Иркутская область (57,3)². Как показано на рис. 5, в пяти субъектах округа заметен тренд на омоложение – средний возраст женщин-депутатов в законодательных органах ниже аналогичного показателя по Государственной Думе VIII созыва, это: Алтайский край, Омская, Томская, Новосибирская, Кемеровская области.

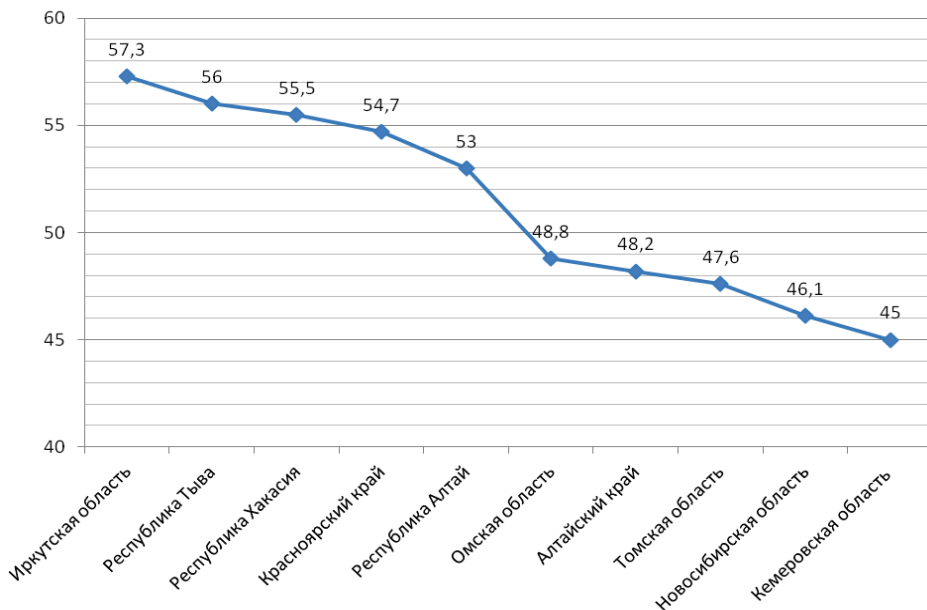

Рис. 5. Показатели среднего возраста женщин-депутатов законодательных органов субъектов СибФО

¹ Володин рассказал о гендерном и возрастном составе новой Госдумы. ИА Regnum. 8 октября 2021 г. URL: <https://yandex.ru/turbo/regnum.ru/s/news/3392321.html> (дата обращения: 19.04.2022).

² Средний возраст женщин-депутатов законодательных органов субъектов, входящих в состав СибФО, рассчитан автором на основе биографических данных, доступных на официальных сайтах парламентов.

Самые молодые женщины-депутаты работают в законодательных органах Омской области (25 лет, «Коммунисты России»), Новосибирской области (25 лет, «Новые люди»), Алтайском крае (29 лет, «Единая Россия»). В целом при анализе демографических характеристик региональных женщин-политиков СибФО обращает на себя внимание разнообразие и широкий диапазон возрастных групп, что означает уход от принципов возрастной дискриминации в отношении молодых, с одной стороны, и эйджизма – с другой. В Омской и Томской областях депутатами законодательных органов являются женщины в возрасте 70 лет и старше. В целом вышеупомянутого партийного и возрастного разнообразия среди женщин-депутатов в законодательном органе Республики Тыва не наблюдается.

Социально-профессиональные характеристики женщин-депутатов

Биографический анализ женщин-депутатов парламента Республики Тыва показал, что профессиональные структуры, из которых они рекрутированы, достаточно гомогенны – это преимущественно социальная сфера: отрасли образования, культуры, здравоохранения. Подобный расклад ожидаем и является следствием практической электоральной политики: партии нужны люди с наибольшей поддержкой. Если мы посмотрим структуру региональной экономики, то увидим, что около 82% организаций, действующих в республике, относится к государственному сектору, в котором существенную долю занимают учреждения социальной сферы. Следовательно, считается, что электоральная база руководителей и представителей социальных организаций высокая. Их личный символический капитал конвертируется в политический капитал партии. Между тем изменяющаяся социальная структура тувинского общества не находит адекватного представительства в женском депутатском корпусе. Например, женщины-предприниматели, составляющие количественную основу малого и среднего бизнеса в республике, а также женщины из организаций реального сектора экономики вовсе отсутствуют. Сравнительный анализ социально-профессиональных характеристик женщин-депутатов в других сибирских регионах показал большую гетерогенность, чем в Туве. Разнообразие каналов вертикальной циркуляции в политическом пространстве способствует не просто обновлению элит за счет устоявшихся политических, экономических, профессиональных институций, но и за счет внеэлитных элементов, таких как молодежь, женщины, представители малого предпринимательства.

Заключение

Женщины в гендерной структуре населения Республики Тыва составляют большинство. Они также являются экономически более активной социально-демографической группой в тувинском обществе. В региональной политике именно они обеспечивают высокое электоральное участие в кампаниях разных уровней. Однако, как указывал Н. Смелзер, повышение участия женщин в выборах не влечет за собой их избрание на руководящие государственные должности [1. С. 537]. Такую ситуацию мы наблюдаем и в Туве. В ходе сравнительного анализа гендерных характеристик парламента Тывы и законодательных органов субъектов СибФО была подтверждена ги-

потеза об снижении политической роли женщин при формальной доступности институциональных возможностей. Возможно, это проявление цикличности политической истории Тывы. П. Сорокин, говоря об изменениях политической стратификации, подчеркивал, что в них нет постоянной тенденции ни к выравниванию, ни к возвышению стратификации [3. С. 275]. Поступательное движение в сторону выравнивания глубины политической стратификации в Тыве шло практически в течение всего советского периода, не случайно в высшем законодательном органе Тувинской АССР были представлены рабочие, труженики села, в том числе женщины рабочих профессий. Перелом в этом линейном движении произошел в постсоветский период. Количественное расширение участия женщин в региональной политике постсоветского времени фиксировалось в период бикамерального парламента. В настоящее время наблюдается тенденция не только снижения количества женщин-депутатов в целом, но и в руководящих должностях республиканского парламента. Гендерная асимметрия и диспропорция на уровне руководства законодательных органов характерны практически для всех субъектов СибФО, за исключением Томской области, в которой законодательное собрание возглавляет женщина-руководитель.

В силу специфики регионального расклада политических сил в республике величина политической дифференциации незначительна, мало партий представлено в региональном парламенте, следовательно, мало каналов рекрутирования женщин в публичную политику.

В гендерном составе законодательных органах субъектов СибФО за последние годы наблюдается две разнонаправленные тенденции: снижение и рост доли женщин-политиков. Наибольший рост показала Новосибирская область, наибольшее падение – парламент Кузбасса.

Республика Тыва является единственным регионом округа, в котором все женщины-депутаты Верховного Хурала (парламента) Республики Тыва (7 из 7) представляют одну партию – «Единую Россию». По партийной принадлежности женский депутатский корпус сибирских регионов более разнообразен, количественным лидером по политическому продвижению женщин является ЕР, за ней следуют КПрФ и СР, что в принципе соответствует гендерному раскладу политических партий в Государственной Думе VIII созыва.

В статье показано, что политическое представительство в законодательном органе Республики Тыва не соответствует особенностям половозрастной структуры населения республики, а именно самому молодому среднему возрасту жителей республики, а также преобладанию женщин. С политической точки зрения можно сказать, что сети доверия двух крупных социально-демографических групп не интегрированы в публичную политику. Это может порождать дефицит доверия к власти в целом и действующим политикам, а также ощутимому разрыву поколений.

Сделан вывод о том, что изменяющаяся социальная структура тувинского общества не находит адекватного представительства в парламенте республики и женском депутатском корпусе, в отличие от законодательных органов других регионов округа, которые по социально-профессиональной структуре более гетерогенны, чем в Тыве.

Вышеуказанное позволяет сделать вывод о том, что социальная дистанция до вершины политической пирамиды для женщин длиннее, чем для мужчин, а вертикальная мобильность женщин в региональной политике сталкивается с большим количеством «сито». Вместе с тем надо заметить, что в настоящее время в условиях развития соцмедиа женщины могут сократить годы, которые раньше нужно было потратить на то, что П. Бурдые называл «накоплением капитала „известности“», к примеру, в профессиональных областях или в политике. В соцмедиа женщины сейчас могут на политических темах поучить капитал «популярности» достаточно малозатратными способами по сравнению с традиционными политическими каналами коммуникации, реинвестировать его в политику и стать инвеститурой уже той или иной политической партии или групп влияния.

Список источников

1. Смельзер Н. Социология : пер. с англ. / под науч. ред. В.А. Ядова. М. : Феникс, 1994. 688 с.
2. Вебер М. Основные понятия стратификации // Социологические исследования. 1994. № 5. С. 147–156.
3. Сорокин П. Социальная стратификация и мобильность // Человек. Цивилизация. Общество. М. : Изд-во полит. лит., 1992. 543 с.
4. Бурдые П. Социология политики / пер с фр. Е.Д. Вознесенская ; общ. ред., сост. и предисл. Н.А. Шматко. М. : Socio-Logos, 1993. 333 с.
5. Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Патриархат и «женская власть» // Российский гендерный порядок: социологический подход / под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2007. С. 68–97.
6. Айвазова С.Г. «Игра в гендер» на поле российской политики: возможности институциональных изменений // Россия реформирующаяся. Ежегодник / отв. ред. М.К. Горшков. Вып. 6. М. : Ин-т социологии РАН, 2007. С. 319–331.
7. Чирикова А.Е., Латина И.Ю. Женщина на высших эшелонах власти. Российские практики и французский опыт. ИНАБ № 3. М. : Ин-т социологии РАН, 2009.
8. Моллеров Н.М., Натсак О.Д., Самдан А.А. По пути народовластия: представительско-законодательная власть Тувы (предпарламентский период). Абакан : Журналист, 2021. 304 с.
9. Тышта Е.В. Эволюция политического представительства в республиках Южной Сибири в 1990–2000-х гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 6 (26). С. 83–90.
10. Коханская Е.А. Роль гендерного фактора в формировании региональной элиты // Власть. 2014. № 10. С. 98–104.
11. Милева О.В., Морозов С.Д., Сиушкин А.Е. Участие женщин в органах представительства национальных республик Сибирского федерального округа // Социально-гуманитарные знания. 2020. № 4. С. 315–326.
12. Матвеева Е.В., Украинцев И.С., Украинцева Д.А. Депутатский корпус муниципальных парламентов Сибирского федерального округа: социально-политический анализ // Вестник ЗабГУ. 2019. Т. 25, № 5. С. 66–73.
13. Козлова Н.Н. Депутатский корпус Центрального федерального округа: гендерное измерение // Женщина в российском обществе. 2016. № 4 (81). С. 58–71.
14. Козлова Н.Н. Депутатский корпус региональных парламентов Южного федерального округа: опыт гендерного анализа // Человек. Сообщество. Управление. 2017. Т. 18, № 2. С. 68–84.
15. Women in Parliament in 2020. The year in review. Interparliamentary Union. URL: <https://www.ipu.org/women-in-parliament-2020> (accessed: 01.05.2022).
16. Women in Politics. Local and European Trends. The European Charter for Equality of Women and Men in Local Life. URL: https://www.ccre.org/img/uploads/piecesjointe/filename/CEMR_Study_Women_in_politics_EN.pdf (accessed: 01.05.2022).
17. Натсак О.Д. Барьеры в политической карьере женщин: обзор современных практик в зарубежных странах // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2021. № 1, ч. 2. С. 296–305.

18. Шведова Н.А. Политические партии и гендерное равенство // Женщины в российском обществе. 2016. № 4 (81). С. 21–30.

19. Попова О.В. Гендерные партии в современной России: проблемы и перспективы // Политическая наука. 2015. № 1. С. 186–199.

References

1. Smelzer, N. (1994) *Sotsiologiya* [Sociology]. Translated from English. Moscow: Feniks.
2. Veber, M. (1994) *Osnovnye ponyatiya stratifikatsii* [Basic Concepts of Stratification]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Research*. 5. pp. 147–156.
3. Sorokin, P. (1992) *Chelovek. Tsvivilizatsiya. Obshchestvo* [Man. Civilization. Society]. Moscow: Izd-vo polit. lit.
4. Bourdieu, P. (1993) *Sotsiologiya politiki* [Sociology of Politics]. Translated from French by E.D.Voznesenskaya. Moscow: Socio-Logos.
5. Zdravomyslova, E.A. & Temkina, A.A. (2007) Patriarkhat i “zhenskaya vlast’” [Patriarchy and “Women’s Power”]. In: Zdravomyslova, E.A. & Temkina, A.A. (eds) *Rossiyskiy gendernyy poryadok: sotsiologicheskiy podkhod* [Russian Gender Order: A Sociological Approach]. St. Petersburg: European University in St. Petersburg. pp. 68–97.
6. Ayvazova, S.G. (2007) “Igra v gender” na pole rossiyskoy politiki: vozmozhnosti institutsional’nykh izmeneniy [“The Game of Gender” in the Field of Russian Politics: the Possibilities of Institutional Changes]. In: Gorshkov, M.K. (ed.) *Rossiya reformiruyushchayasya* [The Reforming Russia]. Vol. 6. Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. pp. 319–331.
7. Chirikova, A.E. & Lapina, I.Yu. (2009) *Zhenshchina na vysshikh eshelonakh vlasti. Rossiyskie praktiki i frantsuzskiy opyt* [Woman in the Highest Echelons of Power. Russian Practices and French Experience]. *INAB*. 3. Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences.
8. Mollerov, N.M., Natsak, O.D. & Samdan, A.A. (2021) *Po puti narodovlastiya: predstavitel’no-zakonodatel’naya vlast’ Tuvy (predparlamentskiy period)* [On the Path of Democracy: Representative Legislative Power of Tuva (pre-parliamentary period). Abakan: Zhurnalist.
9. Tyshta, E. V. (2013) *Evolutsiya politicheskogo predstavitel’sтва v respublikakh Yuzhnoy Sibiri v 1990–2000-kh gg.* [Evolution of Political Representation in the Republics of Southern Siberia in the 1990s – 2000s]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 6(26). pp. 83–90.
10. Kohanskaya, E.A. (2014) Rol’ gendernogo faktora v formirovaniy regional’noy elity [The Role of the Gender Factor in the Formation of the Regional Elite]. *Vlast’ – Power*. 10. pp. 98–104.
11. Milaeva, O.V., Morozov, S.D. & Siushkin, A.E. (2020) *Uchastie zhenshchin v organakh predstavitel’sтва natsional’nykh respublik Sibirskogo federal’nogo okruga* [Participation of Women in the Representation Bodies of the National Republics of the Siberian Federal District]. *Sotsial’no-gumanitarnye znaniya*. 4. pp. 315–326.
12. Matveeva, E.V., Ukraintseva, I.S. & Ukraintseva, D.A. (2019) *Deputatskiy korpus munitsipal’nykh parlamentov Sibirskogo federal’nogo okruga: sotsial’no-politicheskiy analiz* [Deputy Corps of Municipal Parliaments of the Siberian Federal District: Socio-Political Analysis]. *Vestnik ZabGU*. 25(5). pp. 66–73.
13. Kozlova, N.N. (2016) *Deputatskiy korpus Tsentral’nogo federal’nogo okruga: gendernoe izmerenie* [Deputy Corps of the Central Federal District: Gender Dimension]. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*. 4(81). pp. 58–71.
14. Kozlova, N.N. (2017) *Deputatskiy korpus regional’nykh parlamentov Yuzhnogo Federal’nogo okruga: opyt gendernogo analiza* [Deputy Corps of Regional Parliaments of the Southern Federal District: Experience of Gender Analysis]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie – Human. Community. Management*. 18(2). pp. 68–84.
15. Interparliamentary Union. (2020) *Women in Parliament in 2020. The Year in Review*. [Online] Available from: <https://www.ipu.org/women-in-parliament-2020> (Accessed: 1st May 2022).
16. EU. (n.d.) *Women in Politics. Local and European Trends. The European Charter for Equality of Women and Men in Local Life*. [Online] Available from: https://www.ccre.org/img/uploads/piecesjointe/filename/CEMR_Study_Women_in_politics_EN.pdf (Accessed: 1st May 2022).
17. Natsak, O.D. (2021) *Bar’ery v politicheskoy kar’ere zhenshchin: obzor sovremennykh praktik v zarubezhnykh stranakh* [Barriers in Women’s Political Careers. A Review of Current Practices in Foreign Countries]. *Vestnik RGGU. Seriya “Filosofiya. Sotsiologiya. Iskustvovedenie” – RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*. 1(2). pp. 296–305. DOI: 10.28995/2073-6401-2021-1-296-305

18. Shvedova, N.A. (2016) Politicheskie partii i gendernoe ravenstvo [Political Parties and Gender Equality]. *Zhenshchiny v rossiyskom obshchestve – Women in Russian Society*. 4(81). pp. 21–30.

19. Popova, O.V. (2015) Gendernye partii v sovremennoy Rossii: problemy i perspektivy [Gender Parties in Modern Russia: Problems and Prospects]. *Politicheskaya nauka*. 1. pp. 186–199.

Сведения об авторе:

Натсак О. Д. – кандидат философских наук, ученый секретарь, Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва (г. Кызыл, Республика Тыва, Россия). E-mail: nod695596@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

O. D. Natsak, Cand. Sci. (Philosophy), academic secretary, Tuvan Institute for the Humanities and Applied Social and Economic Studies under the Government of the Republic of Tuva (Kyzyl, Russia).

E-mail: nod695596@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 05.05.2022;
одобрена после рецензирования 23.03.2023; принята к публикации 20.04.2023*

*The article was submitted 05.05.2022;
approved after reviewing 23.03.2023; accepted for publication 20.04.2023*

Научная статья

УДК: 355.01

doi: 10.17223/1998863X/72/20

ВИНТОВКИ МАУЗЕРА, ПУЛЕМЕТЫ МАКСИМА, ПУШКИ КРУППА, КОММУНИКАТИВНАЯ СВЯЗНОСТЬ И КОНЦЕПЦИЯ ЛЕГИТИМНОГО ГОСПОДСТВА МАКСА ВЕБЕРА. ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Азат Борисович Рахманов

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия,
azrakhmanov@mail.ru*

Аннотация. Одной из важнейших предпосылок концепции легитимного господства М. Вебера была революция в военном деле, которая произошла на рубеже XIX и XX вв. Армии ведущих стран мира приняли на вооружение магазинные винтовки, пулеметы и мобильные скорострельные пушки. Одновременно благодаря развитию железнодорожного транспорта и телеграфа был достигнут высокий уровень коммуникативной связности этих стран, что позволяло быстро перебрасывать войска в нужном направлении.

Ключевые слова: Макс Вебер, Карл Маркс, концепция легитимного господства, зрелое оружие, коммуникативная связность, промышленная революция

Для цитирования: Рахманов А.Б. Винтовки Маузера, пулеметы Максима, пушки Круппа, коммуникативная связность и концепция легитимного господства Макса Вебера. Часть первая // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 72. С. 230–240. doi: 10.17223/1998863X/72/20

Original article

MAUSER RIFLES, MAXIM MACHINE GUNS, KRUPP CANNONS, COMMUNICATION CONNECTIVITY AND MAX WEBER'S THEORY OF LEGITIMATE DOMINATION. PART ONE

Azat B. Rakhmanov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

azrakhmanov@mail.ru

Abstract. Max Weber's theory of legitimate domination is one of the most outstanding achievements of the 20th-century social sciences. This concept arose in a discussion with the Marxist theory of the state. In order to better understand Weber's concept of legitimate domination, it is necessary to comprehend the prerequisites for its emergence. Among the most important for this concept are the progressive changes that occurred in the late 19th and early 20th centuries both in military affairs and communication in Germany and other developed countries of the world. At that time, repeaters, machine guns and mobile rapid-fire guns were adopted. The effectiveness of that arsenal was so significant that there was a complete devaluation of edged weapons and cavalry as a branch of service. In addition, weapons were finally separated from tools of labor (forks, axes, etc.) since hereinafter the tools of labor could no longer be used as weapons, which was typical of peasant uprisings. This meant that, for the first time in history, a mature weapon emerged. Achieving a high level of connectivity between countries was due to the rapid development of rail transport and communications

(telegraph and telephone). The leading countries of the world were covered with a dense network of railways and telegraph lines. This made it possible to transfer large masses of people and goods over long distances. The troops acquired high mobility, and from now on they could be quickly sent to any area. Information began to spread instantly, due to which the state acquired the ability to immediately respond to emerging threats. The emergence of mature weapons and the achievement of a high level of communication connectivity was the result of the industrial revolution. The most developed countries had greater opportunities for the production of mature weapons and were characterized by a higher level of communication connectivity.

Keywords: Max Weber, Karl Marx, legitimate domination theory, mature weaponry, communication connectivity, industrial revolution

For citation: Rakhmanov, A.B. (2023) Mauser rifles, Maxim machine guns, Krupp cannons, communication connectivity and Max Weber's theory of legitimate domination. Part One. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 72. pp. 230–240. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/72/20

Введение

Одним из наиболее значительных достижений мировой обществоведческой мысли XX в. является концепция легитимного господства выдающегося немецкого социального теоретика Макса Вебера, разработанная им в его главном труде – большой незавершенной рукописи «Хозяйство и общество» и в ряде примыкающих работ. Эта концепция обладает внушительным теоретико-методологическим потенциалом. В связи с этим вполне закономерно, что возникли производные от нее теоретические построения, например, концепция неопатримониализма израильского социолога и политолога Ш. Эйзенштадта [1], концепция источников социальной власти американского исторического социолога М. Манна [2], и она активно используется при изучении общественно-политических явлений прошлого и современности (см., напр., [3–9]).

Несмотря на то, что анализу различных аспектов концепции легитимного господства М. Вебера посвящено огромное количество трудов, она все еще нуждается в систематическом и детальном исследовании, что предполагает, в частности, рассмотрение всего комплекса предпосылок ее возникновения – как идейно-теоретических, так и общественно-исторических. Важнейшей идейно-теоретической предпосылкой концепции легитимного господства Вебера было то, что она возникла в условиях полемики с марксизмом, который был весьма влиятелен в мире в конце XIX и начале XX в. Однако К. Маркс и Ф. Энгельс не создали систематической и детальной теории государства, равно как и систематической и детальной теории общества вообще. Ключевым компонентом марксистской концепции государства было положение о государстве как аппарате насилия в руках господствующего класса, т.е. класса, распоряжающегося средствами производства. Для марксизма была характерна тенденция экономического и классового детерминизма, предполагавшая абсолютизацию зависимости государства и политики в целом от способа производства и классовой структуры, причем у марксистов-эпигонов эта тенденция стала еще более выраженной. Слабость марксистской концепции государства уже в конце XIX в. была очевидной для многих немарксистских теоретиков. Вебер на протяжении всей своей жизни стремился создать теоретическую альтернативу марксизму с позиции защиты капитализма – недаром

К. Мангейм назвал его «Марксом буржуазии» – в связи с этим он и разработал свою концепцию легитимного господства.

Важнейшими общественно-историческими предпосылками концепции легитимного господства и теории общества М. Вебера в целом были развитие индустриального капитализма в Германии и других западных странах, а также формирование мировой системы капитализма, которая включала в себя обширные колонии и полукolonии европейских метрополий. В частности, очевидна связь между последним и веберовскими концепциями китайского и индийского обществ, разработанными в «Хозяйственной этике мировых религий». Но при этом обусловленность концепции легитимного господства изменениями, произошедшими в конце XIX и начале XX в. в военной сфере, до сих пор еще не исследовалась ни за рубежом, ни в России. Настоящая статья представляет собой попытку восполнить этот недостаток.

Зрелое оружие

Возникновению концепции легитимного господства Макса Вебера предшествовала произошедшая в конце XIX и начале XX в. подлинная революция вооружений. Толчок к этой революции был дан в 1884 г. изобретением бездымного пороха французским химиком Полем Вьелем. До этого огнестрельное оружие (пушки, мушкеты, ружья, винтовки, пистолеты) использовали заряды (патроны) с дымным (черным) порохом. Использование черного пороха было причиной того, что позиции артиллеристов и стрелков после выстрелов окутывались дымом, это мешало им разглядеть новые цели и прицелиться. Поля сражений вследствие частой артиллерийской и ружейной пальбы были постоянно объаты клубами дыма, что нередко приводило к стрельбе наугад и, следовательно, снижало эффективность огнестрельного оружия, заставляя армии рассчитывать на сталь своих сабель и штыков. Кроме того, использование черного пороха позволяло выявить артиллерийскую или стрелковую позицию и наносить по ней удар. Бездымный порох обладал двумя основными преимуществами по сравнению с черным порохом: 1) сгорал практически полностью и, следовательно, дым почти совершенно отсутствовал; 2) сгорал намного быстрее и выделял при сгорании примерно в 3 раза больше энергии. Унитарные артиллерийские боеприпасы и патроны с бездымным порохом были более мощными и позволяли добиться более высокой начальной скорости снаряда и пули соответственно, более высокую дальнобойность и кучность выстрела, т.е. меткость. Кроме того, бездымный порох сделал патроны более компактными, сделал возможным производить оружие меньшего калибра и, следовательно, позволил создать более компактное и легкое оружие. Без бездымного пороха было бы невозможным создание магазинной винтовки и пулемета или же они стали бы гораздо менее эффективными.

Магазинные винтовки – это винтовки, чья конструкция включала в себя магазин, т.е. емкость, вмещающую, как правило, 5–6 патронов, что делало это оружие многозарядным. Они были изобретены еще в эпоху черного пороха, и первой из них была винтовка Веттерли 1869 г. (Швейцария). Магазинные винтовки заметно превосходили по скорострельности однозарядные винтовки, но использование патронов с черным порохом приводило к сильному задымлению позиций стрелков.

Первой магазинной винтовкой, использовавшей патроны с бездымным порохом, стала винтовка Лебеля 1886/93 г. (Франция). Несколько позже были созданы винтовки Маузера 1888 г. (Германия), «Ли Метфорд» 1888 г. (Великобритания), Мосина 1891 г. (Россия), Каркано 1891 г. (Италия), «Ли Энфилд» 1895 г. (Великобритания), Маннлихера 1895 г. (Австро-Венгрия), Арисака 1897 г. (Япония), Маузера 1898 г. (Германия), «Спрингфилд» 1903 г. (США) [10; 11; 12. Ч. 1]. Многие из них, например, винтовка Мосина или винтовка Маузера 1898 г., оказались настолько удачными, что с незначительными модификациями служили еще много десятилетий – до Второй мировой войны и даже после нее.

Первый в истории пулемет создал в 1883 г. англо-американский изобретатель Хайрам Максим. До пулемета Максима и, первое время наряду с ним, применялись устройства, в которых высокая скорострельность и перезарядка достигались с помощью вращения стрелком вручную особого механизма, т.е. за счет мускульной энергии человека, а не за счет энергии отдачи, как в пулемете. Такие системы могли быть одноствольными и многоствольными; последние встречались чаще. Самыми известными представителями этого семейства оружия являются разработанная в Бельгии и Франции митральеза (1851) и изобретенная в США картечница Гатлинга (1862). Эти устройства можно назвать предпулеметами. Американский историк оружия Д. Чинн назвал их «пулеметами ручного действия» («manually operated machine guns») в отличие от «полностью автоматических пулеметов» («full automatic machine guns») [13], первым из которых стал пулемет Максима.

Пулемет Максима обладал стабильной средней скорострельностью в 600 выстрелов в минуту, что позволяло создать высокую плотность огня, обеспечивающую эффективное поражение противника. Через некоторое время он был принят на вооружение в ведущих странах мира, причем со временем в разных странах были созданы собственные модификации пулемета Максима – MG-08 (Германия), Максим 1910 г. на колесном станке Соколова (Россия)¹, «Виккерс» 1912 г. (Великобритания). Одновременно появились и другие модели пулеметов, например пулемет Кольта-Браунинга 1895 г. (США), «Гочкис» 1897 г. (Франция), пулемет Шварцлозе 1907/12 г. (Австро-Венгрия) [12. Ч. 2]. Все эти пулеметы были станковыми и отличались значительным весом, что не способствовало высокой мобильности этого оружия – например, российский пулемет Максима весил примерно 68 кг. В связи с этим были изобретены ручные пулеметы – пулемет Мадсена 1902 г. (Дания), Льюиса 1913 г. (Великобритания), Шоша 1915 г. (Франция), MG-08/15, Бергмана 1915 г. (оба – Германия) и др.

В последней трети XIX в. большой шаг вперед сделала и артиллерия. На лидирующие позиции в мире в 1860-е гг. вышло прусское пушечное дело, и решающую роль в этом сыграли заводы А. Круппа. Еще в 1864 г., когда родился Макс Вебер, стальные орудия Круппа внесли весомый вклад в победу Пруссии (в союзе с Австрией) над Данией, чья армия была вооружена бронзовыми пушками. Во время франко-прусской войны 1870–1871 гг. армия Пруссии располагала нарезными казнозарядными стальными артиллерий-

¹ Данная модификация пулемета Максима визуально хорошо известна широкому советскому и российскому кинозрителю – как пулемет с колесиками и изогнутым щитком с прорезью – главным образом благодаря советским фильмам о революции и Гражданской войне в России в 1917–1920 гг.

скими системами, тогда как французская армия была вооружена устаревшими дульнозарядными гладкоствольными бронзовыми пушками. Прусские орудия обладали большей дальностью и скорострельностью – они стреляли на расстояние до 3 500 м и обладали скорострельностью 6–10 выстрелов в минуту, тогда как французские поражали противника на расстоянии до 2 800 м и стреляли не более 2 раз в минуту. Полевая артиллерия впервые в истории стала мобильной на поле боя благодаря реформе французского военного инженера Ж.-Б. Грибоваля, осуществленной во Франции в 1776 г., а прусские инженеры на заводах Круппа в 1860-е гг. и в последующие десятилетия сделали ее дальноточной и скорострельной. Эффективная прусская артиллерия не только во многом определила победу Пруссии над Францией, но и стала одной из материально-технических предпосылок объединения Германии. Переход к использованию бездымного пороха и унитарных патронов внес свой весомый вклад в прогресс артиллерии. В 1890-е гг. она во всем своем многообразии (пушки, гаубицы, мортиры; полевая легкая, полевая тяжелая, тяжелая и т.д.) стала еще более дальноточной, скорострельной, точной и мобильной по сравнению со своими предшественниками эпохи франко-прусской войны. Артиллерия Германии и Франции в эту эпоху была лучшей в мире. Если говорить о полевой артиллерии, то ее очень удачными образцами стали 77-миллиметровая пушка 1896 г., 120-миллиметровая полевая гаубица 1892 г. (обе – Германия), 75-миллиметровая пушка 1897 г. (Франция), 75-мм 1898 г. (Япония), знаменитая «трехдюймовка», 76-миллиметровая пушка 1902 г. (Россия) и др. [14. С. 210–211]. Эти артиллерийские системы активно применялись в войнах начала XX в., включая Первую мировую войну.

Благодаря изобретению и вводу в эксплуатацию в конце XIX и начале XX в. магазинных винтовок, пулеметов, а также мобильных дальноточных и скорострельных пушек огнестрельное оружие впервые в истории стало настолько эффективным, что оказалось в состоянии полностью девальвировать холодное оружие как средство поражения и вытеснить его, что привело к исчезновению рода войск, основанного на применении холодного оружия – кавалерии. Впервые в истории возникло зрелое оружие, т.е. оружие, которое, будучи созданным обществом и приводимым в действие созданной обществом энергией (энергией пороховых газов), по своей эффективности абсолютно превосходит оружие, приводимое в действие мускульной энергией человека. Человечество издревле использовало вооружения, основанные на применении мускульной энергии человека и животных (холодное и метательное оружие), т.е. с помощью энергии, созданной природой. Уничтожение противника с помощью холодного или метательного оружия сохраняло связь с характерной для живой природы охотой хищников на своих жертв: в обоих случаях использовалась мускульная энергия, хотя люди применяли в качестве оружия созданные ими предметы, тогда как хищники убивают с помощью данных им природой органов. Огнестрельное оружие начали использовать в военном деле еще в XIV в., но оно долгое время оставалось недостаточно эффективным. Метательное оружие было относительно быстро вытеснено, но военное дело вплоть до начала XX в. основывалось на симбиотическом единстве огнестрельного и холодного оружия, и первое, будучи довольно несовершенным, не могло обходиться без второго. Эти реалии отражены в знаменитом афоризме великого русского полководца А.В. Суво-

рова «Пуля – дура, штык – молодец». Гладкоствольные ружья с кремневыми замками его эпохи позволяли вести прицельный огонь по групповым целям на расстоянии всего лишь до 200, по индивидуальным – до 100 шагов. Они, к тому же, отличались ненадежностью, низкой скорострельностью, невысокой точностью и неудобством при использовании. В связи с этим противника нередко было проще поразить с помощью холодного оружия (заколоть, зарезать или зарубить), чем застрелить. Холодное, метательное и несовершенное огнестрельное оружие следует охарактеризовать как незрелое оружие.

Важным аспектом возникновения зрелого оружия и вытеснения им незрелого оружия явилось завершение процесса отделения оружия от орудий труда. Этот процесс начался еще в первобытные времена, когда оружие было тождественно орудиям труда. С тем, с чем охотились на животных, с тем и воевали, и первобытная война была разновидностью охоты. Но это было тождество с различием, поскольку применять первобытным людям копыя, луки со стрелами и ножи при охоте на животных приходилось не так, как в столкновениях с другими людьми, которые сами были вооружены, осознавали происходящее и т.д.

Последующая история оружия была историей его прогрессирующего отделения от орудий труда. Постольку поскольку этот процесс не был завершен, орудия аграрного и ремесленного труда (вилы, топоры, косы и т.п.) могли использоваться как оружие, что и происходило в ходе бесчисленных восстаний социальных низов в разных странах в ходе всей всемирной истории. Орудия труда выступали как квазиоружие. Развертывался двоякий процесс, предполагавший, с одной стороны, создание в конце XIX и начале XX в. огнестрельного оружия, абсолютно превосходящего по эффективности холодное оружие и сделавшего бессмысленным использование орудий труда как квазиоружия, с другой – развитие промышленности и сельского хозяйства, приведшее к созданию высокоспециализированных орудий труда (механизированные сеялки, веялки на конной тяге, впоследствии – трактора, комбайны и т.п.), которые уже не могли быть использованы как квазиоружие. Этот процесс означал завершение отделения оружия от орудий труда.

Коммуникативная связность

Вооруженные силы всегда действуют в пространстве и времени. Войска необходимо максимально быстро доставить к месту боя, а для этого информация о противнике и о развитии боевой ситуации должна быть получена в высшей степени срочно. Применение вооруженных сил всегда происходит в определенном контексте коммуникативной связности страны (и сопредельных стран), которая включает в себя две стороны – транспортную связность и информационную связность, обусловленные транспортной системой и системой распространения информации (связью) соответственно.

В доиндустриальную эпоху, т.е. вплоть до середины XIX в., во всем мире перемещение людей и грузов, а также передача информации на дальние расстояния были сопряжены со значительной тратой времени (и сил). Выдающийся французский историк Ф. Бродель в своем фундаментальном труде писал, что для того, чтобы в XVI в. гонцу с коммерческой информацией добраться до Венеции, в типическом случае было необходимо потратить довольно много времени: из Лиссабона – 43 дня, Лондона – 24, Нюрнберга – 21,

Антверпена – 16, Вены – 13, Парижа и Аугсбурга – по 12, Неаполя – 8, Генуи – 6, Милана и Флоренции – по 3 дня [15. С. 27–28]. Бродель добавляет, что такое же количество времени приходилось тратить на дорогу и в XVII в. и даже позже. Это было характерным для коммуникаций доиндустриальной эпохи. Очевидно, что военные курьеры (фельдъегеря) тратили на дорогу сопоставимое количество времени, а войска перемещались намного медленнее, потому что были подчинены скорости передвижения основного рода войск – пехоты. Низкая скорость перемещения и низкая скорость информационного обмена серьезно ограничивали эффективность применения вооруженных сил.

Ситуация радикально изменилась к началу XX в., когда в ведущих странах мира стремительно развивался железнодорожный транспорт, что стало ключевой материально-технической основой прогресса транспортной связности. К этому времени в развитых странах мира уже возникла густая сеть железных дорог, которая позволяла быстро перемещать большие массы людей и грузов в любом направлении. Для анализа прогресса транспортной связности в странах Европы на рубеже XIX и XX вв. рассмотрим основные характеристики развития железнодорожного транспорта (табл. 1). Страны ранжированы по количеству перевезенных пассажиров на 1 км пути в 1910 г.

Таблица 1. Основные характеристики развития железнодорожного транспорта в странах Европы в 1890–1910 гг.

Страна	1890 г.	1900 г.	1910 г.	1890 г.	1900 г.	1910 г.
	Протяженность железных дорог, км			Количество перевезенных пассажиров на 1 км пути, тыс. человек		
Великобритания	27 827	30 079	32 184	28,62	37,056	39,647
Германия	42 869	51 678	61 209	9,94	16,564	25,176
Франция	33 280	38 109	40 484	7,24	11,283	12,153
Австро-Венгрия	15 273	19 229	22 642	4,90	8,222	11,245
Италия	13 629	16 429	18 090	3,73	3,634	5,279
Россия	30 596	53 234	66 581	1,44	1,954	2,929
Страна	Количество пассажиров, перевезенных железнодорожным транспортом, млн человек			Количество перевезенных пассажиров на 1 жителя страны, человек		
Великобритания	796,3	1 114,6	1 276	21,24	27,08	28,41
Германия	426	856	1 541	8,95	15,74	24,51
Франция	241,1	430	492	6,03	10,59	11,93
Австро-Венгрия	74,9	158,1	254,6	6,23	12,07	17,86
Италия	50,9	59,7	95,5	1,61	1,77	2,61
Россия	44	104	195	0,40	0,84	1,25

Примечание. Составлено и подсчитано по: [16. Р. 581–584, 603–606; 17. Р. 414–415, 474].

Протяженность железных дорог и количество перевезенных пассажиров, будучи абсолютными показателями деятельности железнодорожного транспорта, отражают формальную транспортную связность страны, а количество перевезенных пассажиров на 1 км пути и на 1 жителя страны, являясь относительными показателями, отражают интенсивность функционирования железнодорожного транспорта, т.е. реальную транспортную связность страны. Во всех странах в рассматриваемый период происходил уверенный рост формальной и реальной транспортной связности. В 1910 г. Россия по протяженности железных дорог опережала другие европейские страны, но по ко-

личеству перевезенных пассажиров абсолютными лидерами были Германия и Великобритания. По реальной транспортной связности превосходство Великобритании и Германии над другими европейскими странами выглядело бесспорным, а отставание России – удручающим. Скромные показатели Италии объяснялись не только отставанием страны от наиболее развитых стран Европы, но и тем, что в силу географического положения этой страны для нее большое значение имел морской транспорт, который она и развивала. Морской транспорт был важен и для Великобритании, что эту страну с учетом высочайшего уровня развития железнодорожного транспорта делало в 1910 г. абсолютным гегемоном в области транспортной связности в Европе и, вероятнее всего, в мире.

Благодаря прогрессу транспортной связности вооруженные силы европейских стран достигли уровня мобильности, который был немыслимым в доиндустриальную эпоху: войска с помощью железных дорог отныне могли быть переброшены с невиданной ранее скоростью в любом направлении внутри страны и за ее пределами и, тем самым, довольно быстро оказаться на поле боя. Это имело большое значение не только для применения вооруженных сил в случае войн, но и для подавления внутренних беспорядков.

Немецкий историк транспорта В. Райнхардт указывает, что еще в 1848 г. железнодорожный транспорт стал существенным подспорьем для властей Прусского королевства, позволив им быстро отправить войска для подавления восстания в Берлине [18. S. 248–249]. Вместе с тем национальные различия транспортной связности начала XX в. обуславливали и национальные различия мобильности вооруженных сил. Мобильность армий Великобритании и Германии была наивысшей в Европе, тогда как Россия значительно уступала им по этому показателю.

В конце XIX и начале XX в. произошел скачок и в информационной связности ведущих стран Европы, что было обусловлено развитием электрического телеграфа, а потом и телефонной связи. Европейские страны покрылись густой сетью телеграфных и телефонных линий, что позволяло незамедлительно передавать информацию и в любом направлении внутри страны и за ее пределами. Благодаря телеграфу и телефону в ведущих странах возникла возможность молниеносно обмениваться информацией с любой, даже самой отдаленной местностью, следовательно, впервые в истории был достигнут высокий уровень информационной связности этих стран. В силу этого страны Европы оказались способными осуществлять быстрый информационный обмен, касающийся возникновения внешних или внутренних угроз и динамики военной ситуации, что позволяло в случае необходимости своевременно перебрасывать войска к месту назначения.

Для анализа информационной связности стран Европы на рубеже XIX и XX вв. рассмотрим основные показатели развития телеграфа (табл. 2). Страны ранжированы по количеству телеграмм, отправленных в 1910 г.

Количество отправленных телеграмм отражает формальную, количество отправленных телеграмм за год на 1 жителя – реальную информационную связность страны. Великобритания по первому показателю была безусловным лидером, значительно опережая Францию, Германию и Россию, по второму – лидировала Австро-Венгрия, опередив Великобританию, Францию и Германию. Второе место Великобритании и то, что в ней с 1900 по 1910 г.

количество отправленных телеграмм несколько сократилось, следует объяснить прогрессом телефонной связи и частичным замещением ею телеграфа, в чем она опережала другие страны Европы. И в реальной информационной связности Россия серьезно отставала от передовых стран Европы.

Таблица 2. Основные характеристики развития телеграфа в странах Европы в 1890–1910 гг.

Страна	Количество отправленных телеграмм за год, млн			Количество отправленных телеграмм за год на 1 жителя страны		
	1890 г.	1900 г.	1910 г.	1890 г.	1900 г.	1910 г.
Великобритания	66,5	89,6	86,7	1,77	2,18	1,93
Франция	27,032	40,097	50,15	0,68	0,99	1,22
Германия	22,2	39,7	48,2	0,47	0,73	0,77
Россия	10,981	19,557	36,793	0,10	0,16	0,24*
Венгрия	7,612	14,37	23,587	1,15	2,02	3,09
Австрия	9,082	15,057	20,965	1,68	2,52	3,17
Италия	8,3	9,4	15,2	0,26	0,28	0,42

Примечание. Составлено и подсчитано по: [16. Р. 653–657; 17. Р. 414–415, 474].

* Данные о численности населения за 1913 г.

Зрелое оружие и передовые средства коммуникации были порождением промышленной революции, поскольку оснащение вооруженных сил зрелым оружием предполагало масштабное и бесперебойное производство огромного количества стандартных вооружений и боеприпасов, равно как и только на основе индустриальной экономики были возможны крупномасштабное строительство железных дорог, паровозо- и вагоностроение, а также повсеместная прокладка телеграфных и телефонных линий связи. Завершение промышленной революции означало, что доля продукции, произведенной с помощью машин, стала превышать 50% в ВВП страны. Великобритания достигла этого уровня примерно в середине XIX в., и уровень ее душевого ВВП за 1850 г. был достигнут Австрией в 1887, Германией – в 1888, Францией – в 1890, Италией – в 1909 г. [17. Р. 439].

Дореволюционная Россия до этого уровня так и не смогла подняться, поскольку так и не завершила промышленную революцию. Различие уровней индустриализации разных стран обусловило и различие потенциалов совершенного насилия, которым располагали ведущие страны мира. Самый мощный потенциал для производства зрелого оружия, наиболее зрелые транспортные и информационные предпосылки применения вооруженных сил в начале XX в. в Европе и, вероятнее всего, в мире были характерны для Великобритании и Германии. Россия по указанным параметрам уверенно двигалась вперед, но серьезно отставала от лидеров.

Список источников

1. Eisenstadt S. Traditional patrimonialism and modern neopatrimonialism. London : SAGE Publications, 1973.
2. Mann M. The Sources of Social Power. Vol. 1–4. Cambridge : Cambridge University Press, 2012.
3. Weights A. Weber and “legitimate domination”: a theoretical critique of Weber's conceptualisation of “relations of domination” // Economy and Society. 1978. Vol. 7, № 1. P. 56–73.
4. Hamilton G.G. Patriarchalism in Imperial China and Western Europe: A Revision of Weber's Sociology of Domination // Theory and Society. 1984. Vol. 13, № 3. Special Issue on China. P. 393–425.

5. Breuer S. Max Webers Herrschaftssoziologie. Frankfurt ; New York : Campus Verlag, 1991.
6. Duan Lin. Konfuzianische Ethik und Legitimation der Herrschaft im alten China: eine Auseinandersetzung mit der vergleichenden Soziologie Max Webers. Berlin : Duncker & Humblot, 1997.
7. Kallis A. Fascism, “Charisma” and “Charismatisation”: Weber's Model of “Charismatic Domination” and Interwar European Fascism // *Totalitarian Movements and Political Religions*. 2006. Vol. 7, № 1. P. 25–43.
8. Guzmán S.G. Substantive-rational authority: The missing fourth pure type in Weber’s typology of legitimate domination // *Journal of Classical Sociology*. 2015. Vol. 15 (1). P. 73–95.
9. Szelenyi I. Weber’s theory of domination and post-communist capitalisms // *Theory and Society*. 2016. Vol. 45. P. 1–24.
10. Жук А.Б. Стрелковое оружие. М. : Воениздат, 1992.
11. Шант К. Оружие пехоты. Энциклопедия стрелкового оружия. М. : Омега, 2007.
12. Федоров В.Г. Эволюция стрелкового оружия. Ч. 1, 2. М. : Государственное военное издательство, 1938–1939.
13. Chinn G.M. History, Evolution, and Development of Manual, Automatic, and Airborne Repeating Weapons. Vol. I. Washington: Department of the Navy, 1951.
14. Барсуков Е.З. Артиллерия русской армии (1900–1917). Т. 1. М. : Воениздат, 1948.
15. Бродель Ф. Средиземноморье и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Ч. 2. Коллективные судьбы и универсальные сдвиги М. : Языки славянской культуры, 2003.
16. Mitchell B.R. European Historical Statistics. London : The Macmillan Press LTD, 1975.
17. Maddison A. The World Economy. Paris: OECD Publications, 2006.
18. Reinhardt W. Geschichte des öffentlichen Personenverkehrs von den Anfängen bis 2014. Wiesbaden: Springer Vieweg, 2015.

References

1. Eisenstadt, S. (1973) *Traditional patrimonialism and modern neopatrimonialism*. London: SAGE.
2. Mann, M. (2012) *The Sources of Social Power*. Vol. 1-4. Cambridge: Cambridge University Press.
3. Weights, A. (1978) Weber and “legitimate domination”: A theoretical critique of Weber's conceptualisation of “relations of domination”. *Economy and Society*. 7(1). pp. 56–73.
4. Hamilton, G.G. (1984) Patriarchalism in Imperial China and Western Europe: A Revision of Weber's Sociology of Domination. *Theory and Society*. 13(3). Special Issue on China. pp. 393–425.
5. Breuer, S. (1991) *Max Webers Herrschaftssoziologie*. Frankfurt; New York: Campus Verlag.
6. Duan Lin. (1997) *Konfuzianische Ethik und Legitimation der Herrschaft im alten China: eine Auseinandersetzung mit der vergleichenden Soziologie Max Webers*. Berlin: Duncker&Humblot.
7. Kallis, A. (2006) Fascism, “Charisma” and “Charismatisation”: Weber's Model of “Charismatic Domination” and Interwar European Fascism. *Totalitarian Movements and Political Religions*. 7(1). pp. 25–43.
8. Guzmán, S.G. (2015) Substantive-rational authority: The missing fourth pure type in Weber’s typology of legitimate domination. *Journal of Classical Sociology*. 15(1). pp. 73–95.
9. Szelenyi, I. (2016) Weber’s theory of domination and post-communist capitalisms. *Theory and Society*. 45. pp. 1–24.
10. Zhuk, A.B. (1992) *Strelkovoe oruzhie* [Weapon]. Moscow: Voensizdat.
11. Shant, Ch. (2007) *Oruzhie pekhoty. Entsiklopediya strelkovogo oruzhiya* [Infantry Weapons. Encyclopedia of Small Arms]. Translated from English. Moscow: Omega,.
12. Fedorov, V.G. (1938–1939) *Evolyutsiya strelkovogo oruzhiya* [The evolution of small arms]. Moscow: Gosudarstvennoe voennoe izdatel'stvo.
13. Chinn, G.M. (1951) *History, Evolution, and Development of Manual, Automatic, and Airborne Repeating Weapons*. Vol. I. Washington: Department of the Navy.
14. Barsukov, E.Z. (1948) *Artilleriya russkoy armii (1900–1917)* [Artillery of the Russian army (1900–1917)]. Vol. I. Moscow: Voensizdat.
15. Braudel, F. (2003) *Sredizemnomor'e i sredizemnomorskiy mir v epokhu Filippa II* [The Mediterranean and the Mediterranean world in the era of Philip II]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
16. Mitchell, B.R. (1975) *European Historical Statistics*. London: The Macmillan Press LTD.
17. Maddison, A. (2006) *The World Economy*. Paris: OECD Publications.

18. Reinhardt, W. (2015) *Geschichte des öffentlichen Personenverkehrs von den Anfängen bis 2014*. Wiesbaden: Springer Vieweg.

Сведения об авторе:

Рахманов А.Б. – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры истории и теории социологии социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: azrakhmanov@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Rakhmanov A.B. – Dr. Sci. (Philosophy), docent, professor at the Department of History and Theory of Sociology, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: azrakhmanov@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 03.03.2023;
одобрена после рецензирования 30.03.2023; принята к публикации 20.04.2023*

*The article was submitted 03.03.2023;
approved after reviewing 30.03.2023; accepted for publication 20.04.2023*

ПОЛИТОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 329.8
doi: 10.17223/1998863X/72/21

ИНСТИТУТ СОПРЕДСЕДАТЕЛЕЙ В РОССИЙСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЯХ

Руслан Салихович Мухаметов

*Уральский федеральный университет имени первого Президента Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия, muhametov.ru@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена исследованию института сопредседателей в российских политических партиях. Необходимым условием для появления института сопредседателей в политических партиях являются два фактора: объединение политических партий; относительное равенство политических партий, принимающих участие в объединении, и статуса их лидеров. Показано, что институт сопредседателей может возникнуть накануне парламентских выборов. Существует несколько причин для отмены института сопредседателей. Причины отказа от института разнообразны: провалы на выборах, разногласия между лидерами, уход из политики, приход бизнесмена.

Ключевые слова: политические институты, политические партии, политические организации, сопредседатели, председатель партии, Единая Россия, Справедливая Россия

Для цитирования: Мухаметов Р.С. Институт сопредседателей в российских политических партиях // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 72. С. 241–252. doi: 10.17223/1998863X/72/21

POLITICAL SCIENCE

Original article

THE INSTITUTION OF CO-CHAIRS IN RUSSIAN POLITICAL PARTIES

Ruslan S. Mukhametov

*Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,
Yekaterinburg, Russian Federation, muhametov.ru@mail.ru*

Abstract. The article explores Russian political parties. The author notes that the study of the organizational structure of Russian political parties is not the most popular academic direction. The aim of the work is to find answers to a number of research questions: Why do some political parties have one leader, while others have several (there is an institution of co-chairs)? Why do some parties have the institution of co-chairs immediately, and others after some time? Why do political parties reject the institution of co-chairs? The research method was a comparative analysis of specific cases. As a result of the study, the following conclusions were made. The necessary conditions for the emergence of the institution of co-chairs in political parties are: (1) the unification of political parties; (2) the relative equality of political parties participating in the association, as well as the status of their leaders.

Practice shows that the institution of co-chairs may arise after some time (usually on the eve of parliamentary elections), which is due to electoral reasons. There are several reasons for the abolition of the institution of co-chairs. The reasons for rejecting the institution of co-chairs are diverse: electoral failures, disagreements between leaders, leaving politics, the arrival of a businessman.

Keywords: political institutions, political parties, political organizations, co-chairs, party chair, United Russia, Fair Russia

For citation: Mukhametov, R.S. (2023) The institution of co-chairs in russian political parties. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 72. pp. 241–252. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/72/21

Введение

В политической науке существует мнение, что российские партии (может за рядом исключений) страдают от очень низкого уровня национализации и институционализации, говорить о политических партиях в постсоветской России как о субъектах политики можно только с большими оговорками [1. С. 160–161]. В результате население отказывается партиям в доверии. Так, по данным ВЦИОМ, политические партии находятся на седьмом месте из девяти в рейтинге одобрения деятельности общественных институтов [2]. Как отмечают исследователи, слабость российских партий особенно ярко проявляется в распространении независимых кандидатов на выборах [3. Р. 150–155]. На президентских выборах победители голосования только дважды (в 2008 и 2012 гг.) выдвигалась политической партией, сохраняя при этом беспартийный статус. В остальных (четырёх) случаях было самовыдвижение. Участие политических партий в губернаторских выборах было достаточно низким в период 1996–2004 гг. А. Кынев отмечает, что со второй половины 1995 г. по весну 1997 г. около 20% кандидатов были выдвинуты избирательными объединениями, с июня 1997 по декабрь 1999 г. таких кандидатов было 13%, за период 2000–2002 гг. – 6%, с 2003 по февраль 2005 г. – 12,4% [4. С. 481–484]. Необходимо отметить, что активность политических партий после возвращения в 2012 г. прямых выборов глав регионов значительно возросла. Так, по данным ЦИК РФ, доля партийных кандидатов на выборах высших должностных лиц субъектов Федерации в 2020 г. была 94,3%, в 2019 г. – 92,6%, в 2018 г. – 97% [5. С. 39]. Слабость института политических партий в стране выражается и в том, что не все кандидаты, принадлежащие к политическим партиям, официально регистрируются в качестве партийных кандидатов. Практика показывает, что некоторые из них намеренно скрывают свои связи с партией в период избирательной кампании, опасаясь, что их партийная принадлежность может оттолкнуть потенциальных сторонников [6. Р. 270–279].

В политической науке существует ряд объяснений слабости института политических партий в стране. Так, по мнению М. Макфола, партии в России слабы, потому что самые влиятельные политики в России сделали такой выбор. Культурные, исторические и социально-экономические факторы, с его точки зрения, играли определенную роль в препятствии возникновению партии, но индивидуальные решения – особенно решения об институциональном дизайне – являлись более близкими и более заметными причинами плохого развития партии в России. Слабая партийная система – это результат выбора

сильной президентской власти и слабого парламента. Актеры (Б.Н. Ельцин) спроектировали институты, которые служили их интересам [7. Р. 1159–1187]. Выбор в пользу такого институционального дизайна был обусловлен победой Ельцина и его команды над Верховным Советом (парламентом страны) в 1993 г., что привело к разработке такой Конституции, которая отвечала их непосредственным политическим целям. М. Макфол приходит к выводу, что суперпрезидентство не было неизбежным, эта форма правления не была продуктом советского или царского институционального наследия. Другой исход в конфликте между Ельциным и парламентом мог бы породить иную систему правления [8. Р. 305–325]. К. Росс считает, что законы о выборах и партиях были преднамеренно разработаны таким образом, чтобы предотвратить создание сильных общенациональных партий, которые могли бы бросить вызов доминирующему положению президента и «партии власти» [9. Р. 440–447].

Избирательная система является наиболее часто упоминаемым инструментом политической инженерии, влияющим на партии и партийные системы. В частности, исследователи указывают на негативные последствия для развития политических партий проведение выборов депутатов по мажоритарной системе [10. Р. 377–398; 11. Р. 457–489]. Ряд ученых подчеркивают важность наличия сильного парламента для развития политических партий [12. С. 43–57; 13. Р. 5–20]. Другие ученые указывают на существование суперпрезидентизма в России, который замедляет развитие политических партий, так как при такой системе у кандидатов относительно мало стимулов связываться с политическими партиями, когда законодательная власть (главная арена партийной политики) имеет такое небольшое влияние на проводимый курс [14. Р. 91–113; 15. Р. 144–148; 16. Р. 171–191]. Исследователи объясняют слабость российских политических партий отсутствием ярко выраженных социокультурных размежеваний и конфликтов по причине существования советско-коммунистического режима, который разрушил социальные расколы и связанную с ними социальную инфраструктуру [17]. По С. Липсету и С. Роккану, политические партии в Западной Европе являются следствием наличия в обществе ряда размежеваний [18. С. 204–234]. Г. Хейл считает, что слабость российских партий является результатом политической силы двухпартийных заменителей (политических машин губернаторов и политизированных финансово-промышленных групп), которые на политическом рынке помогают кандидатам стать избранными. Иными словами, российским партиям не удалось закрыть избирательный рынок не столько потому, что они слабы сами по себе, сколько потому, что они сталкиваются с острой конкуренцией со стороны заменителей партий [19. Р. 147–166].

Несмотря на существующий диагноз российским политическим партиям, они являются объектом политических исследований, одним из основных академических треков. Классическими тематическими направлениями выступают, как правило, эволюция развития политических партий и партийной системы в стране, партийные идеологии, «партии власти», партийное строительство в регионах России и т.д. В последнее время можно обозначить новые направления исследований в партологии: 1) изучение факторов электорального успеха партий на выборах [20. С. 110–119; 21. С. 42–61; 22. С. 137–155]; 2) составление социально-профессионального портрета руководства политических партий [23. С. 76–105; 24. С. 17–28; 25. С. 162–171];

3) исследование причин, содержания и последствий партийной реформы 2011–2012 гг. [26]. Необходимо отметить, что отечественные академические политологи мало внимание уделяют изучению организационного устройства политических партий в России. Количество работ носит крайне ограниченный характер [27. С. 95–127; 28. С. 110–127; 29. С. 89–95]. В то же время существуют многочисленные работы иностранных авторов, посвященные проблемам внутривнутрипартийного устройства [30. Р. 3–8; 31. Р. 5–24; 32]. Данная работа поможет заполнить научный вакуум в каком-то плане. Исходя из всего вышесказанного, исследовательские вопросы сформулированы следующим образом:

1. Почему у одних политических партий один руководитель, а у других – несколько (существует институт сопредседателей)?

2. Почему у одних партий институт сопредседателей появляется сразу, а у других – через какое-то время?

3. Почему политические партии отказываются от института сопредседателей?

Целью настоящей статьи является изучение причин создания и отмены института сопредседателей. Необходимо отметить, что в социальных науках владело определение понятия института, которое принадлежит Д. Нортю (это «правила игры» в обществе или сделанные человеком ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми) [33. С. 17]. В данной работе под институтом сопредседателей понимается закрепленная в уставе политической партии совокупность норм, которые регулируют избрание, компетенцию, права и обязанности, а также случаи досрочного прекращения полномочий как минимум двух высших выборных должностных лиц партии.

Главным аргументом данного исследования выступает то, что институт сопредседателей в политических партиях возникает при объединении политических организаций, положение которых на политическом рынке и статус их лидеров относительно одинаковы. Институт сопредседателей может возникнуть накануне парламентских выборов, что обусловлено электоральными причинами. Существует несколько причин для отмены института сопредседателей. К ним относятся провалы на выборах, разногласия между лидерами, а также уход из партии политика. Стоит отметить, что значимость исследования определяется выявлением условий, при которых создается институт сопредседателей. Кроме того, результаты исследования позволяют понять связь между итогами парламентских выборов и отказом от рассматриваемого института. Новшеством в работе также является то, что в ней приводятся причины возврата к единовластию в партийном руководстве. Данная работа вносит вклад в науку двумя способами. Во-первых, мы закладываем основы для нового исследовательского направления в рамках партологии – изучение не просто организационного устройства политических партий, а партийного института сопредседателей. Во-вторых, результаты исследования вносят дополнения в теорию внутренней организации политических партий.

Методы исследования

Данный раздел исследовательской статьи включает в себя объяснение процедур, используемых в работе. Он относится к обсуждению конкретных методов, выбранных и используемых в исследовательской работе. Это об-

суждение также охватывает теоретические концепции, которые дополнительно предоставляют информацию о выборе и применении методов.

Поиск ответов на вопрос «почему» приведет к использованию метода кейс-стади (тематическое исследование или исследование случая) [34. Р. 55]. Изучение конкретных случаев является одним из основных средств, с помощью которых в социальных науках проводится исследование. Случай – событие, происшествие, явление, объект, имеющее пространственные и временные границы, к которому обращается исследователь в соответствии с теорией [35. С. 333]. В социальных науках тематическое исследование определяется как углубленное изучение одной единицы с целью понимания более широкого класса (подобных) единиц [36. С. 342]. В научной литературе существует несколько типологий тематических исследований. Одни ученые выделяют внутренние, инструментальные и коллективные [37. Р. 2–8]. Вторые исследователи различают объяснительные, исследовательские и описательные [38. Р. 34–40]. Тематическое исследование может иметь более одного случая в качестве объекта изучения. Когда это происходит, то тематическое исследование называют множественным [39]. При таком варианте метод исследования называется «сравнительное исследование конкретных случаев».

Ч. Рагин подчеркивает, что никакое эмпирическое социальное исследование не обходится без того или иного сравнения [40]. Это обусловлено тем, что сравнительный метод обладает рядом преимуществ по сравнению с «простым» исследованием случая. Как отмечают ученые, использование данного подхода позволяет выявить сходства и различия у изучаемых кейсов. Доказательства, полученные в результате сравнительного тематического исследования, являются более сильными и надежными. Другое преимущество заключается в том, что они создают более убедительную теорию, так как положения обосновываются на большей выборке [39].

А. Лейпхарт утверждает, что сравнительный метод напоминает статистический метод во всех отношениях, кроме одного. Принципиальное различие заключается в том, что число случаев, с которыми он имеет дело, слишком мало, чтобы обеспечить систематический контроль с помощью частичных корреляций. К сравнительному методу следует прибегать в тех случаях, когда число случаев, доступных для анализа, настолько невелико, что их дальнейшее сведение в таблицу с целью установления надежных механизмов контроля не представляется возможным [41. Р. 682–693]. Логика сравнительных тематических исследований предполагает выборку, цель которой состоит в том, чтобы найти кейсы, которые смогут расширить теорию [42. Р. 335].

Эмпирической базой исследования послужили уставы российских политических партий [24, 43–45]. Под ними понимаются партийные документы, в которых прописаны цели и задачи, виды деятельности, руководящие органы, структура организаций.

Хронологические рамки исследования – с 12 декабря 1993 по 2021 г. Выбор начальной даты обусловлен проведением голосования по избранию депутатов Госдумы первого созыва, а конечной – завершением нашего исследования.

Результаты исследования

Проанализировав уставы политических партий, избирательных блоков и общественно-политических организаций, которые принимали участие в дум-

ских выборах, а также их электоральные результаты и контекст, мы пришли к следующим результатам. Условиями, которые были необходимы для появления института сопредседателей в политических партиях, являются: 1) объединение политических партий; 2) относительное равенство политических партий, принимающих участие в объединении, а также статуса их лидеров. Так, в июле 2001 г. в результате объединения двух политических организаций была создана новая – Союз «Единства» и «Отечества», который возглавили два сопредседателя – С. Шойгу и Ю. Лужков соответственно. После преобразования общественной организации в политическую партию «Единство и Отечество – Единая Россия» в декабре 2001 г. сопредседателями одного из партийных органов (Высшего Совета) были выбраны С. Шойгу, Ю. Лужков и М. Шаймиев. Оба общественных объединения («Единство» и «Отечество») по итогам парламентских выборов 1999 г. прошли в Госдуму, получив по пропорциональной системе 23,32 и 13,33% голосов избирателей соответственно.

Другим примером выступает партия ПАРНАС, история которой начинается в сентябре 2010 г., когда было объявлено о создании оппозиционной демократической коалиции «За Россию без произвола и коррупции», в которую вошли «Республиканская партия» (В. Рыжков), «Российский народно-демократический союз» (М. Касьянов), а также два движения – «Солидарность» (Б. Немцов) и «Демократический выбор» (В. Милов). В декабре того же года состоялся учредительный съезд, созданной на основе коалиции, партии. С момента регистрации в Минюсте в августе 2012 г. сопредседателями партии РПР-ПАРНАС стали В. Рыжков, М. Касьянов и Б. Немцов.

Институт сопредседателей был у партии «Правое дело» в период 2008–2011 гг. Данная партия была создана на основе объединения трех партий – «Гражданская сила», Демократическая партия России, «Союз правых сил» (СПС). Лидерами партии были Борис Титов, Георгий Бовт и Леонид Гозман. С момента создания в мае 2001 г. для партии СПС также было характерно коллективное руководство. Учредителями «Союза правых сил» значились несколько политических организаций, включая «Демократический выбор России» (Е. Гайдар), движение «Новая сила» (С. Кириенко), движение «Россия молодая» (Б. Немцов) и общественная организация «Общее дело» (И. Хакамада). В сентябре 2003 г. был создан избирательный блок «Родина – Народно-патриотический союз», юридическими учредителями которого стали Партия российских регионов, Партия национального возрождения «Народная воля» и Социалистическая единая партия России (СЕПР). Сопредседателями «Родины» были избраны Д. Рогозин, С. Глазьев и С. Бабурин.

Необходимо отметить, что для появления института сопредседателей должно совпасть два вышеназванных условия одновременно. Отсутствие хотя бы одного из них (чаще второго) приводит к отсутствию соответствующего института. В качестве примера можно привести «Справедливую Россию», которая была создана в октябре 2006 г. в результате объединения трех партий – Российской партии жизни (С. Миронов), Родины (А. Бабаков), Российской партии пенсионеров (И. Зотов). У данной партии имелся председатель, которым стал спикер Совета Федерации и занимавший на тот момент 30–31-е место в рейтинге ведущих политиков страны С. Миронов [46]. Другим примером выступает Социалистическая единая партия России (Духовное наследие), которая была создана в марте 2002 г. в результате слияния Социалистической

партии России Ивана Рыбкина, «Духовного наследия» Алексея Подберезкина и Союза реалистов Нины Жуковой. Председателем объединенной партии стал спикер Госдумы первого созыва, секретарь Совета безопасности РФ (1996–1998), полпред президента Российской Федерации в государствах – участниках СНГ в ранге вице-премьера (1998–2000) И. Рыбкин.

Выше были выявлены факторы, которые нужны для возникновения института сопредседателей. Однако партийное строительство показывает, что, даже если у партии нет рассматриваемого института изначально, он может через какой-то промежуток времени появиться. Это, как правило, происходит накануне думских выборов при сохранении поста председателя партии. В частности, «Партия роста» на съезде в июле 2020 г. внесла изменения в структуру партийного управления, введя институт сопредседателей (с сохранением должности председателя партии). На официальном сайте партии указано восемь сопредседателей, в том числе шоумены С. Шнуров и Н. Фоменко, журналист и медиаменеджер А. Любимов [47]. Анализ биографий показывает, что эти лица являются хорошо узнаваемыми, что, по замыслу организаторов внутривнутрипартийной реформы, должно было принести партии на выборах дополнительные голоса избирателей. На думских выборах 2021 г. партия получила 0,52% по пропорциональной системе, что на 0,77% меньше по сравнению с итогами 2016 г. В феврале 2021 г. состоялось объединение трех политических партий – «Справедливая Россия», «За Правду» и «Патриоты России». Лидером новой партии («Справедливая Россия – Патриоты – За правду») был избран С. Миронов (справедливорос), а сопредседателями стали З. Прилепин («За Правду») и Г. Семигин («Патриоты России»). С официальной точки зрения, партии сливаются для совместной работы и борьбы «за строительство справедливого социального государства» [48]. В то же время объединенная партия ставит перед собой задачу стать второй по численности фракцией в Госдуме восьмого созыва. По итогам парламентских выборов 2021 г. партия получила по единому округу 7,46% голосов избирателей, что на 1,24% больше в сравнении с предыдущим результатом. Важно подчеркнуть, что для оценки влияния создания института сопредседателей на электоральные итоги требуется проведение отдельного исследования.

Можно обозначить несколько причин отказа политических партий от института сопредседателей. Во-первых, неудовлетворительные итоги парламентских выборов. В качестве примера можно привести партию СПС и ее результаты на думских выборах 2003 г. По итогам голосования партия получила 3,97%, партийный список не был допущен до распределения депутатских мандатов. Все сопредседателя (Б. Немцов, И. Хакамада, Е. Гайдар и А. Чубайс) ушли в отставку в январе 2004 г., взяв на себя ответственность за поражение на выборах федеральных депутатов, а сам институт сопредседателей упразднили за неэффективность. Кроме того, как показывает практика, отмена института сопредседателей обусловлена необходимостью привлечь накануне парламентских выборов лицо, которое сможет выступить спонсором избирательной кампании. Так, в Партии социальной справедливости (ПСС) перед думскими выборами 2003 г. председателем партии стал в июне 2003 г. президент промышленно-инвестиционной группы «ЛанРусинвест» В. Кишенин. Партия «Правое дело» летом 2011 г. отказалась от института сопредседателей и избрала лидером президента группы «Онэксим» М. Прохорова, который, по данным журнала

«Форбс», занимал третье место в списке самых богатых россиян 2011 г. Третья причина связана с освобождением от должности по основному месту работы сопредседателей. В частности, мэр Москвы Ю. Лужков (06.06.1992–28.09.2010) написал заявление о выходе из партии «Единая Россия» в день выхода Указа президента России Д.А. Медведева об отрешении от должности в связи с утратой доверия. Президент Татарстана М. Шаймиев (12.06.1991–25.03.2010) покинул пост сопредседателя высшего совета «партии власти» в марте 2011 г. Наконец, одной из причин отказа от института сопредседателей выступает раскол в партии, разногласия между партийными лидерами. Так, после думских выборов 2003 г. началась политическая борьба между С. Глазьевым и Д. Rogozinym, которая завершилась поражением первого (в феврале 2004 г. он был исключен из партии). Летом 2004 г. Д. Rogozin стал единоличным лидером партии «Родина»: внеочередной съезд партии внес изменение в устав, которое отменило существовавший ранее институт сопредседателей. Что касается партии ПАРНАС, то в феврале 2014 г. В. Рыжков сложил полномочия сопредседателя и покинул партию. Через год не стало Б. Немцова. Летом 2015 г. съезд партии ПАРНАС упразднил институт сопредседателей, заменив его одним председателем, которым стал М. Касьянов.

Заключение

Несмотря на невысокий рейтинг доверия к политическим партиям и не самое благоприятное институциональное устройство России для развития института политических партий, их изучение является одним из основных исследовательских направлений. В последние годы российские академические политологи стали обращать внимание на организационное устройство партий. Настоящая статья выполнена в рамках этого тренда. Ее цель состояла в том, чтобы найти ответы на ряд исследовательских вопросов, касающихся возникновения и отмены института сопредседателей. Для достижения поставленной цели были проанализированы уставы политических партий, а также партийно-политический контекст.

В результате проведенного исследования были сделаны следующие выводы. Во-первых, институт сопредседателей появляется у политических партий, которые создаются по итогам слияния нескольких относительно равных политических организаций. Во-вторых, практика показывает, что институт сопредседателей может возникнуть через какое-то время (как правило, накануне парламентских выборов), что обусловлено электоральными причинами. Причины отказа от института сопредседателей разнообразны: провалы на думских выборах, разногласия между лидерами, уход из политики (государственной службы), а также приход представителя крупного бизнеса в качестве партийного лидера.

Список источников

1. Римский В.Л. Общественные размежевания и политические партии в России // Политическая наука. 2004. № 4. С. 152–172.
2. Деятельность общественных институтов // ВЦИОМ. 10 июня 2021. URL: <https://wciom.ru/ratings/deyatelnost-obshchestvennykh-institutov/> (дата обращения: 10.06.2022).
3. Moser R. Independents and Party Formation: Elite Partisanship as an Intervening Variable in Russian Politics // Comparative Politics. 1999. Vol. 31, № 2. P. 147–165.
4. Кынев А.В. Губернаторы в России: между выборами и назначениями. М. : Фонд «Либеральная миссия», 2020. 1030 с.

5. Региональные выборы: партийная динамика. Информационно-аналитический бюллетень. Вып. 17 / под общ. ред. Е.А. Шевченко. М., 2020. 183 с.
6. Tkacheva T., Turchenko M. Electoral Success of Independents under Authoritarianism: Evidence from Russia's Local Elections, 2014–2018 // Problems of Post-Communism. 2022. Vol. 69, № 3. P. 270–281.
7. McFaul M. Explaining Party Formation and Nonformation in Russia Actors, Institutions, and Chance // Comparative Political Studies. 2001. Vol. 34, № 10. P. 1159–1187.
8. McFaul M. Choosing Autocracy // Comparative Politics. 2018. Vol. 50, № 3. P. 305–325.
9. Ross C. The Rise and Fall of Political Parties in Russia's Regional Assemblies // Europe-Asia Studies. 2011. Vol. 63, № 3. P. 429–448.
10. Moser R. The Impact of the Electoral System on Post-Communist Party Development: the Case of the 1993 Russian Parliamentary Elections // Electoral Studies. 1995. Vol. 14, № 4. P. 377–398.
11. Remington T., Smith S. The Development of Parliamentary Parties in Russia // Legislative Studies Quarterly. 1995. Vol. 20, № 4. P. 457–489.
12. Макаренко Б. «Нанопартийная» система // Pro et Contra. 2007. № 3. С. 43–57.
13. Fish S. Stronger legislature, stronger democracies // Journal of Democracy. 2006. Vol. 17, № 1. P. 5–20.
14. Bagashka T. Presidentialism and the Development of Party Systems in Hybrid Regimes: Russia 2000–2003 // Europe-Asia Studies. 2012. Vol. 64, № 1. P. 91–113.
15. Colton T. Superpresidentialism and Russia's Backward State // Post-Soviet Affairs. 1995. Vol. 11, № 2. P. 144–148.
16. Ishiyama J., Kennedy R. Superpresidentialism and Political Party Development in Russia, Ukraine, Armenia and Kyrgyzstan // Europe-Asia Studies. 2001. Vol. 53, № 8. P. 171–191.
17. Ishiyama J. Political Integration and Political Parties in Post-Soviet Russian Politics. URL: https://www.researchgate.net/publication/267194454_Political_Integration_and_Political_Parties_in_Post-Soviet-Russian_Politics (accessed: 10.06.2022).
18. Липсет С., Роккан С. Структуры размежеваний, партийные системы и предпочтения избирателей. Предварительные замечания // Политическая наука. 2004. № 4. С. 204–234.
19. Hale H.E. Why Not Parties? Electoral Markets, Party Substitutes, and Stalled Democratization in Russia // Comparative Politics. 2005. Vol. 37, № 2. P. 147–166.
20. Мухаметов Р.С. Региональные вариации голосования за «Единую Россию»: роль глав регионов // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2021. Т. 15, № 2. С. 110–119.
21. Туровский Р.Ф., Гайворонский Ю.О. Влияние экономики на электоральное поведение в России: работает ли «контракт» власти и общества // Политика. 2017. № 3. С. 42–61.
22. Щербак А.Н., Смирнова Д.О. Холодильник VS телевизор? Экономическое голосование на выборах в Государственную думу 2016 г. // Вестник Пермского университета. Политология. 2017. № 3. С. 137–155.
23. Коргунок Ю.Г. Социально-демографический состав руководящих органов «Единой России» // Политика. 2012. № 1. С. 76–105.
24. Мухаметов Р.С. Коллективный портрет лидеров региональных отделений парламентских политических партий (на примере субъектов УРФО) // Социум и власть. 2020. № 6. С. 17–28.
25. Шашкова Я.Ю. Динамика руководящего состава региональных отделений политических партий в Юго-Западной Сибири в 1990–2000-е гг. // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 413. С. 162–171.
26. Партийная реформа и контрреформа 2012–2014 годов: предпосылки, предварительные итоги, тенденции / под ред. Н.А. Борисова, Ю.Г. Коргунока, А.Е. Любарева, Г.М. Михалевой. М. : Товарищество научных изданий «КМК», 2015. 204 с.
27. Коргунок Ю.Г., Мелешкина Е.Ю. Организационное устройство «Единой России» и партии коммунистов Республики Молдова: взгляд изнутри // ПОЛИТЭК. 2010. № 1. С. 95–127.
28. Кынев А.В. Внутрпартийная демократия и вмешательство государства в партийную деятельность (Российский случай) // Политика. 2015. № 2. С. 110–127.
29. Мухаметов Р.С. Сравнительный анализ организационной структуры политических партий РФ и США // Вестник Томского государственного университета. История. 2021. № 70. С. 89–95.
30. Borz G., Janda K. Contemporary trends in party organization: Revisiting intra-party democracy // Party Politics. 2020. Vol. 26, № 1. P. 3–8.
31. Carty K. Parties as Franchise Systems. The Stratarchical Organizational Imperative // Party Politics. 2004. Vol. 10, № 1. P. 5–24.
32. Katz R., Mair P. How parties organize. London : Sage, 1994. 384 p.
33. Норт Д.К. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М. : Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с.

34. Yin R.K. Case Study Research and Applications: Design and Methods. Applied social research methods. 4 th ed. Thousand Oaks : SAGE publications, Inc. 2009. 240 p.
35. Vannoni M. What are case studies good for? Nesting comparative case study research into the lakatosian research program // Cross-Cultural Research. 2014. Vol. 49, № 4. P. 331–357.
36. Gerring J. What Is a Case Study and What Is It Good for? // American Political Science Review. 2004. Vol. 98, № 2. P. 341–354.
37. Levy J.S. Case Studies: Types, Designs, and Logics of Inference // Conflict Management and Peace Science. 2008. Vol. 25. P. 1–18.
38. Stake R.E. The art of case study research. London; Thousand Oaks; New Delhi : SAGE Publications, 1995. 175 p.
39. Gustafsson J. Single case studies vs. multiple case studies: A comparative study. URL: <http://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:1064378/FULLTEXT01.pdf> (accessed: 10.06.2021).
40. Рэин Ч. Особенности компаративистики. URL: https://politolog.ucoz.ru/_ld/0/26_1987.pdf (дата обращения: 10.06.2022).
41. Lijphart A. Comparative Politics and the Comparative Method // The American Political Science Review. 1971. Vol. 65, № 3. P. 682–693.
42. Meyer C.B. A Case in Case Study Methodology // Field Methods. 2001. Vol. 13, № 4. P. 329–352.
43. Устав партии «Единая Россия» // Партия «Единая Россия». 10 июня 2022. URL: <https://er.ru/party/rule> (дата обращения: 10.06.2022).
44. Устав политической партии «Союз Правых Сил» // Партия СПС. 10 июня 2022. URL: <http://www.sps.lipetsk.ru/16.htm> (дата обращения: 10.06.2022).
45. Устав политической партии «Справедливая Россия – Патриоты – За Правду» // Партия «Справедливая Россия». 10 июня 2022. URL: <https://spravedlivo.ru/11127510> (дата обращения: 10.06.2022).
46. 100 ведущих политиков России в сентябре // Независимая газета. 29 сентября 2006. URL: https://www.ng.ru/ideas/2006-09-29/1_politiki.html (дата обращения: 10.06.2022).
47. Сопредседатели // Партия роста. 10 июня 2022. URL: <https://rost.ru/team/sopredsdateli/#> (дата обращения: 10.06.2022).
48. Манифест об объединении партий Справедливая Россия, «Патриоты России», «За Правду» // Русская народная линия. 28 января 2021. URL: https://ruskline.ru/opp/2021/01/28/manifest_ob_obedinenii_partii_spravedlivaaya_rossiya_patrioty_rossii_za_pravdu (дата обращения: 10.06.2022).

References

1. Rimskiy, V.L. (2004) Obshchestvennye razmezhevaniya i politicheskie partii v Rossii [Social divisions and political parties in Russia]. *Politicheskaya nauka*. 4. pp. 152–172.
2. VTsIOM. (2022) *Deyatel'nost' obshchestvennykh institutov* [Activities of public institution]. 10th June. [Online] Available from: <https://wciom.ru/ratings/deyatelnost-obshchestvennykh-institutov/> (Accessed: 10th June 2021).
3. Moser, R. (1999) Independents and Party Formation: Elite Partisanship as an Intervening Variable in Russian Politics. *Comparative Politics*. 31(2). pp. 147–165.
4. Kynev, A.V. (2020) *Gubernatory v Rossii: mezhdru vyborami i naznacheniyami* [Governors in Russia: between elections and appointments]. Moscow: Fond “Liberal'naya missiya.”
5. Shevchenko, E.A. (ed.) (2020) *Regional'nye vybory: partiynaya dinamika. Informatsionno-analiticheskiy byulleten'* [Regional elections: party dynamics. Informational and analytical bulletin]. Vol. 17. Moscow: TsIK RF.
6. Tkacheva, T. & Turchenko, M. (2022) Electoral Success of Independents under Authoritarianism: Evidence from Russia's Local Elections, 2014–2018. *Problems of Post-Communism*. 69(3). pp. 270–281.
7. McFaul, M. (2001) Explaining Party Formation and Nonformation in Russia Actors, Institutions, and Chance. *Comparative Political Studies*. 34(10). pp. 1159–1187.
8. McFaul, M. (2018) Choosing Autocracy. *Comparative Politics*. 50(3). pp. 305–325.
9. Ross, C. (2011) The Rise and Fall of Political Parties in Russia's Regional Assemblies. *Europe-Asia Studies*. 63(3). pp. 429–448.
10. Moser, R. (1995) The Impact of the Electoral System on Post-Communist Party Development: the Case of the 1993 Russian Parliamentary Elections. *Electoral Studies*. 14(4). pp. 377–398.
11. Remington, T. & Smith, S. (1995) The Development of Parliamentary Parties in Russia. *Legislative Studies Quarterly*. 20(4). pp. 457–489.

12. Makarenko, B. (2007) “Nanopartiynaya” sistema [“Nanoparty” system]. *Pro et Contra*. 3. pp. 43–57.
13. Fish, S. (2006) Stronger legislature, stronger democracies. *Journal of Democracy*. 17(1). pp. 5–20.
14. Bagashka, T. (2012) Presidentialism and the Development of Party Systems in Hybrid Regimes: Russia 2000–2003. *Europe-Asia Studies*. 64(1). pp. 91–113.
15. Colton, T. (1995) Superpresidentialism and Russia's Backward State. *Post-Soviet Affairs*. 11(2). pp. 144–148.
16. Ishiyama, J. & Kennedy, R. (2001) Superpresidentialism and Political Party Development in Russia, Ukraine, Armenia and Kyrgyzstan. *Europe-Asia Studies*. 53(8). pp. 171–191.
17. Ishiyama, J. (1999) *Political Integration and Political Parties in Post-Soviet Russian Politics*. [Online] Available from: https://www.researchgate.net/publication/267194454_Political_Integration_and_Political_Parties_in_Post-Soviet_Russian_Politics (Accessed: 10th June 2022).
18. Lipset, S. & Rokkan, S. (2004) Структуры размежеваний, партийные системы и предпочтения избирателей. Предварительные замечания [Separation structures, party systems, and voter preferences. Preliminary remarks]. *Politicheskaya nauka*. 4. pp. 204–234.
19. Hale, H.E. (2005) Why Not Parties? Electoral Markets, Party Substitutes, and Stalled Democratization in Russia. *Comparative Politics*. 37(2). pp. 147–166.
20. Mukhametov, R.S. (2021) Regional'nye variatsii golosovaniya za “Edinuyu Rossiyu”: rol glav regionov [Regional variations of voting for “United Russia”: The role of heads of regions]. *Vestnik Permskogo universiteta. Ser. Politologiya*. 15(2). pp. 110–119.
21. Turovskiy, R.F. & Gayvoronskiy, Yu.O. (2017) Vliyaniye ekonomiki na elektoral'noe povedenie v Rossii: rabotaet li “kontrakt” vlasti i obshchestva [The influence of economics on electoral behavior in Russia: does the “contract” of power and society work]. *Politiya*. 3. pp. 42–61.
22. Shcherbak, A.N. & Smirnova, D.O. (2017) Kholodil'nik VS televizor? Ekonomicheskoe golosovanie na vyborah v Gosudarstvennuyu dumu 2016 g. [Refrigerator VS TV? Economic voting in the elections to the State Duma in 2016]. *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya*. 3. pp. 137–155.
23. Korgunyuk, Yu.G. (2012) Sotsial'no-demograficheskiy sostav rukovodyashchikh organov “Edinoy Rossii” [Socio-demographic composition of the governing bodies of United Russia]. *Politiya*. 1. pp. 76–105.
24. Mukhametov, R.S. (2020) Kollektivnyy portret liderov regional'nykh otdeleniy parlament-skiikh politicheskikh partiy (na primere sub"ektov URFO) [A collective portrait of leaders of regional branches of parliamentary political parties (a case study of the Ural Federal District)]. *Sotsium i vlast'*. 6. pp. 17–28.
25. Shashkova, Ya.Yu. (2016) Dynamics in the elite of the South-West Siberian regional branches of Russian political parties in the 1990s – 2000s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 413. pp. 162–171. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/413/25
26. Borisov, N.A., Korgunyuk, Yu.G., Lyubarev, A.E. & Mikhaleva, G.M. (eds) (2015) *Partiynaya reforma i kontrreforma 2012–2014 godov: predposylki, predvaritel'nye itogi, tendentsii* [Party reform and counter-reform 2012–2014: Prerequisites, preliminary results, trends]. Moscow: KMK.
27. Korgunyuk, Yu.G. & Meleshkina, E.Yu. (2010) Organizatsionnoe ustroystvo “Edinoy Rossii” i partii kommunistov Respubliki Moldova: vzglyad iznutri [Organizational structure of United Russia and the Party of Communists of the Republic of Moldova: An inside view]. *POLITEKS*. 1. pp. 95–127.
28. Kynev, A.V. (2015) Vnutripartiynaya demokratiya i vmeshatel'stvo gosudarstva v partiynuyu deyatel'nost' (Rossiyskiy sluchay) [Intraparty democracy and state intervention in party activities (The Russian case)]. *Politiya*. 2. pp. 110–127.
29. Mukhametov, R.S. (2021) Comparative analysis of the organizational structure of political parties of the Russian Federation and the USA. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 70. pp. 89–95. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/70/13
30. Borz, G. & Janda, K. (2020) Contemporary trends in party organization: Revisiting intra-party democracy. *Party Politics*. 26(1). pp. 3–8.
31. Carty, K. (2004) Parties as Franchise Systems. The Stratarchical Organizational Imperative. *Party Politics*. 10(1). pp. 5–24.
32. Katz, R. & Mair, P. (1994) *How Parties Organize*. London: Sage.

33. Nort, D.K. (1997) *Instituty, institutsional'nye izmeneniya i funktsionirovanie ekonomiki* [Institutions, institutional changes and functioning of the economy]. Translated from English. Moscow: Fond ekonomicheskoy knigi "Nachala".
34. Yin, R.K. (2009) *Case Study Research and Applications: Design and Methods*. 4th ed. Thousand Oaks: SAGE.
35. Vannoni, M. (2014) What are case studies good for? Nesting comparative case study research into the lakatosian research program. *Cross-Cultural Research*. 49(4). pp. 331–357.
36. Gerring, J. (2004) What Is a Case Study and What Is It Good for? *American Political Science Review*. 98(2). pp. 341–354.
37. Levy, J.S. (2008) Case Studies: Types, Designs, and Logics of Inference. *Conflict Management and Peace Science*. 25. pp. 1–18.
38. Stake, R.E. (1995) *The Art of Case Study Research*. London; Thousand Oaks; New Delhi: SAGE.
39. Gustafsson, J. (s.n.) *Single case studies vs. multiple case studies: A comparative study*. [Online] Available from: <http://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:1064378/FULLTEXT01.pdf> (Accessed: 10th June 2021).
40. Regin, Ch. (n.d.) *Osobennosti komparativistiki* [Features of comparative studies]. [Online] Available from: https://politolog.ucoz.ru/_id/0/26_1987.pdf (Accessed: 10th June 2021).
41. Lijphart, A. (1971) Comparative Politics and the Comparative Method. *American Political Science Review*. 65(3). pp. 682–693.
42. Meyer, C.B. (2001) A Case in Case Study Methodology. *Field Methods*. 13(4). pp. 329–352.
43. Edinaya Rossiya. (2021) *Ustav partii "Edinaia Rossiia"* [The Charter of the United Russia Party]. 10th June. [Online] Available from: <https://er.ru/party/rule> (Accessed: 10th June 2021).
44. SPS. (2021) *Ustav politicheskoi partii "Soiuz Pravykh Sil"* [Charter of the Union of Right Forces Political Party]. 10th June [Online] Available from: <http://www.sps.lipetsk.ru/16.htm> (Accessed: 10th June 2021).
45. SRPZ. (2021) *Ustav politicheskoy partii "Spravedlivaya Rossiya – Patrioty – Za Pravdu"* [The Charter of the political party "Just Russia – Patriots – For the Truth"]. 10th June. [Online] Available from: <https://spravedlivo.ru/11127510> (Accessed: 10th June 2021).
46. NG. (2006) *100 vedushchikh politikov Rossii v sentyabre* [100 leading politicians of Russia in September]. 29th September [Online] Available from: https://www.ng.ru/ideas/2006-09-29/1_politiki.html (Accessed: 10th June 2021).
47. Partiya Rosta. (2021) *Sopredsedateli* [Co-Chairs]. 10th June. [Online] Available from: <https://rost.ru/team/sopredsedateli/#> (Accessed: 10th June 2021).
48. *Russkaya narodnaya liniya*. (2021) Manifest ob ob"edinenii partiy Spravedlivaya Rossiya, "Patrioty Rossii", "Za Pravdu" [Manifesto on the unification of the Just Russia, Patriots of Russia, and For the Truth parties]. 21st January. [Online] Available from: https://ruskline.ru/opp/2021/01/28/manifest_ob_obedinenii_partii_spravedlivaya_rossiya_patrioty_rossii_za_pravdu (Accessed: 10th June 2022).

Сведения об авторе:

Мухаметов Р.С. – доцент, кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук Уральского федерального университета имени первого Президента Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия). E-mail: muhametov.ru@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

R. S. Mukhametov, Cand. Sci. (Politics), docent, associate professor of the Department of Political Sciences, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: muhametov.ru@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 07.03.2021;
одобрена после рецензирования 13.03.2023; принята к публикации 20.04.2023
The article was submitted 07.03.2021;
approved after reviewing 13.03.2023; accepted for publication 20.04.2023*

Научная статья

УДК 32.019.52

doi: 10.17223/1998863X/72/22

ВЛИЯНИЕ СОВРЕМЕННЫХ СМИ НА ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ ИНДИВИДА НА ПРИМЕРЕ RT И ВВС

Александр Юрьевич Петухов¹, Софья Александровна Полевая²,
Дмитрий Игоревич Каминченко³

¹ *Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия*

¹ *Институт прикладной математики имени М.В. Келдыша РАН, Москва, Россия*

^{2,3} *Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского,
Нижегород, Россия*

¹ *Lectorr@yandex.ru*

² *sofia.polevaia@fsn.unn.ru*

³ *dmitkam@inbox.ru*

Аннотация. Исследуется проблема изменения политического сознания индивидов и групп в современном обществе. При помощи специального эксперимента изучено влияние внешних информационных воздействий от просмотра видеороликов популярных СМИ (RT и ВВС) на политические ценности индивида. Наличие реального информационного воздействия проверялось с помощью дисперсионного анализа (ANOVA) и Т-критерия Вилкоксона. Установлено, что внешнее информационное воздействие со стороны популярных СМИ оказывает влияние на изменение политико-ценностного содержания сознания индивида и групп.

Ключевые слова: информационное воздействие, когнитивные установки, политические ценности, либерализм, консерватизм, СМИ

Для цитирования: Петухов А.Ю., Полевая С.А., Каминченко Д.И. Влияние современных СМИ на политические ценности индивида на примере RT и ВВС // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 72. С. 253–271. doi: 10.17223/1998863X/72/22

Original article

THE INFLUENCE OF MODERN MEDIA ON THE POLITICAL VALUES OF THE INDIVIDUAL: ON THE EXAMPLE OF RT AND BBC

Aleksandr Yu. Petukhov¹, Sofia A. Polevaia², Dmitriy I. Kaminchenko³

¹ *Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation*

¹ *Keldysh Institute of Applied Mathematics of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation*

^{2,3} *Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation*

¹ *Lectorr@yandex.ru*

² *sofia.polevaia@fsn.unn.ru*

³ *dmitkam@inbox.ru*

Abstract. Against the background of the growing digitalization of modern society and the networkization of the political space, the informational influence on individual and collective

consciousness is increasing. It is extremely important to identify the features and effects of the influence of various information impulses on the cognitive attitudes of individuals and groups. The research aim is the revealing of the presence or absence of changes in the cognitive attitudes of the individual under the conditions of external information impact on the example of the political value content of the individual and group consciousness. The authors studied the impact of external information influences from watching videos of popular media (RT and BBC) on the cognitive attitudes of an individual using a special experiment. The authors used analysis of variance (ANOVA) and the Wilcoxon T-test to verify the presence of a real information impact. The experimental sample was 21 people (86% women, 14% men). Among the participants in the experiment there were 11 people with higher education (52%) and 10 students receiving higher education (48%). Eight participants in the experiment were receiving or have already received the first speciality “psychologist” (38%) and thirteen people who chose another speciality or speciality “psychologist” as a second higher education (62%). The authors monitored the heart rate variability of experiment participants using event-related heart rate telemetry technology. The participants were tested to assess the level of emotional disturbance (ED), as well as a questionnaire to identify the level of inclination towards conservatism and liberalism. The study showed that watching videos from popular media influenced the change in the level of conservatism, as well as the level of emotional disturbance of the participants in the experiment. Higher education contributes to greater stability of cognitive attitudes, since after the informational impact, the inversion of the cognitive attitude occurred only in 16% of cases, and most of those who changed attitudes are students (67%). The authors made a general conclusion that external informational influence from popular media has an impact on the change in cognitive attitudes and political value content of the individual and group consciousness.

Keywords: information impact, cognitive attitudes, political values, liberalism, conservatism, media

For citation: Petukhov, A.Yu., Polevaia, S.A. & Kaminchenko D.I. (2023) The influence of modern media on the political values of the individual: On the example of RT and BBC. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 72. pp. 253–271. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/72/22

Введение

Развитие современных информационных коммуникаций и интеграция с ними значительной части электронных аппаратов, используемых человеком в быту, стали одной из причин резкой актуализации исследований в области взаимодействия «Человек – Компьютер». Отдельная тема для данного направления – изучение влияния современного интернет-пространства на общество в целом и на отдельных индивидов в частности, а также на разделяемые обществом политические ценности, установки и нормы. Случайное и целенаправленное информационное воздействие с учетом резко возросшего времени взаимодействия, например, среди многочисленной российской аудитории современных интернет-платформ поддержки социальных сетей и мессенджеров (согласно недавно опубликованным данным ВЦИОМ, почти каждый третий (29%) тратит на них более трех часов в день (72% среди 18–24-летних), 16% – от двух до трех часов, 25% – один-два часа в день, 19% – полчаса, а 9% – менее получаса [1]) способно изменять и деформировать когнитивные установки индивидов, меняя их политико-ценностные ориентиры, формируя потребительское мнение, манипулируя в политических целях и просто увеличивая уровень невротизма населения.

Одинаковая информация, полученная из разных источников, может восприниматься по-разному, чем нередко пользуются в так называемых инфор-

мационных войнах [2]. В этом контексте актуальны исследования психофизиологической регистрации деформации когнитивных установок индивида как одной из важнейших составляющих политико-ценностного наполнения сознания индивида и групп в условиях внешнего информационного воздействия. Они позволят выявить конкретные механизмы, алгоритмы и закономерности подобных процессов, что даст возможность создать условия не только для их корректного объяснения и определения, но и для прогнозирования в некоторых частных случаях.

Анализ возможных изменений когнитивных установок индивида в условиях внешнего информационного воздействия является релевантным инструментом для изучения такой важнейшей научной проблемы современной политической науки, как изменение политических ценностей в условиях постоянного информационного воздействия на сознание индивида и групп в современном сетевом обществе. Фиксация изменений степени выраженности и тональности определенных политических ценностей в условиях конкретных информационных воздействий (импульсов) позволит глубже понять как политико-ценностное содержание общественного и индивидуального сознания в современном российском обществе в целом, так и определить характер и эффективность влияния различных информационных импульсов (например, конкретных информационных кампаний) на сознание индивида и групп (а в дальнейшей перспективе – как более узкая прикладная задача – оценить эффективность проводимых информационных кампаний в различных СМИ). Данное направление исследований остается по-прежнему малоизученным в отечественной науке.

Учитывая междисциплинарный характер проводимого исследования, отметим, что оно одновременно направлено, во-первых, на решение фундаментальной научной проблемы, заключающейся в выявлении характерных закономерностей изменения когнитивных установок индивида посредством регистрации психофизиологических реакций индивида на информационное воздействие извне, а во-вторых, на изучение изменения политико-ценностного содержания сознания индивида и групп в условиях получения информационных сигналов/импульсов от визуальных средств массовой информации. Резкое изменение целей, картины мира индивида должно рассматриваться как определенное информационное вторжение, представляющее опасность для получателя. Это состояние опасности возрастает при переходе от воздействия на индивидуальное сознание к воздействию на массовое сознание, поскольку считается, что массовое сознание в достаточной степени консервативно и служит определенным стабилизатором ситуации [3].

А.А. Александров писал: «Когнитивный сдвиг можно по аналогии представить как компьютерную программу. Каждое расстройство имеет свою специфическую программу. Программа диктует вид вводимой информации, определяет способ переработки информации и результирующее поведение. При тревожных расстройствах, например, активируется „программа выживания“: индивид из потока информации выбирает „сигналы опасности“ и блокирует „сигналы безопасности“» [4. С. 83]. В этом варианте воздействия индивид больше реагирует на когнитивные схемы у себя в голове, чем на реальность. Примерами подобных когнитивных искажений, задающих модель поведения, являются:

- Персонализация, когда все события интерпретируются преувеличенно лично.
- Дихотомическое мышление, когда все события могут быть либо только хорошими, прекрасными, либо плохими, ужасными.
- Выборочное абстрагирование, когда оценка одной детали начинает трактоваться как оценка всего события.
- Произвольные умозаключения, когда бездоказательные умозаключения становятся определяющими (например, фраза: «Я ужасная мать!»).
- Сверхгенерализация, когда обобщение строится на основании единичного случая (типа «Все мужчины одинаковы», «Я всегда все делаю неправильно»).
- Преувеличение («катастрофизация») последствий какого-либо события [3].

Таким образом, у индивида создается цепочка реакций, которые зависят от вполне конкретных и заданных актором маркеров, что дает существенные возможности для манипуляций. Здесь на первое место выходят понятия фрейма, сценария, стереотипа, в том числе и когнитивных клише, которые получили развитие в работах группы Р. Шенка [5]. Одними из конкретных институтов, с помощью которых обществу транслируются определенные маркеры, вызывающие когнитивную реакцию индивида и групп, являются средства массовой информации и современные социальные медиа. Учитывая интенсивную конвергенцию традиционных и современных, «новых» СМИ, активное использование ими широкого информационного поля интернет-пространства, именно обозначенные институты оказывают существенное информационное воздействие на сознание современного индивида, на формирование и изменение его политических ценностей и установок. Поэтому необходимы исследования, которые могли бы определить степень влияния тех или иных СМИ на когнитивные установки индивида и групп. В рамках нашего исследования были выбраны крупнейшие международные телеканалы (имеющие активное вещание и в сети Интернет) – RT и ВВС, представляющие зачастую полярные точки зрения.

Методология работы

Схема проведения исследования

Исследование проводилось на кафедре психофизиологии Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского с марта по май 2018 г. [6]. Испытуемому предоставлялась общая безоценочная информация об известном событии (проблемы с допуском российских спортсменов на зимнюю Олимпиаду 2018 г.), которое освещалось мировыми СМИ. После этого на испытуемого надевался датчик для мониторинга variability сердечного ритма, и он заполнял анкеты, позволяющие осуществить мониторинг когнитивных установок в процессе информационного воздействия по шкале склонностей к либерализму и консерватизму. Далее испытуемый проходил тест для определения уровня эмоциональной дезадаптации (УЭД). Испытуемому демонстрировался информационный материал (новостной сюжет конкретного представителя СМИ, посвященный вышеописанному известному событию), во время просмотра которого происходил мониторинг

вариабельности его сердечного ритма. После чего испытуемый повторно проходил тест УЭД и заполнял второй вариант анкеты.

Спустя определенное количество времени эксперимент повторялся с использованием третьего и четвертого варианта анкеты и измененным информационным материалом, а именно новостным сюжетом, посвященным той же проблеме, но другим представителем СМИ (рис. 1).

Рис. 1. Схема проведения эксперимента

Выборка исследования

В эксперименте добровольно участвовал 21 человек в возрасте 19–36 лет, средний возраст – 24 года. Ввиду того, что наибольшей аудиторией современных коммуникационных сетей является молодежь, основной упор в исследовании делался именно на них. Детализация выборки:

- 18 (86%) и 3 мужчин (14%);
- 11 испытуемых, уже получивших первое высшее образование (52%), и 10 студентов, получающих (48%);
- восемь человек, получающих или получивших первую специальность психолог (38%), и 13 человек выбравшие другую специальность или специальность психолога как второе высшее образование (62%);
- 10 неработающих (48%) и 11 трудоустроенных испытуемых (52%).

Методы исследования

Для целей исследования было проведено анкетирование для испытуемых с целью выявления уровня склонности к консерватизму и либерализму. Общий бланк анкетирования включил в себя две пары анкет, каждая из которых содержала 11 утверждений. Задача респондента – выразить свое отношение к данным утверждениям по пятибалльной шкале:

- полностью согласен;
- пожалуй, согласен;
- затрудняюсь ответить;
- пожалуй, не согласен;
- совершенно не согласен.

Каждой шкале присваиваются баллы (–2; –1; 0; 1; 2) (табл. 1).

Таблица 1. Шкалы анкеты для определения уровня склонности к консерватизму и либерализму

Консерватизм	2	1	0	–1	–2	Либерализм
	Полностью согласен	Пожалуй, согласен	Затрудняюсь ответить	Пожалуй, не согласен	Совершенно не согласен	
Либерализм	–2	–1	0	1	2	Консерватизм
	Полностью согласен	Пожалуй, согласен	Затрудняюсь ответить	Пожалуй, не согласен	Совершенно не согласен	

Утверждения делились на два типа: первый представляет ярко выраженную консервативную позицию, второй – либеральную. Полученные баллы нужно сложить, отдельно положительные и отрицательные значения, и разделить на 22 и –22 соответственно и умножить на 100, чтобы получить уровень консерватизма и либерализма в процентах. Анкета 1 отражала вопросы анкеты 2, также как и анкета 3 отражала вопросы анкеты 4, тем самым позволяя проследить, как информационное воздействие влияет на уровень восприятия консервативной и либеральной позиции. В итоге, если испытуемый набирал максимальные 22 балла, то можно утверждать, что он проявляет максимальную (100% по данной шкале) склонность к консерватизму на момент эксперимента. Наоборот, если набрано –22 балла, это позволяет утверждать о максимальной склонности к либерализму.

Сравнивая результаты анкеты 1 с результатами анкеты 2, а также анкеты 3 с анкетой 4, можно проследить, как меняется уровень склонности к консервативным и либеральным ценностям после внешнего информационного воздействия, которое проводилось между анкетированием.

Событийно-связанная телеметрия ритма сердца

Технология событийно-связанной телеметрии ритма сердца обеспечивает мониторинг и анализ динамики вариабельности ритма сердца (ВРС) с учетом событийного контекста: последовательность временных интервалов между ударами сердца (ритмограмма) регистрируется нагрудными пластиковыми электродами; первичная обработка сигнала и трансляция данных на смартфон осуществляется сенсорной платформой Zephyr HxMTM Smart Heart Rate Monitor (HxM, Zephyr Technology) по каналу Bluetooth; специализированное приложение «Stress monitor» в ОС Android (версии не ниже 4.4) выполняет функцию монитора реального времени и обеспечивает передачу данных на облачный сервер; визуализация ритмограмм, спектральный анализ и детектирование стресс-эпизодов реализуется в специализированном интернет-сервисе «Stress monitor» (cogninn.ru) [7].

Персонализированный анализ динамики вегетативной регуляции проведен на основе спектральных показателей вариабельности сердечного ритма. Методом динамического Фурье-анализа с окном 100 секунд и шагом 10 секунд вычислялись следующие показатели: суммарная мощность спектра вариабельности сердечного ритма (ВРС) – TP ВРС (mc^2), характеризующая адаптационный потенциал; мощность спектра в области частот от 0,04 до 0,15 Гц (мощность спектра в области низких частот) – LF (mc^2), характеризующая активность симпатической нервной системы по модуляции сердечного ритма; мощность спектра в области частот от 0,15 до 0,4 Гц (мощность спектра в области высоких частот) – HF (mc^2), характеризующая активность пара-

симпатической нервной системы; отношение LF к HF – индекс вегетативного баланса, характеризующий напряжение регуляторных систем [8].

Оценка уровня эмоциональной дезадаптации (УЭД)

Для оценки УЭД участнику тестирования предлагалось указать зону своего текущего состояния в «круговом пространстве состояний». Границы пространства определены в четырех точках пересечения диагоналей с окружностью. В качестве границ заданы наборы синонимичных прилагательных, описывающих эмоции в соответствии с модальностью (положительные/отрицательные) и уровнем активности (напряжение/расслабление) по отношению к четырем базисным личностным потребностям: а) в безопасности; б) в независимости; в) в достижении; г) в единении (близости). В зависимости от положения указанной зоны определяется количество набранных человеком баллов для каждой потребности (рис. 2).

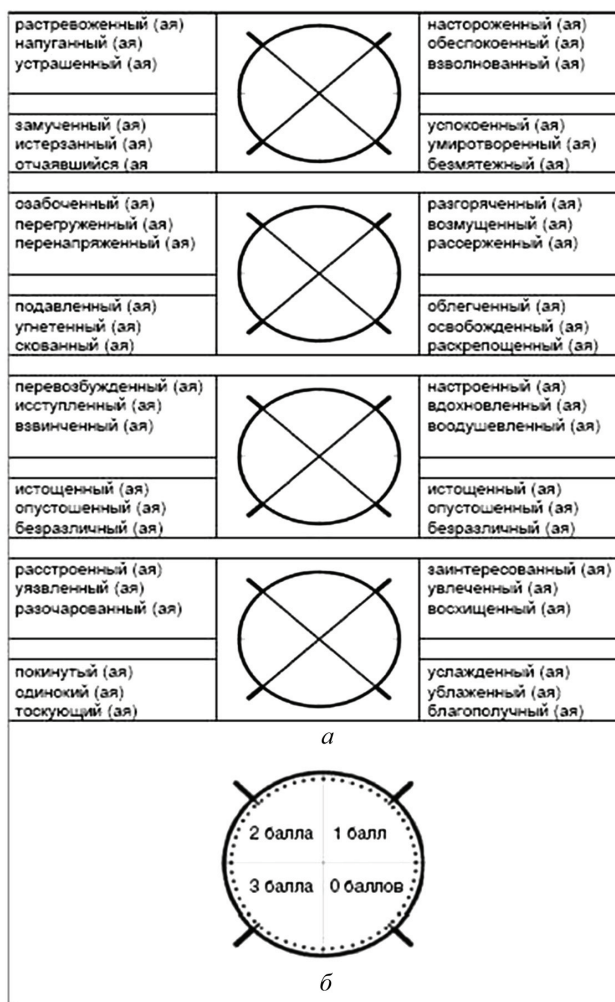

Рис. 2. Методика определения уровня эмоциональной дезадаптации: а – вид бланка для тестирования; б – круговая шкала оценки уровня удовлетворенности по базовым потребностям

По среднему баллу судят о степени эмоциональной дезадаптации следующим образом: 0 баллов – отсутствие эмоциональной дезадаптации (физиологическая релаксация); 1 балл – слабо выраженная эмоциональная дезадаптация (физиологическое напряжение); 2 – умеренно выраженная эмоциональная дезадаптация (патологическое напряжение); 3 – резко выраженная эмоциональная дезадаптация (патологическая релаксация) [9].

Результаты и обсуждение

Оценка влияния информационного воздействия на когнитивные установки

В ходе исследования была проведена оценка достоверности различий уровней консерватизма и либерализма до и после информационного воздействия посредством новостных роликов RT и ВВС. Основным выявленным трендом после просмотра роликов RT – уровень консерватизма понижается; после просмотра роликов ВВС – повышается ($p < 0,05$) (рис. 3).

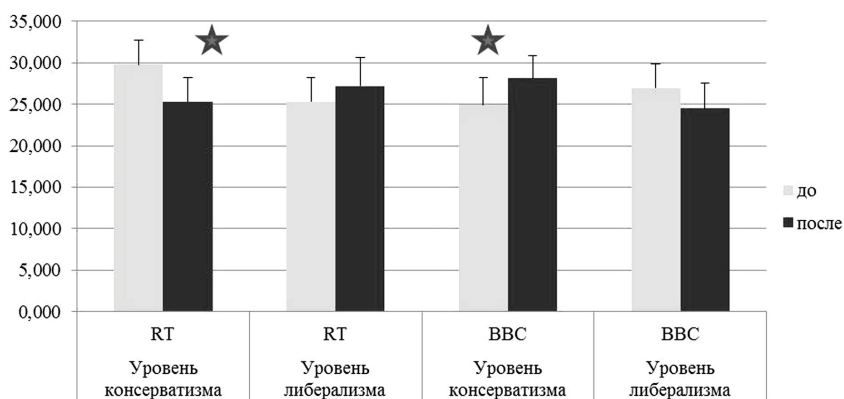

Рис. 3. Различия уровней консерватизма и либерализма до и после информационного воздействия с учетом фактора КОНТЕКСТ (RT – просмотр новостного ролика телеканала RT; ВВС – просмотр новостного ролика телеканала ВВС). Звездочкой отмечены достоверные различия по критерию Вилкоксона ($p < 0,05$)

Выделим ряд факторов, которые могли повлиять на результаты проведенного эксперимента. В частности, необходимо учитывать специфику выборки индивидов, принявших участие в данном исследовании. Большая часть испытуемых относится к «молодежи», для которой характерно специфическое восприятие информации извне, а именно повышенное недоверие и скептицизм к предлагаемой информации [10]. Вместе с тем RT, согласно оценкам большинства экспертов [11, 12], выражает относительно консервативную, прогосударственную позицию, которая молодой частью населения может быть оценена критично. Одновременно ВВС является относительно либеральным СМИ, выражающим западную позицию, часто критикующую консервативные ценности в России [12, 13]. Яркое же выражение подобной позиции (консервативной или либеральной) может привести к ее отторжению и к представленному изменению характеристик [14].

Подобные неоднозначные результаты, связанные с разными показателями изменения уровня консерватизма и либерализма до и после информационного воздействия, связанного с просмотром новостных роликов разных

СМИ, на наш взгляд, может быть связано с проявлением в молодежном сознании так называемой сетевой идентичности. Подробная характеристика указанного типа идентичности представлена в предыдущих работах авторов исследования [15, 16]. Для содержательно-смыслового наполнения сетевой идентичности характерны идейно-содержательная многоаспектность и ситуативность. Многообразии идейно-содержательного уровня сетевой идентичности проявляется в гетерархии ее ценностного содержания, отсутствии неизменяемого ценностного ядра и отсутствии готовности придерживаться при непрерывно воспроизводимых практиках общественного и политического поведения одной генеральной ценности. Поэтому, вероятно, при просмотре роликов, где преобладает выражение приверженности государственноцентризму и консервативным ценностям, у индивида с сетевым типом идентичности вырабатывается встречная интенция на децентрализацию ценностно-нормативного содержания основного смысла новостного сюжета и актуализируются не консервативные, а нередко – рассматриваемые в качестве оппозиции им – либеральные ценности, и наоборот.

Готовность к подобной «децентрализующей» («выравнивающей») реакции сознания индивида на информационное воздействие, в котором эксплицитно или латентно выражена некоторая, генерализующая весь содержательно-смысловой компонент воздействия ценность, открывает возможности для достижения в обществе ограниченного консенсуса по определенному ряду вопросов общественного и политического развития, что также является одним из эффектов от сетевизации общественного и политического сознания индивида и групп. В этой связи одним из возможных последующих направлений исследований в обозначенной области мог бы стать не только повторный эксперимент по изменению уровня выражения ценности консерватизма или либерализма под влиянием информационного воздействия (для проверки гипотезы о «децентрализующем»/«выравнивающим» эффекте сетевизации идентичности), но и анализ психофизиологической реакции индивидов на информационные сообщения, в которых рассматривается идея достижения в обществе ограниченного консенсуса по решению тех или иных общественно значимых вопросов.

Результаты проведенного эксперимента открывают новое понимание отношения молодежи к политическим ценностям в условиях сетевизации идентификационных процессов и преобладания так называемого клипового сознания. Выражение той или иной политической ценности внутри сетевой идентичности индивида и групп во многом опосредуется спецификой информационного импульса/сообщения (т.е. информационного воздействия извне), приобретая ситуативный характер (что заставляет переосмыслить роль политических ценностей для молодежи в целом). Политико-ценностная картина индивида с сетевой идентичностью приобретает интерактивный (как и вся природа Сети) и изменчивый, неустойчивый характер, когда проявление внутреннего содержания этой картины происходит ситуативно и направлено нередко на то, чтобы преодолеть доминирование определенного ценностного содержания внутри направляемого индивиду информационного сигнала. Впрочем, повторимся, обозначенные здесь выводы требуют проведения повторного эксперимента, который позволит глубже понять природу политико-коммуникативной картины мира современного индивида.

Оценка влияния информационного воздействия на УЭД

Проведена оценка достоверности различий уровней эмоциональной дезадаптации до и после информационного воздействия посредством новостных роликов RT и ВВС. После просмотра роликов, а также RT и ВВС уровень эмоциональной дезадаптации повышается ($p < 0,05$) (рис. 4).

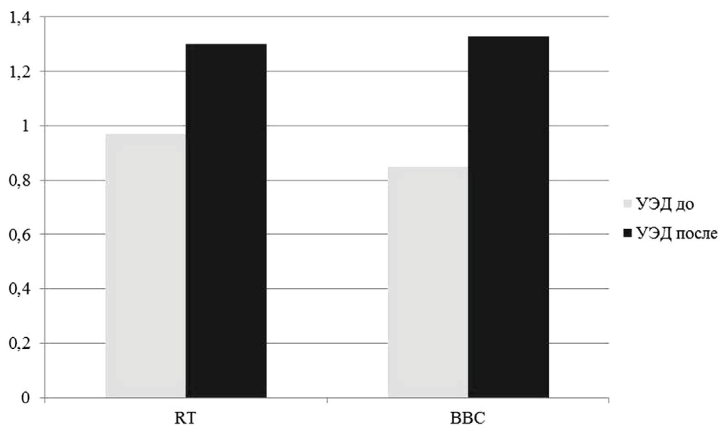

Рис. 4. Различия уровней эмоциональной дезадаптации до и после информационного воздействия с учетом фактора КОНТЕКСТ (RT – просмотр новостного ролика телеканала RT; ВВС – просмотр новостного ролика телеканала ВВС)

Рост УЭД может быть связан с активным и целенаправленным информационным воздействием, осуществляемым данными телеканалами. Кроме того, несмотря на нейтральный характер демонстрируемых участникам эксперимента новостных сюжетов, на их психофизиологическую реакцию могли повлиять название, логотип и другие данные, характеризующие рассматриваемые в работе средства массовой информации. Сложившееся до эксперимента мнение о конкретном СМИ могло изначально повлиять на итоговую реакцию испытуемых, однако, на наш взгляд, нейтрально окрашенный характер новостного сюжета должен нивелировать результирующий эффект от подобного воздействия.

Важно обратить внимание на то, что в условиях информационной перегрузки индивида, которая обусловлена активным использованием современных интернет-технологий, не каждый информационный материал способен изменить уровень эмоциональной дезадаптации. В условиях циркулирования в информационно-коммуникативном поле индивида больших потоков информации различные информационно-новостные сюжеты могут не вызывать какой-либо внутренней эмоциональной реакции индивида. Вместе с тем проведенный эксперимент продемонстрировал наличие факта внутренней рефлексии индивида, производимой им в процессе (и – по итогам) просмотра новостного сюжета. При этом, как пишут Е.А. Евстифеева и Д.А. Цуркан, «утрата рефлексивности через психоментальное погружение в виртуальное киберпространство, в нерелективную виртуальную нейрореальность, в ритуальный процесс обесмысливания смыслов, в „сетевой путь“ с необходимостью влечет эффект зависимости, сужение индивидуального сознания» [17. С. 131]. В случае проведенного эксперимента наблюдение уровня эмоциональной дезадаптации свидетельствует об определенных переживаниях и рефлексии,

что, в свою очередь, доказывает наличие ценностно-ментального отклика сознания индивида на приводимый в эксперименте новостной сюжет. Одним из объяснений наличия подобной реакции со стороны индивидов может выступать то, что сюжет посвящен непосредственно российским спортсменам, сталкивающимся с неспортивными препятствиями перед участием в Олимпиаде. Это способно вызывать заинтересованность индивида на когнитивно-ментальном уровне, свидетельствующую о проявлении в его реакции признаков гражданской идентичности, его ассоциировании себя с российским государством и представляющими его спортсменами. Использование в сюжетных видеороликах символов России стало, вероятнее всего, фактором, повлиявшим на проявление признаков гражданской идентичности, а сами символы можно рассматривать в качестве важных маркеров, выявляющих наличие/отсутствие, а также степень проявления признаков гражданской идентичности в сознании индивидов и групп.

***Изменение психофизиологических характеристик
в результате информационного воздействия с учетом
фактора наличия/отсутствия высшего образования***

По собранным в анкете индивидуальным данным, мы смогли разделить группу испытуемых на две подгруппы. В первой подгруппе были студенты, еще не получившие высшего образования, а во второй те, у кого оно уже есть. Сравнивались показатели ВСП, уровни консерватизма и либерализма и уровни эмоциональной дезадаптации до, вовремя и после информационного воздействия посредством как ролика ВВС, так и ролика RT. Для получения результатов, приведенных в данной статье, учитывались показатели ВСП испытуемых, только в рамках физиологической нормы.

В контексте просматриваемого ролика ВВС выборка поделилась следующим образом: 10 человек (53%) еще не получили первое высшее образование, а 9 (47%) уже имеют высшее образование (см. рис. 4).

В контексте просматриваемого ролика RT получились следующие подгруппы: 9 испытуемых (47%) без высшего образования и 10 (53%) получивших высшее образование (рис. 5).

Рис. 5. Разделение испытуемых по наличию или отсутствию законченного высшего образования при просмотре ролика ВВС и RT

В показателях вариабельности ритма сердца значимы эффекты, связанные с фактором образования (студент, высшее) (ANOVA: $F = 5,9$; $p = 0,04$), фактором КОНТЕКСТ (ВВС, RT) (ANOVA: $F = 4,09$; $p = 0,02$) и фактором ЭТАП (до, стимул, после) (ANOVA: $F = 3,05$; $p = 0,02$). Любое сочетание этих факторов не дает значимых эффектов.

Мощность вегетативной регуляции у людей с высшим образованием выше, чем у студентов (рис. 6).

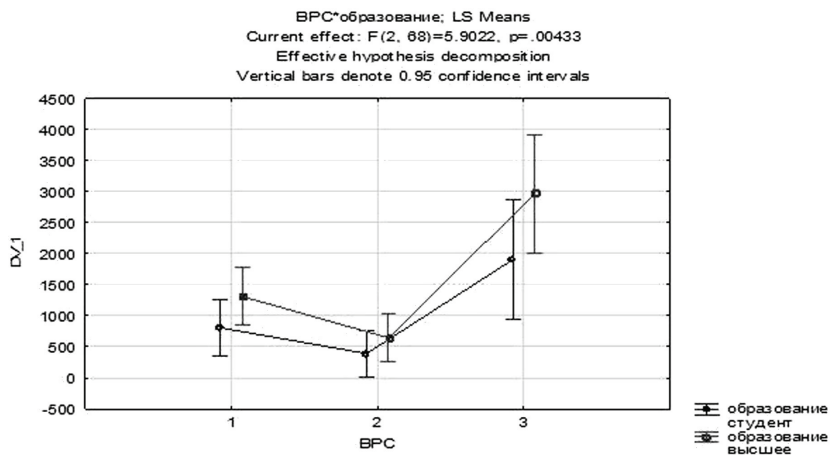

Рис. 6. Различие ВРС студентов и людей с высшим образованием до, во время и после информационного воздействия

Выявлены особенности вегетативной регуляции, связанные с этапом: только у людей с высшим образованием после просмотра ролика RT уменьшается показатели LF и ЧСС (рис. 7 и 8).

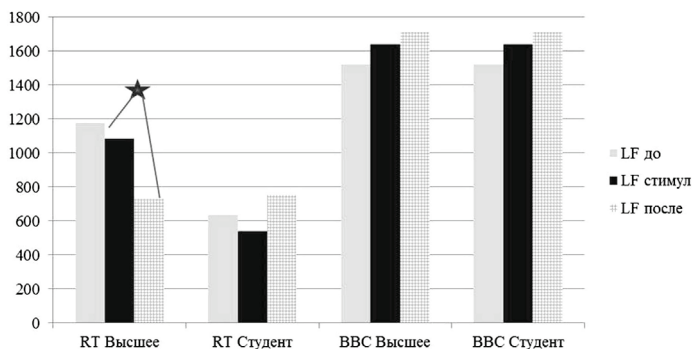

Рис. 7. Различие показателей LF студентов и людей с высшим образованием до, во время и после просмотра ролика RT и ВВС. Здесь и на рис. 8 звездочкой отмечены достоверные различия по критерию Вилкоксона ($p < 0,05$)

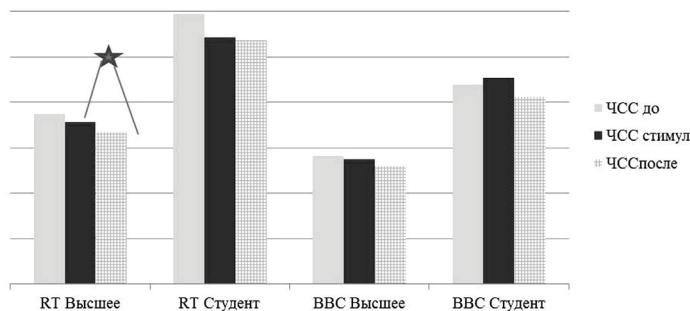

Рис. 8. Различие показателей ЧСС студентов и людей с высшим образованием до, во время и после просмотра ролика RT и ВВС

Таким образом, уменьшающаяся активность симпатической нервной системы и, соответственно, снижение частоты сердечных сокращений свиде-

тельствует, что ролик RT оказывает на людей с высшим образованием успокаивающее действие. Подобный характер воздействия может быть объяснен тем, что в ролике RT, вероятнее всего, активнее использованы символы российского государства, являющиеся параллельно и детерминантами гражданской, макрополитической и общенациональной идентичности. В условиях применения указанным СМИ государственноцентричного подхода, использование подобных маркеров не должно вызывать серьезного возмущающего воздействия на активность симпатической нервной системы индивида, т.е. подобные ролики должны находить положительный, успокаивающий отклик у индивидов с проявлениями признаков гражданской идентичности. Учитывая, что, согласно опросам общественного мнения, чем старше респондент, тем скорее он придерживается этатистско-державных ценностей [18. С. 142] (а участники эксперимента с высшим образованием теоретически старше участников эксперимента – студентов), неудивительно, что именно у людей с высшим образованием ролик RT вызвал успокаивающее действие на активность симпатической нервной системы и снижение ЧСС.

Перед просмотром роликов, благодаря результатам первичного анкетирования среди испытуемых, можно выделить людей с большей склонностью к консерватизму и людей с большей склонностью к либерализму. После информационного воздействия инверсия когнитивной установки произошла только в 16% случаев. Большинство сменивших установки являются студентами (67%), и можно предположить, что высшее образование способствует большей устойчивости когнитивных установок (рис. 9).

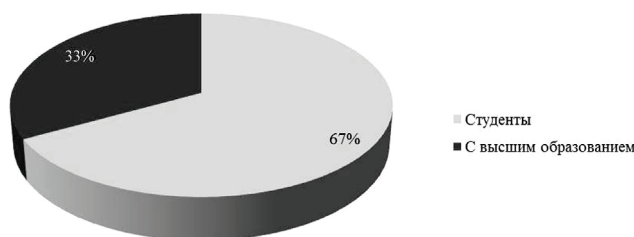

Рис. 9. Разделение испытуемых с инверсией когнитивных установок по признаку наличия или отсутствия высшего образования

Указанное выше предположение следует подкрепить еще одним аргументом. Теоретически участники эксперимента, уже получившие высшее образование, старше тех, кто является студентом. В этой связи уместно и предположение о том, что возраст участника эксперимента сыграл определенную роль в изменении когнитивной установки. Чем старше индивид, тем, вероятнее всего, более устоявшимся набором политических ценностей, норм и поведенческих паттернов он обладает, и наоборот. На степень (не)устойчивости ценностно-нормативного набора в сознании индивида оказывает влияние и наличие/отсутствие высшего образования. Наличие высшего образования зачастую делает ценностно-нормативный набор индивида более стабильным. Более того, людям более молодого возраста свойственно более активное использование современных информационно-коммуникационных технологий и, как следствие, более интенсивное погружение в информационное поле сетевых взаимодействий. Это, в свою очередь, способствует, на наш взгляд, большему проявлению так называемой сетевой идентичности. Как уже отме-

чалось, для содержательно-смыслового наполнения сетевой идентичности характерны идейно-содержательная многоаспектность и ситуативность и, как результат, изменчивость и неустойчивость (подверженность колебаниям в условиях внешнего (по отношению к сознанию индивида) информационного влияния) набора ценностно-нормативных элементов сознания, что и способно найти свое проявление в случае смены когнитивных установок [5, 12] под влиянием различных информационных импульсов. Впрочем, сформулированный вывод требует дальнейшей верификации, в частности, с тестированием ситуации возможного изменения когнитивных установок до и после просмотра роликов других телеканалов с иными сюжетными линиями. Последовательная верификация выдвинутых предположений позволит сформулировать более устойчивый вывод о проявлении сетевой идентичности среди молодых участников эксперимента.

Еще одно наблюдение, сделанное после проведения эксперимента, заключается в том, что просмотр ролика RT спровоцировал инверсию только в направлении либерализма. В свою очередь, инверсия при просмотре ролика ВВС выражена не столь однозначно. Здесь необходимо обратить внимание на особенности, выявляемые учеными в последние годы при изучении политических ценностей современной российской молодежи. Еще в конце 2000-х гг. ученые фиксировали наличие определенной динамики изменения ценностных ориентаций в российском обществе в целом: «...переход от ценностей коллективизма к системе индивидуалистических ценностей западного типа» [20. С. 51]. В одном из недавних исследований Е.Б. Шестопал отмечается, что с точки зрения ценностных параметров восприятия гражданами России политики «лидируют такие ценности, как „свобода“ и „права человека“... за ними следует „сильное государство“» [21. С. 208]. Вместе с тем относительно социально-политических ценностей современной российской молодежи В.В. Титов и Н.А. Самохвалов обращают внимание на то, что «для современной молодежи в ядро базовых ценностей входят: семья, общение, образование, достаточно высокий социальный статус, патриотизм» [22. С. 53]. Они фиксируют значительный рост важности семьи «как основной личностной и социальной ценности», а также возрастание значимости ценности «свобода» [22. С. 53]. Аналогичная тенденция зафиксирована и в более раннем исследовании, проведенном Г.Б. Кошарной и Л.В. Рожковой, где также подчеркивается, что в ядро базовых ценностей российской студенческой молодежи входят семья, жизнь человека, общение [23. С. 295].

Д.А. Ежов обращает внимание на «приоритетное значение патриотизма и общегосударственных ценностей в структуре политических ценностей российской молодежи», подчеркивая также, что российская молодежь «тяготеет к разделению общепринятых базовых политических ценностей российского социума» [24. С. 373–374]. Как отмечается в фундаментальной работе Института социологии РАН «Российское общество и вызовы времени», доля «этантистов-державников» среди возрастной группы от 18 до 30 лет составляет 48%, а «либералов» – 11% (при этом велика доля тех, кто не имеет четко сформированной позиции и разделяет взгляды смешанного типа) [18. С. 142].

Приведенный обзор работ, в которых исследуются политические ценности современной российской молодежи, в определенной степени подтверждают вывод о многоаспектности политико-ценностного наполнения созна-

ния людей, что во многом согласуется с идеей о проявлении сетевой идентичности среди молодежи. Вместе с тем многообразие идейно-содержательного уровня сетевой идентичности проявляется в гетерархии ее ценностного содержания, отсутствии готовности придерживаться при непрерывно воспроизводимых практиках общественного и политического поведения одной генеральной ценности. Поэтому, вероятно, при просмотре роликов, где преобладает выражение приверженности государственноцентризму и консервативным ценностям, у индивида с сетевым типом идентичности вырабатывается встречная интенция на децентрализацию ценностно-нормативного содержания основного смысла новостного сюжета и актуализируются не консервативные, а нередко – рассматриваемые в качестве оппозиции им – либеральные ценности, и наоборот. В результате политико-ценностный набор индивида может приобретать более гибкий характер, зависящий от ситуации и информационной повестки дня, а также от смыслового содержания импульсов конкретных случаев информационного воздействия. Этим, вероятно, можно объяснить инверсию когнитивных установок молодежи в сторону либерализма после просмотра ролика RT.

Впрочем, следуя обозначенной логике, после просмотра ролика ВВС у молодых участников эксперимента должна была произойти инверсия когнитивных установок в сторону государственноцентризма и консерватизма, что однозначно не установлено результатами эксперимента. Предположительно, это может быть объяснено как некоторым преобладанием (хотя, вероятно, незначительным) в сетевом сознании участников эксперимента именно либеральных установок, так и, возможно, недостаточным содержанием в ролике ВВС каких-либо идейно-смысловых маркеров, оказывающих соответствующее влияние на когнитивные установки индивида. Однако более четкий ответ на этот вопрос позволит установить повторное проведение описываемого в работе эксперимента.

Заключение

Подводя итог, отметим, что в рамках исследования была проведена оценка влияния современных СМИ на когнитивные установки индивида на примере двух ведущих телеканалов – RT и ВВС. Кроме того, был разработан план эксперимента для психофизиологической регистрации деформации когнитивных установок в условиях внешнего информационного воздействия, а также способ количественной оценки когнитивных установок по уровню склонности к консерватизму и либерализму в виде анкеты.

На основе группового анализа деформации когнитивных установок выявлены следующие особенности:

Во-первых, после просмотра новостных роликов RT уровень консерватизма снижается, после просмотра новостных роликов ВВС – повышается. Есть целый ряд факторов, влияющих на результаты данного эксперимента. В частности, необходимо учитывать специфику выборки индивидов, принявших участие в данном исследовании. Большая часть испытуемых относятся к «молодежи», для которой характерно специфическое восприятие информации извне, а именно повышенное недоверие и скептицизм к предлагаемой информации. Вместе с тем RT, согласно оценкам большинства экспертов, выражает относительно консервативную, прогосударственную позицию, которая молодой

частью населения может быть оценена критично. Одновременно ВВС является относительно либеральным СМИ, выражающим западную позицию, часто критикующую консервативные ценности в России. Яркое же выражение подобной позиции (консервативной или либеральной) может привести к ее отторжению и к представленному изменению характеристик.

Во-вторых, между уровнем эмоциональной дезадаптации и деформацией когнитивных установок выявлена следующая связь: после просмотра роликов и RT, и ВВС уровень эмоциональной дезадаптации повышается. Рост уровня эмоциональной дезадаптации может быть связан с активным и целенаправленным информационным воздействием, осуществляемым данными телеканалами.

В-третьих, при делении испытуемых по социальному статусу на людей с высшим образованием и студентов, можно предположить, что высшее образование способствует большей устойчивости когнитивных установок, так как после информационного воздействия инверсия когнитивной установки произошла только в 16% случаев и большинство сменивших установки являются студентами (67%). При этом просмотр ролика RT спровоцировал инверсию только в направлении либерализма. Инверсия при просмотре ролика ВВС выражена не столь однозначно. Только у людей с высшим образованием после просмотра ролика RT уменьшается показатели мощности спектра в области LF и ЧСС. Таким образом, уменьшающаяся активность симпатической нервной системы и, соответственно, снижение частоты сердечных сокращений свидетельствует, что ролик RT оказывает на людей с высшим образованием успокаивающее действие.

Список источников

1. *Медиапотребление* и активность в интернете // Официальный сайт Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ). 23.09.2021. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/mediapotrebienie-i-aktivnost-v-internete> (дата обращения: 11.12.2021).
2. *Szafranski R.* Theory of Information Warfare: Preparing For 2020 // Official Site of "Airpower Journal". URL: http://www.airpower.au.af.mil/airchronicles/apj/apj95/spr95_files/szfran.html (accessed: 16.12.2021).
3. *Почепцов Г.Г.* Психологические войны. М.: Рефл-бук, К., Ваклер, 2000. 528 с.
4. *Александров А.А.* Современная психотерапия. СПб.: Академический проект, 1997. 335 с.
5. *Schank R.C.* Conceptual information processing. Amsterdam etc., 1975. 374 p.
6. *Petukhov A.Y., Polevaya S.A., Gorbov E.A.* Modelling the Influence of RT and BBC on Cognitive Attitudes and Psychophysiological Indicators of Individuals // *Opera Medica et Physiologica*. 2021. Vol. 8, № 3. P. 34–41. DOI: 10.24412/2500-2295-2021-3-34-41
7. *Еремин Е.В., Кожевников В.В., Полевая С.А., Бахчина А.В.* Вебсервис для визуализации и хранения результатов измерения сердечного ритма. Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2014621202 от 26.08.2014.
8. *McCraty R., Shaffer F.* Heart Rate Variability: New Perspectives on Physiological Mechanisms, Assessment of Self-regulatory Capacity, and Health risk // *Glob Adv Health Med*. 2015. № 4 (1). P. 46–61. DOI: 10.7453/gahmj.2014.073
9. *Григорьева В.Н., Тхостов А.Ш.* Способ оценки эмоционального состояния человека // Патент Российской Федерации RU 2291720 С1. Опубликовано 20.01.2007 в Б.И. № 2.
10. *Кассихина В.Е.* К проблеме правового воспитания в молодежной среде // *Государство и право* в XXI веке. 2016. № 2. С. 23–28.
11. *Соломатин А.Н.* Коммуникативные стратегии телеканала RT (Russia today) // *Вестник электронных и печатных СМИ*. 2014. № 2. С.60–76.
12. *Babayeva S.* Free from Morality, Or What Russia Believes In Today // *Russia in Global Affairs*. 2007. Vol. 5, № 3. P. 34–45.

13. Субботкин В.Д. Глобальные СМИ и их влияние на мировую политику (по материалам CNN и BBC) // Труды института бизнес-коммуникаций / под общ. ред. М.Э. Вильчинской-Бутенко. СПб., 2017. С. 49–54.
14. Чалдини Р. Психология влияния. СПб. : Питер, 2001. 288 с.
15. Каминченко Д.И. Детерминанты измерения сетевой идентичности // Возможности и угрозы цифрового общества : материалы Всерос. науч.-практ. конф. / под ред. А.В. Соколова, А.А. Фролова. 2020. С. 100–104.
16. Каминченко Д.И., Селиверстова Ю.А. Отражение сетевой идентичности молодежи в коммуникативном пространстве социальных медиа // PolitBook. 2020. № 3. С. 6–27.
17. Евстифеева Е.А., Цуркан Д.А. Философско-антропологический анализ клипового сознания молодежи // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. 2020. № 3 (37). С. 129–133.
18. Горшков М.К. Российское общество и вызовы времени. Книга первая. Институт социологии РАН. М. : Издательство «Весь Мир», 2015. 336 с.
19. Petukhov A.Y., Polevaya S.A., Yakhno V.G. The theory of information images: Modeling based on diffusion equations // International Journal of Biomathematics. 2016. Vol. 09, № 06. doi: 10.1142/S179352451650087X
20. Политическая социализация российских граждан в период трансформации / под. ред. Е.Б. Шестопал. М. : Некоммерческое партнерство «Новый хронограф», 2008. 552 с.
21. Шестопал Е.Б. Сдвиги в массовом политическом сознании России перед президентскими выборами 2018 // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 41. С. 203–220.
22. Тутов В.В., Самохвалов Н.А. Анализ социально-политических ценностей молодежи на современном этапе развития российского общества // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2019. Т. 8, № 1 (26). С. 51–54.
23. Кошарная Г.Б., Рожкова Л.В. Трансформация базовых ценностей современной студенческой молодежи // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В.И. Вернадского. 2012. № 3 (41). С. 290–296.
24. Ежов Д.А. Государственный патриотизм в системе политических ценностей российской молодежи // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2018. Т. 7, № 4 (25). С. 372–374.

References

1. VTsIOM. (2021) *Mediapotreblenie i aktivnost' v internete* [Media consumption and activity on the Internet]. 23rd September. [Online] Available from: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskiy-obzor/mediapotreblenie-i-aktivnost-v-internete> (Accessed: 11th December 2021).
2. Szafranski, R. (2020) *Theory of Information Warfare: Preparing For 2020*. [Online] Available from: http://www.airpower.au.af.mil/airchronicles/apj/apj95/spr95_files/szfran.html (Accessed: 16th December 2021).
3. Pocheptsov, G.G. (2000) *Psikhologicheskie voyny* [Psychological wars]. Moscow: Refl-buk, K. Vakler.
4. Aleksandrov, A.A. (1997) *Sovremennaya psikhoterapiya* [Modern Psychotherapy]. St. Petersburg: Akademicheskii projekt.
5. Schank, R.C. (1975) *Conceptual information processing*. Amsterdam: [s.n.].
6. Petukhov, A.Y., Polevaya, S.A. & Gorbov, E.A. (2021) Modelling the Influence of RT and BBC on Cognitive Attitudes and Psychophysiological Indicators of Individuals. *Opera Medica et Physiologica*. 8(3). pp. 34–41. DOI: 10.24412/2500-2295-2021-3-34-41
7. Eremin, E.V., Kozhevnikov, V.V., Polevaya, S.A. & Bakhchina, A.V. (2014) *Vebservis dlya vizualizatsii i khraneniya rezul'tatov izmereniya serdechnogo ritma. Svidetel'stvo o gosudarstvennoy registratsii bazy dannykh N 2014621202 ot 26.08.2014* [Web service for visualization and storage of heart rate measurement results. Certificate N 2014621202 of state registration of the database dated August 26, 2014].
8. McCraty, R. & Shaffer, F. (2015) Heart Rate Variability: New Perspectives on Physiological Mechanisms, Assessment of Self-regulatory Capacity, and Health risk. *Glob Adv Health Med*. 4(1). pp. 46–61. DOI: 10.7453/gahmj.2014.073
9. Grigorieva, V.N. & Tkhostov, A.Sh. (2007) *Sposob otsenki emotsional'nogo sostoyaniya cheloveka* [Method for assessing the emotional state of a person]. Patent of the Russian Federation RU 2291720 C1. Published on January 20, 2007 in B.I. No. 2..

10. Kassikhina, V.E. (2016) K probleme pravovogo vospitaniya v molodezhnoy srede [On the problem of legal education in the youth environment]. *Gosudarstvo i pravo v XXI veke*. 2. pp. 23–28.
11. Solomatin, A.N. (2014) Kommunikativnye strategii telekanala RT (Russia today) [Communication strategies of the RT channel (Russia today)]. *Vestnik elektronnykh i pechatnykh SMI*. 2. pp. 60–76.
12. Babayeva, S. (2007) Free from Morality, Or What Russia Believes In Today. *Russia in Global Affairs*. 5(3). pp. 34–45.
13. Subbotkin, V.D. (2017) Global'nye SMI i ikh vliyanie na mirovuyu politiku (po materialam CNN i BBC) [Global media and their impact on world politics (based on CNN and BBC)]. In: Vilchinskaya-Butenko, M.E. (ed.) *Trudy instituta biznes-kommunikatsiy* [Proceedings of the Institute of Business Communications]. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 49–54.
14. Chaldini, R. (2001) *Psikhologiya vliyaniya* [Psychology of Influence]. St. Petersburg: Piter.
15. Kaminchenko, D.I. (2020) Determinanty izmereniya setevoy identichnosti [Determinants of measurement of network identity]. In: Sokolov, A.V. & Frolov, A.A. (eds) *Vozможности i ugrozy tsifrovogo obshchestva* [Opportunities and threats of the digital society]. Ekaterinburg: UrFU. pp. 100–104.
16. Kaminchenko, D.I. & Seliverstova, Yu.A. (2020) Otrazhenie setevoy identichnosti molodezhi v kommunikativnom prostranstve sotsial'nykh media [Reflection of the online identity of youth in the communicative space of social media]. *PolitBook*. 3. pp. 6–27.
17. Evstifeeva, E.A. & Tsurkan, D.A. (2020) Filosofsko-antropologicheskii analiz klipovogo soznaniya molodezhi [A philosophical and anthropological analysis of the clip consciousness of youth]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya*. 3(37). pp. 129–133.
18. Gorshkov, M.K. (2015) *Rossiyskoe obshchestvo i vyzovy vremeni* [Russian society and challenges of the time]. Vol. 1. Moscow: Ves' Mir.
19. Petukhov, A.Y., Polevaya, S.A. & Yakhno, V.G. (2016) The theory of information images: Modeling based on diffusion equations. *International Journal of Biomathematics*. 9(6). DOI: 10.1142/S179352451650087X
20. Shestopal, E.B. (2008) *Politicheskaya sotsializatsiya rossiyskikh grazhdan v period transformatsii* [Political socialization of Russian citizens in the period of transformation]. Moscow: Novyy khronograf.
21. Shestopal, E.B. (2018) Psychological swings in mass political mentality of russian citizens before presidential elections of 2018. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 41. pp. 203–220. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/41/22
22. Titov, V.V. & Samokhvalov, N.A. (2019) Analiz sotsial'no-politicheskikh tsennostey molodezhi na sovremennoy etape razvitiya rossiyskogo obshchestva [The analysis of socio-political values of youth at the present stage of development of Russian society]. *Azimet nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravlenie*. 8(1-26). pp. 51–54.
23. Kosharnaya, G.B. & Rozhkova, L.V. (2012) Transformatsiya bazovykh tsennostey sovremennoy studentcheskoy molodezhi [Transformation of the basic values of modern student youth]. *Voprosy sovremennoy nauki i praktiki. Universitet im. V.I. Vernadskogo*. 3(41). pp. 290–296.
24. Ezhov, D.A. (2018) Gosudarstvennyy patriotizm v sisteme politicheskikh tsennostey rossiyskoy molodezhi [State Patriotism in the System of Political Values of the Russian Youth]. *Azimet nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravlenie*. 7-4(25). pp. 372–374.

Сведения об авторе:

Петухов А.Ю. – кандидат политических наук, доцент, заведующий лабораторией математических методов политического анализа и прогнозирования МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия); научный сотрудник Института прикладной математики имени М.В. Келдыша РАН (Москва, Россия). E-mail: Lectorg@yandex.ru

Полевая С.А. – доктор биологических наук, доцент, заведующая кафедрой психофизиологии Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия). E-mail: sofia.polevaia@fsn.unn.ru

Каминченко Д.И. – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Института международных отношений и мировой истории ННГУ имени Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия). E-mail: dmitkam@inbox.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Petukhov A.Yu. – Cand. Sci. (Politics), docent, head of the Laboratory of Mathematical Methods of Political Analysis and Forecasting, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia); research fellow, Keldysh Institute of Applied Mathematics of Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: Lectorr@yandex.ru

Polevaia S.A. – Dr. Sci. (Biology), docent, head of the Department of Psychophysiology, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (UNN) (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: sofia.polevaia@fsn.unn.ru

Kaminchenko D.I. – Cand. Sci. (Politics), associate professor, Department of Political Science, Institute of International Relations and World History, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (UNN) (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: dmitkam@inbox.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 30.06.2022;
одобрена после рецензирования 10.02.2023; принята к публикации 20.04.2023
The article was submitted 30.06.2022;
approved after reviewing 10.02.2023; accepted for publication 20.04.2023*

Научный журнал

**ВЕСТНИК ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

**ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ.
ПОЛИТОЛОГИЯ**

**TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOSOPHY,
SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE**

2023. № 72

Редакторы *Н.А. Афанасьева, Ю.П. Готфрид*

Оригинал-макет *О.А. Турчинович*

Дизайн обложки *Яна Якобсона* (проект «Пресс-интеграл»,
факультет журналистики ТГУ)

Учредитель Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Национальный исследовательский
Томский государственный университет»

Подписано в печать 22.05.2023 г. Дата выхода в свет 08.06.2023 г.

Формат 70x100¹/₁₆. Печ. л. 17; усл. печ. л. 22,1; уч.-изд. 23,3.

Тираж 50 экз. Заказ № 5450. Цена свободная.

Адрес издателя и редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Томский государственный университет

Издание отпечатано на оборудовании Издательства
Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 53-15-28; 52-98-49
<http://publish.tsu.ru>; e-mail: rio.tsu@mail.ru